

Лучи

ЖАКОЛИЦО

Annotation

Дерзкие и отважные пираты Зондского архипелага, парализуя торговое судоходство на одном из самых оживленных перекрестков мировых торговых путей, вынудили правительства Англии и Франции ввести в этот район объединенную эскадру боевых кораблей. Преследование морских разбойников приводит на затерянные острова Океании, а также в международные банки и во дворцы китайских вельмож.

- [Луи Жаколио](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Король Смерти](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)
 - [XVI](#)
 - [XVII](#)
 - [XVIII](#)
 - [XIX](#)
 - [XX](#)
 - [XXI](#)
 - [XXII](#)
 - [XXIII](#)
 - [XXIV](#)
 - [XXV](#)
 - [XXVI](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Тигры Зондского пролива](#)

- [I](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [IV](#)
- [V](#)
- [VI](#)
- [VII](#)
- [VIII](#)
- [IX](#)
- [X](#)
- [XI](#)
- [XII](#)
- [XIII](#)
- [XIV](#)
- [XV](#)
- [XVI](#)
- [XVII](#)
- [XVIII](#)
- [XIX](#)
- [XX](#)
- [XXI](#)
- [XXII](#)
- [XXIII](#)
- [XXIV](#)
- [XXV](#)
- [XXVI](#)
- [XXVII](#)
- [XXVIII](#)
- [XXIX](#)

○ [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Наследник Кванга](#)

- [I](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [IV](#)
- [V](#)
- [VI](#)
- [VII](#)
- [VIII](#)
- [IX](#)

- [X](#)
- [XI](#)
- [XII](#)
- [XIII](#)
- [XIV](#)
- [XV](#)
- [XVI](#)
- [XVII](#)
- [XVIII](#)
- [XIX](#)
- [XX](#)
- [XXI](#)
- [XXII](#)
- [XXIII](#)
- [XXIV](#)
- [XXV](#)
- [XXVI](#)
- [XXVII](#)
- [XXVIII](#)
- [XXIX](#)
- [XXX](#)
- [XXXI](#)
- [XXXII](#)
- [XXXIII](#)

- [ЭПИЛОГ. Возмездие](#)

- [I](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [IV](#)
- [V](#)
- [VI](#)
- [VII](#)
- [VIII](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Луи Жаколио
Затерянные в океане

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Король Смерти

Крейсирование «Бдительного». — Таинственные китайцы. — Кто были Фо, Куанг, Лу и Чанг. — Толки в Нумеа. — Тревожная ночь. — На вечере у генерального прокурора. — Пари. — Чего удалось добиться прокурору своими расспросами.

Солнце садилось на далеком горизонте среди испарений Тихого океана. По небу со всех сторон двигались густые черные тучи, гонимые ветром, готовым превратиться в бурю. Глубокая ночь, мрачная, как все вообще безлунные ночи, постепенно окутывала своим темным покрывалом необозримую водную равнину, окружающую берега Новой Каледонии. Несмотря на это, «Бдительный», броненосный фрегат первого ранга, снялся с рейда с зажженными наблюдательными электрическими огнями, которые искрились, как звезды, на помраченной лазури неба. На носу фрегата сторожевой матрос громко выкрикивал через равномерные промежутки времени свое обычное «Смотри... зорко!» Эти возгласы доходили, как отдаленное эхо, до берегов острова Ну, на котором устроено пенитенциарное учреждение для ссыльных.

Хотя море еще только начинало волноваться, но фрегат на случай урагана был под всеми парами, готовый на борьбу с непогодой в открытом море.

Широкий луч электрического света освещал все извилины берегов острова — все бухты, заливы и прибрежные рощи кокосовых пальм, как бы ища чего-то, как бы намереваясь внезапно открыть готовящееся бегство ссыльных.

Ровно год тому назад на остров были привезены четверо китайцев, которые сразу обратили на себя общее внимание своим странным, загадочным поведением. За это время вокруг них успела сложиться целая серия легенд, из которых, как это почти всегда случается, ни одна не соответствовала истине.

Надобно сознаться, что случай действительно был один из самых необыкновенных. Никто в Новой Каледонии: ни директор пенитенциарного заведения, ни бюро администрации, ни даже сам губернатор — не знали истинных причин ссылки на их остров этих таинственных заключенных. В один прекрасный день их привезли сюда вместе с обыкновенными ссыльными, но чиновник, принимавший их, не нашел, к своему удивлению, в кондуктном списке никаких сведений ни о причинах их ссылки, ни о ее

продолжительности. Только имена их были занесены в список: Фо, Кианг, Лу и Чанг, а затем следовало несколько примечаний:

Эти заключенные должны быть предметом самого строгого наблюдения, дабы они не могли убежать.

Если они захотят сделать какие-либо признания, то должны быть отведены к исправляющему должность генерального прокурора в Нумеа, который и возьмет у них показания согласно полученным им на этот случай секретным инструкциям.

Заключенные всецело должны находиться в распоряжении вышеупомянутого чиновника, с указаниями коего должно сообразовываться и который даже имеет право, под свою личную ответственность, выпустить их на свободу.

По высшему усмотрению, им предоставлено право носить их национальный костюм, равно как и их головной убор, и иметь при себе все вообще, что окажется у них в день их прибытия на место назначения.

Наконец, должно тщательно и строго наблюдать, чтобы заключенные не могли сноситься друг с другом.

Эти замечания, исходящие от двух министерств — юстиции и морского, так противоречили всем традициям и обычаям, утвердившимся в храме новокаледонской бюрократии, что все рыцари пера в канцелярии пенитенциарного заведения в один голос заявили, что никогда еще не было видано подобного афронта, полученного из бюро. В течение восьми дней между судебной палатой, административным бюро и канцелярией губернатора происходил непрерывный обмен сообщениями, замечаниями, представлениями, ничего, однако, не разъяснявшими и годными лишь на то, чтобы наполнить бумагами не одну дюжину зеленых картонных папок для дел. Короче, этот конфликт угрожал принять эпические размеры, как вдруг следующий же почтовый пакетбот сразу положил конец препирательствам: он привез предписание свыше, согласно которому губернатор должен был предоставить четырех китайцев в полное распоряжение генерального прокурора.

Следовало подчиниться, но любопытство всей чиновничьей части колонии было возбуждено до последней степени, и воображение каждого создавало самые немыслимые рассказы и самые невозможные истории, которые не замедлили наводнить собой весь остров.

Начальник судебной палаты, он же и генеральный прокурор, получил объемистый пакет секретных бумаг, дававших ему подробнейшие инструкции по этому делу; но он был непроницаем, и всякий раз, когда к нему приступали с расспросами, отвечал, что он обязан хранить молчание

об этом исключительном деле. Даже сам губернатор не был удачливее в своих попытках узнать суть дела о четырех китайцах, из-за чего между этими двумя высшими лицами колонии в скором времени возникли холодные отношения, так что они даже перестали видаться друг с другом, за исключением официальных случаев.

Тем временем разные предположения о китайцах продолжали расти и расти, и скоро дело дошло до того, что как между чиновниками, так и между колонистами только и было разговоров, что о четырех таинственных ссыльных. О них толковали теперь везде: и в цирке, и на прогулках, и даже за зелеными столами. Одни видели в заключенных лиц, посягнувших на безопасность государства: другие, доказывая неосновательность такого предположения (так как заключенные были не французы, а китайцы), утверждали, что они совершили какое-нибудь отвратительное преступление, которого, в интересах нравственности, нельзя было разоблачать; третьи считали, что если бы заключенные действительно совершили какое-нибудь важное государственное преступление, то замечания, сделанные в их кондуитных списках, не представляли бы такой странной смеси строгости и снисхождения: если, с одной стороны, рекомендовалась строгая бдительность для предотвращения возможного бегства и предписывалось не допускать сношений между заключенными, то, с другой стороны, их не одели в арестантские костюмы, не заковали в цепи и не назначили ни на какие тяжелые принудительные работы. Напротив, им позволили носить их национальные костюмы, оставили им все вещи, какие были при них, и — верный признак того, что они были не обыкновенными преступниками, — одному из них, по имени Фо, дали даже право носить огромное золотое кольцо с брильянтом, стоившее не менее шести тысяч пиастров, или тридцати тысяч франков! Тридцать тысяч на одном из пальцев ссыльного — это уже сама по себе была редкая вещь, но дозволение оставить при себе такую ценность случалось еще реже и решительно исключало всякую мысль о каком-нибудь тяжком преступлении.

Правдоподобнее всего было предположить, что эти четыре китайца оказались замешанными в дворцовом перевороте, происшедшем недавно в Хуэ, столице Аннама¹. и направленном более против французского резидента, чем против короля, хотя последний и должен был бежать со своим премьером Тюйе. Сторонники этого мнения прибавили еще, что китайцы были размещены в четырех домиках на острове Ну, где они пользовались относительной свободой, и что каждому из них дали, в роли сотоварища, по одному ссыльному из военных, но из таких, которые

преступлением не запятнали своей честью.

Наконец, самое главное доказательство того, что они были не обыкновенными преступниками: в случае преступления разве предоставили бы генеральному прокурору право выпустить их даже на свободу? Конечно, это право дано было ему в силу исключительных условий, неизвестных даже официальному миру, — здесь-то и был настоящий, так сказать, узел вопроса, — но все же никогда осужденные за обыкновенные преступления не пользовались бы подобными льготами.

Одно обстоятельство еще более возбуждало интерес к таинственному делу: правда ли это была или неправда, но только утверждали, будто генеральный прокурор сообщил губернатору, что за китайцами следует смотреть как можно зорче, так как они по прибытии своем на место ссылки прямо заявили ему, что не пройдет и года, как они уйдут с острова. Между тем поведение китайцев не давало никакого повода думать о них таким образом; их нельзя было обвинить ни в чем, что бы нарушало предписанные им правила, и никто не замечал за ними ни малейших попыток обмануть бдительность надзора, которому они были подчинены.

Год заключения таинственных ссыльных истекал как раз в тот самый вечер, когда фрегат «Бдительный» зондировал своими электрическими огнями берега острова Ну. Жители, любопытство которых было возбуждено до последней степени, спрашивали себя, каким образом китайцы, если они дали подобное обещание, приведут его в исполнение. Вся Нумеа не спала в эту ночь, и всякий прислушивался, не услышит ли он наконец выстрела из пушки, возвещающего о бегстве заключенных.

Администрация держалась настороже уже в продолжение пятнадцати дней: фрегат постоянно делал обход вокруг острова Ну и каждую ночь освещал своими огнями все побережье — стены пенитенциарного заведения, домики заключенных и бесчисленные бухты и заливчики, изрезывавшие берега острова. Мало того, постоянные часовые были расставлены по всем пунктам, где возможно было пристать какому-нибудь подозрительному судну с целью забрать с собой китайцев, и возгласы матроса на фрегате «Смотри... зорко!» перемежались с беспрестанными «Слушай!» часовых солдат. Словом, бегство при подобных обстоятельствах было абсолютно невозможно. И однако же многочисленные пари за и против бегства заключались в Нумеа, где часто незначительное само по себе событие приобретало необыкновенную важность. В этой однообразной и потому скучной жизни колонии, где письма и газеты получаются спустя три месяца после их даты, понятен был тот живейший интерес, с каким жители относились к подобному делу и нетерпеливо

ожидали его развязки.

В этот достопамятный вечер у генерального прокурора был открытый прием: это значило, что все лица в колонии, которые имели доступ в его дом, могли без особого приглашения прийти к нему побеседовать о чем угодно или поиграть в карты. Дамы и молодые люди постепенно наполняли в такие вечера большую залу, где вечер всегда заканчивался несколькими турами вальса или польки. Прекрасные, в сущности, вечеринки, которые только и могут устраиваться в колониях, где каждый, без всякого принуждения и ничего не стесняясь, может всегда найти себе удовольствие по своему вкусу!

Но в этот вечер никто не садился ни за карточные столики, ни за пианино, потому что всех занимали толки о таинственном деле, интересовавшем решительно весь город.

Хозяин дома, окруженный дамами, с большим трудом отделялся от их нескромных вопросов, хотя делал это с присущей ему изысканной вежливостью; он на все отвечал изящной болтовней, которая так свойственна людям политики и дипломатам, когда окружающее их дамское общество энергичнее, чем следовало бы, пытается добыть сведения о разных служебных вопросах.

Другая очень оживленная группа окружала командира фрегата «Бдительный», капитана Маэ де Ла Шенэ, который на этот вечер оставил судно под командой своего обычного заместителя, лейтенанта Пенарвана. Старый морской волк говорил всем и каждому, кто только хотел его слушать, что он готов побиться об заклад на что угодно против возможности бегства таинственных китайцев.

— Изволите ли видеть, сударыни, — ораторствовал он, — пока «Бдительный» находится в водах острова Ну, сам дьявол, своей собственной персоной, не сумеет обмануть бдительности Пенарвана!..

Это была единственная игра слов, которую он сумел придумать за всю свою жизнь, и поэтому капитан всегда пускал ее в ход, лишь только представлялся случай. Особенно любил он хвалиться ею перед старшим врачом своего фрегата, самым отчаянным каламбуристом в целом флоте.

— Эй, Морисо! — замечал он не без язвительности. — Не вы ли изобрели эту штуку?

— Нет, капитан, не я, — отвечал обыкновенно неисправимый каламбурист и шутник, — но...

Тут следовала непереводаемая на русский язык игра слов, основанная на созвучии mais (но) и фамилии командира — Mahe (Маэ), произносимой, с некоторой натяжкой, почти как «mais». Этот каламбур всякий раз

восхищал бравого моряка, и он, потирая руки, восклицал:

— Слишком много остроумия для одного человека, доктор, слишком много! И потому вы не проживете долго, имейте это в виду!

Встретившись на вечере у генерального прокурора, они в сотый раз обменялись своими каламбурами, причем доктор, просто из духа противоречия, начал оспаривать мнение своего начальника о китайцах, хотя внутренне был убежден, что им никаким образом не обмануть зоркости знаменитого фрегата: недаром ведь старый командир его, как только приходилось поручать судно своему заместителю, всякий раз твердил ему:

— Побольше бдительности, Пенарван, побольше бдительности, черт возьми! Это ведь чего-нибудь да стоит — управлять «Бдительным», а?

В середине вечера, несмотря на наступившую непогоду, целая кавалькада молодых людей отправилась по дороге к пенитенциарному заведению. Но они очень скоро вернулись назад, убедившись, что море положительно не допускает в этот вечер ни высадки на берега острова, ни отплытия с него. Таким образом все, по-видимому, говорило в пользу противников возможности бежать китайцам, и они стали уже довольно громко смеяться над теми, кто держал пари за эту возможность. Эти последние возражали им, хотя уже не очень уверенным тоном, что нужно подождать завтрашнего полудня, так как именно в этот час истекал ровно год со времени прибытия китайцев в колонию.

Но что же, — спросят читатели, — было в сущности известно об этом замечательном деле в официальном мире Нумеа, и как вели себя китайцы после прибытия на остров?

Генеральный прокурор Прево-Лемер был человек образованный, с редкими познаниями. Он пять лет провел в Сайгоне и прекрасно воспользовался этим временем для изучения китайского языка, этого основного корня всех языков крайнего Востока. Благодаря усердным занятиям и своей природной способности к языкознанию он достиг того, что замечательно легко говорил по-китайски, и был убежден теперь, что именно благодаря этому обстоятельству ему, а никому другому поручили это темное дело, тем более что инструкции рекомендовали ему ни под каким видом не прибегать к услугам переводчика, а сноситься с заключенными китайцами исключительно самому.

Видный наружностью, он имел и видное родство. Он приходился шурином командиру фрегата, который был женат на его сестре, и племянником директору большого банкирского дома в Париже Прево-Лемер и Ко, исчислявшему свое состояние сотнями миллионов. Он вошел во вкус колониальной бюрократии и быстро сделал карьеру на этом

поприще.

Ознакомившись с конфиденциальными депешами, которые были присланы ему, прокурор немедленно по прибытии китайцев приказал ввести их к себе.

При первых словах, с которыми он обратился к ним на пекинском наречии, — ибо как из депеш, так и по типу их лиц он сразу признал в ссыльных обитателей столицы, — китайцы тотчас же с заметным волнением подняли головы: без сомнения, после долгих месяцев они в первый раз услышали родной язык в устах чужого человека; но в ту же минуту они поспешили скрыть свои чувства, и это было все, чего генеральному прокурору удалось от них добиться. При всех следующих свиданиях китайцы продолжали хранить упорное молчание. Что бы он им не говорил после этого, он не мог подметить ни малейшего признака того, что они понимают его, — и так было на каждом свидании генерального прокурора с заключенными. Сыны Небесной Империи входили к нему в кабинет, приветствуя его по восточному этикету, с неизменной наивной улыбкой и в глубоком молчании выслушивали обращенные к ним вопросы, потом с тем же восточным приветствием уходили назад.

Одно только обстоятельство, которое, может быть, ускользнуло бы от внимания другого на его месте, было замечено генеральным прокурором, отлично изучившим нравы Дальнего Востока: китайцы, всякий раз как он призывал их к себе, входили к нему, не снимая своих сандалий у дверей его кабинета; это по индо-азиатскому этикету значило, что они входят к младшему, а не к старшему саном. Прокурор делал вид, что не замечает этого, но, без сомнения, он имел причины щадить самолюбие восточных людей, надеясь таким путем скорее успеть в деликатном деле, которое ему было поручено. Может быть, он даже слишком деликатничал с этими людьми, которые преклонялись только перед грубой физической силой, и, может быть, строгость уместнее была бы в обращении с ними. Но, конечно, он имел определенные указания на этот счет в секретной инструкции и потому не мог выходить за пределы, точно ему обозначенные.

Каждое свое свидание с китайцами он заключал следующими словами, сказанными сначала по-китайски, а потом по-французски:

— Вы не хотите ни понимать меня, ни отвечать, но я вас предупреждаю, что вы напрасно ломаете комедию. Я знаю ваш язык не меньше своего и никогда не имел нужды в переводчике, путешествуя по окрестностям Пекина.

Мне известно, кроме того, из депеш, полученных касательно вас, что один из вас, а именно Фо, в совершенстве говорит по-французски, и вы

прибыли в Европу без всякого переводчика, что парижская полиция тотчас же заметила, когда вы ходили и разъезжали по Парижу без обычного в таких случаях чичероне.

Известно также, что у вас были сообщники или доверенные лица, которые, конечно, находились недалеко от вас в тот самый день, когда вас наконец арестовали, застав при выполнении проекта, с которым вы приехали во Францию.

Словом, вам хорошо известно, чего требуют от вас, и вы не вырветесь из заключения до тех пор, пока не дадите нам полных и обстоятельных показаний, хотя бы из-за этого вам пришлось просидеть тут всю вашу жизнь.

Во время всех свиданий эти люди аккуратно выслушивали одно и то же, постоянно отвечая на это своей неизменной наивной улыбкой.

Пренебрежительное поведение желтолицых. — Таинственная надпись. — «Товарищи» четырех китайцев. — Вечерние разговоры. — Отзывы «товарищей» о поведении их косоглазых подопечных.

Те, кто знали почти пуританскую строгость генерального прокурора, немало были бы удивлены, если бы им довелось присутствовать при его объяснениях с китайцами, где он бесполезно тратил сокровища терпения и светской мягкости, тогда как сыны Небесной Империи нисколько не стеснялись доводить это терпение до крайних пределов.

Они, как мы уже знаем, входили к нему в кабинет в сандалиях, что по китайским понятиям считается такой же невежливостью, как если бы у нас подчиненный вошел к своему начальнику в шляпе. Но этим не ограничивались знаки неуважения, которое они открыто выказывали по отношению к председателю судебной палаты всякий раз, как являлись к нему по его требованию. Кодекс китайской вежливости очень обширен и полон множества мелких замечаний и формул на всевозможные случаи жизни; он опутывает своими предписаниями все классы китайской иерархии, начиная от императора и кончая последним нищим-чернорабочим. Наши четверо заключенных, помимо своей манеры пренебрежительно держать себя в присутствии генерального прокурора, тщетно пытавшегося заставить их говорить, старались еще показать, что считают его не выше простого комиссионера на доках в Кантоне, — и прокурор не показывал даже вида, что замечает подобное отношение к себе.

Раз, впрочем, он не выдержал и решился выйти из границ своей обычной сдержанности: увидев случайно на кольце Фо какую-то надпись, сделанную старыми китайскими иероглифами, он захотел взять у китайца кольцо, чтобы прочесть эту надпись; но последний решительно воспротивился его намерению опасаясь ли за свою драгоценность или не желая удовлетворить его любопытство. Тогда генеральный прокурор, кликнув конвойных солдат, приказал им схватить китайца и снять с него кольцо. Затем он принялся с трудом разбирать надпись, заключающуюся всего в одном слове, смысл которого, однако, был ему совершенно непонятен: это слово было «Кванг».

Услышав это слово из уст генерального прокурора, который произнес его громко, китайцы вздрогнули и обменялись между собой странными,

загадочными взглядами, но в ту же секунду их лица опять приобрели флегматичное и равнодушное выражение. Во всяком случае настойчивость генерального прокурора, которой на этот раз они должны были уступить, произвела на четырех заключенных глубокое впечатление, так что после этого свидания они ушли без своих обычных улыбок и оскорбительных поклонов.

А генеральный прокурор между тем думал: «Эти люди, несмотря на восточный фатализм, внушающий им равнодушие к жизни, вероятно, уступили бы пыткам и другим средствам, еще до сих пор употребляемым в их отечестве. С предписаниями же, данными мне, от них ничего не добьешься. Впрочем, я думаю, что и там, откуда идут эти предписания, не отказались бы от более энергичных мер, если бы только убедились, что обыкновенные средства ни к чему не ведут. К сожалению, я не могу поступать так, как мне кажется в данное время нужным, — я не должен выходить за рамки данной мне инструкции».

Затем, после нескольких минут размышления, он прибавил:

«Ба! Если бы я получил желаемый результат, то, ввиду важности его, кто бы стал там справляться о средствах, с помощью которых я его добился? Важно ведь одно — иметь успех в этом деле, а все прочее — вещь второстепенная».

С этого дня генеральный прокурор очень редко призывал к себе китайцев, делая вид, что исполняет лишь предписанную ему формальность, и, казалось, потерял даже всякий интерес к этому загадочному делу...

Так прошло немало дней и месяцев, не принеся с собой ничего нового. Китайцы вели уединенную жизнь в пенитенциарном заведении острова Ну, под наблюдением четырех ссыльных, которых дали им как бы в товарищи, а на самом деле — чтобы препятствовать им сноситься друг с другом.

Эти «товарищи» были сосланы не за обычные преступления, как, например, убийство или воровство, а за проступки против военной дисциплины. Так, один из них, осужденный на три года, был сослан за «оскорбление действием» армейского капитана, которого он всякий раз, упоминая о причине своей ссылки, величал «собакой». Фамилия этого ссыльного была Порник из Дуарнене²; он состоял «товарищем» пожилого Фо, владельца кольца с надписью и, по всем признакам, главного в таинственной банде. Второй и третий, жившие один с Лу, а другой с Киангом, были приговорены к еще большему сроку наказания за избивание четырех жандармов, пытавшихся остановить их, когда они затеяли какой-то невообразимый уличный скандал. Им, может быть, не удалось бы одолеть блюстителей порядка, если бы к ним случайно не присоединился некто

Ланжале, прозываемый Парижанином, а также Прекрасным Сердцем, — профессор бокса и всякого мордобития в своем полку. Он как раз проходил в тот момент мимо места, где происходила схватка с жандармами, и не замедлил принять в ней самое горячее участие, «вступившись за честь флота», как он выразался. В короткое время они общими силами так отделали бедных жандармов, что когда к ним на выручку подоспела полиция, то физиономии их оказались похожими на истоптанные и вываленные в пыли яблоки, а мундиры представляли собой клочки сукна. Тут же, кроме того, победители жандармов публично обругали начальника полицейского отряда, покрыв его тучей самых смешных и обидных прозвищ, за что в совокупности и были потом приговорены к пятилетней ссылке и к каторжным работам.

Короче, все четыре «товарища» заключенных китайцев представляли собой замечательные типы людей, способных на все дурное, чрезвычайно ловких, находчивых, ничем не затруднявшихся и ничего не боявшихся. Таких людей может создавать только долговременная служебная лямка во французском флоте, и потому надо сознаться, что генеральный прокурор сделал не особенно удачный выбор, остановив на них свое внимание и назначив их в «товарищи» к своим заключенным.

Китайцы, как и следовало ожидать, очень скоро сдружились со своими «товарищами», которые относились к ним, как равные к равным, за что те были им, понятно, очень благодарны. Спустя некоторое время после прибытия на остров Ну они получили двадцать тысяч пиастров от одного банкира в колонии, и эти деньги им разрешено было употреблять на свое пропитание и прочие нужды. Генеральный прокурор немедленно установил их недельный бюджет, точно определив все, что должно было им выдаваться, — из опасения, конечно, чтобы деньги, при отсутствии определенных статей расхода, не шли на тайный подкуп начальников караулов.

«Товарищи» сами ходили за провизией для своих китайцев и, надо сказать правду, обнаруживали в выборе ее большие гастрономические познания: деликатесные вина, мясо всяких высших сортов, всевозможная дичь, рис первого сорта, изысканные кофе и сигары — таковы были обычные предметы их потребления, которые не всегда мог позволить себе и свободный колонист с приличным годовым доходом! Порник обыкновенно говорил, что если бы и всегда было так, как теперь, то он согласился бы до конца дней своих не разлучаться с «Фошенькой» — ласкательное имя, данное им обладателю перстня с загадочной надписью.

Остальные «товарищи» тоже держались, разумеется, мнения

знаменитого гражданина города Дуарнене и, видя, что они обладают курами, несущими золотые яйца, старались вести себя по отношению к ним благоразумно и осмотрительно. Их единственной заботой было — не возбудить чем-нибудь неподходящим неудовольствие косоглазых сыновей Небесной Империи, которые легко могли, в случае неудовольствия, просить генерального прокурора о назначении им новых «товарищей» взамен настоящих.

Каковы были подробности этих хороших отношений между заключенными китайцами и приставленными к ним наблюдателями, происходил ли откровенный обмен мыслями между теми и другими, этого с уверенностью никто не мог бы сказать. Надзиратели пенитенциарного заведения, слегка завидовавшие сытой жизни «товарищей», не могли открыть ничего противозаконного в их совместной жизни — ни слабого надзора со стороны приставленных соглядатаев, ни попыток заключенных сноситься друг с другом; все шло ровно и спокойно, и служебное рвение надзирателей не приносило ни им, ни начальству никаких существенных результатов. Однако ежедневно по вечерам внимательный наблюдатель мог бы заметить, что в каждом из домиков, где помещались китайцы, шли тихие разговоры, продолжавшиеся до глубокой ночи. Стало быть, заключенные и приставленные к ним ссыльные моряки находили способ разговаривать друг с другом, и с этой точки зрения интересно было бы знать, служил им для обмена мыслями французский язык или китайский, с которым приставленные наблюдатели успели уже достаточно ознакомиться?

Генеральный прокурор был бы более всех других поражен этим открытием, так как, призывая иногда к себе и «товарищей» китайцев, он всегда выслушивал от них один ответ:

— Мы не понимаем по-китайски, господин прокурор, и не можем сказать поэтому, что творится в башках этих типов.

Порник из Дуарнене иной раз при свидании с прокурором прибавлял к этому:

— Они, господин прокурор, такие невежды, что не понимают ни слова по-бретонски!

Порник был бретонец и потому разыгрывал в этих случаях роль наивного простака, думающего, что весь свет непременно должен знать по-бретонски.

Другой, Мариус Данео, разыгрывал такую же роль по отношению к своей родине, Провансу, продолжая в унисон с первым:

— Даже, господин прокурор, по-провански они не знают ничего,

честное слово! Это просто невозможные олухи!

О поведении же заключенных они единодушно отзывались с самой лучшей стороны, говоря, что более скромных и покорных людей они и представить себе не могут.

— Мой Фо, — пояснял при этом Порник, — по целым дням все читает свои китайские книги, и случается, что с большим трудом можно вызвать его на прогулку вокруг наших домов!

— А мой китаец, господин прокурор, — прибавлял провансалец, — по преимуществу или спит, или вырезает ящички из мягкого дерева, и тоже не большой любитель прогулок.

Ниже мы узнаем истинные мотивы, заставлявшие этих людей лгать и тщательно скрывать подлинные отношения, какие существовали между ними и заключенными китайцами.

III

Карт-бланш. — Положение одного ссыльного. — Преданность больного. — Китайский предрассудок — «Нам нужно золото!» — Что было дальше.

В таком положении дело оставалось в продолжение восьми месяцев, и генеральный прокурор за весь этот срок успел не больше, чем в первые дни. Наконец он написал в Париж, что не имеет никакой надежды успешно выполнить возложенное на него поручение, тем более что план, предписанный ему, не дает ни малейшей свободы действий, а потому он просит освободить его от всяких забот по этому делу, передав его кому-нибудь другому.

Вместо ответа Прево-Лемер получил предписание неуклонно продолжать расследование дела, причем в конце бумаги было прибавлено, что «правительство предоставляет ему действовать по собственному усмотрению, вполне полагаясь на его проникательность, опытность и знание местных условий жизни».

Словом, ему давалась карт-бланш, и в случае успеха его, без сомнения, ожидала какая-нибудь высшая награда.

Тогда генеральный прокурор решился привести в исполнение проект, который он давно уже обдумывал и, так сказать, лелеял про себя. Он рисковал многим с этим проектом, но был убежден, что только чрезвычайные средства могут принести желаемый успех и, ввиду важности самого дела, рискнул сжечь корабли.

Но для исполнения упомянутого проекта прокурору нужен был человек, на которого можно было бы вполне положиться, — человек верный, ни перед чем не отступающий, готовый даже пожертвовать жизнью. Такого человека нелегко найти. Любовь к приключениям, решительный характер, храбрость, доходящая до самозабвения, — все это свойства, которые нередко можно встретить в людях; между моряками особенно часто встречаются подобные характеры. Но в данном случае всего этого было мало. Требовались еще высокая степень интеллигентности, безупречность манер и способность производить благоприятное впечатление своей личностью во всех положениях и ролях.

Где было найти подобного человека?

Вот в чем состояла трудность задачи и вот где лежало ее удачное решение!

Не имея возможности найти требуемого человека между офицерами и гражданскими чиновниками колонии, из которых никто даже не согласился бы выступить в качестве явного искателя приключений, генеральный прокурор вынужден был ждать благоприятного случая, который один мог послать ему искомого помощника и исполнителя его предначертаний. Но так как случай никогда не приходит на помощь к тем, кто его просто ждет, то господин Прево-Лемер, напрасно прождав некоторое время, обратился в Париж с просьбой — прислать ему редкую птицу, которую он тщетно надеялся поймать где-нибудь в Нумеа.

Конечно, там, между тайными агентами полиции, должны быть подобные люди, скромные, сдержанные и вполне способные идти неуклонно к цели, которая им будет намечена их начальством.

В начале своих поисков генеральный прокурор думал об одном молодом человеке из ссыльных, обстоятельства которого были известны ему из письма его дяди, парижского банкира. Эдмон Бартес — так звали этого молодого человека — служил в банкирском доме Жюль Прево-Лемера и отличался замечательными способностями, которые сразу обратили на него внимание высшего начальства: в двадцать семь лет он получил уже должность главного кассира в этом обширном кредитном учреждении, с жалованьем в тридцать тысяч франков, и вел свое дело блестящим образом, к полному удовольствию главы банкирского дома. Вдруг, в одно прекрасное утро, в кассе оказался огромный недочет — миллион в кредитных бумагах исчез неизвестно куда. Молодой кассир первый заявил о пропаже денег. Жюль Прево-Лемер был так уверен в его честности, что и не подумал даже о возможности подозревать его, и решительно заявил, что было бы просто глупо разыскивать пропажу в квартире главного кассира.

Но полиция по натуре своей всегда недоверчива: ей случается так часто видеть неожиданное и необъяснимое падение испытанной честности, что ничему она особенно не верит и ни перед чем не останавливается в своих поисках. Не видя нигде никакой путеводной нити, которая помогла бы разъяснить дело, начальник полиции решил сделать обыск в квартире отца кассира, старого генерала в отставке, вся служба которого слагалась из подвигов мужества и чести. И что же? Половина пропавшей суммы, пятьсот тысяч франков, была найдена под паркетной Дощечкой в маленьком павильоне, примыкавшем к комнатам Эдмона! Когда последнему сообщили об этом открытии, молодой человек сначала немного было смешался, но потом быстро овладел собой и решительно протестовал против обвинения в воровстве:

— Я сын своего отца; Бартесы не воры и никогда не были ими.

Гордый и спокойный, он отказался от помощи адвоката, говоря, что в адвокатах нуждаются только преступники. На суде он держал себя со спокойным достоинством, не скрывая нерасположения к своим обвинителям, в особенности к Жюлю Прево-Лемеру, который теперь потерял веру в него, — и был приговорен к десятилетним каторжным работам.

Но и этот приговор не изменил его решимости. Одному другу своего отца, который принес ему револьвер в тюрьму, он гордо объявил:

— Если бы я сознавал себя виновным, то не довел бы дело до суда; но я хочу жить, чтобы иметь возможность восстановить честь моего отца... и чтобы отомстить за себя. » — прибавил он затем.

Таков был человек, на которого обратил внимание генеральный прокурор, так как дядя его, несмотря на все случившееся, просил его смягчить положение молодого человека, уважая его прежнее безукоризненное поведение.

Но все было напрасно: Эдмон Бартес решительно ответил прокурору, что он не желает быть ничем обязанным ни одному из господ Прево-Лемеров. А когда тот прямо сказал ему о возможности смягчить его положение ссыльного, он ему возразил:

— Я не хочу никакого снисхождения, милостивый государь. Если правосудие не имеет способов отличать невинных от виновных, так я сам найду себе правосудие, и горе тем, кто затеял это дело: я буду преследовать их всю свою жизнь, не оставляя в покое ни их чести, ни их состояния, ни даже их детей!..

После этого генеральный прокурор не пытался уже более сблизиться с Эдмоном Бартесом.

Как раз в это время жестокая болезнь, а именно черная оспа, хотя и в довольно легкой форме, обрушилась вдруг на жильцов пенитенциарного заведения. Первый, кто заболел ею, был старый Фо — китаец, очевидно, высшего сословия, чем другие три его соотечественника, потому что последние оказывали ему явные знаки глубокого почтения (когда, понятно, никто не наблюдал за ними). Фо был немедленно отправлен в больницу, где ему пришлось довольствоваться уходом исключительно служителей из туземцев, так как помощи европейских служащих едва хватало на нужды других несчастных, настигнутых болезнью. Эдмон Бартес взял на свое попечение бедного Фо, почти оставленного туземцами, и отдался своему делу с такой преданностью, что рисковал сам заболеть и погибнуть от заразы.

Суеверный, как все восточные люди, больной Фо не мог вынести ни одной минуты уединения и, считая себя окончательно погибшим, плакал и стонал, как ребенок. Бартес выказал тут замечательную самоотверженность: снисходя к капризам больного, он не разлучался с ним во все время острого периода болезни. Фо особенно томился неутолимой жаждой; вместо того чтобы давать ему обыкновенное питье, молодой человек готовил ему разные освежительные напитки то из лимона, то из апельсина, то из сока сахарного тростника, которые доставляли больному большое удовольствие.

Благодаря таким стараниям интеллигентного человека Фо пошел на выздоровление, которое шло очень быстро, и китаец вскоре совершенно поправился и мог вернуться в свой домик.

Несомненно обязанный своим спасением Бартесу, Фо с этого времени стал питать к нему фанатичную преданность, способную на любые жертвы. Убежденный, что был отмечен мрачным гением смерти, он верил теперь, как вообще все китайцы, что молодой европеец мог добиться исключения его из списка мертвых, не иначе как предложив взамен часть собственного существования, которую духи, наблюдающие за человеческой жизнью, согласились прибавить к существованию Фо. Вследствие этого он считал каждый день, который ему определено было прожить на земле, принадлежащим не себе, а своему спасителю от смерти.

Эта вера незримыми, но тем не менее несокрушимыми цепями приковывала все его существо к Эдмону Бартесу. Для него Фо немедленно же по выздоровлении оставил свою роль немого, которую он разыгрывал перед прокурором и прочими лицами, предварительно взяв, однако, с молодого человека клятву, что он будет держать в строгой тайне все, что ему будет сообщено, и никому не скажет, что он, Фо, так же свободно изъясняется по-французски и по-английски, как на своем родном языке.

Находясь еще в госпитале, они обменивались мыслями и вели долгие беседы, никем не прерываемые и вне всяких подозрений со стороны других. Бартес посвятил Фо в историю, бывшую причиной его ссылки, равно как и во все проекты касательно будущего. Он сообщил китаецу, что вся его жизнь будет отдана одной Цели — восстановлению чести и мщению; что он употребит всю свою энергию, но отыщет средство бежать из ссылки и отправиться в Австралию или в Калифорнию, где он будет работать на золотых россыпях и составит себе состояние, необходимое для осуществления его великой цели

Прежде молодой человек мечтал о карьере моряка и даже кончил морское училище, выйдя из него, восемнадцати лет от роду, вторым по

успехам. Но по настоянию больной матери, которая вскоре затем умерла, он должен был отказаться от своих планов и, чтобы не быть бесполезным в жизни, поступил на службу к Жюлю Прево-Лемеру, где скоро и составил себе блестящее положение, так неожиданно разрушенное несчастным случаем, о котором мы уже упомянули выше. Теперь он рассчитывал на свои специальные познания и готовился открыть в благодатных землях Австралии или Калифорнии новые залежи благородного металла или даже приняться за старые, разрабатываемые обыкновенно первобытными способами, вместо которых он намеревался применить все новые усовершенствования.

— Мне нужно золото, — настойчиво повторял он каждый раз, беседуя с китайцем, — много золота! Без этого «желтого бога» нельзя ничего сделать во Франции!

— Как и в целом мире, — добавлял старый китаец. — Потом, с удовольствием потирая руки, Фо как бы в раздумье заканчивал:

— Так, так! Нам нужно золото, много золота!

Эти беседы должны были прекратиться по возвращении Фо в его домик, где бравый Порник из Дуарнене встретил своего подопечного со знаками живейшей радости. Но благодаря доброму расположению этого бравого моряка Бартес, пользовавшийся относительной свободой в больнице, мог и тут время от времени посещать ночью своего друга, которому он спас жизнь и к которому незаметно для самого себя сильно привязался.

Однажды утром, когда Бартес шел к директору пенитенциарного заведения со списком больных и выздоравливающих (что он делал ежедневно), он встретил Порника, бесцельно, по-видимому, фланировавшего с трубкой в зубах.

Они обменялись приветствиями, не останавливаясь, так как это было запрещено им: малейшая остановка для разговора, будучи замечена часовыми, подавала повод к целой серии рапортов, уведомлений и объяснений, тотчас же летевших к высшему начальству и грозивших затянуться в бесконечную историю.

— Доброе утро, мсье Бартес!

И на ходу Порник вполголоса небрежно кинул фразу, как бы говоря о чем-нибудь обыденном:

— Не ложитесь в эту ночь, а приходите нас проведать между часом и двумя.

Затем, насвистывая мотив какой-то старой бретонской песни, он пошел дальше своей дорогой.

Бартес напрасно силился разгадать заданную ему загадку. Он понимал только, что приглашение исходит от его друга, и с нетерпением стал ожидать конца дня и наступления назначенного часа.

IV

Скорбная весть. — Возобновление клятвы. — Отважный маневр. — Пушечный выстрел. — Отчаяние командира «Бдительного». — Тайна.

В этот день, как мы уже сказали, истекал ровно год со времени прибытия четырех китайцев в ссылку и почти полгода, как Бартес должен был надеть костюм ссыльного. Около полудня в колонию прибыл почтовый пакетбот из Сиднея, привезший почту из Франции, и Бартес получил горестное известие о кончине своего отца. Старый генерал не мог пережить бесчестья сына, хотя и был убежден в его невиновности. Узнав об этом роковом событии, несчастный молодой человек не плакал, но впал в мрачное отчаяние, соединенное с бессильной и яростной злобой. У людей его закала всегда бывает так — они не знают слез, но знают зато ненависть и злобу! И Бартес дал себе клятву: быть, когда наступит день мести, беспощадным ко всем, кто прямо или косвенно навлек на него несчастье.

Дождавшись ночи и решив, что буря до известной степени должна ослабить бдительность часовых, он пустился в путь к домикам заключенных, искусно скользя между группами пальм и бананов, и, счастливо миновав двух последних караульных, с саблями наголо и револьверами в руках ходивших взад и вперед, очутился наконец у дверей жилища Фо. Здесь, однако, он остановился в раздумье, увидев, что в окнах домика не было огня. Отсюда Бартес заключил, что Фо и его «товарищ» уже улеглись спать, но вдруг в эту минуту невдалеке от него раздался тихий голос:

— Это вы, мсье Бартес?

Получив утвердительный ответ, тот же голос прибавил:

— Будьте осторожны, — «мухи» снуют вокруг нас, и это просто чудо, что вам удалось незаметно пробраться сюда.

Как, вероятно, уже догадался читатель, говоривший был не кто иной, как Порник из Дуаррене.

Читатель помнит также, что в описываемый вечер был прием в доме генерального прокурора. И вот, как раз в то время, когда особняк последнего блистал огнями, а фрегат «Бдительный» осматривал море и берега острова Ну, красивая трехмачтовая американская шхуна, неведомо откуда взявшись, появилась вблизи острова. На ее мачтах не видно было ни одного огонька. Отважно ныряя среди волн бушующего океана и искусно уклоняясь от электрических фонарей «Бдительного», она держала курс

прямо к берегу. Чтобы достигнуть этой цели, судно, проплыв некоторое пространство между двумя островами, Новой Каледонией и Ну, вступило, несмотря на силу ветра и волнение, в узкий проход между рифами и берегами Ну, где было еще опаснее, чем в открытом море. Это был маневр необыкновенно смелый, так как ярые волны могли, как щепку, бросить шхуну на грозные рифы, выдвигавшиеся там и здесь из-под воды, и разбить ее вдребезги! Даже днем плавание в этом месте считалось крайне опасным, ночью же было абсолютно невозможным.

Когда судно дошло до середины узкого прохода, рулевой стал на самом носу его и выдвинул за край борта огромный гарпун, как бы готовясь пустить его в какого-нибудь кита. Шестнадцать человек, составлявшие экипаж «американки», дружно подхватили орудие, раздалась команда и, несмотря на огромную волну, выросшую между судном и берегом, гарпун достиг своей цели: полетев вперед, он глубоко вонзился в твердую землю и натянул привязанный к нему канат. В эту минуту буря разразилась неслыханными ударами грома. Не смущаясь этим, экипаж шхуны не спеша начал переправляться и скоро был уже на самом берегу.

Бал у генерального прокурора близился к концу. Молодые чиновники, адъютанты и офицеры приступили уже к устройству котильона, как вдруг все остановилось, точно вкопанные: среди завываний бури вдали отчетливо раздался какой-то короткий сухой звук. То была пушка, уведомлявшая о бегстве из пенитенциарного заведения!

Неуловимая, странная улыбка пробежала при этом по лицу прокурора, но оно тотчас же приняло свое обычное холодное и бесстрастное выражение, так что никто не мог бы догадаться, благоприятствовало ли бегство ссыльных его планам или уничтожало их.

Вскоре телеграф на острове Ну, соединенный прямо с кабинетом губернатора, принес следующее известие: «Китайцы бежали. Эдмон Бартес, Порник и три его товарища исчезли. Двое караульных солдат найдены связанными и запертыми в одном из домов, где содержались бежавшие. На западе виден парус. „Бдительный“ ушел в погоню».

Всю эту ночь стража пенитенциарного заведения производила свой обычный дозор, но не могла заметить ничего такого, что бы возбудило ее подозрения. Только на рассвете, когда уже готовились пробить утреннюю зарю, дозорные заметили исчезновение китайцев с их «товарищами». Подняли тревогу, бросились повсюду искать, но поиски были напрасны: ничто не наводило на след беглецов. Невозможно было ничего узнать об этом странном бегстве и от двух караульных, найденных запертыми в одном из домиков: они только говорили, что на часах их вдруг сморил

неодолимый сон, против которого они долго, но тщетно боролись, и что дальше они ничего не помнят... Бедняги не смели прибавить, что, когда они становились на часы, Порник поднес им по большому стакану доброй водки и что именно после этого угощения они уснули. За свою оплошность они рисковали быть приговоренными к расстрелу военным судом, но показание врача спасло их: в стаканах, из которых часовые пьют для освежения дозволенный им лимонад, он нашел остатки усыпительного порошка.

С первыми лучами восходящего солнца увидели на западе, на краю горизонта, неизвестное судно, которое на всех парах и парусах несло в открытый океан, пользуясь попутным ветром.

«Бдительный» тотчас же бросился догонять его, но через некоторое время должен был отказаться от своего намерения: неизвестное судно было гораздо легче на ходу, к тому же оно слишком далеко ушло вперед, чтобы можно было надеяться настигнуть его. Командир «Бдительного» был в отчаянии!»

Ровно за неделю до этого события на судне из Бордо в колонию прибыл никому не известный господин с изящными манерами, назвавшийся фамилией де Сен-Фюрси. Цель, с которой он приехал в колонию, состояла, по его словам, в основании обширного земледельческого хозяйства в окрестностях Нумеа, для чего требовалась покупка имения. Он имел письма от военно-морского министра к губернатору и к генеральному прокурору, поэтому везде был ласково принят, и все двери раскрылись перед ним. Приезжий всюду говорил, что, владея большим состоянием, он намерен употребить его на пользу края, надеясь совершенно преобразовать Новую Каледонию в сельскохозяйственном отношении. Ему охотно верили, и тем более, что это отвечало давним желаниям колонистов — увидеть среди своего окружения какого-нибудь богатого капиталиста из метрополии, явившегося определить подлинную ценность их естественных богатств и приумножить их.

Все видели и радовались, что господин де Сен-Фюрси совершает поездки внутри страны, знакомится с жителями и обстоятельно расспрашивает их об их хозяйстве, о плодородии почвы — словом, интересуется всем, как человек, желающий прочно обосноваться в их крае.

Но все это делалось не более как для отвода глаз, о чем, разумеется, уже догадался читатель. Приезжий капиталист с благородными и изящными манерами был просто сыщик, присланный парижским префектом полиции на помощь Прево-Лемеру, чтобы исполнять его тайные

поручения, для которых он давно уже нуждался в подобной личности. Каждый вечер эти два человека сходились для секретных совещаний, целью которых было прочно обозначить дорогу, по которой они должны оба идти в своих дальнейших действиях.

Впоследствии, дня за три-четыре до бегства китайцев, на эти совещания стало допускаться еще третье лицо. Этот третий, всегда тщательно скрывавший свое лицо, чтобы его не могли узнать, был не кто иной, как знакомый нам Ланжале Парижанин, прозванный также Прекрасным Сердцем. Его склонил принять участие в таинственном деле, столь заботившем генерального прокурора, мнимый де Сен-Фюрси, развернув перед глазами ссыльного картину его будущего благополучия: в награду за свои услуги он, Ланжале, получит не только свободу, но и целое имение с рабочим скотом, лошадьми и всевозможными земледельческими орудиями и будет жить довольной и счастливой жизнью, с каждым годом приумножая свое благосостояние. Быть собственником земли, мирно занимаясь сельским хозяйством, — это была мечта Ланжале, и потому эмиссар Прево-Лемера, не Желавший, по понятным причинам, спускаться слишком низко в своей роли, без особенного труда уговорил Парижанина принять участие в их деле. Конечно, со стороны последнего это участие походило на предательство. Но ведь, если речь идет о государственном интересе, разве какое бы то ни было поручение может считаться бесчестным для истинного патриота? К тому же, строго рассуждая, Ланжале приходилось изменять только тем, которые доверились ему без всякой с его стороны просьбы о том. Наконец, будучи приставлен наблюдать за заключенным, разве не исполнит он только свою прямую обязанность, донося о каком-нибудь его злоумышлении?. Конечно, живя с Чангом, он всегда видел к себе доброе отношение со стороны китайца, но никогда последний не обращался к нему с истинно задушевным словом, так что, с точки зрения чести, он, Ланжале, не обязан ему ничем. Напротив, приняв на себя известную обязанность, он должен был подчиняться приказаниям своих начальников...

Все эти рассуждения, ловко подставляемые сыщиком под вопросы совести и чести, окончательно восторжествовали над сомнениями Парижанина и отдали его в полное распоряжение двух ловких людей.

Инструкции, как вести себя, которые Ланжале получил из уст самого генерального прокурора, не отличались сложностью. Они заключались в следующем: ничего не делать и не говорить, ничему не противоречить, за всем наблюдать и не прерывать сношений с де Сен-Фюрси, которому Ланжале должен был безусловно повиноваться и всегда сообщать ему о

своем местожительстве, где бы оно ни было, так как Парижанин обязан был находиться при Чанге безотлучно, следуя за ним повсюду, как тень, даже в случае бегства его из пенитенциарного заведения. Но прежде всего он должен был быть нем, как рыба, с тремя другими «товарищами» заключенных китайцев»

Мы должны здесь заметить, что Порник и два прочих товарища его тоже подверглись зондированию со стороны мнимого де Сен-Фюрси, желавшего и их склонить к соучастию в своем деле, но оказали сопротивление, и довольно энергичное: они показали ему кулаки, обозвали его «мухой» и «грязной ищейкой» и побожились, что если он не отстанет от них, то они сумеют расправиться с нахалом по-свойски, так что ему долго придется помнить, что значит смущать честных людей.

После такого приема «капиталист из метрополии», господин де Сен-Фюрси, или, попросту, господин Гроляр, как его звали в кругу парижской полиции, должен был отстать ни с чем от товарищей Ланжале и удовольствоваться одним Парижанином. Через три дня после этого состоялось уже описанное нами бегство китайцев, крайне обрадовавшее тех, кто держал пари за возможность этого события Их противники, разумеется, остались, наоборот, недовольны. Особенно горевал командир «Бдительного». Кроме потери порядочной суммы денег, которую положил себе в карман державший с ним пари доктор Морисо, командир считал, что теперь репутация его «Бдительного» сильно пострадала, получив такой удар, от которого едва ли когда-нибудь оправится.

— Это, конечно, не ваша вина, Пенарван, — говорил он своему заместителю, — так как все необходимые предосторожности были приняты... Но кто бы мог вообразить, что в эту проклятую погоду, да еще ночью, найдутся люди, способные пробраться к острову Ну, не наткнувшись на острые рифы!

Только два человека во всей колонии не были особенно удивлены случившимся событием, хотя и старались казаться удивленными. Генеральный прокурор и господин де Сен-Фюрси могли, если бы захотели, многое порассказать о бегстве китайцев. Но как до этого события, так и после него они хранили свое обычное молчание.

Пробыв еще некоторое время в колонии, де Сен-Фюрси, или Гроляр, уехал в Австралию, под предлогом покупки там необходимых для его предприятий земледельческих машин, и более уже не появлялся в Нумеа. Письмо, полученное как раз в это время от Ланжале, имело, конечно, связь с этим отъездом «капиталиста из метрополии».

Никто в Нумеа, где долгое время рассказывали, как о какой-то легенде,

о бегстве китайцев, не знал ни истинных мотивов этого происшествия, ни последствий его для лиц, замешанных в нем. Это, однако, не мешает нам очень скоро поднять завесу, скрывающую от читателей все перипетии этой необыкновенной, единственной в своем роде драмы.

Престолонаследие в Китае. — Символ верховной власти. — Неожиданная весть. — Король Смерти. — Неприступное жилище. — Всезнающий, всемогущий и всевидящий.

Всякому известно, по каким соображениям французы и англичане объявили войну Китаю в 1856 году и чем она закончилась. В октябре 1858 года был подписан мир в Тяньцзине. Царствовавший тогда император Гьен Фунг не мог пережить позора своей столицы, Пекина, взятого и занятого «рыжеволосыми варварами Запада». Умирая, он передал императорский престол своему пятилетнему сыну, Куанг Су, под опекой регентства, в котором главными лицами назначены были императрица-мать и принц Кунг, дядя юного императора с отцовской стороны.

Согласно решению верховного совета империи, в котором участвуют все принцы императорской фамилии и наместники главнейших провинций, регентству следовало немедленно обнародовать повсюду сообщение о восшествии нового императора на престол его предков и поспешить с церемонией его коронации. Это было тем более необходимо в связи с тем, что значительная часть монголов, входившая в состав китайской армии, несмотря на окончание войны, продолжала оставаться под началом своих командиров, которые считали себя потомками древних властителей Китая. Они наводняли своими полчищами северо-западные провинции и, по видимому, мало заботились о повиновении верховной власти и о восстановлении нарушенного войной порядка в государстве. В Пекине прямо опасались, что гордые мандарины не захотят признать пятилетнего Куанг Су императором. Следовало поэтому как можно скорее положить конец междоусобице, приступив к коронации юного богдыхана, ибо лишь таким путем последний становился настоящим императором и мог требовать повиновения себе от всех и каждого в пределах своей империи.

Вот почему в один из дней, непосредственно следовавших за днем смерти старого императора, юный его наследник должен был облачиться в императорский костюм и принять из рук вельмож скипетр Хуан-ди, основателя китайской империи, — скипетр, который один только и дает действительную власть восходящему на престол богдыхану. Эта церемония должна была совершиться в большом зале императорского пекинского дворца, окруженного тройной стеной.

Принятие этого скипетра так важно для вступающего на престол

императора, что если бы, например, какой-нибудь принц царствующего дома случайно овладел скипетром до коронавания его, то уже этим самым фактом он загородил бы законному наследнику дорогу к престолу, и последний перешел бы к смелому сопернику.

Китайские историки утверждают, что этот атрибут верховной власти был дан Хуан-ди, первому государю Китая, самим Паньгу, высшим существом, бессмертным и вечным, которое, по мнению известного философа Лао-цзы, есть источник и начало всего существующего в мире.

Вместе со скипетром Хуан-ди получил власть над всей землей, — и вот откуда убеждение китайцев, что все прочие земные государи — не более чем вассалы их владыки, обязанные ему беспрекословно повиноваться. От Хуан-ди священный скипетр последовательно переходил ко всем богдыханам, и в их числе к Тай-цзу, основателю династии Сун, к его наследникам, затем к чжурчжэньской династии Юань, к представителям династии Мин, последних туземных государей, и, наконец, к славному Сун Ци, который положил начало царствующей в наше время маньчжурской династии Цин, называемых «чистейшими».

Вследствие своего громадного значения скипетр тщательно хранится от покушений других лиц императорской фамилии, тем более что в Китае не существует определенного закона о престолонаследии: царствующий богдыхан может по своему личному усмотрению назначить себе наследника, с одним лишь условием: из царствующего дома. Один только царствующий император и старейший из императорской фамилии знают секретное место хранения священного атрибута, определяемое ему тысячевековым обычаем. Из этого убежища скипетр выносится только в самых важных случаях, подробно определяемых кодексом китайских церемоний, самым мелочным и придирчивым во всем свете, как мы уже заметили выше.

Помимо своей политической важности, скипетр представляет собой драгоценность высокой стоимости: он состоит из длинной золотой палки, на которую насажена аметистовая рукоятка, Украшенная десятью большими алмазами самой чистой воды. Каждый алмаз стоит сто тысяч таэлей, то есть около семисот тысяч франков, а общая их стоимость равняется, таким образом, сумме в семь миллионов франков, не считая самой палки из массивного золота. Понятно после этого, что уже в силу одной своей чрезвычайной ценности атрибут верховной власти усердно оберегается от покушения похитить его со стороны того или другого претендента на престол.

Чтобы предупредить весьма возможные разные политические

конфликты, императрица-регентша решила приступить к коронованию своего сына, не дожидаясь даже узаконенного семилетнего возраста, когда юный император мог уже бесспорно принять инвеституру. Это намерение встретило, однако, сильное сопротивление в совете регентства, который весьма несочувственно отнесся к подобному новшеству. Тогда императрица объявила, что она собственной властью распускает совет регентства, и вместо него образовала «совет иностранных дел», председателем которого назначила принца Кунга, дядю юного богдыхана.

Первого февраля 1861 года во дворце к этому последнему явился старший камергер женской половины императорского дворца и почтительно доложил ему, что «императрица Нан Ли, да оберегает Небо свет ясных очей ее, желает иметь с ним беседу».

Надо заметить, что нововведение императрицы, распустившей совет регентства, действительно нарушало сложившиеся веками обычаи и церемонии, которые с ног до головы опутывают своими наставлениями китайского государя, и потому принц Кунг мог легко уклониться от свидания с императрицей. Но, несмотря на свое право, он немедленно решил исполнить желание регентши и отправился в императорский дворец.

Императрица приняла его в «зале цветка лотоса», названной так потому, что в центре ее был устроен мраморный бассейн с фонтаном, в воде которого плавали роскошные бледно-голубые цветы лотоса, дети тропических стран Восточной Азии.

— Принц, — начала императрица, — великий Паньгу наделил вас мудростью, дабы вы были полезны нам вашими знаниями и опытностью. Поэтому мы призвали вас, чтобы посоветоваться относительно сегодняшней церемонии вручения скипетра нашему сыну, Куанг Су, которого, как вам должно быть ведомо, покойный император Гьен Фунг, его отец, избрал своим наследником.

— Мать Сына Неба, — отвечал принц Кунг, — зеркало добродетели, ваши желания суть приказания, которым всякий должен беспрекословно и с величайшей готовностью повиноваться. Но, к сожалению, я должен вам сообщить неприятную новость: скипетр Хуан-ди, который император должен принять сегодня как символ верховной власти, похищен рыжими варварами Запада, и вследствие этого церемония вручения его не может состояться сегодня... Если же попытаться сделать церемонию коронования без вручения скипетра, отложив это последнее на неопределенное время, то что скажут все сановники империи, и не будет ли это неблагоприятным предзнаменованием для нового императора в его грядущей жизни?

Это известие до того поразило императрицу, что она несколько минут молчала, не зная, что сказать; собравшись наконец с силами, она воскликнула:

— Это великое несчастье! Как оно могло случиться? Где хранился скипетр?

— По законам, великая и премудрая государыня, я никому не должен был бы сообщать об этом; но теперь это все равно, так как скипетра нет более на его месте. Он, великая государыня, хранился в загородном императорском дворце, откуда и похитили его варвары, завладев дворцом, ограбив его и сжегши дотла.

— Это великое несчастье! — повторила еще раз императрица. — Но что же нам теперь делать? Все-таки, принц, вы остаетесь самым близким родственником моего сына, и я полагаюсь на вас во всем.

— Доверие матери Сына Неба не будет обмануто! — торжественно ответил принц Кунг. — Не далее как сегодня я виделся с посланником Кванга...

При этом страшном имени императрица побледнела.

— Кванга! — глухо произнесла она.

— Так точно! — подтвердил принц Кунг. — И он сам в эту ночь должен прийти во дворец — для совещания со мной о средствах возвратить скипетр Хуан-ди. Нужно будет принять его, государыня!

— Я боюсь! — возразила императрица.

— Не опасайтесь ничего, государыня: его ненависть к варварам — вот ручательство вам за его верность. Впрочем, вы увидите его через решетку, которая делит приемную залу на две половины.

— Но какая решетка может остановить Кванга? — робко возразила императрица.

Принц Кунг улыбнулся. Не находя уместным оспаривать суеверные убеждения регентши, он ограничился только кратким замечанием:

— Фамилия Цин, в случае какого-нибудь возмущения против нее, не может иметь более надежной поддержки, чем он, Кванг.

— Ну, хорошо» — после некоторого раздумья согласилась императрица. — Итак, до вечера, и да поможет вам великий Паньгу!

Она приветственно склонила свой веер, давая понять, что аудиенция окончена, и вышла из «залы цветка лотоса».

Но кто же мог быть этот Кванг, одно имя которого так устрасило мать юного владыки Китая?

В ответ на это можно сказать следующее. В Китае морские и рыночные разбои так сильны и так хорошо организованы, что

правительство, не будучи в состоянии пресечь их, должно поневоле считаться с этим злом. Невозможно встретить человека, занятого каким бы то ни было промыслом на море или на реке, который бы не был в сношениях с обществом пиратов, обладающих большим флотом и неисчислимыми награбленными отовсюду богатствами. Глава этого общества, считающего своих членов миллионами, носит имя Кванга, что значит «властитель над жизнью и смертью каждого», а короче Король Смерти. Он пользуется неограниченной властью и, подобно императору, может по собственной воле назначать себе наследника, вручая ему кольцо, покрытое загадочными знаками и украшенное алмазом самой высокой цены. Приказы его также подобны императорским, потому что всегда формулируются в двух словах: «трепещите и повинуйтесь!» И действительно, всякий, кто бы он ни был, спешит повиноваться, получив какой-нибудь приказ от Кванга, написанный на листке рисовой бумаги и скрепленный его подписью.

Эти пираты исповедуют не буддизм, весьма распространенный в Китае, а особую религию, состоящую из смеси различных более или менее грубых суеверий, остатков религии доисторических времен. Последователи этих верований известны под общим названием «фенг-шуи», что значит «поклонники морских божеств». Они занимаются магией и заклинаниями духов и приписывают своим предводителям, особенно Квангу, сверхъестественное могущество; отсюда понятен тот страх, с которым императрица-регентша отнеслась к сообщению Кунга, что он ждет ночью визита во дворец Кванга, главы всех пиратов и последователей фенг-шуи.

Сверхъестественное могущество Кванга заключается в том, что ему приписывается китайцами вездесущие, то есть способность находиться одновременно в двух различных местах и умение проникать всюду, несмотря ни на какие преграды и запоры. Кроме того, еще две особенности отличают его от простых смертных: никто не знает его лично, и никому неизвестно, где он живет. Даже из членов общества пиратов, за исключением командиров джонок, никто не вхож к нему во дворец, построенный на одном из бесчисленных Зондских островов и окруженный рифами и коралловыми скалами, сквозь лабиринт которых не может пробраться ни один отважный моряк, не зная крайне извилистого и опасного прохода через них. Группа этих маленьких островков, известных в подробности одним лишь китайским пиратам, отмечается на европейских картах названием Опасного архипелага.

Окруженный чисто азиатской роскошью, живет там в своем дворце Кванг, ведя таинственное существование и допуская к своей особе только

главарей разбойничьих банд и немногих преданных друзей. Туда к нему стекаются все богатства, получаемые, в виде налога, от морской и речной торговли, и стекаются уже с давних пор, так как общество пиратов ведет свое начало со времен завоевания Китая маньчжурами. Когда эти последние низложили национальную династию Мин, некоторые китайские патриоты не захотели подчиниться господству чужестранцев и, удалившись за море, образовали независимую державу, которая стала потом убежищем всех недовольных новыми властелинами Небесной Империи. Так с течением времени возникло это могущество пиратов, столь страшное и опасное для верховной власти китайских богдыханов.

Появление паровых судов ограничило число жертв, подвергавшихся нападениям пиратов; но в скором времени они вознаградили себя увеличением числа речных разбоев, которые они продуманно организовали на всех больших реках империи, не пренебрегая, однако, и некоторыми реками средней величины. Вот почему размер государственных налогов с такого громадного населения, насчитывающего свыше четырехсот миллионов человек, едва доходит до пятисот миллионов франков. С давних пор пираты присвоили себе право обходить всевозможные таможни, не смеющие и подумать о задержании их товаров. Пошлины с них, таким образом, не поступают в государственную казну, и последняя вследствие этого теряет половину своих доходов.

Страшный мандаринам и пекинскому правительству, почитаемый народом как верховный жрец его древней религии, вытесненной буддизмом, Кванг представляет собой в действительности самое могущественное лицо в Китае. Неудивительно, что принц Кунг должен был обратиться к нему с просьбой об изыскании средств, чтобы изъять из рук западных варваров священный скипетр, без которого коронация юного императора не имело никакого смысла.

Кванг имел и в самом Пекине секретную резиденцию, которую он иногда посещал. Это был роскошный дворец небольших размеров, построенный среди садов в старой части города и принадлежавший номинально одному богатому купцу. Там Король Смерти проживал временами так же уединенно, никем не видимый и не знаемый, как и у себя на острове, среди океана. Польщенный обращением к нему принца Кунга, Кванг, случайно находившийся тогда в Пекине, отвечал ему следующим письмом:

Принцу Кунгу

В час дракона³ Кванг будет в городе с тремя стенами и войдет в Тай-го-тъян, где Нан Ли, Свет Неба, и Кунг, Свет Советов, собираются

принять его. Он сообщит им то, что следует делать.

Кванг, знающий все, могущий все, и видящий все

Получив такое послание, Кунг немедленно сообщил его автору пароль для прохода во дворец и порядок церемониала, принятого в подобных случаях, но его письмо было возвращено с лаконичной надписью:

Бесполезно. Кванг проходит всюду.

Принц Кунг был человек недюжинного ума и смеялся над суевериями толпы, отвергая обычные мнения о всемогуществе Кванга.

Однако, из любопытства, он решил про себя посмотреть, до какой степени доходит могущество главы пиратов.

VI

Императорский дворец в Пекине. — Явление Короля Смерти. — Договор. — «От Кванга!» — Похищение «Регента».

Императорский квартал в Пекине состоит из трех кругов, заключенных друг в друге и отделенных один от другого стенами. Первый называется Тай-го-тьян; здесь находится дворец, предназначенный для особы самого императора, апартаменты его семейства, великолепные сады с речками, озерами и искусственными горами; здесь также находится знаменитый мост из черной яшмы, представляющий дракона. Неисчислимы богатства хранятся в этом дворце. Второй круг заключает так называемый Цу-кин-чинг, что значит «средний дворец», а в третьем круге находится «наружный дворец» — Гуанг-чинг. В день, когда Король Смерти должен был явиться во дворец, принц Кунг удвоил караулы у всех выходов, которые поручено было охранять «императорским тиграм» — так называются в Китае солдаты маньчжурской гвардии, в верности которых убеждает уже одно их происхождение. Он дал им пароль для прохода и объявил, что если кто из них дозволит войти во дворец без этого пароля кому бы то ни было, а тем более какому-нибудь иностранцу, — он немедленно, без всякого следствия и суда, будет казнен.

Большая зала в Тай-го-тьяне, где предполагалось свидание с Квангом, служит обыкновенно императору для приема высших чиновников, а также иностранных послов. Справа эта зала ограничивается позолоченной решеткой с самыми мелкими украшениями; за ней может присутствовать во время аудиенции императорская фамилия, видя и слыша таким образом все, но сама не будучи видима. Это делается только тогда, когда аудиенция представляет какой-нибудь интерес. К назначенному часу императрица Нан Ли была уже за решеткой, не без страха готовясь увидеть Короля Смерти — загадочную и таинственную личность, о которой много чудесного наговорили ей еще в детстве (Нан Ли, или Небесный Цветок, несмотря на

свое вдовство, была еще молода — ей было всего двадцать два года).

Принц Кунг также прибыл в эту залу, но, согласно требованиям этикета, остался в приемной ее части и здесь сел на свое место, ожидая, когда ему доложат о появлении у дверей Кванга. Час свидания приближался, но принц не мог уловить нигде ни малейшего звука, как ни напрягал он свой слух; напрасно каждую минуту ожидал он увидеть в дверях офицера «тигров», идущего к нему с докладом.. Вот наконец и полночь, которую возвестил своими протяжными криками огромный дракон на дворцовых часах, будя ими уснувший дворец... Вдруг принц невольно вздрогнул: в одном из углов залы, которая слабо освещалась светом одного только канделябра, он заметил неизвестно откуда появившуюся фигуру, шедшую прямо к нему.

Слабое восклицание, раздавшееся за решеткой, дало ему понять, что императрица также увидела это внезапное появление в зале незнакомца.

Приближавшийся к принцу таинственный незнакомец был закутан с головой в покрывало из красного легкого газа, который хорошо скрывал черты его лица от посторонних глаз.

— Кванг! — невольно воскликнул принц.

— Он самый, принц Кунг, — ответил гость спокойно. — Кванг всегда аккуратно приходит в назначенный ему час.

— Добро пожаловать! — сказал принц. — Извини, что сама императрица не может тебя принять лично: придворные обычаи не позволяют этого. Она все-таки может видеть тебя, слышать и давать ответы на твои вопросы.

— Я это знаю, — ответил Кванг. — Небесный Цветок там.

И он показал рукой на решетку, за которой скрывалась императрица, прибавив:

— Ты видишь, принц, что для Кванга ничто ваши ограды и рвы всех трех кругов императорского жилища, равно как и все ваши пароли и солдаты маньчжурской стражи.

Дядя юного императора не скрывал своего удивления перед появлением Кванга, сумевшего неизвестно как проникнуть во дворец, зорко оберегаемый маньчжурскими караулами; но он не желал доставить Квангу удовольствия думать, будто и принц Кунг разделяет относительно его личности предрассудки толпы, и потому холодно возразил:

— Кванг могуществен, — это я вижу: он имеет сообщников даже в императорских дворцах; но завтра же те, кому в эту ночь поручена была охрана входов в императорский дворец, будут сосланы в Северную Монголию.

— Это было бы напрасно, — заметил Король Смерти. — Никто не пропустил меня сюда; я сам прошел. И если ты хочешь повторить опыт со мной, то я точно так же и завтра могу пройти сюда, и когда тебе будет угодно: назначь только день и час. Никто не может помешать мне в этом... Но приступим к делу, так как времени у меня мало, и я им дорожу.

— Я весь к твоим услугам, — сказал принц с легким наклоном головы. — Ты уже знаешь, что драгоценный скипетр, без которого утверждение юного императора на престол его предков было бы невозможно или, по крайней мере, непрочное, похищен западными варварами во время последней нашей с ними войны. В этом большом затруднении у нас с императрицей-регентшей явилась блестящая мысль — обратиться к тебе за помощью: возврати нам от варваров наш драгоценный скипетр!

— И вы хорошо сделали, обратившись ко мне, — ответил Кванг. — Менее чем через шесть месяцев от сегодняшнего дня вы получите его обратно. Но какая мне будет награда за это не совсем безопасное дело?

— Назначь ее сам, — предложил принц.

— Хорошо! Я требую, чтобы императорским указом Кванг был навсегда утвержден в звании короля всех рек и морей, принадлежащих Китаю.

— С этой просьбой следует обратиться к императрице-регентше, — сказал уклончиво принц Кунг.

— Я согласна, — поспешила произнести Нан Ли, которая, сидя за решеткой, прилежно слушала разговор дяди императора с загадочным человеком в газовом покрывале.

— Императорский указ, — продолжал Кванг, — должен быть изготовлен немедленно, так как я в эту же ночь оставляю Пекин.

— Все будет сделано по твоему желанию, — сказал принц. — Куда нужно будет послать этот документ о твоем новом звании?

— Ты прикажешь передать его какому-нибудь лодочнику на реке, как ты это сделал, вызывая меня сюда. — Да хранит Паньгу тебя, императрицу, Небесный Цветок, и юного императора!

И едва принц поднял голову, чтобы послать гостю прощальное приветствие, как увидел, что его уже не было в зале: Кванг исчез так же неожиданно, как неожиданно явился!..

Истекал уже шестой месяц, установленный срок возвращения драгоценной регалии, а от Короля Смерти не было никаких известий. Императрица начинала уже терять надежду на возвращение скипетра, но

однажды утром, покидая свою постель, она увидела на маленьком столике возле нее длинный узкий ящик из сандалового дерева с перламутровыми инкрустациями. Никогда не было у нее в спальне подобного ящика, и потому понятно, с каким изумлением взяла она его в руки и, присев на край кровати, осторожно открыла крышку.

На листке шелковой бумаги, прикрывавшем что-то, было написано по-китайски: «От Кванга». Нан Ли приподняла листок — и увидела драгоценный скипетр Хуан-ди, покоившийся на свертке мягкой материи, а рядом с ним — ослепительно блестящий, огромных размеров алмаз, который величиной своей и блеском превосходил все сокровища императорского дворца!

Глубоко обрадованная таким неожиданным сюрпризом, Нан Ли не стала допытываться, каким образом этот ящик попал в ее спальню, и притом во время ее сна, а тотчас же дала знать о случившемся принцу Кунгу и велела позвать придворных ювелиров. Последние немедленно явились и приступили к тщательному осмотру скипетра Хуан-ди, чтобы удостовериться в его подлинности, так как драгоценная вещь могла быть подменена поддельной. Но напрасны были сомнения: после долгого и основательного осмотра все убедились, что скипетр был настоящий, тот самый скипетр Хуан-ди, который похитили варвары при ограблении и сожжении ими императорского загородного дворца. Теперь он опять был в руках его законных обладателей, — честь и слава Квангу, для которого нет ничего невозможного!

Что касается подарка Кванга, огромной величины алмаза, то ювелиры в один голос подтвердили, что они не знают равного ему ни по величине, ни по блеску, и оценили его в два миллиона таэлей, то есть почти в пятнадцать миллионов франков! Подарок был во всех отношениях достоин Сына Неба!..

Теперь объясним читателям, как все это случилось.

Глава морских и речных пиратов, он же Король Смерти, немедленно после свидания с принцем Кунгом отправился в Париж, взяв с собой нескольких особенно ловких из своих приближенных. После тщетных попыток проникнуть в императорскую сокровищницу, в которой хранился скипетр Хуан-ди (дело было при Наполеоне III), он пришел к убеждению, что следует воспользоваться днем публичной выставки сокровищ и, пробравшись к витрине, где они будут выставлены, разбить стекло, а потом овладеть предметом своих поисков, ради которого он предпринял такую далекую и небезопасную поездку. Расчет был верен, и его план вполне удался, как это мы сейчас увидим.

В день выставки Кванг вошел в залу, где уже собралось много публики, и, оставив у входа одного из своих людей, направился с прочими к витрине с драгоценностями.

Вдруг у входа раздался выстрел. Вся публика бросилась к месту происшествия, как всегда бывает в подобных случаях. Тогда, оставшись у витрины один со своими помощниками, Кванг быстро разбил стекло и, еще быстрее схватив драгоценный скипетр и самый крупный алмаз, передал их одному из своих людей, который немедленно и скрылся с ними. Этот последний был одет по-европейски и физиономией своей почти совсем не походил на китайца.

В то время как человек с двумя драгоценностями в кармане спешил как можно скорее скрыться из виду, Кванг и три его помощника, которые были не кто иные, как наши знакомцы Лу, Кианг и Чанг, продолжали преспокойно наполнять свои карманы остальными сокровищами, пока не были наконец окружены публикой и арестованы жандармами. И в тот момент, когда их препровождали к полицейскому префекту, человек со скипетром и с алмазом мчался уже в фиакре к вокзалу Северной железной дороги, где он рассчитывал попасть на поезд, соответствовавший отходу пакетбота из Ливерпуля в Индокитай.

Когда факт кражи был обнаружен, полиция тотчас же позаботилась запереть все выходы из залы и никого не выпускать из нее. Кванг и его товарищи были обысканы; похищенные вещи были отобраны у них, но скипетра Хуан-ди и знаменитого алмаза, под названием «Регент», не могли найти нигде, несмотря на все поиски и старания.

Можно представить, как были поражены хранители коронных сокровищ и чиновники, заведовавшие выставкой! Опрошенный через переводчика Кванг отвечал с достоинством, что китайцы только взяли обратно скипетр китайского императора, похищенный варварами из летнего дворца; что касается крупного алмаза, то они ничего не знают о нем. Когда же им указали на другие драгоценные вещи, отобранные у них, то Кванг возразил с тонкой улыбкой:

— Надо же было дать время скрыться тому, кто взял скипетр Хуан-ди!

После этих двух показаний он не раскрывал более рта, замкнувшись в самом решительном и ничем невозмутимом молчании.

В ожидании решения высшей власти чиновники предусмотрительно условились молчать о главной краже: тогда были еще слишком живы впечатления китайской экспедиции и публичного порицания как во Франции, так и за границей грабежа летнего дворца, а потому было бы неуместно, а может быть, даже и прямо опасно поднимать снова недавний

вопрос о «национальной чести». И то некоторые журналисты уже доказывали, хотя и негромко, что кража в Лувре есть естественное следствие кражи, совершенной несколько месяцев назад в летнем дворце китайского императора.

Ввиду такого настроения общества в высших сферах не знали, что предпринять. Если не потушить дела, то ведь нужно будет предать виновных в руки общественного правосудия, а что из этого выйдет? Как помешать адвокатам рассматривать дело со всех сторон и открыть в нем некоторую связь с делом о китайском летнем дворце? И что будет, если вдруг виновные будут оправданы — в силу давления на суд общественного мнения?

Плодом этих соображений была заметка следующего содержания, появившаяся в некоторых газетах:

В луврском инциденте не оказалось ничего серьезного, кроме выстрела одного сумасшедшего, вообразившего себя в опасности от мнимых врагов. Что касается коронных сокровищ, то все они целы, и витрина, в которой они помещались, была разбита совершенно случайно неосторожным движением одного китайца, пораженного шумом и испугом публики при выстреле; чиновники же, распорядившиеся выставкой, просто ошиблись, увидев разбитое стекло, и приписали простую случайность, происшедшую от неловкости, покушению на кражу драгоценностей. Арестованные по недоразумению китайцы выпущены на свободу.

В действительности китайцы, как мы это знаем, не получили свободы, а напротив — очень скоро под большим секретом были отправлены в Новую Каледонию. Там они были отданы под наблюдение господина Прево-Лемера, который любым способом должен был возвратить французской короне похищенный ими «регент».

Мы видели, что генеральный прокурор в Нумеа после многих бесполезных попыток добиться чего-нибудь существенного от китайцев кончил тем, что обратился за помощью к парижской полиции.

Командированный ему на помощь Гроляр при первом же свидании с прокурором посоветовал ему дать китайцам возможность бежать, посвятив наперед в этот план кого-нибудь из их «товарищей». Этот последний должен был даже способствовать бегству и поставить китайцев перед необходимостью взять и его с собой, доказывая, что в противном случае ему после их бегства немислимо будет оставаться в Нумеа.

— Когда первая половина этого плана будет выполнена, — сказал в заключение Гроляр, — вторую половину его я беру на себя. Я буду в переписке с этим товарищем-наблюдателем, и через него мне будет

известно все, что станут делать бежавшие китайцы. Как только он напишет мне, что они уехали в Китай, я сам туда поеду и с помощью французского посланника стану отчасти открыто требовать возвращения похищенной драгоценности, угрожая в случае отказа новой войной с Францией; отчасти же прибегну к хитрости.

— Делайте как знаете, — отвечал ему генеральный прокурор, — но всеми силами постарайтесь, чтобы наши хлопоты увенчались полным успехом. Имейте в виду, что если этот алмаз не будет возвращен французской короне, то общественное мнение не замедлит обвинить правительство в том, что оно, нуждаясь в деньгах на свою расточительность, отдало драгоценность какому-нибудь ростовщику в залог. Подобная догадка тем более покажется вероятной, когда узнают наконец, что вместо действительного «Регента» в сокровищнице лежит теперь поддельный алмаз, положенный туда для того, чтобы на известное время обмануть глаза любопытных. Можете себе вообразить, что случится, если эта невинная подмена будет обнаружена и принята за злонамеренную!

Сговорившись таким образом, эти два ловких человека предоставили китайцам возможность бежать, надев на себя маски наивных, ничего не ведающих людей...

VII

Бегство, превзошедшее ожидания. — Прево-Лемер напоминает клятву Бартеса. — Конторщик «короля банкиров» и «банкира королей». — Быстрая карьера. — Семейство банкира.

Бегство китайцев, как мы уже сказали, не удивило ни генерального прокурора, ни Гроляра, его агента; но исчезновение трех товарищ-наблюдателей, которые, по всей вероятности, последовали за китайцами, тогда как с ними должен был бежать один только Ланжале, заставило призадуматься изобретателей этой меры. Прево-Лемер нашел, что Парижанин плохо исполнил то, что ему было поручено. По мысли жреца Фемиды, Ланжале всеми силами должен был бы мешать бегству своих трех товарищей, в крайнем случае даже пригрозив китайцам, что он расстроит их план, если они не согласны будут взять с собой только его одного. Когда прокурор выразил это мнение Гроляру, тот после некоторого размышления сказал:

— Я не совсем разделяю ваш взгляд на это обстоятельство. Конечно, китайцы были очень расположены к Ланжале, но для последнего все-таки было бы крайне трудно предотвратить бегство остальных трех товарищей. Даже более. Ланжале, по моему мнению, рисковал проиграть все дело, если бы начал противиться их бегству с китайцами. К тому же, откровенно говоря, я не вижу опасности для нашего плана в этом исчезновении девяти человек вместо пяти.

— Может быть, — отвечал Прево-Лемер. — Впрочем, бегство Порника и других двух «товарищей» меня самого беспокоит мало. Но вот о чем я теперь глубоко сожалею: что мы не могли помешать бегству с ними Эдмона Бартеса, который поклялся в жестокой ненависти и мщениии всем, кто носит имя Прево-Лемер. Я предвижу, что свобода этого человека причинит нам в будущем огромное и непоправимое зло.

— Чего же вы, собственно, опасаетесь?

— Железной воли этого человека и его решимости, которая ни перед чем не отступает, не знает ни усталости, ни страха! Несмотря на благодеяния моего дяди, которыми тот осыпал его, он, желая поскорее разбогатеть, крадет миллион из его кассы! За эту кражу сослали его сюда — и что же? Вместо того чтобы смириться, чтобы раскаяться в своем позорном поступке, он имел дерзость, имея подмоченную репутацию, сказать мне в лицо, что разорения и бесчестия всех Прево-Лемеров не будет достаточно

для утоления его мести за смерть отца, которого убило недостойное поведение его сына! Вот его последние слова, которые до сих пор раздаются в моих ушах: «Моя жизнь разбита, моя честь опозорена, моя невеста не существует более для меня, мой отец умер от скорби! Знайте, что я объявляю беспощадную войну всему вашему роду, войну апачей⁴, в которой всякое оружие пригодно! Я вас предупредил, — защищайтесь, потому что я буду безжалостен, когда пробьет час правосудия и мщения!»

— Что более всего меня поразило, — продолжал генеральный прокурор, — так это то, что при каждом нашем свидании этот человек настойчиво твердил мне: «Ваш дядя знает, что я невиновен, он хотел спасти честь своего имени ценой моей чести». Не знаю почему, но мне даже кажется, вследствие такой постоянной настойчивости, что дядя мой не совсем был прав в своих подозрениях! А между тем факты говорят другое; они против этого человека: пятьсот тысяч франков были у него найдены; другие пятьсот тысяч исчезли неизвестно куда, и он ничем не мог объяснить этой пропажи!. Как бы то ни было, я сделал колоссальный промах, не обратив должного внимания на этого загадочного господина, — мне следовало построже смотреть за ним. Но кто же мог предвидеть, что он будет играть такую роль в нашем деле?! Во всяком случае мне надо принять необходимые меры предосторожности. Буду просить отпуска во Францию и, приехав в Париж, постараюсь предупредить своих, чтобы они были готовы ко всему. Разумеется, если бы мы могли поскорее привести к желанному концу наше дело, тогда, получив место генерального прокурора в самой Франции, я бы знал, что предпринять, — закон ведь дает могущественное оружие своим представителям против разных беглых преступников!.. Учитывая все это, действуйте, господин Гроляр, — это мое последнее слово, — и пользуйтесь всем, что ни сообщит вам Ланжале, а более всего будьте готовы ко всяким возможным случайностям!..

Неделю спустя после этого разговора Гроляр, как мы уже сказали, уехал из Нумеа в Австралию «закупать сельскохозяйственные машины».

Прежде чем последовать за событиями нашей драмы в ее дальнейшем течении, мы считаем небесполезным дополнить некоторыми подробностями рассказ об Эдмоне Бартесе и его отношении к Прево-Лемерам: мы посмотрим, правы ли были те, кто отправил в ссылку этого молодого человека, и заслуживал ли он строгого отзыва о своей личности со стороны генерального прокурора в Нумеа. Это также даст нам возможность представить нашим читателям некоторых членов фамилии Прево-Лемеров, в ненависти к которой поклялся Эдмон Бартес.

Однако мы не будем возвращаться слишком далеко назад — мы

коснемся лишь того несчастного события, которое привело на скамью подсудимых главного кассира Прево-Лемеров.

В один из чудных вечеров мая, благоухавшего всеми прелестями весны, великолепный особняк банкира Прево-Лемера светился многочисленными огнями, привлекая к себе внимание уличных фланеров. В этот день знаменитый финансист, смелые операции которого удивляли весь Париж, праздновал тридцатую годовщину своего брака и вместе с тем начала своей финансовой деятельности.

Он искренне любил свою жену и детей и — редкая черта в характере капиталистов — посвящал им все свое свободное от финансовых дел время.

Из чувства деликатности он не желал видеть ни одного постороннего лица на своем семейном торжестве, и потому круг участников последнего ограничивался членами его семейства и лицами, служившими у него: все они, начиная от управляющего банкирским домом и кончая последним писарем в бюро, были созваны к столу в этот день.

Жюль Прево-Лемер находился тогда в апогее своей славы, чем он был обязан исключительно умению вести дела, работая неустанно день и ночь, и пользовался благоприятными обстоятельствами. Он был сын незначительного чиновника, служившего в одном финансовом учреждении в провинции, и уже в шестнадцать лет оставил свой родной городок ради Парижа, где некоторые влиятельные люди нашли ему место у Голдсмитов, знаменитых Голдсмитов, которых иначе не называли, как «королями банкиров» и «банкирами королей». Здесь-то юный Жюль и научился постепенно высшей банковской науке и соединенным с ней различным секретам грандиозных денежных операций.

Старый барон Голдсмит имел привычку показывать своим добрым знакомым бюро, за которым четырнадцать лет работал Жюль Прево-Лемер, выводя на бумагах цифры, — и говаривал при этом своим не совсем правильным французским языком:

— Фот бюбитр, с которого начиналь тела малатой Брево-Лемер!

Потом он прибавлял с особенной улыбкой, намекая на стойкость своего финансового дела и на непрочность финансовых дел других лиц:

— Я сокраняй этот пюро, на случай если он фернется!

Но старый «король банкиров» и «банкир королей» ошибался: можно было быть уверенным, как дважды два четыре, что Жюль Прево-Лемер не вернется за свой прежний «бюбитр», видевший его скромные начинания в великой финансовой науке; в случае крушения, которое могло его постигнуть, он скорее согласился бы пустить себе пулю в лоб, чем

вернуться к тому, с чего начал, потому что таков уж был у него характер. К тому же подобное событие оказывалось и прямо невозможным: состояние Жюль Прево-Лемера, по последним данным, оценивалось в двести пятьдесят миллионов. С подобным капиталом банк не может подвергнуться краху, если только банкир привык благоразумно избегать слишком рискованных операций, подразумевая под этим опасную игру на бирже, которую Жюль Прево-Лемер давно уже оставил. Равным образом он постепенно освободился и от вкладов, по которым приходилось платить слишком крупные проценты, и заменил их операциями менее блестящими, но зато с несомненными гарантиями на успех. Так, зная, что в Индии и на Дальнем Востоке можно всегда получить двенадцать — четырнадцать процентов чистой прибыли, он основал свои банкирские конторы в Мадрасе, Бомбее, Калькутте, Коломбо, Сингапуре, Батавии⁵, Шанхае, Гонконге и в Иокогаме. Эти конторы занимались такого рода операциями, где серьезные потери были невозможны: они выдавали вперед деньги под сбор на больших плантациях риса, чая, сахарного тростника, кофе, индиго, опиума, а также лицам, занимавшимся выделкой шелка, и отправляли все эти продукты в Европу. Здесь главная контора, помещавшаяся в Париже, рассылала прибывшие товары на распродажу во все крупные города: Марсель, Бордо, Париж, Гавр, Ливерпуль, Лондон, Амстердам и тому подобное, возвращая себе при расчете свои авансы с надлежащими процентами. Излишки от выручек посылались, конечно, производителям.

Операции эти были так верны, а Жюль Прево-Лемер располагал такими огромными капиталами, что в скором времени он достиг преобладающего значения на всех главных рынках мира.

Все солидные производители обращались к нему и всегда были удовлетворены самым основательным образом в своих нуждах. Слава банкирского дома Жюль Прево-Лемера росла и росла. Словом, этот человек родился под счастливой звездой, которая с самого рождения его бодрствовала над ним, старательно удаляя с его дороги все препятствия и преграды, пытавшиеся остановить его шествие к храму славы. Ему никогда не приходилось переживать тяжелых и печальных периодов существования, которые так угнетают людей на их жизненном поприще.

Уже четырнадцать лет работал он у Голдсмитов, когда однажды познакомился с молодым испанцем из Гаваны, маркизом, носившим громкую фамилию; этот маркиз, несмотря на довольно большое состояние, вложенное деньгами в банк Голдсмитов, был давно уже близок к разорению, так как привык проживать несравненно больше того, что получал. И вот как-то при удобном случае Жюль Прево-Лемер сказал ему:

— Если вы будете продолжать ваш образ жизни, то прежде чем пройдет десяток лет, у вас не останется ни гроша из всего вашего состояния.

— Что же делать, — отвечал смеясь молодой человек, — когда банковские билеты тают в моих руках?!

— У вас триста тысяч франков дохода, а вы тратите более пятисот тысяч!

— Ваша правда, но я не могу уже остановиться на моей покатой дороге; остановлюсь разве тогда, когда уцелеет для меня каких-нибудь двенадцать тысяч ренты. Ну, тогда женюсь на какой-нибудь красавице из хорошей фамилии, с хорошим приданым и похороню себя в провинции, где забуду скачки, пари, тонкие ужины, актрис и танцовщиц, всецело поглощенный воспитанием своих детей, уходом за цветами в своем саду и игрой в безик и триктрак с почтеннейшим тестем, а может быть и с тещей.

— Все это прекрасно, — согласился Жюль Прево-Лемер, — но можно устроиться еще лучше: продолжать тратить по полмиллиона в год и сохранить свое состояние нетронутым, во всей его неприкосновенности.

— Честное слово, если вы можете научить меня искусству тратить деньги, сохраняя их, — я готов буду последовать вашим советам.

— Это очень просто: в прошлом году ваших денег у моих патронов было шесть миллионов и четыреста с лишним тысяч.

— Верно.

— И вы, что называется, выбросили за окно...

— ... эти «четыреста с лишним тысяч», и представьте, менее даже чем в десять месяцев.

— Значит, у вас остается всего шесть миллионов ровным счетом, то есть — ни одним су больше того.

— Милейший мой, вы высчитываете так же математически точно, как покойный Баррем, мой бывший банкир!

— Хорошо! Теперь представьте себе, что если бы вы получали десять на сто, то ваши шесть миллионов приносили бы вам ежегодно по шестьсот тысяч франков, тогда как вы теперь получаете едва половину этой суммы. Это шестьсот тысяч вы смело можете проживать, причем ваш капитал останется нетронутым; он даже будет увеличиваться, а вместе с тем и ваш ежегодный доход.

— Все это так, но где же достать десять на сто?

— А вот где, — выслушайте меня внимательно.

— Я вас слушаю.

— Я служу довольно долго у моих патронов и знаю секрет валютных

операций... Ну, да что об этом много толковать! Доверьте мне ваши шесть миллионов, и я заведу собственный банкирский дом, специально для таких вкладов, как ваш. Тогда я вам гарантирую эти десять на сто.

— Согласен, — сказал маркиз просто, — но предварительно я, со своей стороны, должен кое-что предложить вам.

— Извольте, я вас слушаю, так как во всяком деле одна голова хорошо, а две лучше.

— Может случиться, — сказал маркиз, — что мы вдвоем, хозяйничая в кассе, скорее прогорим, чем если бы хозяином был я один. Ввиду этого, доверяя вам мои миллионы, я требую, чтобы из них была отложена некоторая сумма, ну хоть необходимая для образования двенадцати тысяч ренты, — на черный день; эту сумму вы внесете во французский государственный банк, где, понятно, она будет в сохранности скорее, чем у нас с вами.

— И это все, чего вы требуете? — спросил старый служака Голдсмитов, предвкушая наслаждение от будущего «собственного дела».

— Все. Готовьте акт для подписи!

И акт нового банкирского дома был утвержден на этих основаниях, причем испанец из Гаваны получил также право на пятую долю из чистых прибылей от операций нового финансового учреждения.

Через десять лет после этого вкладчик основного фонда получил, кроме своего взноса, еще двенадцать миллионов, и Жюль Прево-Лемер продолжал дело уже один, с капиталом в шестьдесят миллионов, увеличенным им впоследствии в пять раз.

В год основания своего дома он женился на дочери агента одной разменной кассы («деньги к деньгам», говорили по этому случаю) и взял за ней полмиллиона. Жена его обладала редкой красотой и всеми достоинствами, которые составляют счастье семейного очага.

Холодная, расчетливая и эгоистичная натура, которой обладал Жюль Прево-Лемер, не мешала ему, однако, искренне любить и даже обожать свою жену. Платила ли она ему тем же, — трудно было решить; известно было только, что Жюль Прево-Лемер необыкновенно счастлив и в финансовых делах, и в своей семейной жизни.

У него было три сына. Старший, Поль, двадцати восьми лет, в начале нашего рассказа был капитаном в 4-м гусарском полку; благородный, рыцарский нрав отличал его от многих подобных ему, и в общем он являлся типом французского офицера, который увековечили в своих рассказах Дэталь и Невиль.

Не таков зато был второй сын банкира, Альбер, бывший моложе брата

на два года. Красивый и статный, подобно Полю (оба они унаследовали красоту от матери), он отличался эгоизмом и сердечной сухостью отца, не заимствовав, однако, от него ни любви к труду, ни честности в деле, каково бы оно ни было. Воспитанный в роскоши, приученный к немедленному удовлетворению всех своих желаний и даже капризов, он уважал только богатых людей, а к бедным питал одно презрение, видя в них стадо, обязанное безропотно повиноваться тем, у кого в руках власть и деньги. «Негодная сволочь», «подлая толпа», «пушечное мясо» — таковы были обычные эпитеты, которыми он награждал те слои общества, где когда-то влачили свое существование его отец и все его предки. Он так усердно при всяком удобном случае сыпал этими выражениями направо и налево, что однажды вызвал даже строгое замечание того самого маркиза, который тридцать лет тому назад положил начало благосостоянию его отца, вверив ему свои шесть миллионов.

— Вы забываете, милый мой, — сказал он молодому негодяю, — что без содействия некоторых людей, расположенных к вашему отцу, вы в настоящее время были бы не более как экспедитором в каком-нибудь министерстве или продавцом в Лувре, и то при условии добропорядочного поведения с вашей стороны.

VIII

Планы банкира. — Семейное торжество. — Разговор супругов. — Два зятя в проекте. — Материнская психология. — Выбор сделан.

Урок, данный старым маркизом де Лара-Коэлло молодому Прево-Лемеру, был жесток, но вполне заслужен. Слушая его, Альбер кусал губы от бешенства, так как вокруг них — дело происходило у маркиза — была целая компания. Впрочем, он не возразил ничего и безмолвно проглотил обиду; но зато с тех пор он ни ногой к старому другу своего отца. Вместо того сын банкира стал усердно искать знакомства с титулованными щеголями, что обходилось ему очень дорого.

Выудить деньги у Альбера было очень просто. Когда кому-нибудь из аристократиков, ведущему свой род чуть не от крестоносцев, хотя на самом деле и герб, и титул были просто куплены его дедом, приходила нужда, он лаконично писал молодому Прево-Лемеру:

Добрейший!

Вчера жестоко продулся. Нужно десять билетов по тысяче. Заранее благодарю за одолжение. Всегда твой

Барон де Мартиньер

Как отказать барону, который зовет вас «добрейшим» и позволяет быть с собой на «ты»? Альбер немедленно писал:

Эта пустяковая сумма в твоём распоряжении.

Альбер

Чтобы закончить очерченный нами портрет молодого Прево-Лемера, добавим, что при всей своей лени он обладал достаточным запасом знаний, чтобы не быть безграмотным, и достаточным количеством ума, чтобы не слыть за идиота. Таков был человек, которому, как мы увидим сейчас, пришлось играть видную роль в деле Бартеса.

Когда Альбер и его брат были еще детьми, отец лелеял надежду, что они сделаются со временем его компаньонами и преемниками по банку. Но — увы! — чем более молодые Прево-Лемеры входили в сознательный возраст, тем более разочаровывался в своих надеждах банкир. Поль обнаружил решительную склонность к военной службе, и отец вынужден был позволить ему поступить в Сен-Сирское военное училище; что касается Альбера, то чем дальше, тем яснее становилось отцу, что он способен лишь тратить, но не приобретать.

Оставив надежду в отношении сыновей, старый банкир вынужден был

перенести ее на будущего зятя: дело в том, что у него было еще третье дитя, дочь в возрасте восемнадцати лет.

Стефания — таково было ее имя — представляла собой прелестную девушку, соединявшую в себе красоту матери с прекрасным характером. Доброта и невинность так и светились в ее девственном личике, обрамленном кудрями шелковистых волос. Образованная, умная, милая в обращении, сердечная, — она могла доставить счастье всякому, кто сумел бы добиться ее руки.

Банкир принялся усердно подбирать ей жениха, но дело оказалось труднее, чем он предполагал сначала. Как мы уже видели, Прево-Лемеру необходим был такой зять, который был бы в состоянии продолжать его громадное предприятие; но, кроме того, нужно было, чтобы он мог понравиться Стефании: отец никогда не решился бы отдать дочь за нелюбимого человека.

Проискав напрасно во всех знакомых семьях молодого человека, который бы вполне отвечал этим условиям, банкир возымел наконец блестящую мысль, которую, как мы увидим сейчас, и открыл своей жене во время семейного торжества по случаю тридцатилетия их брака.

Праздник был в полном разгаре, когда банкир отозвал жену в маленький салон, находившийся вдали от танцевального зала, и, обняв ее, взволнованным голосом проговорил:

— Сегодня ровно тридцать лет, моя дорогая, как мы рука об руку идем по жизненному пути. Позволь же мне сердечно поблагодарить тебя за все то счастье, которое ты дала мне.

— Но и ты, в свою очередь, — отвечала глубоко тронутая мадам Прево-Лемер, — всегда был образцом нежного супруга и отца!

— Одна только мысль беспокоит меня, одного недостает для полноты моего счастья, — это видеть Стефанию устроенной. Ты знаешь, что я давно уже лелею мысль выдать ее за человека, который сумел бы сделать ее счастливой и в то же время смог бы вести начатое мною дело. Но до сих пор план этот оставался неосуществленным: ни в одном из семейств, подходящих к нам по богатству и положению, я не мог найти для Стефании подходящего жениха. Наконец меня озарила счастливая идея...

Здесь банкир вдруг остановился, прислушался и, подойдя к портъере, отделявшей салон, где происходила беседа, от зимнего сада, быстро откинул ее. В зимнем саду, однако, не оказалось никого.

— Что такое, Жюль? — спросила банкира удивленная мадам Прево-Лемер.

— Ничего, ничего, моя милая, — поспешил ответить тот. — Мне

показалось, что в соседнем помещении кто-то есть. Но я ошибся. Продолжу лучше свою мысль» Итак, я подумал, что вопрос о состоянии нашего будущего зятя — вопрос второстепенный, лишь бы только он удовлетворял другим условиям: мог сделать счастливой Стефанию и вести мое дело. Решив так, я перестал подыскивать дочери мужа среди богатых семейств и начал искать около себя, среди своих служащих. На этот раз поиски были успешнее: я скоро остановился на двух молодых людях, которые почти в одинаковой степени обладают требуемыми качествами.

— И эти избранники?.. — спросила жена.

— Разве ты не догадываешься, кто они?

— Пожалуй, что и догадываюсь, — улыбнулась мадам Прево-Лемер.

— Так скажи мне, дорогая: если твой выбор сойдется с моим, это еще более укрепит меня в моем решении.

— Ты, конечно, думаешь об Эдмоне Бартесе и Жюле Сегене?

— Совершенно верно: о моем главном кассире и главном бухгалтере.

Ни тому ни другому нет еще и тридцати лет, но тем не менее они занимают самые главные должности в моем банке. Эдмон Бартес отличается проницательным умом, практической сметкой и в то же время благоразумной осторожностью. Будучи моей правой рукой, он знает дела фирмы почти так же хорошо, как и я сам. Его способность продолжать начатое мной предприятие стоит вне всяких сомнений. В то же время, как ты знаешь, по своей наружности он — красавец, ловкий кавалер, изящный и интересный. Наконец, он происходит из хорошей семьи: его отец — дивизионный генерал в Невере.

— Что касается меня, — с улыбкой заметила мать Стефании, — то, если бы мне пришлось выбирать, я без колебаний...

— Выбрала бы Бартеса?

Тут банкир снова вскочил и подошел к портьеру: ему опять показалось, что в зимнем саду кто-то есть. Но самый внимательный осмотр не обнаружил там ничего подозрительного.

— Удивительно, — пробормотал он, — мне все чудится...

— Полно, Жюль, — успокоила его мадам Прево-Лемер, — подумай, кому какая нужда шпионить за нами.

— Твоя правда, дорогая... Ну-с, так ты предпочла бы Бартеса? Нельзя ли узнать, почему?

— Скажи мне сначала свое мнение о втором претенденте, а я потом сообщу свое.

— Охотно! Жюль Сеген почти так же молод, как и Бартес, и так же красив, хотя наружность его иного типа. По уму и способностям он,

несомненно, не ниже Бартеса: все дела фирмы знает в совершенстве; наконец, и по происхождению он принадлежит к безусловно порядочной семье: отец его — судья в Сенском департаменте, пользующийся всеобщим уважением. Ну, теперь скажи, что ты имеешь против Сегена?

— Видишь ли, Жюль, — начала мадам Прево-Лемер, — при всех своих достоинствах, которых умалять я вовсе не собираюсь, этот молодой человек произвел на меня при первой встрече какое-то неприятное впечатление...

— Но кто же верит, дорогая, первому впечатлению? — перебил банкир.

— И потом, наблюдая за господином Сегеном, я всегда думала, что ему недостает искренности и прямоты Бартеса.

Банкир пожал плечами.

— Не знаю, — произнес он, — я тоже наблюдаю за Сегеном уже десять лет...

— Дай мне докончить, мой друг... Наконец, мне кажется, у него несколько черствое сердце. Я тебе расскажу один факт, который имел место недавно без тебя. Бартес, Сеген и еще несколько гостей сидели у нас за столом и разговаривали. Речь зашла о бедственном положении жены и дочери Бернара — того Бернара, который, помнишь, обанкротился в прошлом году... Слыша о лишениях, которые они терпят, Бартес не мог удержаться от сожаления. «Бедные женщины!» — вздохнул он. «Ну, не нахожу этого, — отозвался Сеген, — по-моему, так они терпят по заслугам, так как в дни богатства Бернара я не видал женщин вздорнее и чванливее этих дам...» Меня слегка покорило, и я постаралась переменить разговор. Через неделю еду к Бернарам, чтобы чем-нибудь помочь им, и представь себе, что узнаю! Оказывается, Эдмон, желая помочь несчастным и в то же время боясь оскорбить их милостыней, придумал сказку, будто он должен был Бернару пять тысяч франков, но не успел возратить их, находясь за границей, и теперь считает своим долгом вернуть их. Разве такое благородство не редкость в наше время?

— Я вполне согласен с тобой, моя дорогая. Этот великодушный поступок еще больше возвышает Бартеса в моем мнении. Конечно, он будет для Стефании наилучшим мужем. Но ты что-то улыбаешься, Сюзанна?»

— Видишь ли, мой друг, — отвечала мадам Прево-Лемер с Улыбкой, — в довершение всего мне кажется, что Стефания не совсем равнодушна к Эдмону.

— В самом деле? Тем лучше! Тогда не о чем и разговаривать. Тебе

остается лишь переговорить с влюбленными. Результат своего разговора ты сегодня же передашь мне, а в ближайший день будет и помолвка.

— С удовольствием, мой друг! — отвечала жена банкира собираясь покинуть салон.

— Даже вот что!.. Пстой-ка, Сюзанна! Не объявить ли нам о помолвке сегодня же вечером, во время ужина?

— Это будет еще лучше.

— Ну так ступай, моя дорогая! — проговорил банкир, еще раз обнимая свою достойную подругу.

Мадам Прево-Лемер вышла в танцевальный зал, где Стефания, краснея от удовольствия, танцевала с Эдмоном Бартесом, и сделала молодой парочке знак следовать за ней в ее будуар.

IX

Невольные шпионы. — Ни взад ни вперед. — Подлог векселя. — За полумиллионом франков. — Адский проект. — Любезное внимание.

Едва банкир и его жена ушли из маленького салона, где они поверяли друг другу свои семейные тайны, как две половины тяжелого оконного занавеса отдернулись, и из-за них показались два человека, безмолвные и бледные, словно собиравшиеся совершить преступление.

Это были Альбер и главный бухгалтер его отца Жюль Сеген. Пробравшись в эту комнату с целью, о которой мы узнаем ниже, они были застигнуты врасплох хозяевами дома и, не успев обменяться и парой слов, едва успели скрыться за опущенный оконный занавес, закрывавший окно от любопытных глаз уличных прохожих.

Конечно, и банкир, и его жена, удалившиеся сюда, чтобы на свободе обменяться мыслями о занимавших их предметах, были слишком далеки от подозрения, что они здесь не одни; с другой стороны, и молодые люди не думали попасть в засаду, где они совершенно невольно стали шпионами; они вовсе не для этого проникли сюда, — их цель была совсем другая...

Как бы то ни было, но Альбер и его соучастник слышали все, о чем беседовали банкир и его жена. Едва последние ушли, как они быстро освободились из своей случайной западни, уверенные, что больше никто не встревожит их. Тем не менее фигура Жюля Сегена все еще сохраняла следы изумления и озабоченности, в которые поверг его неожиданный приход хозяев в эту комнату.

Альбер, заимствовавший от людей, которых он посещал, привычку все, что бы ни случилось, обращать в шутку (эта милая черта характера и теперь еще сохраняется у некоторых субъектов известного класса), первым прервал молчание, воскликнув:

— Уф, черт возьми, я едва не задохнулся в этой клетке! Почтенный папаша мог спасти меня двумя способами: или раскрыв двери нашего заключения, или убравшись отсюда! Он предпочел второе — ну, тем лучше для него и для нас! Но вообрази себе фигуру виновника моих дней, если бы он вздумал раздвинуть половинки занавеса! Последовал бы диалог, имевший место при открытии убежища некоего господина в гардеробном шкафу в два часа утра: «Что вы тут делаете?» — «Прогуливаюсь!» Потеха!.. Но что за мрачный вид у тебя? Неужели тебя так устрасило наше приключение?

— Нет, но я все думаю.

— О чем?

— Сейчас узнаешь.

— Как ты находишь идею папаши выдать Стефанию за Эдмона?

— Вот именно об этом я и хотел поговорить с тобой... Но сначала скажи мне, зачем ты привел меня сюда?

Этот вопрос сразу придал физиономии Альбера то серьезное и отчасти беспокойное выражение, с которым он вошел в этот салон в сопровождении своего друга.

— Видишь ли, — сказал он, — я хочу просить тебя об одной услуге...

— Если только она в пределах моих возможностей, — отвечал Сеген, — ведь ты знаешь, что я всегда твой покорный слуга.

— Дело касается твоей специальности, то есть денег» Скажи мне, как ваши корреспонденты рассчитываются за свои авансы, получаемые от вас?

— Да очень просто — сведением баланса в конце каждого месяца.

— Твой ответ не совсем ясен для меня» Но как бы там ни было, а я, кажется, пропал, если ты не придешь ко мне на помощь: мне остается или пустить себе пулю в лоб, или бежать в Америку, спасаясь от гнева Превоспапаши!

— В чем же дело?

— Прошлый месяц я был увлечен адской игрой»

— И, конечно, проиграл?

— Естественно!

— Сколько?

— Боюсь сказать.

— Не ребячься, говори!

— Полмиллиона!

— Черт возьми, ты-таки преуспеваешь! И это в прошлом месяце, говоришь? Как же ты расплатился?

— Я сделал перевод уплаты этих пятисот тысяч франков на счет папаши, подписанный Мистенфлютом или, кажется, Баландаром, если не ошибаюсь»

— Так. Но по этому переводу, братец, не будет ни гроша уплачено, и твои Мистенфлют или Баландар будут опротестованы!

— Ты, однако же, не понимаешь, что я хочу сказать...

— Говори яснее, и я тебя пойму.

— Неужели ваш банк отказал бы в уплате требования, подписанного Баландаром, даже и тогда, если бы на нем значилась подпись...

— Твоего отца? Несчастный! Угадываю, в чем дело: ты, значит,

подделал его подпись?

— Вот именно! — ответил Альбер с улыбкой облегчения, после чего продолжал: — Ты ужасно туп на догадки! Но продолжу... Теперь, когда ты знаешь все, скажи мне, не мудрствуя лукаво, можешь ли ты спасти меня? Если можешь, я буду тебе вечно признателен, если же нет, то я буду знать, что мне остается предпринять.

— Ты преуспеваешь, это верно! Но дай мне время подумать» Надо сначала сделать так, чтобы этот перевод уплаты не был переслан к нам; иначе все наши бюро будут взволнованы им, и твой отец немедленно будет предупрежден... Когда срок уплаты?

— Пятнадцатого мая, то есть завтра..

— И только сегодня ты сказал мне об этом! От кого ты получил деньги?

— От Соларио Тэста и сына.

— Это же страшные скряги, черт возьми! Ни малейшего средства уладить с ними дело, пойми ты это! Можно быть уверенным, что они отправили уже документ для удостоверения во французский банк, и твой отец, который состоит там одним из распорядителей, с минуты на минуту может быть предупрежден о казусе... Это ужасное дело! Пойми ты, это ведь событие — иметь у себя в портфеле подпись твоего папаши! И если ему до сих пор еще ничего не сказали, то, значит, сомневаются в чем-то и ждут, будет ли уплачено по подобному документу!

— Скажи мне, что, по-твоему, может случиться?

— О, может случиться простая вещь: если требование будет предъявлено, отец твой немедленно уплатит по нему; но потом он отправится к Соларио Тэста, чтобы узнать, кто выдал им вексель, а выяснив это, он прижмет тебя к стене, потому что не любит шутить в денежных делах: по его убеждению, не может быть ничего хуже того, что ты сделал! Он готов скорее простить убийство, чем подлог!

— Боже мой! Что же мне теперь делать!

— Быть завтра в банке ранее восьми часов утра с полумиллионом франков в кармане; тогда твой отец ничего не узнает, и дело канет в вечность.

— Но где же я возьму их, эти полмиллиона?

— Вот как еще можно устроить: ты возьмешь выданное тобой требование об уплате и к подписи «Прево-Лемер» прибавишь слово «сын»; тогда, по крайней мере, не будет подлога, и на вопрос отца ты можешь откровенно ему сказать, что вынужден был прибегнуть к этому из-за крупного проигрыша, который уплатили за тебя твои приятели, и что

впредь ты будешь осторожнее. Словом, отец уплатит за тебя, и дело обойдется одним выговором, без подозрения, что готовился подлог.

— Все это недурно, — согласился, вздохнув, Альбер, — но еще лучше было бы, если бы достать эти пятьсот тысяч. И нужно достать их сегодня же! Я рассчитывал позаимствовать их из твоей кассы. Я бы их вернул тебе по частям, надеясь на помощь матери, которой я признался бы в своем проигрыше, и на свои пятьдесят тысяч франков, ассигнуемые мне ежемесячно отцом.

— Это невозможно, так как я не имею никакого отношения к кассе нашего дома. С этим надо обратиться к Эдмону Бартесу, который заведует ей, производя все платежи и выдачи. Для него это будут сущие пустяки — выдать тебе авансом пятьсот тысяч франков, о чем никто никогда и не узнает.

— Сомневаюсь, чтобы он оказал мне подобную услугу!

— Ты мастер только сомневаться. А я так уверен в противном, потому что сам, на его месте, сделал бы для тебя то же.

— Ну хорошо, буду надеяться на услугу Бартеса!

— Есть еще одно средство...

— Какое, голубчик? Ты все более и более окрыляешь меня надеждами! — радостно воскликнул Альбер.

— Прежде чем открыть тебе это средство, нужно сперва посвятить тебя в мои планы и проекты, потому что и у меня они есть! Но предварительно ты поклянешься принять самое деятельное Участие в них. Без этого ни ты не будешь спасен, ни я не успею в моем заветном желании, ставшем целью моей жизни.

— Черт возьми, ты слишком красноречив, чтобы не дать тебе этой клятвы! Итак, я весь твой, и телом и душой, тем более что мне ведь остается одна только пуля в утешение, если ты не спасешь меня!

— Ну, так слушай же! — начал Сеген со зловещей улыбкой, не предвещавшей ничего хорошего. — Ты был здесь невольным свидетелем того, как твой отец колебался в выборе себе зятя между Бартесом и мной, и как этот выбор, благодаря влиянию твоей матери, пал на моего соперника.

— Твоего соперника?

— Да, потому что я люблю твою сестру!

— И давно? Ты ведь никогда не говорил мне об этом.

— Это не важно ни для тебя, ни для меня. Важно только то чтобы мои надежды осуществились.

— А я думал, что тебя соблазняет управление делами банкирского дома Прево-Лемера!

— Может быть, и это, — не будем бродить вокруг да около, а приступим прямо к делу, в котором нужна мне твоя помощь: ты должен помочь мне изменить решение твоего отца.

— Друг мой, тебе ведь известно, что я не имею никакого влияния на его волю: при первых моих словах он обрежет меня так, что я навсегда лишусь дара речи!

— Это было бы очень жалко! Но знай, что, спасая себя, ты тем самым осуществишь мой проект.

— Так выразишься яснее, потому что, честное слово, я ничего не понимаю!

— Сначала нужно все деликатности и предрассудки оставить в стороне...

— Прекрасно, оставим их! Они ведь годятся только для глупцов!

— И приступить к делу непосредственно, — продолжал Сеген, — или, проще говоря, надо взять из кассы необходимую тебе сумму, — из кассы, которой заведует Бартес... Завтра днем она будет открыта для обычных платежей, падающих на пятнадцатое число, а вечером, подводя итоги, откроют отсутствие этой суммы.

— Но тогда отец арестует Бартеса как вора!

— Ничуть не бывало. Отнесут исчезновение к простой ошибке в счетах или к забывчивости какого-нибудь получателя, который не прислал, положим, из Индокитая, своей расписки в авансе и так далее. Начнутся справки да уведомления, на которые уйдут месяцы, и в конце концов придут к заключению, не очень выгодному для главного кассира, что и заставит твоего отца переменить относительно его свои намерения... Вот именно это-то мне и нужно!

— Хорошо! Но как же добыть их, эти пятьсот тысяч, из кассы?

— Это я беру на себя, но при одном только условии — При каком?

— Ты проникнешь в квартиру Бартеса и возьмешь у него связку ключей, среди которых находится и ключ от кассы.

— Это очень неосторожно с его стороны — оставлять ключи в квартире уходя куда-нибудь!

— Ничего нет неосторожного, потому что ключ от кассы похож на все прочие, и чтобы узнать его, нужно увидеть на нем особенные, известные только Бартесу, приметы; но с некоторых пор и я овладел этим секретом, воспользовавшись однажды его оплошностью: он забыл раз печатное описание этих примет у себя на пюпитре, и я потихоньку списал их для себя.

— Все это прекрасно, но где я найду ключи, войдя к нему в квартиру?

— Запомни, что я тебе скажу, и будь ловок, как кошка. Когда войдешь в его прихожую, то увидишь маленькую дверь налево; открой эту дверь, и ты очутишься в небольшой комнатке, на правой стене которой увидишь висящее старое пальто. Приподними это пальто — и увидишь под ним связку ключей, повешенную на особом гвозде.

— Черт возьми, ты проникателен, как сыщик, который знает все секреты в каком-нибудь интересном для него доме! Как тебе удалось пронюхать все это?

— Уж это, брат, мое дело. Итак, ступай в квартиру Бартеса, а я пойду в танцевальный зал — побеседовать с ним, чтобы подольше удержать его там. И когда ты принесешь мне эти ключи, тогда я с ними и отправлюсь в кассу.

— Но квартира Бартеса может оказаться запертой, или его лакей может увидеть меня!

— Я подумал и об этом: вот тебе ключ от его секретного бокового входа, с левой стороны дома, где ты заметишь маленькое крылечко; смело отпери его дверцу — и увидишь перед собой дверь в прихожую, о которой я уже говорил тебе. Никто тебе не помешает; только, повторяю, будь ловок, как кошка.

— А как ты будешь действовать там, в кассе? Вдруг кто-нибудь да накроет тебя?

— Никто не накроет. Кому придет мысль идти проверять бюро в такую пору? Все, как ты видел, на балу. Одного меня не будет некоторое время, но я могу сказать, что не люблю танцев или что у меня дома есть спешная работа: случалось ведь нередко, что перед отплытием на Восток пакетботов я просиживал напролет ночи, оканчивая корреспонденцию, и все это знают. Итак, если ты согласен на это предприятие, то в путь-дорогу!

— Да, я почти согласен, только видишь ли...

— Ах, у тебя отыскались «почти» и «только». В таком случае счастливо оставаться, Альбер! Выпутывайся сам, как знаешь!

С этими словами Сеген направился к выходу.

— Жюль! — воскликнул Альбер. — Не уходи, прошу тебя, не оставляй меня одного!

— Да или, нет? — спросил, останавливаясь на полпути, бухгалтер. — Я серьезно рискую, а ты колеблешься! Это из рук вон! Отвечай мне сию же минуту! После будет уже поздно, и твой документ завтра станет всем известен!

— Согласен, согласен! Все, только не это! Сейчас же иду за ключами! — решил наконец Альбер.

— Вот это умно! — одобрил Сеген. — Так за дело!

Два негодяя снова вошли в зал и смешались с толпой, поздравлявшей обрученных. Сеген принес свое поздравление и завязал лицемерно-искренний разговор с Бартесом, Альбер снова незаметно ускользнул из зала. Но не прошло и четверти часа, как он вновь появился и, незаметно передав своему приятелю найденное им в квартире Бартеса, в свою очередь подошел к обрученным с поздравлениями.

Зато отсутствие Сегена, которому пришла очередь исчезнуть из зала, продолжалось около часа и причиняло Альберу смертельную муку, которую он с трудом скрывал от окружающих: ему все мерещилось, что Сегена накрыли хозяйничающим у кассы и что вот-вот придут его арестовывать, узнав, каким образом ключи от кассы попали к его приятелю. Наконец он увидел последнего спокойно входящим в зал, и не с пустыми руками, а с двумя великолепными букетами белых роз, окаймленных камелиями и пармскими фиалками. С улыбкой подошел он к обрученным и преподнес им свой подарок «от чистого сердца»...

Это было так любезно и так кстати, что даже Жюль Прево-Лемер не мог удержаться от одобрительного восклицания:

— Ах, это хорошо, право хорошо! — сказал он, обращаясь ко всем, кто был в ту минуту возле него; и все охотно согласилось с ним.

— Ну? — спросил Альбер через несколько минут своего приятеля, когда они оба были вдали от толпы.

— Все как следует, — был ответ. — Ступай в свою комнату, где под тюфяком кровати найдешь нужное тебе. Не мог же я войти сюда с пачкой банковских билетов!

— Ты ужасно долго был там!

— Ба-а, нельзя же было в одну минуту обделать такое дело: замок долго сопротивлялся моим усилиям, так что было даже мгновение, когда я готов был отказаться от всего!.. А разве мое отсутствие кто-нибудь заметил?

— К счастью, нет! Но более всего удачны были эти два букета: гениальная идея, и притом — великолепие и шик!

— Ладно, я и сам вижу, что это вышло очень кстати» Пойдем-ка отсюда, — нам нужно еще потолковать кое о чем.

— А ключи? — спросил Альбер.

— На своем месте, можешь успокоиться.

Выполнение адского плана. — Ужасное открытие. — Утешение. — Честь прежде всего. — Логика полицейского. — Циничные беседы негодяев. — Смелое заявление друга.

Сеген солгал, сказав своему сообщнику, будто бы кража потребовала массы усилий; на самом деле его промедление имело другие причины: когда он увидел перед собой груды банковских билетов и чистого золота, адская мысль неожиданно родилась у него: вместо пятисот тысяч франков, нужных Альберу, он взял вдвое больше, то есть ровно миллион, и на первом попавшемся извозчике поехал в особняк генерала Бартеса, где тогда жил один лишь Бартес-сын. Пробравшись здесь в небольшой павильон, примыкавший к основному зданию, он приподнял одну из дощечек паркета и положил в образовавшееся углубление другие пятьсот тысяч, которые и прикрыл дощечкой. Это было вполне верное средство уничтожить соперника, так как, раз половина пропавшей суммы будет найдена у Бартеса, осуждение его в воровстве будет неизбежно! Сделав это, Сеген за двести франков купил два роскошных букета, предназначенных для того, чтобы объяснить его отсутствие на балу, продолжавшееся, как мы уже сказали, около часа, и наконец возвратился в дом своего патрона.

Все это негодяй скрыл от своего сообщника, чтобы иметь возможность сказать ему впоследствии, когда деньги будут найдены у главного кассира: «Ты видишь, что Бартес обкрадывал твоего отца, и мы таким образом оказываемся теперь в стороне, свободные от всяких подозрений!»

К тому же Альбер, скорее неразвитый, чем злой по натуре, мог бы остановиться перед этим планом, изобретенным для гибели невинного человека, и не дать своего согласия на его выполнение. По этой-то причине Сеген и предпочел удержать в секрете вторую часть своих ночных походов.

Между тем на другой день, пятнадцатого мая, Эдмон с восьми часов утра был уже на своем посту. Открыв кассу, он страшно побледнел и наверное упал бы, если бы вовремя не схватился за стоявшее возле него кресло.

— Что с вами? — спросили клерки, которые с участием бросились к нему, заметив его бледность

— В кассе произошла кража! — чуть слышно сказал молодой человек, не веря своим глазам.

Но не верить им было нельзя: десять пакетов с билетами каждый по сто тысяч франков, предназначенных еще накануне для платежей пятнадцатого мая, исчезли из кассы неизвестно куда!

Предстояло убедиться в очевидности и неоспоримости факта.

— Попросите сюда сию минуту господина Прево-Лемера! — сказал Бартес одному из клерков. — Не потребовалась ли ему лично эта сумма до нашего прихода сюда?

Однако Бартес сам не верил в возможность подобного случая: банкир Прево-Лемер был очень щепетилен и всегда строго держался своих постоянных правил и привычек, которым никогда и ни под каким видом не изменял. Он ни за что не стал бы брать денег из кассы банка для своих личных нужд, тем более что для этого у него существовала частная касса, не имевшая ничего общего с главной; этой кассой он и довольствовался, не только удовлетворяя из нее свои личные потребности и потребности своего семейства, но даже производя при помощи этих денег небольшие операции на стороне.

При первых словах Бартеса патрон его сказал, добродушно улыбаясь:

— Не тревожьтесь, милейший мой! Это, вероятно, просто ошибка в счете какой-нибудь из контор. Эту ошибку мы легко можем подтвердить проверкой.

Если бы главный кассир чувствовал хоть малейшее пятно на своей совести, он поспешил бы воспользоваться безграничным доверием, выраженным ему в этом ответе патрона, и дело легко было бы поправить: свадьба его была назначена через два месяца, по прошествии которых он получил бы приданое за невестой; из этого приданого он и покрыл бы пропажу миллиона, объяснив ее своему будущему тестю ошибкой в счетах парижской конторы банка. Но Бартес был слишком прямой и честный человек, чтобы удовольствоваться такой развязкой загадочного для него случая, и заявил, что книги согласны во всем с кассой и что, стало быть, миллион украден из нее несомненно. Но кем? Пусть решит этот вопрос следствие!

— Следствие в моем доме! — воскликнул старый банкир. — Судебный процесс, шумиха в газетах! Да я охотнее соглашусь потерять совсем этот несчастный миллион, лишь бы не нарушать свое спокойствие этой ужасной тревогой! Успокойтесь, милейший, и оставим все так, как есть, — тем более что я убежден в ошибке в счетах, которая, конечно, и обнаружится со временем! Каким образом можно было открыть кассу, когда я сам, правду говоря, не мог бы сделать этого без помощи указателя?

— Но, милостивый государь, — настаивал Бартес, — раз я буду иметь

честь сделаться вашим родственником, я не должен допускать и тени сомнения в моей порядочности.

— Да кто же сомневается в ней, добрейший мой?

— Вы были здесь не одни, и потому я не могу принять вашего решения. Дефицит в кассе несомненен, и потому позвольте мне судебным порядком открыть похитителя денег, чтобы я мог стать вне всяких подозрений.

— Это ваше последнее слово, упрямец?

— Да, так как быть упрямым меня побуждает, наконец, честь моего отца.

Никто из служащих банка не ушел в этот день домой раньше обыска, сделанного полицией в квартире каждого из них; но все попытки найти какие-нибудь следы кражи были бесполезны.

Обескураженный безуспешностью своих поисков, но твердо убежденный, что похититель должен быть лицом, имеющим непосредственное отношение к банку, — потому что кто бы мог из посторонних так искусно отпереть кассу? — начальник сыскной полиции обратился наконец к Эдмону Бартесу со следующим предложением:

— Вы, милостивый государь, не имеете ничего против обыска и в вашей квартире, так как после этого дело будет вполне окончено и предано на волю Божию?

— Я именно это только и хотел предложить вам! — ответил благородный молодой человек.

— Он безумец! — воскликнул Прево-Лемер, присутствующий при этом разговоре. — Я против этого обыска! Я не хочу, чтобы повсюду стали говорить, что обыскивали будущего зятя Прево-Лемера!

— Но, милостивый государь, — возразил начальник сыскной полиции, — я должен использовать все дозволенные законом способы, чтобы найти преступника.

— Я к вашим услугам, — решил Эдмон Бартес и отправился с полицейским к себе на квартиру, а час спустя был отвезен им в тюрьму Мазас!

Описывать изумление и недоверие к случившемуся, а потом гнев и бешенство старого банкира было бы невозможно. Он кричал, топал ногами и бушевал, говоря, что похищенные деньги вовсе даже не банковские деньги, а принадлежат самому Бартесу, который сэкономил их из своих частных средств; грозил, что при помощи своих связей лишит начальника полиции его места и так далее, но последний был невозмутим. Дав старому денежному тузу время успокоиться, он показал ему письменное заявление

Бартеса, в котором было сказано, что пропавшие деньги входили в число наличных капиталов банка и были предназначены к выдаче разным получателям, которым выпадала очередь на пятнадцатое число мая.

Жюль Прево-Лемер был окончательно побежден.

— Как же этот несчастный, — воскликнул он в сильной горести, — как он объясняет эту ужасную находку в своей квартире?

— Он ничем не может объяснить ее. Он настаивает на своей полной невинности, говоря, что ничего не понимает в этой загадочной находке части пропавших денег в его квартире.

— Это просто безумие! Если бы он был виновен, он мог бы в это утро двадцать раз выпутаться из беды, грозившей ему: ведь я ему говорил, что отношу исчезновение денег к простой ошибке в счетах какой-нибудь из контор и что ни за что не хочу видеть у себя полиции; следовательно, если бы он чувствовал за собой вину, то ему оставалось бы только согласиться со мной, и дело с концом!

— Да, конечно. Но ведь вы были не одни, — с вами были и другие, и вот этих-то других и следовало ему убедить окончательно в своей невинности. Ну, а для этого нужно было решиться на все, то есть подвергнуться обыску и самому. Словом, он должен был все поставить на карту!

— Нет, я не могу в это поверить! — воскликнул в отчаянии банкир и закрыл лицо руками.

— Поверьте моему опыту, — сказал полицейский. — Это человек чрезвычайно ловкий, и в этом весь секрет! В его виновности, по-моему, не может быть и тени сомнения! Посудите сами: пропадает миллион из кассы, а ключ от нее хранится у кассира, и без этого ключа ни один из лучших слесарей в Париже не может отпереть ее; затем идут обыскивать квартиру кассира — и находят в ней половину пропавшей суммы! Как же после всего этого вы можете еще сомневаться в его виновности?

— Но как он мог сознаться в том, что это именно те самые деньги, которые ищут?

— Да ведь номера серий, найденных у него под паркетом, те же самые, которые значатся в его кассовой книге!

— Чем дальше, тем все меньше я понимаю в этом странном деле! — заключил свой разговор с полицейским Жюль Прево-Лемер, на что тот ответил:

— Я надеюсь, что скоро вы поймете все и убедитесь, что иначе и быть не должно и не было иначе в действительности. Увидите, будут ли в состоянии присяжные оправдать на суде Эдмона Бартеса!

— Рассудок, конечно, против него, — сознался старый банкир, — но мои чувства говорят мне совсем другое!

' — В делах подобного рода следует слушаться исключительно доводов рассудка; повторяю вам, что присяжные не в состоянии будут оправдать этого человека!

И Жюль Прево-Лемер действительно в конце концов убедился в виновности своего бывшего кассира, и до такой степени, что стал упорно отстаивать свое новое мнение от попыток жены и дочери защитить честь их избранника. С цельными характерами, каков был у старого банкира, всегда происходят подобные метаморфозы: им стоит большого труда убедиться в чем-либо, по их мнению, невозможном; но убедившись наконец, они с таким же упорством начинают держаться своих новых взглядов, с каким прежде держались старых.

Во все продолжение судебного следствия в семействе Прево-Лемера только и было разговоров и рассуждений, что об Эдмоне Бартесе, которого обвинял муж, а жена и дочь защищали всеми доводами своего ума и сердца. Альбер чувствовал себя неловко и старался поэтому держаться середины; но это ему плохо удавалось, и он всегда должен был в решительные минуты спора вторить мнению отца. Его неловкое положение усиливалось еще тем обстоятельством, что он догадывался, каким образом другие пятьсот тысяч франков, о которых у него не было и речи с Сегеном, оказались спрятанными в квартире Бартеса и были найдены там; и хотя Сеген имел бесстыдство уверять, что это не его рук дело, но Альбер не верил ни одному его слову и поневоле молчал, уничтоженный таким низким предательством своего сообщника и собственной виновностью.

Сеген занял место Бартеса и в банке, и в симпатиях старого банкира, который теперь указывал своим дамам на него как на образец честности и порядочности; но дамы все еще продолжали отстаивать его предшественника, а Сеген, обедавший пять раз в неделю у своего патрона, ловко притворялся, что и он разделяет их мнение о «настигнутом несчастной случайностью» Эдмоне Бартесе.

— С вашей стороны очень благородно не забывать друзей в несчастье, — говорила ему на это всякий раз госпожа Прево-Лемер, начиная чувствовать некоторое расположение к отъявленному негодяю и разбойнику, который постепенно и незаметно сумел наконец втереться в доверие как матери, так и дочери.

— Сказать правду, — замечал в интимных беседах с ним Альбер, — ты редкая каналья, какой я нигде еще до сих пор не встречал!

— После тебя, — цинично дополнял Сеген.

— Нет, я не такой ловкач! И мне очень приятно будет иметь зятем подобную бестию, как ты, которую я всегда могу послать на каторгу, когда только захочу!

— В сопровождении тебя?

— Эх, дружище, ведь я обокрал только своего отца!

— Ну, а я обокрал его для своего будущего братца. Два сапога пара!

— И когда ты будешь заправилкой нашего банка, я буду усердно наблюдать за всеми твоими манипуляциями.

— А я — за твоими фальшивыми документами!

Таковыми любезностями обменивались обыкновенно негодяи, сходясь на дружеские тет-а-тет и ничего более, кроме глубокого презрения, не испытывая друг к другу.

Только два человека держались еще убеждения в невинности Эдмона Бартеса: это были капитан Поль Прево-Лемер, старший сын банкира, бывший товарищем Бартеса по коллежу, и маркиз де Лара-Коэлло, прежний компаньон банка.

На суде их прямое выражение симпатий к подсудимому произвело большое впечатление на всех и заставило наконец председателя спросить маркиза:

— Как же вы согласуете ваше мнение с очевидностью факта, который противоречит ему?

— Это очень просто, милостивый государь, — отвечал старый аристократ, — Бартес был объявлен женихом дочери моего друга, и потому было бы крайне неестественно с его стороны задумать такое дело, которое разрушило все его виды и на женитьбу, и на будущее управление банкирским домом.

— Однако же факт подтверждает эту «неестественность»: половина пропавшей суммы найдена у подсудимого!

— Так, господин председатель! Допустим, что он похитил деньги; но что же побудило его не ускользнуть от опасности быть изобличенным, как предлагал ему сам патрон, а напротив — идти навстречу ей, требуя расследования дела и даже обыска у себя? И на что бы ему понадобился этот несчастный миллион, — ему, который через какие-нибудь два месяца получил бы много миллионов в приданое за женой?

Председатель не мог ничего возразить на эти аргументы и, чтобы замаскировать свое бессилие, сказал:

— Все это составит предмет будущих обсуждений; но вы не ответили мне на мой вопрос.

— Я вам отвечу в двух словах: Бартес, ввиду его завидного положения

в будущем, мог возбудить зависть и недоброжелательство к себе в среде окружающих его сослуживцев, и вот против него возник заговор, который и был очень ловко приведен в исполнение.

— Сознаете ли вы, милостивый государь, всю важность того обвинения, которое сейчас высказали? — спросил очень серьезно председатель.

— Сознаю и готов прибавить еще нечто, а именно: ищите тех, кому выгодно было погубить Бартеса, и настоящие виновные будут найдены!

Общее возбуждение было полное, в особенности, когда к голосу маркиза присоединился еще голос старшего сына банкира, и оправдание подсудимого носилось уже в воздухе; но эффект обнаружения пятисот тысяч в его квартире превысил все, — благодаря, конечно, обвинительной речи прокурора, — и все преклонились перед тяжестью этого обвинения, кроме сочувствовавших подсудимому.

Один из них, искренний друг Бартеса, некто Гастон де Ла Жонкьер, воскликнул:

— Утешься, Эдмон, у тебя остается уважение и преданность твоих друзей!

Пышная свадьба. — Бессильное бешенство. — Интересная булка. — «X.Y.Z. 306». — Энтузиазм и холодные размышления.

Мужественный друг Эдмона Бартеса, высказав публично свое порицание судебному приговору, рисковал строгим наказанием за свою смелость; но высокое положение в обществе его отца оградило его от подобного наказания: ограничились тем, что велели вывести его из зала суда.

Между тем, через две недели после окончания судебного процесса, в мэрии VIII округа был торжественно подписан брачный контракт между Жюлем Сегеном, главным бухгалтером дома Прево-Лемер и Ко, и девицей Анжелой-Клавдией-Стефанией Прево-Лемер, дочерью означенного банкира и его супруги Октавии-Сюзанны Осман... Через несколько дней после этого была отпразднована свадьба. Слухи о пышных балах, данных по этому случаю банкиром, облетели весь Париж; достигли они и тюрьмы, в которой содержался Эдмон Бартес — вместе с одним бездельником и убийцей, изрезавшим на куски свою жену. Говорить о бессильной ярости и глубоком отчаянии безвинно осужденного людской несправедливостью и близорукостью было бы бесполезно! Скорбь его достигла предела, граничащего с безумием, и несчастный Бартес был на шаг от опасности совершенно лишиться рассудка!

Стефания столько раз слышала от отца о проделках бывшего кассира с его кассой, которой он будто бы пользовался для игры на бирже, что уверовала наконец в виновность Эдмона Бартеса. Ее мать, уступая настояниям мужа, тоже не противоречила больше ему. Осужденный или оправданный, Бартес не мог уже больше рассчитывать на руку Стефании, для которой, вследствие этого, бывший кассир ее отца не представлял уже теперь никакого интереса.

В семьях с колоссальным состоянием, основанным на коммерции, оказывается нередко такая же необходимость заключать браки по расчету, как и в домах влиятельных особ. Жюль Сеген был теперь единственным человеком, в совершенстве знавшим многочисленные деловые операции банкирского дома Прево-Лемер, и потому он должен был жениться на дочери главы этого дома: необходимо было передать все дела человеку молодому, со свежими силами, чтобы дом так же незыблемо стоял в будущем, как и в прошлом.

Итак, Стефания без всякого принуждения согласилась выйти за Сегена, который отлично играл свою роль с тех пор, как в подробности изучил характеры матери и дочери.

Поль, старший сын банкира, искусно уклонился от присутствия на свадьбе сестры, где он должен был бы притворяться, выказывая к зятю расположение, которого у него не было: он воспользовался предложением одного капитана спаги⁶ отправиться в Алжир и уехал в Африку, откуда не было возможности скоро вернуться в Париж.

За несколько дней до отправления Эдмона Бартеса в Новую Каледонию, когда его перевезли уже в Рошфор, один из караульных, проявлявший к заключенному особое расположение, принес ему однажды небольшую булку и знаком дал понять, что в ней скрыто нечто такое, что будет для него очень интересно.

Оставшись один, — его товарища по заключению успели уже отправить в Кайенну, — Эдмон разломил булку и нашел в ней письмо.

И удивление, и волнение овладели им... Кто это не забыл еще его и пишет ему?.. Во всяком случае, не отец: старый генерал, Узнав, что сына его перевезли в Рошфор, приехал туда сам и виделся с ним каждый день.

Бартес развернул письмо и взглянул на подпись. Там означено было следующее: *Бывший служащий Французского государственного банка X.Y.Z. 306.*

Письмо, заключавшее в себе шесть страниц, было следующего содержания:

Милостивый государь!

Человек, сочувствующий вам, желает довести до вашего сведения некоторый факт, а именно:

15 мая, находясь при отправлении своих должностных обязанностей во французском банке, за несколько минут до 8 часов утра я увидел входящего к нам молодого человека, Альбера Прево-Лемера. С обеспокоенным лицом, взволнованный, он спросил меня, не отправлены ли еще рассылные с требованиями по их назначению, и, получив отрицательный ответ, вздохнул с заметным облегчением; затем спросил еще, кто заведует рассылкой требований по Фридланскому кварталу. Как раз этим кварталом тогда заведовал я, о чем и сообщил ему, не видя никаких секретов в этом, обстоятельстве. "Это очень кстати, — сказал молодой человек, — так как я принес деньги, пятьсот тысяч франков, по требованию на имя Прево-Лемер и компании, подписанному главой этого банкирского дома. По чисто личным причинам мой отец не желает, чтобы этот документ был формально предъявлен в его банк, и

уполномочил меня внести должную сумму сполна. Надеюсь, что вы не откажетесь сейчас же получить ее?»

Я не отказался и получил эти деньги, заметив только, что подобные получения нарушают отчасти порядок, установленный в банке, но что ввиду внушительности уплачиваемой суммы нарушение порядка в данном случае можно еще допустить. Взглянув на билеты, я удивился, что они принадлежат к серии «С 306-371-В 12-3-89 В» и находятся в том же самом порядке, в каком лежали в банке у нас, до отправки их в банкирский дом Прево-Лемера для уплаты по требованиям на 15 мая.

Не знаю, по какому побуждению, но я тогда же записал на память для себя цифры первого билета серии и теперь посылаю их вам: они помогут, в случае надобности, дойти последовательно до цифр остальных 499 билетов, полученных мной тогда в уплату. Затем Альбер Прево-Лемер попросил у меня перо и пока он что-то писал, я случайно посмотрел ему через плечо. Каковоооке было мое изумление, когда я увидел, что к подписи своего отца, стоявшей на документе, он приписал слово "сын»!

Молодой человек так был занят своим делом, что совсем не заметил моего, может быть, нескромного любопытства и, возвратив мне перо, торопливо ушел, позабыв даже проститься и поблагодарить меня за услуги.

По беспокойству молодого человека и вообще по всему его поведению я тогда же заключил, что он совершил нечто недозволенное, а именно — подлог документа на имя своего отца; но, боясь своей проделки и не желая, чтобы французский банк заметил ее, он поспешил предупредить неприятности, грозившие обрушиться на него, личной уплатой в банк должной ему суммы.

Сообщаемые вам факты прошли бы бесследно для меня, так как я не видел никаких причин вмешиваться в чужие дела, если бы спустя несколько дней после того я не взял в руки, в часы отдыха, «Судебную газету». Можете представить себе мое удивление, когда, читая отчеты о вашем процессе, я узнал, что похищение рокового для вас миллиона франков имело место в ночь на 15 мая, когда сын Прево-Лемера приходил уплатить лично пятьсот тысяч франков по подложному требованию на имя его отца!

Но что более всего заинтересовало меня, так это именно то, что эти пятьсот тысяч, найденные в вашей квартире, номера которых приводила газета, заключали, без малейшего перерыва в их последовательности, ту же серию «С 306-371», которая была уплачена французскому банку утром 15 мая! Таким образом, она дополняла собой миллион, похищенный из кассы Прево-Лемера и компании!

Каким образом случилось так, что этот миллион в ночь на 15 мая распался на две половины, одна из которых была внесена во французский банк, в виде уплаты долга ему, а другая найдена под паркетом в вашей квартире?

Я глубоко сожалею, милостивый государь, что сообщаемое вам мною не было известно мне во время ведения вашего процесса: иначе эти факты, своевременно сообщенные вам, повлияли бы на дело так, что решение его было бы иное. К несчастью, я тогда не имел времени читать газеты и потому не следил за подробностями вашего процесса.

Еще один факт я могу довести до вашего сведения — факт, который может вам пригодиться. Внося одному из кассиров банка сумму, полученную мной от Прево-Лемера-сына, я сообщил ему о странном поведении молодого человека и о том, что на требовании, подписанном его отцом, он прибавил к подписи последнего слово «сын». Кассир тоже, подобно мне, записал себе для памяти номера серий и даже прибавил несколько стенографических замечаний о возбужденном виде молодого человека.

Вот, милостивый государь, что побудило меня обратиться к вам с письмом, в надежде, что оно может быть бесполезно для вас. Прошу извинить меня, что я не подписываюсь своим настоящим именем, так как не желаю подвергаться преследованиям разных лиц, если это письмо не попадет к вам. Но если ваше дело когда-нибудь будет пересматриваться, я с величайшей готовностью явлюсь перед вашими судьями, чтобы представить на их рассмотрение все эти факты. Чтобы дать мне знать о вашем желании видеть меня, вы поместите только в «PetitJournal» следующее объявление: «Желают видеться сX.Y.Z. 306» и прибавьте ваш адрес или адрес того лица, которого вы уполномочите вместо себя видеться со мной.

Если же я умру до того времени, когда ваше дело будет подвергнуто пересмотру, то мой сын, служащий клерком у одного нотариуса, вручит для хранения своему патрону мои письменные показания, скрепленные подписью четырех свидетелей, и пришлет вам копию с них. Этот документ сообщит вам также имя того кассира, который записал номера серии билетов, принесенных для уплаты в банк Прево-Лемером-сыном.

Сердечно желаю, чтобы вы беспрепятственно получили это письмо, которое я вручил для передачи вам сыну одного из моих друзей, служащему во флоте. Желаю потому еще, что страшусь предстать перед Всевышним Судьей, не исполнив того, что мог бы исполнить, то есть — не поспособствовав исправлению ошибки в человеческом правосудии, имеющем

претензию очень часто считать себя непогрешимым. Да примет вас Господь под Свое покровительство и да поможет обнаружить перед людьми истину, в которой заключена ваша невиновность!

Затем следовала подпись «X. Y. Z. 306», о которой мы уже говорили.

Радость несчастного по прочтении этого письма не имела границ. «Вот, — восклицал он с жаром, — вот несомненное доказательство моей невиновности! Я всегда подозревал, что эта жалкая личность, этот Альбер, замешан в моем деле, и вот оказалось, что мои подозрения имели основание! Наконец-то я смогу восстановить свою честь и снова войти в жизнь с высоко поднятой головой, смутив моих врагов, — и как обрадуется этому мой бедный, мой униженный отец!»

Но дальнейшие размышления стали, однако, понемногу ослаблять эту радость, этот энтузиазм. Бартес спрашивал себя, каким образом он смог бы потребовать пересмотра своего дела, — и не находил людей, на содействие которых мог бы рассчитывать. Прежде всего ему предстояло обратиться к парижскому генеральному прокурору, которому он должен послать просьбу с изложением доказательств своей невиновности. Если прокурор найдет их заслуживающими внимания, тогда он вызовет снова к суду его, Бартеса, и тех лиц или то лицо, на которое будет падать подозрение в виновности; неопровержимое и очевидное доказательство этой виновности и будет его оправданием. Но прокурор, получив его просьбу, может сначала передать ее для рассмотрения официальному адвокату при парижском суде, Сегену, близкому родственнику Жюля Сегена; в таком случае делу его не дадут хода, потому что этот человек связан теперь родственными узами с банкиром Прево-Лемером. Даже если прокурор и не находится под влиянием адвоката Сегена, все равно этот последний немедленно сообщит своему родственнику Прево-Лемеру о грозящей его сыну опасности, а банкир поступит очень просто: он заявит, что его сын не брал денег из кассы, которой заведовал Бартес, а он сам дал ему необходимую сумму для уплаты, выслушав от него признание в легкомыслии, которое ввергло его в крупный долг, — если же потом Альбер лично отправился во французский банк, так это для того, чтобы предупредить присылку ему из банка требования, которое возбудило бы между служащими толки, неприятные для его самолюбия.

Поразмыслив обо всем этом, Бартес увидел, что у него очень мало шансов на успех в попытке побудить суд к пересмотру дела, так как Прево-Лемер несомненно употребит все возможные средства, чтобы спасти честь своего сына и своей семьи. У Бартеса оставалась одна только слабая надежда на сочувствие маркиза де Лара-Коэлло, который однажды сказал,

что не пожалеет всего своего состояния для нахождения истинного виновного в этом деле.

XII

Планы, разрушенные при своем возникновении. — Татуировка. — Горестное прощание. — Тяжелые предчувствия и позднее раскаяние. — Последние слова осужденного.

Бартес считал своего бывшего патрона безусловно честным человеком. В этом для него не могло быть никакого сомнения: он много раз слышал, как старый банкир говорил, что его девиз — честность и порядочность и что он ни за что в мире не совершил бы бесчестного поступка, даже если бы этого требовало спасение его семейства или состояния. Но в данном случае, раз несправедливое дело уже совершено, у него могли возникнуть, для собственного успокоения, разные сделки с совестью, и девиз ничего уже не мог значить. Решился ли бы теперь Прево-Лемер бросить свое имя в жертву публичным пересудам, разоблачив недостойное поведение своего сына, за которое его покарал бы закон? Конечно, этого нельзя было ожидать! Если так, то на что теперь могло пригодиться показание бывшего служащего Французского банка?

Другое дело, если бы Бартес был на свободе, а не в ссылке: он нашел бы средство заманить Альбера в ловко устроенную западню, и тогда последнему ничего не оставалось бы делать, как только сознаться в своей виновности. Он был настолько же труслив, насколько его старший брат, Поль, был храбр, и потому без большого труда можно было бы заставить его рассказать перед свидетелями, как он отпер кассу своего отца, похитил из нее миллион и половину его спрятал в квартире бывшего кассира... Но лишенный свободы и доброго имени, что он мог предпринять? Ровным счетом ничего!

Разумеется, следственный судья, имея на своей совести судебную ошибку и искренне желая поправить ее, мог бы немедленно арестовать Альбера и легко довести его до признания. Но мог ли ссыльный преступник, каким признан он, Бартес, сидя в своей тюрьме, заставить правосудие возбудить преследование против сына такой финансовой знаменитости, как Жюль Прево-Лемер? Даже думать об этом было безумием.

Ввиду всех этих соображений Эдмон Бартес решил молчать и вернуться к первому своему плану — бегству из ссылки. Добыв себе свободу таким путем, он ощутит больше уверенности в своих силах, чем теперь, и с большей осмотрительностью примется за дело восстановления

своей чести и предания в руки правосудия действительного преступника. Тогда-то именно и пригодится ему письмо чиновника, пока же ему нужно терпеть, стойко перенося страдания.

Незадолго до отплытия своего в Новую Каледонию бывший кассир приобрел себе нового товарища в тюрьме в лице некоего Кролика. Это был фальшивомонетчик, отбывший уже пятнадцать лет ссылки за свои подвиги и снова, за те же подвиги, попавший в ссылку вторично. Таким образом, это был рецидивист и многоопытный человек. Он обладал разными небольшими талантами, небеспольными в тюремном мире, и, между прочим, умел отлично татуировать. И вот, когда Бартес достаточно познакомился с этим субъектом, он попросил последнего начертить себе на левой руке цифры серии билетов, похищенных Альбером, а также известную нам подпись банковского служащего «X. Y. Z. 306», с помощью которой он мог найти впоследствии своего неизвестного друга. Затем он уничтожил самое письмо, так как перед отплытием из Франции всех преступников подвергают строгому обыску, после чего одевают их в платье ссыльных.

Наконец настал и тот день, когда он должен был ступить на палубу «Флоры», транспортного судна, которое доставит его в Новую Каледонию. В этот ужасный день Бартесом овладело безнадежное отчаяние: все, что он выстрадал за целый год, от дня ареста и до дня отправления в ссылку, встало перед его глазами как живое, терзая и мучая его. Ему казалось, что он навсегда погиб, навсегда лишен возможности и способности изменить к лучшему свое положение! С истерзанным сердцем вырвался он из объятий своего несчастного отца и маркиза де Лара-Коэлло, которые получили позволение оставаться с ним в этот день до часа отплытия. Прощаясь с ними, этими единственными в мире своими друзьями, он открыл им свои предположения и надежды — восстановить в будущем свое опозоренное имя.

В тот же самый вечер особняк Прево-Лемера снова сверкал пышным освещением, как год тому назад. Старый банкир вновь праздновал годовщину своей свадьбы, и опять его семейство и все служащие собрались для торжества в тех же апартаментах. Но на этот раз тягостные воспоминания висели, казалось, в воздухе особняка, отравляя его атмосферу, полную веселья и радости. Заметно было, что банкир сильно постарел и что его тревожат горестные предчувствия. Он сознавал, что невинная жертва тяжестью легла на его сердце. Он проводил бессонные ночи, и счастье его семейства, казалось ему, висело на волоске... По окончании процесса, когда все пришло в обычный свой порядок и когда

Сеген стал уже его зятем и заправилой дел его дома, он сказал однажды своей жене:

— Мне кажется, что осудили невинного человека.

— Да, вот когда настало время одуматься и оглянуться на то, что сделано! — ответила с горечью мадам Прево-Лемер.

Бедная женщина давно уже убедилась, что брак с Сегеном не принес ее дочери ожидаемого счастья.

В скором времени после решения судом участия Бартеса Прево-Лемер получил письмо от его отца, старого генерала. Заканчивая свое скорбное послание, несчастный отец выражал надежду, что Провидение не покарает банкира в его делах тем злом, которое причинил он его ни в чем не виновному сыну. Прево-Лемер скрыл это письмо от жены. Теперь он вспомнил о нем и погрузился в тяжелые, горькие думы... Да, он мог бы спасти Бартеса, если бы продолжал быть стойким в своем первоначальном о нем мнении; без особенного даже труда он мог бы помешать его аресту и отправлению в Мазас и прекратить таким образом дело в его зародыше. Он сказал бы просто и решительно начальнику сыскной полиции: «Послушайте, вы не станете преследовать против моего желания моего будущего зятя, — могу даже сказать, действительного зятя, потому что молодой человек формально уже обручен с моей дочерью, и все это видели и знают. Размеры приданого уже определены и решены, и я ему уже передал управление моим домом и все необходимые полномочия». Он принес вам жалобу на крупную кражу в кассе, надеясь с вашей помощью найти вора, — а вы его арестуете, как преступника! Есть ли тут смысл? Не достает только вам арестовать меня самого. К тому же Бартес ошибается: он думает, что случилась кража, а я нахожу, что это не что иное, как простая ошибка в счетах, которая в свое время будет обнаружена... Одно из двух: или Бартес — уже мой компаньон, и тогда недоразумение может быть улажено обыкновенным сведением счетов между нами, или он еще продолжает оставаться моим кассиром, и в таком случае вам нечего тут делать, так как я никакой жалобы не приношу и прямо заявляю вам, что кражи в этом деле не вижу. Согласитесь, немного странно — уверять когонибудь против его желания в том, что его обокрали!»

Ни один судья не стал бы противоречить, выслушав такое решительное заявление!

Да, все это так, и он высказался бы ясно и определенно. К несчастью, он имел дело с людьми своего ремесла, своей профессии, которые нелегко выпускают из рук «громкое дело»! Начальник сыскной полиции и следственный судья поставили ему на вид, что раз половина крупной

кражи, пятьсот тысяч франков, найдена в квартире его кассира, он не имеет уже права смотреть на дело так легко. Они привели ему в пример множество подобных случаев, когда честные люди оставались таковыми в течение многих лет, но потом вдруг, в один прекрасный день, оказывались преступниками! Наконец, кто может с уверенностью сказать ему, что подобных проделок с деньгами не случалось уже много раз и прежде в его доме, но так, что все выходило шито-крыто? В таком крупном учреждении, как его банк, разные злоупотребления могут обнаружиться не скоро... И сколько солидных банкирских домов было уже скомпрометировано подобным образом?!

Поколебленный всеми этими доводами, оглушенный громким хором слишком усердных блюстителей общественной нравственности и правды, не желавших выпустить лакомый кусок из своих рук, банкир позволил убедить себя в виновности своего нареченного зятя, и дело последнего было проиграно. Мало того, — он так сумел уверить себя в его виновности, что сам стал уверять в ней других, например, жену, яростно нападая на человека, которого всегда знал как честного и в преступности которого в сущности ничто его не убеждало.

Празднуя снова свое семейное торжество, но будучи далеко не в праздничном настроении, он опять уединился с женой в ту же самую маленькую гостиную, где год назад решал с ней счастье своей дочери, и начал теперь высказывать ей все наболевшее и накипевшее за год в его душе: он был увлечен в дурную сторону людьми, привыкшими видеть всюду обман и преступление, его ослепили и, сильно возбудив его подозрительность, натравили на этого несчастного Эдмона... Но все тогда были кругом в таком же возбуждении, не исключая и самого подсудимого, который, оправдываясь, так резко говорил против него, своего патрона, что надолго оставил неприятное о себе воспоминание.

— Ничего не остается, — сказал он в заключение жене, — как постараться забыть, похоронить это навсегда!

— Если только забвение возможно для нас, — ответила с прежней горечью жена, — мы ведь видим уже, что не дали счастья нашей дочери. Мы дали ей в мужья такого человека, который не способен составить счастье своей жены и который очень скоро сбросил с себя маску! Согласись, что я его разгадала: холодная, честолюбивая, расчетливая натура, и ни капли умения ценить сердечные сокровища Стефании, характера которой он Даже не понимает!

— Надеюсь, по крайней мере, что наш дом в верных руках, — попытался утешить себя старый банкир.

— Кто знает? Ты теперь смотришь за ним и удерживаешь его от излишней склонности к спекуляциям, на которые он так падок; но когда не станет тебя, — ни я, ни Стефания не будем в состоянии обуздывать его.

— Но я еще не предполагаю так скоро оставить свое место, — возразил банкир.

— Да хранит тебя Бог — не для нас с дочерью, — мы вполне обеспечены во всем, — но для чести дома, который ты основал, и для будущих наших внуков!

В эту минуту вошел камердинер и подал банкиру письмо на подносе.

Тот вскрыл его и, побледнев, передал жене. Письмо заключало в себе несколько строк:

Господину Жюлю Прево-Лемеру, в Париже.

Я вам служил четырнадцать лет с преданностью и искренностью, которые никогда не обманывали вас. В благодарность за то вы посылаете меня в ссылку, тогда как ваша совесть говорила вам, что я невиновен. Помните же это! Если когда-нибудь вы окажетесь в моей власти, вы не найдете во мне жалости к себе, как не нашел ее в вас мой старик-отец!

В этот вечер меня увозят из Франции. Не желайте увидеть меня опять в ее пределах!

Эдмон Бартес

Письмо выскользнуло из рук несчастной женщины к ее ногам, и слезы, которые она с трудом сдерживала, потекли по ее бледным, исхудалым щекам.

— Он грозит нам! — воскликнул Прево-Лемер наполовину с горечью, наполовину с задетым самолюбием. — Чем же может быть опасен нам этот несчастный, живя в качестве преступника там, на этом далеком острове?

— Я не знаю, — отвечала госпожа Прево-Лемер, с глазами, все еще полными слез. — Но он имеет право если не грозить, то по крайней мере жаловаться на свою участь!

На другой день «Petit Journal» поместила на своей четвертой странице следующее не совсем обычное объявление:

Заявление от "X.Y.Z. 306» получено. Благодарю! До скорого свидания — или прощайте навсегда!

XIII

Военное судно с китайским флагом. — Его экипаж. — Донесение ночной стражи. — Французский врач. — Безнадежная консультация. — Герои уличных историй.

Однажды утром жители Сан-Франциско, живущие в окрестностях порта, а также моряки разных судов, находившихся на стоянке, были немало удивлены, увидев около верфи, служащей продолжением Вашингтонской улицы, великолепное военное судно, с желтым флагом на носу; на флаге, в самом центре его, был изображен красный дракон — очевидно, герб китайского богдыхана.

Никто вечером, накануне этого утра, не заметил интересного судна, которое было в новинку для жителей столицы Калифорнии. По словам стражи на верфи, оно пришло ночью, без лоцмана, и с такой уверенностью заняло место в порту, словно последний был ему давно знаком.

Судно было не из больших — всего около семидесяти пяти метров в длину, но зато построено было по всем правилам новейшего судостроительного искусства. Обшитое броней и вооруженное шестью пушками, оно имело вид небольшого монитора. Пушки двигались по рельсам, которые прикрывал плотный навес для защиты канониров. Но что более всего на судне бросалось в глаза постороннему наблюдателю, — так это резервуары, которые механик мог, когда нужно, наполнять морской водой. С наполненными резервуарами оно опускалось до уровня океана и в таком виде могло плыть совершенно незаметно. Две его мачты ложились тогда вдоль палубы, а пушки скрывались в предназначенное для них место, — и никто не мог бы, заметив одну плывущую палубу, догадаться, что она принадлежит превосходно оснащенному военному судну первого ранга.

По своему виду броненосец походил на подобного типа суда французского и английского флота, но желтый флаг с драконом, развевавшийся на мачте, ясно указывал на его принадлежность; на то же указывала и надпись «Иен», красовавшаяся на носу судна.

Командовал «Иеном» молодой еще человек, не более тридцати лет, с аметистовым шариком на фуражке и с десятью звездами, из которых пять помещалось на воротнике сюртука и пять — на его рукаве. Судя по этим знакам отличия, командир должен был принадлежать к высшим чинам китайского флота, потому что мандарин с аметистовым шариком — это

почти то же, что адмирал в европейской морской службе. С глазами, лишь слегка раскосыми, со светло-желтой кожей, он, по всей вероятности, был уроженец северного Китая, жители которого гораздо энергичнее и способнее своих южных собратьев, а по своей наружности значительно приближаются к европейцам.

Все офицеры судна носили американские сюртуки и фуражки, введенные в китайском флоте американскими моряками, которые первыми были приглашены китайским правительством организовать морское дело в стране. Остальные чины экипажа одеты были в свой обыкновенный национальный костюм: блузы, стянутые на талии, широкие панталоны и шапки с квадратными верхушками.

Большинство офицеров и матросов были, подобно командиру, уроженцы северных провинций Китая и выглядели здоровыми и сильными людьми. У них были загорелые лица, украшенные длинными бакенбардами и гладко выбритыми подбородками — по обычаю американских моряков...

Как мы уже сказали, «Иен» пришел в Сан-Франциско ночью, незадолго до рассвета, и без сопровождения лоцмана. Мало того, приближаясь к рейду, он, очевидно, погасил свои сигнальные огни, почему и прошел незамеченным береговой стражей Рок-Пойнта. Такое поведение судна было прямым нарушением портовых правил, требующих, чтобы каждое судно, подходя к рейду Сан-Франциско, обязательно вызывало себе лоцмана. Правда, от этого нарушения не произошло никакого вреда ни для самого китайца, ни для других кораблей, а законы Америки тем и отличаются от европейских, что преследуют не само противозаконное дело, а лишь тот вред, который сопряжен с ним, — тем не менее общество калифорнийских лоцманов, считая себя в убытке от свободного прохода в порт китайского военного судна, немедленно собралось на набережной у вашигтонского бара для обсуждения вопроса: должен ли командир «Иена» быть привлечен к ответственности за свой самовольный поступок?

Пробираясь украдкой на рейд, китайский адмирал, по-видимому, знал, что он нарушает правила, которым подчиняются в подобных случаях моряки всех наций, но он слишком спешил и не желал тратить времени на сигнализацию, вызов лоцмана и тому подобные процедуры. По этой причине «Иен», едва только заметил в отдалении берега Сан-Франциско, погасил свои огни, погрузился до уровня океана и, ловко пробравшись через опасные проходы, никем не замеченный вошел в порт.

Здесь, лишь только броненосец кинул якорь, один из его офицеров тотчас же сошел на набережную и обратился к первому попавшемуся констеблю с просьбой на чистейшем английском языке:

— Мне нужно лучшего доктора в городе, но только, пожалуйста, настоящего француза!

— Пинье-Дюпюинтрень, Кервейская улица, близ Вашингтонского сквера, — отвечал ему, почти что сквозь зубы (как это обыкновенно бывает), представитель Сан-Францисской полиции.

Офицер отправился по указанному адресу и, найдя доктора в своем кабинете, немедленно привез его с собой на борт «Иена».

Больной, к которому привели доктора, находился, по всем признакам, в опасном положении, потому что все приказания на судне отдавались значительно пониженным голосом, чаще даже знаками, чем словами. По лицам и жестам матросов можно было заключить, что им было приказано производить как можно меньше шума при выполнении своих обязанностей. Офицеры также проходили по палубе в молчании, обмениваясь только немногими односложными словами или сомнительным покачиванием головы, ясно говорившим, что они мало надеются на выздоровление больного.

Этим больным, разумеется, был не сам командир судна, потому что, лишь только рассвело, он появился на палубе, салютуя городу двадцатью одним пушечным выстрелом, в ответ на которые немедленно раздались выстрелы со стороны таможни. Затем, когда доктор, пробыв у постели больного более часа, вышел наверх, командир проводил его до самой рубки, спросив на прощание взволнованным голосом:

— Итак, нет никакой надежды?

— Я бы солгал, князь, — отвечал доктор, — оставляя вам хоть малейшую надежду: в лета его сиятельства природа больше не совершает чудес, и третий приступ лихорадки будет для него роковым. Лекарство, которое я назначил ему, может отдалить этот приступ, но ненадолго: оно действует только несколько часов. А затем — сегодня вечером или, самое позднее, ночью — должно ожидать печального исхода болезни»

— Все-таки, доктор, я вас умоляю, как вы обещали, навестить нас после ваших срочных визитов, чтобы уже не покидать нашего дорогого больного, — сказал командир судна.

Доктор поклонился в знак согласия и покинул судно, после чего тот, кого он назвал князем, в печальном раздумье опять удалился вниз.

Молодой командир безусловно имел право на титул князя, так как, когда он через некоторое время отправился в город нанести визиты губернатору штата Калифорнии и мэру Сан-Франциско, на его визитных карточках стояли следующие слова:

Князь Иен, адмирал Китайского флота.

«Китайского флота»! Как ни странно должны были звучать эти слова в ушах калифорнийцев, привыкших глубоко презирать желтолицых сынов Небесной Империи, они теперь не могли уже сомневаться, что презираемые китайцы действительно могут иметь свой военный флот: «Иен», как игрушка, красовался перед глазами многочисленной толпы, которая могла наблюдать не только превосходное устройство судна, но и прекрасные качества его экипажа. Это зрелище возбуждало невольное удивление среди интеллигентной части зрителей и заставляло их с уважением смотреть на броненосного представителя китайской силы. К сожалению, далеко не все зрители относились к китайцам подобным образом. Среди толпы набралось много уличных зевак, пришедших на набережную от нечего делать и принадлежащих к подонкам Сан-Франциско. Когда им наскучило стоять смиренно, они принялись отпускать в адрес китайских матросов, показывавшихся на палубе, разные остроты и шутки на различных языках, которые, как они предполагали, были известны китайцам, сопровождая их гомерическим хохотом.

Китайцы, однако, не обращали ровно никакого внимания на уличных героев, которые сочли себя не на шутку оскорбленными таким полным невниманием к себе и очень скоро от острот перешли к прямым оскорблениям.

— А ну-ка, — кричали самые завзятые среди них, — если бы мы взяли на бордаж этих кукол с пергаментными мордами?!

— Как жалко, черт возьми, — восклицали другие, — что мы не в каком-нибудь мексиканском портовом городишке, где люди живут без лишних церемоний! Взяли бы мы их тогда за косы да в воду, а сами бы на их судне отправились на прогулку по Тихому океану, на какой-нибудь там островок! Чудная штука вышла бы!

Один из китайских офицеров, желая узнать о причине шума на набережной, показался было на палубе, но его в ту же минуту ошибали и освистали. Китаец с молчаливым презрением повернулся спиной к толпе и ушел с палубы. Это окончательно взбесило скандалистов. Наглая чернь, дойдя до возбуждения стада бессловесных животных, принялась хохотать и аплодировать всяким пошlostям и грубостям, которые сыпались на головы молчаливых и скромных китайских моряков».

Но вдруг крики толпы утихли: на палубе китайского судна показались десять матросов и, выстроившись по два в ряд под командой офицера, стали спокойно переправляться на набережную. Все это были сильные рослые молодцы, которым совсем, по-видимому, не в диковинку была городская мостовая, — с такой уверенностью и так солидно ступали они по

ней!

Матросы отправились на рынок за провизией, и шумевшая толпа как-то невольно расступилась, давая им дорогу, может быть, потому, что на лицах этих молодцов было написано: «Ну-ка, попробуйте теперь шутить ваши шутки! Увидите, с кем имеете дело!»

Когда матросы скрылись из виду, жители, не принимавши до сих пор участия в забавах уличных героев, стали смеяться над этими последними, говоря, что они спасовали перед китайцами, оказавшись с ними лицом к лицу.

Задетые за живое, крикуны отвечали на эти шутки, что они потому только и дали китайцам свободно пройти, чтобы остановить их по возвращении с рынка: тогда они отнимут у желтолицых провизию и на славу угостятся у содержателей пивных на набережной, к которым они потом отправятся с добычей в гости!

XIV

Кто начнет? — Вежливость прежде всего. — Неожиданное изменение программы. — Решительность и сила. — Кто были таинственные незнакомцы. — Крейсирование «Иена».

Обещание расправиться с китайцами по возвращении их с рынка, отняв у них провизию, было подхвачено дружными аплодисментами со всех сторон, и от него нельзя уже было отступить из опасения, в противном случае, подвергнуться жестоким насмешкам со стороны тех, кто слышал эту похвальбу.

— Кто же начнет? — спросил Том, один из уличных героев, знаменитый неумеренным употреблением виски и вечными историями с полицией, которая имела дело с ним чуть не каждый день.

— Все сразу, — решил Тернбулл, малый колоссального роста и автор этого предложения.

— Нет, — возразил Том, — по-моему, не так: дело касается вежливости, не так ли, господа?

— Конечно, да! — согласилась толпа зрителей.

— Очень польщен вашим согласием, джентльмены, очень польщен! Но позвольте мне продолжить, так как вам неизвестно, что я хочу сказать...

— Продолжай, мы слушаем! — закричали со всех сторон.

— Я повторяю, что следует быть вежливыми с этими почтенными иностранцами. Итак, один из нас, например Тернбулл, которому принадлежит блестящая идея, соблазнившая всех нас, должен будет представиться этим господам со шляпой в руках и сказать: «Джентльмены, так как вы были столь любезны, что избавили нас от труда ходить на рынок за провизией, то соблаговолите теперь вручить ее нам, после чего мы вам предоставим возможность спокойно вернуться домой. В случае же вашего несогласия на нашу просьбу мы должны будем, как это ни прискорбно будет для нас, прибегнуть к силе, чтобы принудить вас возвратить принадлежащее нам по праву». Вот что я предлагаю, джентльмены, на ваше просвещенное и беспристрастное усмотрение; вежливость прежде всего — это мой девиз!

— Хорошо! Согласны! — послышалось отовсюду. — Том прав! Тернбулл проворчал что-то, но должен был согласиться с предложением Тома, учитывая общее сочувствие.

— Ладно, — произнес он угрюмым тоном, — хотя, по-моему, не стоит

так церемониться с китайцами... Вы хотите, чтобы я начал? — Пусть... Но у меня язык не так ловко привешен, как у Тома, и если он не будет мне повиноваться, то от слов я немедленно перейду у делу!

— Так, так, браво! Ура, Тернбулл! — закричала толпа.

В этот момент показались китайские матросы под командой офицера, выходившие с Клейской улицы. Уже издали было видно, что саки их наполнены разнообразной провизией: мясом, овощами, рыбой, зеленью и тому подобным кухонным материалом.

В толпе слышались было радостные крики, но тотчас же смолкли, так как буйаны не хотели предупреждать ими китайцев, которым готовился сюрприз. Кроме того, они желали избежать внимания со стороны экипажа «Иена», который, будучи привлечен криками на набережной и увидев своих товарищей в жалком положении, мог выслать им на выручку вооруженных людей, что уже не входило ни в чьи расчеты.

Между тем китайцы приближались. За ними, как всегда бывает, следовала целая толпа. Констебли уже чуяли неладное, но, не желая восстанавливать против себя население порта из-за «каких-то китайцев», дефилировали вдалеке от места будущей свалки, избегая таким образом возможности оказаться в ней.

«Вот они! Вот они!» — кричали уличные мальчишки, которые проведали, что готовится нечто интересное для них. И Тернбулл, сняв свою скомканную шляпу, двинулся навстречу китайцам. Но так как он перед тем имел время достаточно нагрузиться, то язык плохо повиновался ему, и спич, обдуманый и готовый при нагужении, вдруг испарился из его памяти. Ввиду такого казуса он решил, что лучше действовать напролом и потому объявил толпе зрителей следующее:

— Черт возьми, джентльмены, я не из особенно ловких адвокатов, у которых языки всегда без костей, и потому больше люблю Действовать, чем говорить.. Вследствие сего предлагаю тур очень Хорошего танца одному из этих плохо отбеленных господ Победителю провизия, джентльмены! Черт возьми, пари открыто!

Толпа крикнула «браво» Тернбуллу: ей очень понравилось Неожиданное изменение в программе спектакля, который готовился ею и в который вдруг вошло пари, столь любимое всей англосаксонской расой удовольствием.

Тогда Тернбулл подошел к старшему китайских матросов, которые совсем уже приблизились к месту, где их ожидали, и, загородив ему дорогу, сказал:

— Гм! Джентльмен!. Извините, но я должен... гм!..

— Что вам угодно от меня? — резко перебил его нескладную речь китайский моряк на прекрасном английском языке.

— Мне угодно... гм! Да что тут долго разговаривать, черт возьми!

— Проваливай, пьяница! — решительно ответил ему моряк. — У меня нет времени выслушивать подобных тебе!

Толпа зрителей, озадаченная таким отпором со стороны китайцев, была изумлена и молчала... Да, это не те робкие и покорные китайцы, которые живут на окраинах города и которые так похожи на средневековых евреев, боязливо переступавших границы кварталов, отведенных им для местожительства!.. Нет, не те! И толпа с огромным интересом стала ожидать развязки истории, принявшей новый оборот, еще более неожиданный.

Сам Тернбулл был так озадачен этим новым оборотом, что невольно раскрыл рот, не зная, что предпринять, чем и вызвал смех у зрителей. Том воспользовался мгновением тишины и сказал ему:

— Ну, теперь моя очередь, но я не дам так отбрить себя!

И он в бешенстве, точно бык на арене испанского цирка, бросился к китайцу, засучивая рукава и обнаруживая свою могучую мускулатуру.

— А, так-то ты принимаешь вызов, негодная обезьянья морда! — гаркнул он. — Ну, прочь мешки и корзины с провизией, да поживее, а не то я не стану долго ждать!

И он протянул вперед, как дубину, свою ручищу со страшным кулаком.

В рядах китайских моряков раздался возглас, на этот раз на французском языке:

— Эй, Порник! Видишь штуку? Хочешь, чтобы я поставил хорошую припарку на эту физиономию?

— Молчи! — отвечал с достоинством спрошенный. — Прежде всего, ты не имеешь права говорить так с твоим командиром, а затем — ты не знаешь, как следует говорить со штатскими. Слушайся старших, молодец, и извлекай из того пользу себе, тогда получишь и повышение!

— Извините, командир, но так как дело в том, чтобы превратить эту физию в печеное яблоко.

— Ну, будет с вас вашей китайщины! — прервал Том это маленькое объяснение. — Я начинаю: раз, два...

— Хорошо! Тебе, конечно, не жаль твоей дрянной физиономии, и я в две секунды и в три приема придам ей иной вид, которым ты останешься доволен — Ну, защищайся, — я иду в атаку: раз! два!.. три!..

Сказав последнее слово, китайский моряк сделал шаг вперед к своему противнику и кулаком правой руки, вытянутой плавно, как пружина,

влепил ему такой удар между глаз, что тот, упав, покатился на мостовую.

Потом, обведя окружавшую его толпу спокойным взглядом, как будто ничего особенного не случилось, победитель сказал:

— С этим покончено. Теперь чья очередь? Единодушные аплодисменты были ему ответом со стороны уличных зевак: решительность и сила моряка мгновенно расположили их в его пользу.

— Никому более не угодно? — продолжал китайский моряк. — Ну, так значит, все довольны? И отлично! Привет честной компании!

И повернувшись к своим, он произнес:

— Ну, ребята, пора домой! Вперед! Марш!

И матросы в прежнем стройном порядке зашагали за своим старшим. Крики «ура» и «браво» раздались им вслед и сопровождали их до самого судна. Теперь симпатии были всецело на стороне китайцев.

Читатель, конечно, узнал уже в матросе, который желал поставить «хорошую припарку» Тому и получил за то выговор от старшего, знакомого нам кавалера, провансальца Мариуса Данео, врага жандармов, а в командире — знаменитого Порника из Дуарнене, противника всех флотских офицеров, которому судьба, в горькую насмешку, дала как раз эту должность на борту «Иена».

Каким же образом эти brave молодцы, которых мы знали в Новой Каледонии, очутились на военном китайском судне? Дальнейший наш рассказ объяснит читателям эту неожиданность

В то время как эта замечательная в своем роде сцена совершалась на улице, — на китайском броненосце, в командирской каюте, происходила другая, совсем непохожая на только что описанную... Чтобы читателям было понятно, о чем пойдет речь Далее, нам надо вернуться немного назад — к моменту пушечного выстрела, возвестившего о бегстве из пенитенциарного заведения четырех китайцев.

Читатели помнят, что вместе с китайцами бежали и приставленные к ним для наблюдения моряки, а также Эдмон Бартес бывший главный кассир дома Прево-Лемер, осужденный и сосланный за преступление, в котором не был повинен.

В ту бурную ночь неизвестное судно, несмотря на бурю, подошло к берегам Новой Каледонии и так удачно остановилось за мысом большого острова, что совершенно избежало электрических огней «Бдительного», делавшего свой обычный ночной осмотр берегов Ну, где помещалось пенитенциарное заведение.

Это неизвестное судно и был «Иен». Построенный в Америке по заказу Поклонников Теней, броненосец имел экипаж из опытных

американских моряков, с которыми заключен был контракт на три месяца плавания за очень щедрое жалование. Во главе экипажа стоял ловкий капитан, также американец, хорошо знающий все группы островов Тихого океана. Действительным командиром «Иена» был, однако, не он, а Ли Юнг, один из ближайших сподвижников Короля Смерти, а его помощником — Ли Ванг; первый из них имел звание контр-адмирала китайского флота, второй — капитана.

До устройства французами арсенала в Фу-Чеу и создания ими настоящего флота у китайских императоров не было ничего в подобном роде, и они должны были довольствоваться по части морского дела услугами пиратов. Последние, как мы уже знаем, извлекали из своих услуг огромные выгоды, а их глава даже получил от императрицы Нан Ли титул «короля морей и рек». Только с организацией настоящего морского дела этот титул оказался лишним, так как морская школа в Фу-Чеу стала выпускать настоящих моряков для недавно возникшего китайского флота. Тем не менее Кванг продолжал еще раздавать чины и повышения своим соратникам, которые, по издавна заведенному в Китайской империи обычаю, вписывались в ее «Желтую книгу». Таким-то образом сподвижники Кванга получили свои чины. Впрочем, Ли Юнг и Ли Ванг были допущены к исполнению своих обязанностей на «Иене» только после того, как основательно ознакомились со сложным механизмом судна и с искусством обращаться с его электрическим аппаратом. После этого они приняли «Иен» под команду и с наемным экипажем из американцев пустились в плавание для освобождения Кванга из неволи-Достигнув Новой Каледонии, «Иен» в течение почти пяти дней крейсировал в водах острова, едва показываясь на горизонте. Но всякий раз, как наступала ночь, он немного приближался к острову и пускал несколько ракет, которые незнакомый с положением дел мог принять за падающие звезды. Число этих ракет удваивалось с каждой ночью — чтобы те, кому адресованы были сигналы, не приняли их за что-нибудь случайное. Кроме того, Кванг был еще за месяц до бегства предупрежден шифрованным письмом, которое он получил через банкира, выдававшего ему деньги от общества Поклонников Теней. В этом письме говорилось, между прочим, и о вышеупомянутых сигналах, которые должно было давать судно, должное освободить его, и о том, чтобы в первую же ночь, когда заключенные увидят сигналы, они ответили бы на них чем-нибудь подобным, не возбуждая, конечно, подозрения стражи: это будет означать, что бегство должно совершиться в третью ночь после той, когда замечены были сигналы. «Иен» тогда приблизится к восточному мысу острова Ну и пошлет шлюпку для

принятия бежавших.

Все осуществилось так, как было рассчитано, но буря, разыгравшаяся как раз в назначенную для бегства ночь, грозила разрушить все планы! Необходимо было действовать быстро и смело, тем более что «Иен» с минуты на минуту мог быть отброшен к страшным рифам у берегов острова, где потерпел бы неминуемое крушение.

По команде Ли Юнга с «Иена» была спущена шлюпка с шестнадцатью дюжими гребцами, которая и двинулась на выручку заключенных. Двадцать раз она пыталась приблизиться к острову Ну, но всякий раз волны отбрасывали ее. Наконец усилия гребцов преодолели ярость волн, шлюпке удалось обогнуть восточную оконечность острова и достигнуть небольшой бухты, защищаемой от бурных порывов ветра скалами, которые в то же время укрывали ее и от огней «Бдительного».

Встреча с товарищем по заключению. — Общество за чаем. — Проход патруля. — Звон золота и «птичье молоко». — День рождения «папаши». — Не через дверь, а через стену.

Мы уже знаем, что Бартес, предупрежденный Порником, несмотря на двух часовых, пробрался к домику Фо, где было назначено свидание заключенных перед побегом. Но он явился сюда не один: невдалеке от домика он неожиданно увидел фигуру какого-то человека, неясно вырисовывавшуюся в темноте, и услышал голос, показавшийся ему знакомым:

— Не бойтесь, господин Бартес: это я, Кролик, помните? Бартес узнал своего недавнего товарища по заключению, который татуировал ему руку, и с удивлением спросил:

— Что ты тут делаешь? Только говори как можно тише, — прибавил он, — часовые в пятидесяти метрах отсюда.

— Не бойтесь, они не услышат нас: ветер дует в противоположную сторону... А что я тут делаю, это можно объяснить в нескольких словах: жду вас, чтобы сказать вам: «возьмите меня с собой».

— Куда это?

— Туда, куда вы отправляетесь.

— А если тебя не захотят там?..

— Ну, что же делать! Пожалее, конечно, и буду искать нового случая вырваться отсюда, но добрых людей во всяком случае не выдам, если бы они и не оказались добрыми ко мне.

— Ну ладно! — решил Бартес. — Ступай за мной и молчи! Да без малейшего шума»

И они стали осторожно пробираться через кустарники к домику Фо, боясь света ежеминутных молний, который мог выдать их. Через несколько минут оба добрались до него и вошли в жилище старого китайца, где были в сборе уже все, то есть четыре китайца и четверо их товарищей-наблюдателей.

Фо даже не обратил внимания на новое лицо, явившееся с Бартесом, не интересуясь, по-видимому, ничем посторонним, кроме предстоявшего бегства. Комната слабо освещалась ночником, который при малейшей тревоге в одну секунду можно было погасить, и все общество было занято чаепитием. Это занятие было далеко не лишним ввиду предстоявшей

борьбы с морем, которое могло захлестнуть их своими ярыми волнами, прежде чем они попадут на ожидавшее их судно.

Теперь беглецы ждали лишь прохода патруля, который делал обход в час ночи, сменяя солдат, выставленных у домиков заключенных, после чего готовы были навсегда уйти из своего заключения.

Вместе с прочими был и Ланжале Парижанин — тот самый Ланжале, который был подкуплен Гроляром, присланным из Парижа на помощь генеральному прокурору. Здесь скажем, что товарищи ничего не знали о его тайном уговоре с парижским сыщиком и продолжали относиться к нему по-прежнему, то есть по-приятельски, откровенно и прямодушно. И совесть нисколько не упрекала Ланжале за сделку с сыщиком, которому он обязался предавать, по мере возможности, своих товарищей и друзей. Он серьезно смотрел на свой договор с Гроляром. Он дал уговорить себя потому только, что не находил нужным отвечать так резко, как отвечали его товарищи, и, кроме того, его интересовала личность полицейского из Парижа, который, помимо уговора, мог быть полезен ему и чем-нибудь другим. Словом, как более цивилизованный человек, он привык поступать в подобных случаях дипломатично и осмотрительно, а не идти напролом, как медведь, с которым он в шутку сравнивал иногда своих товарищей, любивших действовать слишком прямолинейно и грубо.

«Повожусь с этим Гроляром, — говорил он себе, — повожу его за нос, посмотрю, что можно будет извлечь из него, а затем и побоку старого плута! -»

Сразу же после знакомства с парижским гостем, выдававшим себя, как мы знаем, за крупного капиталиста из Бордо, Ланжале рассудил о нем так:

«Я не обязан держать свое слово по отношению к этому господину, планов которого я не знаю, хотя ясно, что они не на пользу наших друзей. Уменьшение четырехлетнего срока, который остается мне отбывать тут, освобождение от военной службы и деньги, если я соглашусь шпионить за друзьями, — все это доказывает, что тут дело нечисто. — И затем, как он узнал, что мы замысливаем бегство?.. Во всяком случае я хорошо сделал, приняв его предложение, потому что, очевидно, у этого человека губа не дура, и он ни перед чем не остановится, если ему что-то будет мешать. Ответь я ему так, как ответили товарищи, — он мог бы, пожалуй, сменить нас всех, приставив к китайцам других, более удобных для него, чем мы, и тогда — прощай все, на что есть теперь надежда! Тяни прежнюю четырехлетнюю ляжку!.. Нет, надо, пока что, хитрить! А когда мы вырвемся из этого острога — при первом же удобном случае предостерегу насчет этого субъекта папашу Фо!»

Так провел бравый Парижанин опытного полицейского пройдоху, который уехал обратно в Париж, вполне уверенный, что наставил на путь истины генерального прокурора, предложив ему такой план для возвращения похищенной коронной драгоценности и дав ему в пособники такого человека, что теперь остается только ждать с закрытыми глазами самых блестящих результатов.

Но вернемся к заключенным.

С необыкновенным возбуждением услышали они удар колокола в пенитенциарном заведении, возвещавший час полуночи и вместе с тем приближение патруля, который должен был сменить караульных.

— Гаси огонь! — сказал Фо Порнику.

Ночник был потушен, и в домике воцарилась непроглядная темнота, сопровождаемая глубоким молчанием.

Наконец патруль прошел, не заметив ничего подозрительного и два новых часовых успели уже обменяться обычным своим возгласом, жутко нарушавшим тишину ночи и однообразный вой бури:

— Слуша-ай!

Только спустя полчаса после этого Порник решил подать голос:

— Дядя Фо, — произнес он почти шепотом, — не время ли?

— Иди, милейший, — сказал старый китаец на прекрасном французском языке, — и будь осторожен!

— Не бойся, — успокоил его Порник, — это Легроль и Тюрпен, они меня знают, и мы уже успели уговориться. Они просили только не забыть маленькой порции «птичьего молока» и пары галеток.

— Все готово, — сказал китаец, — вот два мешка, в них по сто пиастров и все прочее, что тебе надо.

— Ладно!

— Ну, так ступай, сын мой, и да поможет тебе Великий Паньгу!

Взяв мешки, Порник вышел из домика Фо на свою опасную экскурсию: предстояло пробраться к двум только что поставленным часовым и вручить им то, о чем накануне был разговор. Порник остерегся сообщить солдатам, что дело касается бегства из пенитенциарного заведения, — это было бы слишком рискованно, так как солдаты отказались бы тогда от всякой сделки; он сказал им только, что «папаша Фо» будет праздновать день своего рождения и по этому случаю пригласил к себе своих товарищей и компаньонов, а им предлагает по сто пиастров, чтобы они не слишком обращали внимание на праздничный шум в его домике.

Часовые охотно согласились на подарки и на предложение; при этом они прибавили, что им необходимо будет «птичье молоко», которое они

примут в кружках, предназначенных для лимонада, — на тот случай, если китайцы неожиданно будут инспектированы среди их праздника; тогда часовым будет чем оправдаться в неисправности по службе: в их лимонад подмешали, очевидно, усыпительный порошок, от которого и сморил их сон. Этим способом они избегнут пятнадцатисуточного ареста, назначаемого полковником и обыкновенно удваиваемого генералом.

Мы уже знаем, что эта идея оказалась спасительной для бедняг, поддавшихся звону золотых пиастров и не помышлявших о бегстве заключенных, за которое им грозил военный суд.

Через несколько минут Порник вернулся в домик Фо, потирая руки с видом человека, вполне успевшего в том, что нужно было сделать.

— Ну, друзья мои, — сказал он, — теперь поторопимся оставить эти злачные места, потому что служивые, с которыми я сейчас разговаривал, могут накрыть нас на том, о чем они не догадываются: ожидая праздничного шума и слыша вместо него одно мертвое безмолвие, они могут прийти посмотреть, в чем дело, а это будет очень неудобно для нас!

— Порник прав! — сказал Пюжоль, один из товарищей-наблюдателей. — Надо ковать железо, пока горячо.

— Ну, так вперед! — скомандовал Порник, заметив знак, поданный старым Фо, в котором никто из них не подозревал страшного Кванга, об удивительных подвигах которого им иногда рассказывали три другие китайца.

Чтобы не выходить через дверь, которую нарочно заперли изнутри, заключенные ушли из домика через отверстие в задней стене, накануне проделанное для этой цели и тщательно замаскированное палками бамбука, которые были вынуты из стены. Затем все они тихо двинулись к берегу, сулившему им или свободу, или гибель в волнах бушевавшего моря.

XVI

Электричество, оказывающее услуги тем, кому оно должно было вредить. — Напрасная тревога. — Четвероногий друг. — Фо — Квант. — Новые пассажиры «Иена».

Ночь была такая, какие бывают только в тропиках, — темная до того, что беглецы не могли видеть даже друг друга, и каждый из них должен был идти ощупью, протянув руки вперед. Особенно трудно стало идти, когда они вошли в густую высокую траву, похожую скорее на кустарник: они решительно не могли сообразить, в какую сторону следует взять, чтобы достигнуть моря, тем более что рев урагана совершенно заглушал шум волн, который при других обстоятельствах мог бы служить им указателем. Бартес взял тогда на себя труд указывать дорогу товарищам. Пользуясь некоторой свободой сравнительно с другими заключенными, он исходил остров Ну вдоль и поперек и, между прочим, отлично знал бухту Пальм, в которой по целым часам удил рыбу. Таким образом он лучше, чем кто-либо другой, мог вести товарищей по трудной и опасной дороге.

— Ложитесь в траву! — вдруг скомандовал он, первым бросаясь на землю.

Едва все успели последовать его примеру, как яркая полоса электрического света выхватила из тьмы место, где они стояли обнаруживая все малейшие подробности местности. Замешкайся беглецы хоть немного исполнить приказание Бартеса, — они были бы замечены с палубы «Бдительного», и дело их было бы проиграно!

«Иен» со своей шлюпкой находился под прикрытием скалы и потому не мог быть замечен «Бдительным». Но каким образом группа, состоявшая из десяти человек, через каждые пять минут освещаемая электрическими огнями и двигаясь наугад, осталась незамеченной ни фрегатом, ни часовыми, посты которых были размещены в разных направлениях, — этого не мог бы объяснить никто, ограничившись стереотипной фразой: «сама судьба покровительствовала им!»

Неожиданный луч света принес даже пользу беглецам: он указал им дорогу к морю!

— Возьмите друг друга за руки, — сказал Бартес, — и бегите за мной!

Все поступили согласно приказанию и пошли за ним с такой быстротой, на какую только были способны. Ураган заглушал их голоса и шаги, и в этом отношении они могли быть спокойны.

Луч электрического света еще раз осветил их, но они опять скрылись от него в густой траве. На этот раз при его свете Бартес мог убедиться, что они не сбились с дороги: он заметил знакомую верхушку скалы в бухте Пальм, к которой они направлялись.

Вдруг позади беглецов раздался шум чьих-то тяжелых шагов, точно кто гнался за ними, стараясь настигнуть.

— Ложитесь в траву и молчите! — скомандовал Бартес. Но в это самое мгновение две сильные, тяжелые руки опустились на его плечи, и он в отчаянии воскликнул: — Пропало все! Спасайся кто может!.

Но тут третий луч электрического света, прорезав мрак, объяснил беглецам причину тревоги. В этом было их спасение: иначе, бросившись врассыпную, они неминуемо наткнулись бы на расставленных там и здесь часовых и все, один за другим, были бы переловлены! Виновником тревоги оказалась огромная собака из породы догов, которых пенитенциарное заведение держало по несколько штук, выпуская их по ночам рыскать по всем направлениям и искать подозрительных людей. Когда дог настигал кого-нибудь, он сваливал человека с ног своими сильными лапами и крепко держал его под собой, подавая сигнал о находке оглушительным лаем...

На этот раз, однако, огромная собака не выказывала никаких враждебных намерений. Это был четвероногий приятель

Бартеса Неро, которого молодой человек давно приручил подачками и ласковым обращением. Неро узнал своего друга и не стал лаять, а только прыгал вокруг него, радуясь встрече.

Опомнившись от испуга, беглецы продолжали свой путь к морю и в скором времени оказались на берегу.

— Эй, шлюпку! — закричал Порник по приказанию Фо.

— Кто идет? — раздался вопрос по-английски.

— Иен и Кванг! — подал Порник условленный пароль

— Садитесь! — был ответ со шлюпки.

В минуту все были на своих местах. Неро тоже вскочил в шлюпку, заняв место возле Бартеса, а когда матросы вздумали гнать его на берег, он оскалил зубы и начал так грозно рычать, что никто не решился насильно прогнать его. Однако американец-офицер настаивал на том, чтобы собака была удалена со шлюпки; тогда Бартес задал всем вопрос:

— Кто здесь хозяин?

— Везде, где находится Кванг, — сказал один из китайцев, — он один хозяин.

— Кванг?! — спросил изумленный Бартес и вдруг, обернувшись, увидел, что все китайцы пали на колени перед Фо и целуют ему ноги.

— Да, это он, Кванг, властитель острова Иена, великий мандарин с аметистовым шариком, глава Поклонников Теней, король рек и морей китайских и наш полномостный владыка и повелитель!

— Как? Так это вы, мой друг?! — воскликнул пораженный такой неожиданностью Бартес, не зная, верить ли ему своим ушам.

— Да, сын мой! — отвечал старый Фо. — Это я, который стоит на равной ноге с императрицей и принцем-регентом Китая и которого твои соотечественники послали в ссылку вместе с убийцами и ворами! Но я отомщу за себя! Ты можешь оставить при себе своего Неро: он, без сомнения, будет более верен тебе и более благодарен, чем люда

Когда затем Бартес с почтительным волнением стал пожимать ему руки, Фо нежно привлек его к себе и вполголоса сказал:

— Ты также, сын мой, можешь теперь отомстить за себя: все мое могущество и богатство в твоём распоряжении.

При этих словах, так просто и твердо сказанных, безграничная радость овладела сердцем Бартеза: не жил ли он только для того в этом мире, чтобы осуществить свои желания, свои мечты — отомстить за себя и за несчастного отца своего, которого враги вогнали в преждевременную могилу несправедливостью и жестокостью!

Между тем раздалась команда, и шлюпка двинулась в путь. Подхваченная пенящимися волнами, которые бушевали у подножия скалы, служившей ей защитой от непогоды и огней «Бдительного», она быстро вышла в открытое море; опытный американец-офицер сумел избежать всех опасностей, и скоро она была уже у борта «Иена».

Тут нужно было особое умение и чрезвычайная осторожность, чтобы подойти к броненосцу и поднять на него пассажиров: при малейшей оплошности шлюпка могла так сильно удариться о его борт, что все ее пассажиры в одно мгновение могли быть выброшены в море и погибнуть в его бушующих волнах.

Но американский моряк был знаток своего дела, и все обошлось благополучно: шлюпка без сильных толчков причалила к «Иену» и все находившиеся в ней один за другим взошли на его палубу.

Все были спасены, и всех охватило чувство радости и удовлетворения. Уолтер Дигби, американский капитан и командир «Иена», приветствовал Кванга и повел его в назначенные для него покои в задней части судна. Прочие беглецы также были размещены в комфортабельных каютах, которые давно ожидали их.

Кролик, никогда не видевший ничего подобного на своем веку, сидя постоянно в грязных тюремных помещениях, наивно удивлялся такому

вниманию к своей особе; закулив трубку и сев на прекрасный диван, бывший к его услугам, он сказал самому себе:

— Этот бравый старик Фо оказался важной особой, черт возьми, и вот я теперь, по милости его, почти буржуа! Теперь я могу не бояться жандармов и жить себе потихоньку да помаленьку, благо в карманах у меня кое-что звенит!

XVII

Предложение, сделанное Бартесу Квантом. — «Надо переменить кожу!» — Церемония усыновления. — Мандарин с аметистовым шариком. — Награды.

Вечером на следующий день, после отдыха и сна, Фо позвал к себе Эдмона Бартеса. — Садись, сын мой, — сказал молодому человеку Кванг, — и выслушай внимательно то, что я хочу сказать тебе... Хотя ты смотрел на меня в стране нашего общего заключения как на обыкновенного преступника, осужденного законами твоего отечества, но, клянусь Небом, брат родной не мог бы сделать того, что ты для меня сделал! Ты ухаживал за мной с преданностью и деликатностью, каких нельзя было ожидать от чужого человека и притом иноземца. Ты спас мне, стоявшему на краю могилы, жизнь... Короче, ты обращался со мной так, как истинный сын со своим отцом! И я тогда же в душе своей стал считать тебя своим сыном. Теперь я желаю усыновить тебя формально, согласно обычаям моей родины. У нас в Китае усыновление не есть один только юридический акт, как в вашей стране: у нас воля усыновляющего, освящаемая обрядами религиозными и гражданскими, дает, по нашим верованиям, усыновляемому звание действительного сына, сына крови и наследника предков. По воле Всемогущего Паньгу, усыновленный, свободно выбранный усыновителем и сердечно любимый им, должен быть почитаем в семействе наравне с отцом; он один совершает церемонии поминовения в честь предков на домашнем алтаре. У меня нет наследника, которому я мог бы передать свое имя и состояние. Итак, будь им ты, займи пустое место за домашним очагом старого Цин Ноан Фо, носи его имя и пользуйся его могуществом, когда его не станет! Не откажи мне в моем желании, если хочешь, чтобы последние дни, которые остается мне провести на земле, были для меня светлы и легки и чтобы я ушел удовлетворенный в страну судеб!

По мере того как старый китаец говорил, его фигура распрямлялась, глаза сверкали воодушевлением; он походил на пророка, который говорил от имени высших существ, и Бартес, невольно чувствовавший себя возбужденным, понимал теперь влияние этого человека на миллионы верующих, которыми он повелевал безгранично и которые по одному мановению его руки беззаветно жертвовали своей жизнью.

— Соглашайся, сын мой, принять мое предложение, — продолжал

Кванг, — и ни один властелин земной не сравняется тогда с тобой в могуществе! Все они, эти властелины, повелевают только телами своих подданных, а ты будешь иметь в своем распоряжении души и сердца! В день, который должен наступить, ты сделаешься главой всех древневерующих, отвергнувших Будду, этого индусского бога, навязанного Китаю, и сохранивших в чистоте религию первых времен на земле; ты будешь Квангом, то есть лицом, почти равным самому Сыну Неба, ибо никто не знает числа Поклонников Теней, которые могут найтись и во Дворце императора, и даже между членами его семейства... Ты будешь царем смерти и владыкой жизни!

Обратившись сначала исключительно к сердцу молодого человека, Фо затронул наконец и его честолюбие, эту страсть, одинаково свойственную и высокоинтеллектуальным натурам, и Узким, ограниченным умам, одинаково жаждущим владеть тем, в чем судьба отказала им в силу разных причин и житейских обстоятельств.

Слушая своего старого друга, Бартес был глубоко изумлен предложением, о котором он никогда и не помышлял и которое никогда даже не представлялось его воображению. Но несмотря на свое изумление, он имел возможность здраво обдумать то, что ему предлагалось, взвесив все его стороны, выгодные и невыгодные, все за и против, которые оно могло вызвать... Предоставленный одним своим силам, на что он может надеяться во Франции? На одно лишь то, что его снова сошлют в Новую Каледонию, если арестуют, как бежавшего из ссылки преступника. После смерти отца у него не осталось более ни одного родственника, а что касается друзей, то, исключая старого маркиза Коэлло и Гастона де Ла Жонкьера, на которых он, пожалуй, может рассчитывать, все прочие, столь многочисленные до его несчастья, поспешили его забыть; многие даже стали притворяться, что никогда не были знакомы с ним!.. Он с горечью вспомнил, как двое или трое из таких господ, считавшихся горячими его друзьями, вдруг, когда над его головой разразилась катастрофа, бесцеремонно отвернулись от него, забыв не только денежные одолжения, которые делались им, но и отрицая свое знакомство «с плутом подобного рода»»

«Мне ничего не остается, — сказал он самому себе, — как переменить кожу: Бартес должен исчезнуть! Небо посылает мне благоденствие, которым я могу прекрасно воспользоваться, так как оно дает мне средства открыть действительных преступников, соединившихся для того, чтобы погубить меня... О, они дорого заплатят за смерть моего отца и за мое бесчестие! Все будет приведено им на память, все они должны будут припомнить! Даю

честное слово, что иначе и быть не может и не будет!»

— Ты колеблешься? — вдруг задал ему вопрос старый китаец, все время не сводивший глаз со своего собеседника.

— Нет, отец мой, — искренне ответил Бартес. — Я с живейшей благодарностью принимаю ваше предложение, которое должно соединить нас неразрывными узами! С этого дня мы — отец и сын, если вы этого желаете, более даже близкие, чем многие действительные отцы и сыновья!

Кванг не мог удержать радостного вскрика и прижал к своей груди молодого человека, на которого он смотрел теперь как на своего настоящего сына. Потом, поднявшись с места, он ударил в гонг, что было сигналом к появлению Ли Юнга и Ли Ванга, сопровождаемых другими китайцами и тремя товарищами Фо по заключению.

Он сообщил им о своем намерении и согласии Бартеса, что всех их крайне обрадовало, потом прибавил, что в этот же вечер желает совершить обряд усыновления.

Обряд был совершен при свете огней, зажженных с четырех сторон домашнего алтаря, которые должны были представлять четыре стороны Паньгу, Вечного Божества, никем не сотворенного, всегда существовавшего и существующего, не имеющего ни начала, ни конца и сотворившего Вселенную единой своей волей

Кванг разделил с Бартесом небольшой хлебец из риса, поднес к его губам бокал с особенным напитком, предварительно отпив немного из него сам, и произнес следующую торжественную речь:

— Эта пища, посвященная Великому Паньгу, да образует в наших двух телах одну кровь! Я, Цин Ноан Фо, верховный владетель острова Иена, великий глава Поклонников Теней, объявляю своим сыном предстоящего здесь Эдмона Бартеса под именем Цин Ноан Шунга, властителя Иена, дабы он продолжал мой род до скончания веков и дабы совершал погребальные церемонии как на моей будущей могиле, так и на могилах моих предков — для их вечного успокоения и счастья в обители судеб!

Все это было произнесено три раза, после чего обряд усыновления был окончен. С этих пор, по китайским законам и обычаям, Бартес стал действительным сыном Фо и наследовал все его состояние. Затем был составлен акт усыновления, на котором подписались все присутствовавшие и который целиком внесли в книгу «Иена», где его скрепил своей подписью американец командир броненосца. В заключение Кванг раздал своим новым приближенным разные звания и чины.

Бартес получил степень мандарина с аметистовым шариком, что равнялось званию адмирала, которому подчинены были все речные и

морские джонки. Порник был награжден званием мандарина с голубым шариком, с чином лейтенанта на борте «Иена». Прочие два его товарища были внесены в число мандаринов низшего класса, с белыми шариками и с званием вторых лейтенантов судна. Ланжале, не бывший прежде моряком, получил чин, соответствующий капитану сухопутных войск.

Фо никого не хотел забыть своими милостями и вспомнил даже о Кролике, но Бартес воспротивился тому, чтобы и он получил какое-либо звание или чин, так как он был сослан за уголовное преступление, пятнающее честь. Наградить и его чином значило бы признать его равным всем прочим, сосланным не за бесчестные проступки, а единственно за проступки против субординации.

Фо принял во внимание возражение своего сына и наследника и ограничился для Кролика денежной наградой.

XVIII

Сын фокусника. — Изобретательная глухая провинция. — Утешение из уст адвоката. — Первая ссылка и ее плоды. — Жажда честной жизни. — Значение сына в китайской семье.

Кролик был не совсем дурным человеком. Если бы хорошенько разобрать все обстоятельства его жизни, то оказалось бы, что каприз судьбы, одних заставляющей родиться в раззолоченных палатах, а других — в какой-нибудь лачуге с продырявленной крышей, гораздо более был виноват в случайностях жизни этого человека, чем его собственная воля.

Он был сын бродячих фокусников, родился, что называется, на большой дороге и никогда не знал другого имени, кроме как Кролик. Восемнадцатилетним юношей он уже принимал участие в представлениях на сцене, фигурируя рядом с прекрасной Фатимой, фавориткой марокканского султана, или с тюленем, обитателем полярных морей, или, наконец, с дикарем Огненной Земли, сплошь покрытым шерстью, который «удостоился особенного внимания его величества короля прусского и был предметом глубокого уважения господ ученых медицинской академии».

Однажды его хозяин, к которому он поступил после смерти родителей, давал представления в глухой провинции, усеянной множеством мелких деревень, расположенных недалеко друг от друга. Был праздник, и сбор получился очень хороший. Сосчитав заработанное, фокусник увидел себя обладателем ста шестидесяти франков, в числе которых оказалось, однако, мелкой фальшивой монеты франков на двадцать; она была очень искусно подделана, и малоопытный человек едва ли сумел бы отличить ее от настоящей.

Хозяин Кролика был раздосадован и долго бранился. Очевидно, глухая провинция изобиловала фальшивомонетчиками, которые сбывали свой товар кому придется, лишь бы только сбыть. Наконец он успокоился и послал Кролика сделать различные покупки у торговцев съестными припасами, дав ему для расплаты все свои фальшивые деньги. И вот булочник, мясник и тому подобные господа получили в уплату от Кролика поддельные сантимы и франки, а фокусники, довольные, в тот же день оставили изобретательную глухую провинцию...

К несчастью, фальшивомонетчики не их одних снабдили своим товаром: оказалось, что почти никто из торговцев не избежал той же участи, так что в общей сложности их убыток доходил до пятисот франков!

Стали доискиваться, кто последний делал у них закупки, и припомнили, что последним был Кролик, член труппы фокусников. Дали знать начальству, которое немедленно послало жандармов в погоню за ними.

Фокусники были остановлены... Чужая беда, хозяин труппы отпирался ото всего, говоря, что ничего не знает, так что, в конце концов, вся ответственность пала на одного Кролика.

Его обвинили даже в злостном намерении погубить своего патрона и заключили в тюрьму, где он должен был высидеть полгода, прежде чем предстать перед судом. И все потому, что он говорил одну правду, то есть только то, что с ним случилось!

На суде ему сказали:

— Назовите нам ваших сообщников, и ваша участь будет вероятно, смягчена, особенно если присяжные примут во внимание вашу молодость.

— Каких сообщников? У меня их нет! — возражал бедный юноша, не зная, что и думать о таком странном требовании.

— А-а, вы упорствуете! Это будет принято к сведению! — грозили ему.

Защитник его пустился в риторику, которая только утомляла слушателей, никого не убеждая. Результатом ее было полное осуждение подсудимого, который был приговорен к пятнадцатилетней ссылке и каторжным работам.

— Я сделал все, что мог, — утешал его защитник, — вас сначала пошлют в Кайенну на пять лет, а потом на остальные десять в Новую Каледонию, где климат несравненно лучше, чем в Кайенне. Не падайте духом, — дело еще не так дурно, как могло казаться!»

Эта первая ссылка Кролика была вопиющей несправедливостью; что же касается второй, то она была вполне заслужена, потому что была следствием первой...

Несчастный Кролик попал в общество разных преступников, в числе которых были и фальшивомонетчики; эти последние, узнав, что он «их поля ягода», приняли его в свою компанию и обучили всем тайнам и тонкостям своего ремесла...

Из ссылки он возвратился опытным малым, тогда как пятнадцать лет назад едва даже знал, за что его сослали, и в скором времени попался снова — за распространение фальшивых кредитных билетов. На этот раз его присудили к вечной каторге. Но благодаря покровительству Эдмона Бартеса на ней он пробыл только один год.

На «Иене» он обратился к своему покровителю со следующим вопросом:

— Милостивый государь, не могу ли я получить маленькое местечко на вашем судне?

Бартес прямо сказал ему, в чем дело.

— Вы правы, — согласился с ним Кролик. — Но скажите мне, что же вы намерены делать со мной?

— Высадить тебя в первом порту по твоему выбору, будет ли это в Китае или в Америке»

— Но что я там стану делать? Я не знаю ни по-китайски, ни по-английски и не выучился никакому полезному ремеслу, так что меня снова возьмут и посадят куда-нибудь... Между тем я чувствую искреннее желание сделаться снова честным человеком! Подумайте, господин Бартес, что меня до сих пор никто не научил ничему хорошему, а общество сумело только сослать меня, в восемнадцать лет, на каторжные работы — за вину других! Если бы патрон мой признался в получении неизвестно от кого фальшивой монеты, с которой послал меня делать разные покупки, меня бы оправдали и я не попал бы в первую ссылку, научившую меня, «как жить на белом свете»... Теперь, если никто не протянет мне руку помощи, я принужден буду вернуться в отечество. Ну, а там очень скоро меня изловят и снова отправят в ссылку — «с отягчающими вину обстоятельствами»... А между тем я все-таки, повторяю, искренне хочу быть честным человеком! Подумайте об этом, милостивый государь, и пощадите меня!

Это чистосердечное признание тронуло Бартеса, который решил дело так:

— Хорошо, — сказал он, — я постараюсь сделать для тебя то, чего не сумело сделать общество. Я принимаю тебя к себе на службу сроком на год, считая с сегодняшнего числа. Если в течение этого срока ты безукоризненно будешь исполнять свои обязанности, то, при желании, сможешь потом остаться при мне навсегда; в противном же случае ты будешь высажен в первом порту, выбранном, как я сказал уже, по твоему желанию.

— Я с благодарностью принимаю все ваши условия и надеюсь, что не подам вам ни малейшего повода быть недовольным моей службой! — воскликнул Кролик в восторге.

— Тем лучше! — сказал Бартес. — Я вижу, что ты в самом деле Желает выйти на честную дорогу. Хорошо! У тебя есть ловкость и понятливость, которые мне будут нужны во многих случаях, и я буду давать тебе некоторые секретные поручения.

— И вы увидите, как точно я буду исполнять их, потому что я умею повиноваться. С этого дня я ваш покорный и верный слуга, вернее которого

вы, может быть, не найдете!

Таким образом Кролик нашел себе дело на «Иене».

Между тем через несколько дней после бегства из Новой Каледонии старый Фо, или Кванг, заболел, простудившись при переправе с берега острова Ну на «Иен», когда разъяренные волны окатывали своими брызгами с ног до головы всех беглецов. У него началось воспаление легких, и дни его были сочтены»

Понятна поэтому та поспешность, с какой он старался совершить обряд усыновления, отвечавший как его личной привязанности к Бартесу, так и религиозному верованию китайцев; по этому верованию, отец после своей смерти до тех пор не может войти в область вечного успокоения и удовлетворения, пока сын не исполнит на его могиле всех предписанных погребальных церемоний. Пока они не совершены, душа его блуждает вокруг кладбища предков и домашнего очага, и голос его слышится по ночам то в завываниях бури, то в плеске волн, то, наконец, примешивается к крикам филина — это значит, что умерший требует успокоительных молитв. Но это еще не все: молитвы сына могут вселить его в обитель самых высших радостей, в которую обыкновенно умерший попадает не сразу, а проходя определенные для всякого смертного этапы...

Поэтому так важно для всякого китайца оставить после себя непременно сына, который мог бы исполнить все предписанные погребальные церемонии на его могиле. Отсюда также обычай — непременно усыновить кого-нибудь, если нет собственного сына, так как все прочие дети иного пола, сколько бы их ни было, не имеют никакого в этом случае значения для отца.

Сын, собственно говоря, есть жрец своего семейства в Китае: он не только для умершего отца, но и для умершей матери совершает молитвы и церемонии на их могилах, а равно может делать то же самое и для прочих членов семейства, отошедших в вечность

XIX

Гаснущая лампа. — Сколько лет было Квангу. — Сильное лекарство. — Презрение к смерти. — Завещание. — Торжественная клятва и конец концов.

Престарелый Фо, или Цин Ноан Фо, что значит «Всемогущий Фо», был женат два раза в годы своей молодости, но от обоих браков имел не сыновей, а лишь дочерей, которые были им выданы за очень влиятельных лиц при императорском дворе. Неимение наследника-сына сначала не слишком беспокоило Фо, так как он надеялся иметь еще детей. Но мало-помалу эти надежды угасали и наконец совершенно исчезли. Тогда-то Кванг и принял твердое намерение усыновить молодого человека, который выказал ему такую преданность и такое бескорыстие, самоотверженно ухаживая во время болезни за тем, кого он принимал за какого-нибудь обыкновенного китайца из Кохинхины, сосланного за кражу или за что-нибудь в этом роде.

Приняв такое намерение, старый китаец сделался спокоен и даже весел, хотя его здоровье, подорванное ссылкой, угасало с каждым днем. Старческий возраст, видимо, брал свое. Правда, ни сам Фо, ни его приближенные не знали точно, сколько ему от роду лет, — китайцы вообще не любят вести счет своим годам, находя этот обычай даже противным религии, — но никто не сомневался, что Фо был стар, очень стар.

Сопоставляя некоторые события, например войну с англичанами за ввоз опиума, Ли Юнг и Ли Ванг предполагали, что с того времени, как Цин Ноан Фо наследовал последнему Квангу, должно было пройти не менее пятидесяти лет; если же учесть, что тогда ему было тридцать лет от роду, оказывалось, что в данное время возраст Фо составлял не менее восьмидесяти лет — время, когда человек должен готовиться к последнему концу. И этот конец не заставил себя долго ждать.

Однажды утром, три недели спустя после бегства из пенитенциарного заведения, Фо почувствовал, что не может встать с постели. Его ноги, давно уже плохо служившие своему владельцу, так распухли, что совсем отказывались повиноваться. Лишь голова была еще свежа, и ясное сознание ни на минуту не покидало старика.

Испуганный таким состоянием здоровья своего старого друга, бывшего теперь ему отцом, Бартес решил немедленно плыть в Сан-Франциско, где можно было найти хорошую медицинскую помощь. Что из

этого вышло — мы уже знаем. Приглашенный доктор прямо объявил, что нет никакой надежды на выздоровление больного, и можно лишь на несколько часов отдалить роковой исход болезни при помощи самых сильных лекарств.

Отлично сознавая свое положение и не обольщаясь никакой надеждой, Фо и сам не рассчитывал на выздоровление и лишь просил доктора продлить ему жизнь до вечера, так как ему предстояло привести в должный порядок свои дела. Врач отвечал, что он может рассчитывать еще на десять часов жизни.

— Для этого, — прибавил он, — продолжайте принимать прописанное мной питье, и чем чаще, тем лучше!

— Благодарю вас! — ответил Фо. — Десять часов — это такой срок, который именно мне и нужен. Большого мне и не надо. Приходите вечером непременно: я желаю, чтобы вы присутствовали при моих последних минутах. Я имею особенные причины желать вашего присутствия.

— Ваше желание будет исполнено, — согласился доктор, — я постараюсь быть точным и аккуратным.

Старый китаец говорил так же спокойно и твердо, как в лучшие дни своей жизни. Привыкнув, подобно всем своим соотечественникам, презирать смерть, он был убежден: чему быть, того не миновать и жизнь каждого человека заранее вписана в «книгу судеб».

Едва доктор ушел, Кванг велел принести себе ящик из слоновой кости с золотым замком, вверенный им для хранения перед поездкой во Францию Ли Юнгу, и, когда ящик был принесен, сказал, чтобы его оставили вдвоем с сыном...

Несколько часов умирающий провел затем с глазу на глаз с Бартесом, но что они делали — осталось неизвестным» Без сомнения, старый китаец давал своему наследнику полезные советы, без которых тому нельзя было бы исполнять свои новые обязанности.

Закончив наконец совещание, Фо попросил своего наследника отпереть дверь и впустить к нему всех ожидавших его последних распоряжений, а сам запер таинственный ящик и, подавая Бартесу ключ, сказал:

— Все, что ты найдешь там, в этом ящике, все будет твоим. Там также и завещание мое, в котором никто не забыт мной. Но особенный пакет, который ты увидишь на дне ящика, ты вскрыешь только на острове Иен, когда вступишь во дворец, жилище Квангов... Теперь прощай, мой сын, обними меня в последний раз!

Едва Бартес с глухими рыданиями исполнил эту последнюю просьбу

своего друга и отца, как в каюту больного вошли все пассажиры «Иена» во главе с приехавшим в эту минуту доктором.

Умиравший снял с себя известное нам кольцо и, надев его на руку Бартеса, обратился к Ли Юнгу и Ли Вангу:

— Поклянитесь, что будете повиноваться этому молодому человеку, моему сыну и наследнику: он теперь Кванг!

— Клянемся! — ответили оба китайца, падая на колени.

— Клянись быть палкой в его руках, которая бьет, и мечом, который поражает непокорных!

— Клянемся!

— Клянись, что всех наших братьев приведете к покорности ему, моему единственному сыну и наследнику!

— Клянемся!

— Клянись, что укажете ему место хранения вековых сокровищ, принадлежавших Квангу!

— Клянемся!

— Хорошо! — заключил наконец Фо. — Ваши клятвы вписаны с этой минуты в «книгу судеб».

Потом, собрав последние силы, он торжественно воскликнул:

— Приветствую Кванга, сокрытого в жилище Вечности! Приветствую Короля Смерти!

На это все стоявшие перед ним китайцы ответили дружным возгласом:

— Приветствуем нового Кванга в его начинающемся могуществе и величии! Да здравствует Властелин Жизни!

Не успели смолкнуть эти крики, как старый Кванг испустил последнее свое дыхание...

«Иен» в трауре. — Визиты к покойнику. — Всеобщее любопытство. — Искусство превращения в желтого человека. — Янки. — Язык спекуляций и язык овец. — Краткий обзор жизненной драмы.

Тело умершего Фо было набальзамировано под наблюдением доктора, присутствовавшего при его последних минутах, и положено на парадном катафалке, на среднем мостике судна. Там оно находилось двое суток, в продолжение которых около катафалка беспрестанно теснились посетители разных наций, но более всего — китайцы. Эти люди, столь презираемые и едва терпимые в Америке, хотя их в Сан-Франциско, например, насчитывают до восьмидесяти тысяч, спешили отдать честь своему умершему соотечественнику, не догадываясь, впрочем, кто он был, и в то же время рады были посмотреть на великолепное судно, принадлежавшее их стране, которое они видели первый раз в своей жизни и которым очень гордились. Приезжая на «Иен», они привозили с собой огромные венки из роз, иммортелей и померанцевых цветов, которыми и украшали тело покойника. Кроме того, целая депутация из представителей китайского предместья явилась выразить свое соболезнование офицерам «Иена» по случаю смерти их командира. Порник, в качестве первого лейтенанта судна, провел их к Бартесу, при котором находились Ли Юнг и Ли Ванг. Китайские представители, подобно американцам, не могли признать в китайцах судна европейцев, ставших лишь недавно сынами Небесной Империи, — до того велик был эффект способа превращения, употребляемого в подобных случаях. А между тем ничего не могло быть проще этого способа. Весь фокус состоял в том, что наши герои ляписным карандашом подрисовали себе ресницы, удлинив их с одного конца к носу, а с другого к бровям. Эта примета, по которой узнают китайца между другими народностями, так характерна, что если она есть налицо, то о других, второстепенных, признаках обыкновенно не заботятся. Впрочем, Бартес, в интересах которого более всего необходимо было походить на китайца, кроме этой гримировки, остриг себе по-китайски усы.

Не одних только китайцев видел на своей палубе «Иен». Многие американцы также явились посмотреть на китайский броненосец и во главе их — сам губернатор штата, прибывший с ответным визитом к Бартесу. Последний, однако, не мог его принять по случаю траура, и губернатор должен был удовольствоваться простой передачей ему своей визитной

карточки.

Вообще прибытие «Иена» в столицу Калифорнии было настоящим событием, о котором только и говорили в городе. Разные обстоятельства еще более способствовали возбуждению общего любопытства: таинственное появление судна, проход его в порт без лоцмана, его великолепная отделка и солидное вооружение, изящные манеры китайского адмирала, принца Иена, и, наконец, смерть Фо, его отца, последовавшая в самый день прибытия судна» Всего этого было даже слишком много, чтобы до крайности возбудить любопытство янки, в характере которых, в сущности, очень много детского, несмотря на всю их деловитость. Это единственный народ на нашей планете, у которого соприкасаются такие крайности, как дело и развлечение, спекуляции и фланирование, сведение конторских счетов и выискивание по перекресткам улиц фантастических афиш. У них возможны, например, такие сценки. Какой-нибудь мистер Джон говорит мистеру Гарри:

— Как сахар завтра? — и в ту же минуту кричит во все легкие:

— Урра, Барнум, урра!..

«Как сахар завтра» — значит: «Какая цена будет завтра сахару?», потому что янки не любят лишних слов и сокращают свои деловые фразы до крайнего предела.

Мистер Гарри отвечает:

— Н-знай, Джон! Урра, урра, Барнум! П-чем свин-сал Цинц-ннат?.. Урра, урра, Барнум!

Эта фраза означает: «Не знаю, Джон! Почем свиное сало в Цинциннати?»

Но вернемся к «Иену» и его командиру. И тот, и другой интересовали калифорнийцев до чрезвычайности. Везде, по всем улицам и переулкам Сан-Франциско, только и продавали, что фотографии броненосца и самого принца Иена. От фотографов не было отбоя. Так как Бартес наотрез отказал им устанавливать свои аппараты на самом судне, то они взбирались на крыши домов, прилегающих к набережной, и оттуда снимали свои драгоценные виды, раскупаемые потом нарасхват по невозможным ценам. Другие фотографы наводняли собой палубы соседних с «Иеном» фрегатов, пароходов, катеров и т. п. , с которых можно было видеть китайский броненосец. Дошло до того, что места как на крышах домов, так и на соседних с «Иеном» судах стали продаваться, и вследствие этого цены повысились еще больше. Но ничто не в состоянии было удержать янки от приобретения этих фотографий, потому что «Иен» был в такой моде, которая успешно могла соперничать с модой на Барнума...

Всего меньше занимало общественное внимание самого Бартеса, который всецело был поглощен воспоминаниями о прошлом и заботами о будущем.

Судьба его поистине была сказочной и походила на историю из «Тысячи и одной ночи».

Вот он видит себя мальчиком в глухой провинции своего отечества, в этой Франции, которую он и любит так безумно, и в то же время так безумно ненавидит!.. Отец его — полковник французской армии и по этой причине вечно в отсутствии; несмотря на это, он страстно привязан к своему небольшому семейству, состоящему из жены и сына, и пользуется каждой свободной неделей, чтобы навещать их. Приезжая домой, он ласкает жену, ласкает сына, привозит им подарки и говорит ему, своему «бравому Эдмону»:

— Скажи мне, молодец, скоро ли ты будешь поручиком?

— Ах, Эдуард, — вмешивается мать, — когда ты согласишься со мной, что наш мальчик не для вашей армии?.. Милый мой, я ни за что, ни за что не хочу видеть его в военном мундире!

И на глазах этой превосходной женщины, доброй жены и матери, показываются слезы... Вопрос о карьере сына — это был единственный предмет разногласия между родителями Эдмона. Впрочем, даже и он никогда не доводил их до ссор, а только до споров, и то редких и самых легких, кончавшихся обыкновенно шутками и весельем.

Когда отец Эдмона получил наконец чин генерала, Бартесы переехали в Марсель. Здесь Эдмон поступил в морское училище, обещав матери, что он не затем хочет сделаться моряком, чтобы уйти навсегда в море или стать морским волком, а чтобы приобрести себе хоть какое-нибудь звание...

В восемнадцать лет наш юный герой кончил морское училище. Тут вдруг ему представился случай поступить на службу в банкирский дом Прево-Лемера, и вся семья переехала в столицу.

Мать была очень рада, что сын сдержал свое обещание и не ушел в море, а пристроился к мирному и прибыльному занятию; но она недолго радовалась, глядя на сына: смерть скоро похитила ее для иного мира.

Общее горе отца и сына было неопишимо.

Затем перед глазами Бартеса рисуется картина его парижской жизни. Он работает в конторе Прево-Лемера. Его отличают. Патрон его ласкает, говорит ему комплименты. Вот он наконец главный кассир в его банке, с жалованьем в тридцать тысяч франков. Потом следует апогей его мирной карьеры: безграничное доверие к нему патрона, предложение жениться на его дочери, бал и обручение, всеобщее внимание и уважение к нему. Далее

— продажа миллиона из кассы и различные треволнения, связанные с этим событием. Патрон и слышать не хочет о возможности подозревать его, но он сам настаивает на этой возможности, его обыскивают» затем его везут в Мазас!..

Не сам ли он погубил себя, настаивая на этом несчастном обыске? Ведь если бы он послушался убеждений патрона, ничего бы этого не было, и он бы теперь жил себе припеваючи, в качестве зятя Прево-Лемера, управляющего его делами и его наследника?! Какой же демон подтолкнул его быть несговорчивым, демонстрируя доходящую до донкихотства честность, до которой никому не было дела?!

И вот он лишен своего блестящего и завидного положения и фигурирует на скамье подсудимых — вместо того чтобы спокойно фигурировать в качестве представителя знаменитого финансового учреждения! Поразительное безумие и не менее поразительная метаморфоза!..

Потом заключение в тюрьме арестантов, назначаемых в ссылку. Всеобщая холодность к нему и всеобщее забвение. Сцена прощания с убитым горем отцом и с двумя друзьями, уцелевшими от всеобщего крушения его житейского корабля, и отплытие в Новую Каледонию...

Далее жизнь в качестве ссыльного, генеральный прокурор Прево-Лемер, племянник его бывшего патрона, предлагающий ему роль шпиона, весть о смерти отца, клятва о мщении. Зараза в пенитенциарном заведении, уход за больным Фо, в котором он совсем не подозревал какой-нибудь знатной особы, безграничная благодарность и дружба Фо, бегство с ним и с другими из места ссылки и несчастья.

Наконец — неожиданное предложение Фо, оказавшегося Квангом, усыновить его, обряд усыновления, превращение в китайского принца, кончина Фо. Какая пестрая драма жизни — в течение всего каких-нибудь тридцати двух или тридцати трех лет! Что же будет с ним дальше, в его звании Кванга, о котором прежде ему никогда даже и не грезилось? Как он выполнит программу своей дальнейшей жизни и в чем будет состоять эта программа?

Необдуманый поступок. — Опять Тернбулл! — Веселый жрец Фемиды. — «Место происшествия». — «Выше» и «ниже», «сей» и «оний». — Потерянные 24 часа. — Доклад Парижанина об одном господине.

В то время как Бартес предавался думам о своем прошлом, важные события готовы были разыгаться и нарушить его спокойствие. У приемного сына Фо было предчувствие этих событий, правда, смутное, неопределенное, но если бы он послушался его — всем им было бы лучше. Какой-то неясный голос побуждал его немедленно после смерти Фо уйти из Сан-Франциско, отпустить американских моряков в Орегоне, так как срок найма их кончался, и направиться в Индийский океан, к острову Иену, затерянному среди опасных скал и рифов Зондского архипелага. Там он имел бы время окончательно «переменить кожу» и приготовиться к путешествию в Европу, придав своей наружности такой вид, который решительно оказался бы вне всяких подозрений.

К сожалению, Бартес не послушался предчувствия, не придав ему никакого значения, и на некоторое время отложил свой отъезд, чтобы доставить удовольствие товарищам покойного Фо, Ли Юнгу, Ли Вангу и другим, желавшим похоронить своего верховного главу со всеми подобающими его сану почестями и таким образом поднять престиж своих соотечественников в Америке. Он, учившийся в морской школе, не сообразил, что в таком порту, как Сан-Франциско, он не может долгое время оставаться без всякого дела, без поручений от своего правительства, без нужных бумаг, наконец, и что, случись какое-нибудь недоразумение между ним и американцами, он должен предъявить свои документы, а в случае невозможности сделать это рискует подвергнуться вместе со своим судном аресту до выяснения своей личности.

И вот, к несчастью для него, это недоразумение, неважное по своей сущности, но важное по опасным последствиям, которые оно могло повлечь за собой, не замедлило произойти... Причиной, вызвавшей его, явилась расправа славного Порника из Дуарнене с нахалом Тернбуллом, которому он расшиб кулаком нос.

Обозленный Тернбулл, потерпев полное фиаско и не имея прохода от насмешек всех уличных зевак, видевших его бесславию, задумал обратиться к содействию судебной власти. Недолго думая, он отправился к

следственному приставу того участка, где произошла его схватка с китайским моряком, и принес ему жалобу.

Мистер Васптонг — так звали пристава — был в восторге от нового казуса, потому что разные раны и увечья были его стихией, без которой он не мог жить.

— Так этот китаец вам того? — спрашивал он чуть ли не в сотый раз Тернбулла.

— Так точно! Я уже имел честь сказать вам это.

— Ха-ха-ха! Превосходно, превосходно! Славная штука!

— Но, сэр, я не вижу тут ничего ни славного, ни хорошего для себя лично!

— Конечно, конечно! Впрочем, ведь вам лично поставили хорошую припарку на лицо, из которой может выйти хорошее дело для вас, ха-ха-ха! — продолжал восторгаться следственный пристав, играя словами.

— Какое же тут хорошее дело, когда я остался совсем без носа? — недоумевал Тернбулл.

— Как какое? Вы получите деньги за ваш нос от этих китайцев! Кстати, покажите-ка мне еще его!

И уличный герой опять-таки чуть ли не в сотый раз снимал повязку с лица и показывал приставу «место происшествия» — по выражению мистера Васптонга.

Остряк еще раз посмотрел на сильно пострадавший нос клиента и воскликнул:

— Превосходно! Превосходно! Ха-ха-ха! Место происшествия просто прелестно, и пари на что угодно, хоть на сто тысяч долларов, что оно стоит не менее двадцати тысяч золотой монетой!

— Кто же мне заплатит эти двадцать тысяч? — недоумевал его клиент.

— Да те же китайцы, черт возьми! Свидетели у вас есть?

— Есть, как же!

— И много их?

— Много!

— И вы можете назвать их по именам?

— Конечно, могу!

— Превосходно, превосходно! Ха-ха-ха! Готовьтесь к процессу, к веселому процессу! Ха-ха-ха! Да представьте мне сегодня же медицинское свидетельство какого-нибудь врача о том, что ваш нос совершенно негоден к дальнейшему употреблению. Ха-ха-ха!

С этим Тернбулл ушел от следственного пристава, обнадеженный насчет казуса, но не совсем довольный манерой обращения с ним жреца

правосудия. «Так ли ты хохотал бы, чертов толстяк, — думал он, — если бы подобное же „место происхождения“ оказалось на твоей выхоленной, веселой физиономии?»

А мистер Васптонг, оставшись один, засел за составление судейской закорючки, которая через полчаса была готова и содержала следующее:

По заявлению гражданина Соединенных Штатов Джека Тернбулла, имевшему место в моей конторе, в городе Сан-Франциско, улица Сакраменто, № 22, участка № 29, я, нижеподписавшийся, Эпифаний-Хризостом Васптонг, следственный пристав вышепоименованного города, жительство имеющий там же, в той же улице и участке и под теми же №№ 22 и 29, довожу до сведения, во-первых, первого лейтенанта китайского судна «Иен», имя коего мне неизвестно, но личность достаточно определяется вышеуказанным чином, и, во-вторых, — отдельной копией с сего документа, — до сведения его сиятельства князя Иена, адмирала и командира вышеуказанного судна, как ответственного в гражданском смысле, что они обязываются, в течение двух суток от нижеозначенного числа, явиться перед судом полиции, находящимся под председательством его превосходительства следственного судьи, Иезекииля Джереми, по делу, пункты коего следуют ниже, а именно:

1) *обратившийся ко мне вышеназванный Джек Тернбулл, жительство имеющий в том же городе Сан-Франциско, улица Конские Бега, № 284, заявил и показал воочию, что он совершенно лишен носа, годного к тому употреблению, какое предназначила ему природа;*

2) *что оное прискорбное обстоятельство произошло вследствие разительного удара кулаком руки, принадлежащей вышеуказанному первому лейтенанту судна "Иен», и*

3) *что означенное прискорбное обстоятельство произошло при свидетелях, которые подлинность одного могут подтвердить своими показаниями на суде; кроме сего, имеется письменное удостоверение врача, констатирующее совершенную негодность носа, принадлежащего вышеназванному гражданину Соединенных Штатов Джеку Тернбуллу.*

Вследствие всего вышеизложенного доводится до сведения двух вышепоименованных лиц, что они, как иностранцы и виновные в причинении убытка обратившемуся ко мне с жалобой Джеку Тернбуллу, обязывают возместить ему оный денежной суммой в размере двадцати тысяч долларов золотом и сверх того заплатить все могущие быть судебные издержки.

Акт сей явлен и внесен в подлежащий реестр суда полиции города Сан-Франциско сего нижепоименованного месяца и числа.

Подписано: следственный пристав Э. Х. Васттонг

Загнув нашим героям такую закорючку с ее «выше» и «ниже», «сими» и «оными», представитель закона и правосудия послал, кроме того, еще отношение к судье штата, в силу которого последний должен был немедленно потребовать от командира «Иена» письменного обязательства не уезжать никуда из порта до окончания процесса.

«Громкое дело будет, черт возьми, громкое дело! — рассуждал вслух с самим собой мистер Васттонг, перечитывая свою кляузу. — Китайцы, которые теперь в такой моде, скажут мне спасибо, так как моду на них я доведу до наивозможнейшего максимума: ведь к делу будет привлечен не только первый лейтенант их судна, но и сам его сиятельство принц Иен, адмирал и командир судна!.. Ха-ха-ха! Славная будет штука!»

Американцы вообще строги к иностранцам, а тем более к китайцам, которых они считают низшей расой людей, ниже даже негров. Вследствие этого Бартес в тот же день получил приглашение в суд и предписание внести в обеспечение иска сто тысяч долларов, в случае если он и его первый лейтенант признаны будут виновными в причинении «убытка» гражданину Джеку Тернбуллу.

В первые минуты чтения полученной им бумаги Бартес не на шутку встревожился, сообразив, что, явившись к суду полиции, он должен будет представить ясные доказательства подлинности своей личности; затем, увидев, что дело заключается в деньгах, которые ищет потерпевший увечье, он рассудил, что лучше будет без всякого суда заплатить требуемые с него двадцать тысяч долларов золотом, и успокоился на таком решении.

Если бы он тотчас же выполнил это решение, не теряя ни одной лишней минуты, то избежал бы опасных последствий затеваемого против него иска; но есть такие моменты в жизни, когда самые элементарные правила благоразумия, предписываемые человеку природой, совершенно ускользают из его памяти. Отвлеченный погребальными церемониями, которым Ли Юнг и Ли Ванг как истые китайцы усердно предались, Бартес, не имевший еще в руках должного удостоверения своей личности, отложил на завтра предложение следственному приставу любовной сделки, — и это была первая его ошибка: завтрашний день оказался неприсутственным, и следственного пристава нельзя было найти в его конторе; таким образом Бартес потерял двадцать четыре часа, тогда как не должен был бы терять ни одного часа.

В тот же день вечером Кролик постучал в дверь каюты Бартеса и, войдя, сказал, что Ланжале желает видеть адмирала, чтобы доложить ему о некоем деле, не терпящем отлагательства.

— Пусть войдет сюда, — отвечал Бартес.

Ланжале вошел с добродушным видом и тотчас жег начал изложение дела со свойственной ему оригинальностью выражений.

— Я его теперь вижу, господин командир, и теперь вижу, как это он будто бы занят рассматриванием катафалка, а на самом деле не пропускает без внимания ни одного уголка на палубе судна, — спросите об этом хоть Порника... Хитрая лисица, господин командир, честное слово!

— Что у тебя за манера говорить, мой бравый Ланжале?! — воскликнул с улыбкой Бартес. — О ком ты это?

— Все о нем же, господин командир, о том субъекте, который в Нумеа называл себя де Сен-Фюрси... Вам известны предложения, которые он там делал мне... Ну так вот этот самый субъект теперь здесь!

— Ты мне, правда, говорил об этом де Сен-Фюрси, но только, помнится мне, не о предложениях, которые он тебе делал.

— Да, ваша правда, господин командир, ваша правда: о предложениях я говорил только Порнику и господину Фо... Извините мою забывчивость, господин командир!

— Ну, хорошо... Но в чем же дело, по-видимому, так сильно тревожащее тебя?

— Простите меня, господин командир, но я с удовольствием бы задал хорошую встряску этому господину. Это, видите ли, большая шельма, которая сует свой нос всюду, где ему не полагается! Кажется, довольно было бы того, что он предлагал мне в Нумеа и что я сделал вид, будто принимаю, хотя в душе своей я готов был каждую минуту взять его на буксир и отправить в страну белых медведей, откуда никто, говорят, целым не возвращался... А теперь опять видеть его физиономию и как он, под предлогом отдания чести скончавшемуся господину Фо, в сущности все высматривал на нашем судне, не оставляя в покое даже верхушек мачт. Видеть все это, господин командир, — это, право, последнее дело, и не будь я Парижанин Ланжале, если воздержусь и на этот раз от желания хорошенько угостить господина де Сен-Фюрси по заслугам!

— Ладно, милейший мой, ладно! Но ты, однако, забыл одну вещь...

— Какую, господин командир?

— Да самую простую: чего хотел от braveго Ланжале этот субъект? Я ведь не знаю ничего об этом!

— Ах, это! Да, да! Извольте, господин командир, извольте сейчас все скажу вам! Он мне предлагал имение, все хозяйственные принадлежности к нему, денежный аванс, — словом, золотые горы, — и все за то только, чтобы я сообщал ему письмами и депешами о тех местах, где мы будем с

китайцами после бегства с Новой Каледонии, а в особенности о месте, куда отправится покойный господин Фо и его товарищи... Ну, я сказал, что соглашаюсь, потому что у меня, господин командир, была на это своя политика. Ведь не согласись я, как и другие, на его уговоры, а обругай его хорошенько, что бы из этого вышло? Надо же было кому-нибудь согласиться!

— Это все?

— Как есть все, господин командир.

— Странно, очень странно! — сказал Бартес после нескольких минут размышления.

Продолжение разговора. — Ланжале и Порник. — Немного рискованный план. — Карт-бланш обоим. — Имена, пахнувшие полицией. — «Беседа по душам» с Гроляром.

— Да, это очень странно! — повторил еще раз Бартес, недоумевая о причинах, побуждавших полицейского сыщика Гроляра следить за ними: покойный Фо, рассказав своему наследнику о том, как он возвратил скипетр Хуан-ди его законным обладателям, почему-то умолчал о похищении им «Регента», составлявшего собственность французской короны; что «Регент» потом был подарен им императрице Нан Ли, об этом Бартес также ничего не знал»

— Мне непонятно, — продолжал он затем, — почему этот Гроляр, или де Сен-Фюрси, будучи правой рукой генерального прокурора в Нумеа и зная о намерении китайцев бежать, не сообщил ему об этой тайне.

— Я также, господин командир, не могу разгадать этой загадки, — сказал Ланжале, — потому что в противном случае предложение, которое он сделал мне, не имело бы никакого смысла.

— Это верно, — согласился Бартес и велел позвать Порника. Когда победитель Тернбулла явился к нему, Бартес спросил его, делал ли и ему то же предложение Гроляр?

— Как же, как же! — подтвердил Порник. — Он всем нам, господин командир, предлагал быть заодно с ним, но мы ему так ответили, что у него, надо полагать, отпала всякая охота разговаривать с нами дальше! Он вообразил, что и нас можно сделать такими же «мухами», каков он сам!

— Загадочно! — воскликнул еще раз Бартес. — Тут кроется что-то, чего мы пока не в состоянии понять! Ясное дело, узнав о нашем намерении бежать из ссылки, Гроляр должен был бы первым делом предупредить об этом генерального прокурора, а вместо того он молчит и даже как будто покровительствует нам! Неестественно все это! Во всяком случае несомненно одно — что его образ действий не в нашу пользу и что мы имеем в нем тайного врага, которого следует остерегаться... Так ты, Ланжале, принял его предложение?

— Нельзя было не принять, господин командир: ведь если бы и я так же отказался от него, как все наши, он посоветовал бы генеральному прокурору заменить нас другими людьми при китайцах, и наше дело тогда пропало бы совсем!

— Это верно, — согласился командир «Иена», — и твое поведение действительно благоразумно. Ты человек с головой, Ланжале!

Парижанин скромно поклонился и сказал:

— У меня сию минуту явилась одна идея, господин командир!

— Выкладывай свою идею!

— Так как никому из нас неизвестно, чего добивается от нас этот субъект, то остается одно средство: спросить его об этом...

— Гм! Это будет немного наивное средство.

— Извините меня, господин командир, если я возьму на себя смелость сказать вам, что против такого врага, каков этот господин, всякое оружие позволительно... По-моему, надо вести всю механику так: когда этот Гроляр еще раз придет сюда, что несомненно, я подойду к нему и напомним о себе, прикинувшись его верным союзником. Я договорюсь с ним до того, что назначу ему свидание в каком-нибудь надежном местечке, из которого он уже не вернется более к себе, так как мы с Порником, который будет сидеть в засаде, схватим его и принесем сюда, где и посадим в надежную клетку. А когда мы уйдем опять в море, то сможем приступить к расспросам, и — я готов держать какое Угодно пари — он посвятит нас во все свои секреты, поняв, что безусловно находится в наших руках и что кругом нас море, а в море — лакомки-акулы!

— Хорошо, пусть будет так, я ничего не имею против твоей идеи! Но я не понимаю, как это он очутился в Сан-Франциско.

— Мне кажется, господин командир, это произошло очень просто: он мне дал свой парижский адрес, по которому я должен был писать ему; стало быть, из Нумеа он решил вернуться в Париж, а чтобы скорее попасть туда, сел на первое судно, которое отплыло в Сан-Франциско, так как отсюда самое скорое и надежное сообщение с Францией... Вот почему мы и видим его здесь!

— Положим, что твое объяснение верно. Но как могло случиться, что он прибыл сюда в одно время с нами?

— А наши стоянки, господин командир, в Новой Зеландии и на Сандвичевых островах, где мы запасались то углем, то водой?

— Да, да, в самом деле, я и забыл об этом. Ведь мы таким образом потеряли почти целую неделю!.. Но как ты думаешь, узнал ли он нас?

— Не могу решить этого вопроса, господин командир! Видел только, что он был очень занят рассматриванием нашего «Иена», и если сравнить его с другими посетителями, то можно было заметить, что не одно только любопытство заставило его прийти сюда.

— Все слышанное мной от вас обоих, — решил Бартес, — настолько,

по-моему, важно, что я считаю себя обязанным принять всевозможные меры осторожности против этого человека и, кроме того, попытаться во что бы то ни стало узнать, чего он хочет от нас. Человек, который позволил нам бежать из ссылки затем, чтобы следить за нами на свободе, должен быть чрезвычайно опасным неприятелем, которого надо остерегаться каждую минуту!.. В самом деле, ведь это очень загадочно: знать наше намерение бежать — и не расстроить его, не сообщить о нем своему начальству! Не добиться ничего от нас в неволе — и следить за нами на свободе! Подобного неприятеля было бы весьма неблагоприятно оставлять позади себя, и потому я даю вам обоим карт-бланш: действуйте, как найдете нужным, но только так, чтобы не обратить на себя внимания здешних властей. В противном случае мы наживем себе лишние хлопоты, которых у нас и без того довольно!

— Доверьтесь нам, господин командир, — заметил Ланжале, — все будет, как следует, никакой неприятности не случится!

— Более всего ты, милейший Порник, — попросил Бартес, — остерегайся пускать в дело свой ужасный кулак. В настоящее время мы и без того имеем некоторые неприятности из-за твоей схватки с этим уличным забиякой. Конечно, я тебе вполне извиняю твою расправу, так как ты должен был ответить на оскорбление, брошенное тебе в лицо, но в предстоящем деле ты должен быть не более как простым помощником Ланжале и не привлекать ничьего внимания, в особенности констеблей.

— Будьте спокойны, господин командир! — ответил за Порника Ланжале и вдруг воскликнул: — Ах, господин командир, извольте посмотреть в окно: вот он, этот самый субъект! Легок на помине!

— Где? Покажи-ка мне его!

— Вот он стоит между этими двумя репортерами, которые так прилежно рассматривают покойника, точно без этого они сами не останутся в живых... Видите, господин командир?

— Вижу, да!.. И узнаю его! Это действительно тот самый господин, который назывался в Нумеа де Сен-Фюрс!

— А в адресе, который я потом получил от него, он стал уже Гроляром!

— Эти два имени пахнут самой настоящей полицией, — заметил Порник, — разница между ними в том, что первое принадлежит к аристократическому кругу господ полицейских, а второе — к кругу господ попроще.

— Как он, однако, внимательно вглядывается в лицо нашего бедного Фо! — удивился Бартес.

— И недаром, — добавил Ланжале, — в конце концов он догадается, что мы все находимся на «Иене», что и будет ему на руку!

— Это мы еще посмотрим! — сказал командир «Иена». — Мне кажется, настоящая минута очень удобна для начала нашего дела, а потому недурно будет, если ты, Ланжале, сейчас же подойдешь к нему и заведешь с ним разговор, результат которого сообщишь потом мне.

— С удовольствием! — ответил Ланжале и вышел из командирской каюты.

Взойдя затем на мостик судна, где стоял катафалк с покойником, Парижанин приблизился к Гроляру и, слегка притронувшись к его локтю, сказал ему шепотом:

— Я вижу, что господин де Сен-Фюрси в Сан-Франциско! Парижский полицейский с большим изумлением оглянулся и даже отступил на шаг назад при виде Ланжале, которого он совсем не узнал.

— Кто вы такой и почему называете так меня? — спросил он недоумевая.

— Я Ланжале Парижанин, к вашим услугам! — отвечал просто Ланжале. — Помните в пенитенциарном заведении на острове Ну человека, которого вы почли своим вниманием и доверием?

— Неужели это ты? — воскликнул Гроляр, все еще удивляясь. — И в этом необыкновенном костюме?..

— Это обычный костюм китайских матросов, милостивый государь.

— Так ты, значит, поступил на службу к китайцам?

— Должен был, милостивый государь! Разве вы забыли, что именно на этом судне мы бежали из Нумеа?

Из этого ответа, сказанного с напускной откровенностью, Гроляр увидел, что Ланжале остался прежним, и подумал: «Все тот же бравый малый, простак, которому можно довериться!»

— Да, — сказал он вслух, — я до сих пор все не мог решить, вижу ли я то, что мне нужно, или совсем другое: посмотрю на Фо — он самый; взгляну на вас всех — и меня берет сомнение: люди будто те же, но эти костюмы и особенно эти китайские глаза! Черт возьми!

— Простой рисунок, — объяснил Ланжале, — один-два штриха карандашом — и дело готово! По прибытии нашем сюда я писал по вашему адресу в Париж.

— Ладно, милейший мой, ладно! Вижу, что ты умеешь держать свое слово! Сообщай мне и дальше о ваших будущих переездах, до самого вашего окончательного водворения в Китай, потому что, видишь ли, с этим связано важное дело.

— Важное?

— Да, но я не имею права открывать его тебе, так как это составляет государственную тайну. Ты мне можешь быть полезен, и прежде всего вот в чем: скажи мне, рассмотрен ли инвентарь имущества покойного Фо или еще нет?

«А-а, так вот ты куда пробираешься!» — подумал Ланжале и ответил:

— Нет, потому что после его смерти дел оказалось столько, что приведение в порядок его имущества отложено до сегодняшнего вечера.

— Это хорошо! Хочешь ты мне оказать услугу?

— Я весь ваш, господин Гроляр!

— Как, ты знаешь и мое подлинное имя?

— Как же! Ведь оно означено в вашем парижском адресе!

— Это правда, я и забыл об этом обстоятельстве.

— В чем же заключается услуга, которую я могу вам оказать?

— Дело вот в чем: ты, конечно, будешь присутствовать при разборе имущества Фо?..

— Разумеется!

— Вот и хорошо! Так ты, голубчик, зорко смотри за каждой вещью, и особенно за брильянтами, а потом, сегодня же вечером, ты придешь и расскажешь мне все: сколько было вещей, какой они формы и, главное, какой величины камни»

— Это очень легко, господин, и будьте спокойны, я все-все замечу и перескажу вам!

— Надеюсь и жду! В котором часу ты можешь прийти, и где мы увидимся?

— В десять часов, а место — верфи, которые всегда пустычны в это время. Вы будьте только у той, которая находится против вашего судна, и я вас тотчас же найду.

— Хорошо! Итак, до вечера!

— До вечера, милостивый государь!

XXIII

Монолог, полный блестящих надежд. — К делу. — Сети, должным образом раскинутые. — Случай, или виски и джин. — Таинственный ящик и радость Гроляра. — Восемь незнакомцев. — Эскимос, Мраморное Море и Камчатка.

Гроляр расстался с Ланжале, очень довольный своим совещанием с ним. «Если „Регент“ там, у этих людей, — думал он, — тогда дело в шляпе, и моя карьера обеспечена. Я тотчас же наложу арест на их судно, — мне стоит только телеграфировать нашему послу в Вашингтоне, который уже имеет инструкции на этот счет, — потом сделают обыск, найдут драгоценность, и наградой за подобное дело воспользуюсь я один!

Но пока что самое важное — помешать отплытию «Иена»; за этим уже надо обратиться к местным властям. В предложениях помешать отплытию недостатка не будет, и в то время как тут будут совершать разные формальности, я могу получить из Вашингтона нужные мне полномочия» Итак, будем действовать!» И парижский сыщик немедленно отправился на телеграф, откуда послал в Вашингтон депешу уже известного вам содержания. Довольный этим первым своим мероприятием, Гроляр расспросил знающих людей о ловком ходатае по кляузным делам. Ему тотчас же указали на мистера Васптонга, к которому он и поспешил. Два достойных дельца тотчас же столкнулись, поняв друг друга как нельзя лучше, и вечером того же дня «Иену» готов уже был сюрприз в виде денежной претензии на двести тысяч долларов, предъявленной ему «эсквайром де Сен-Фюрси, которому эту сумму остался должен командир судна китаец Фо, ныне умерший, но оставивший после себя наследника в лице настоящего командира, его сиятельства князя Иена» — как было сказано в деловой бумаге.

Случай, однако, благоприятствовал на этот раз Бартесу — он не получил копии с этой бумаги в тот же вечер. Причина этого заключалась вот в чем: клерк мистера Васптонга, молодой человек, подававший блестящие надежды на поприще кляуз и ябед имел маленькую слабость — несмотря на свои юные годы (девятнадцать лет), ублажать себя виски иджином. Если бы он питал склонность к одному только напитку из этих двух, дело бы еще куда ни шло, и ему можно было бы мирно жить со своей маленькой слабостью, но в том-то и беда, что он одинаково уважал оба напитка и вследствие этого почти всегда затруднялся, какому из них отдать

предпочтение... Кончал он обыкновенно тем, что спрашивал себе порцию того и другого в одинаковой мере и, с избытком нагрузившись тем и другим, не оказывался уже в состоянии ничего более предпринять, кроме путешествия из питейного заведения к себе домой, что и приводил в исполнение более или менее удачно...

Так случилось с ним и в тот вечер, когда мистер Васптонг дал ему поручение — доставить копию с его деловой бумаги на «Иен»: вместо того чтобы прямо и непосредственно отправиться на борт указанного судна, он решил предварительно зайти в ресторан, лежавший как раз на пути его следования. Зайдя туда, он потребовал сразу две порции виски и джина и принялся ублажать себя. Этим приятным делом он занимался до того усердно, что наконец сбился со счета, чего он больше выпил — виски или джину; после долгих соображений ему наконец показалось, что последнего потреблено больше, чем первого, и, дабы не обидеть таким образом виски, он спросил еще порцию этого благородного напитка.

После этой порции юный клерк впал вдруг в воинственное настроение и начал буянить, придираясь решительно ко всем посетителям, по жалобам которых и был наконец выведен под руки хозяином, с надлежащими толчками в спину и в затылок, — прямо на улицу.

Очутившись на улице, клерк мистера Васптонга не придумал ничего лучшего, как погрозить кулаком захлопнувшейся за ним двери ресторана с энергичным возгласом по тому же адресу, а затем направиться, прилагая немалые усилия, домой, на собственную квартиру на улице Дюпен, в Китайском квартале. О порученной ему бумаге, разумеется, он совершенно забыл, и она продолжала мирно лежать в боковом кармане его сюртука. Между тем приближался час свидания, условленного между Гроляром и Ланжале. Набережные были пусты, магазины все заперты, хотя время было еще не позднее: дело в том, что в этой части Сан-Франциско обитатели всегда рано торопятся на покой, поднимаясь зато с восходом солнца. К исходу десятого часа везде уже водворилась торжественная тишина и полумрак, та» как и газовые рожки наполовину умерили свой огонь, и только какой-нибудь запоздалый матрос нарушал всеобщий покой стуком своих сапог о тротуарные плиты, торопясь вернуться к оставленному им судну. Гроляр пришел на место свидания несколькими минутами раньше того времени, когда колокол церкви св. Павла пробил десять, и, не найдя Ланжале, принялся нетерпеливо гулять взад и вперед по верфи, беспокойно прислушиваясь к каждому случайному шуму, потому что храбрость, надо сказать правду, не была в числе его добродетелей. Наконец колокол начал отсчитывать свои мерные удары, и в то же время Гроляр заметил вдали

темную фигуру, направлявшуюся к нему.

— Это вы, Ланжале? — спросил он не очень смелым голосом. — Да, милостивый государь, — ответил подходивший к нему, — извините, я, кажется, заставил вас ждать.

— Это ничего, благо это вы! — сказал парижский полицейский с облегчением. — Ну-с, какие же новости принесли вы мне?

— Я не имею, к сожалению, ничего особенно важного: «Иен» пришел ведь не из Китая, а из Новой Каледонии, и потому покойный Фо привез сюда только то, что было у него на месте заключения, в Нумеа; к его вещам прибавился лишь небольшой ящик из слоновой кости, который, после нашего бегства, вручил ему Ли Юнг.

— И что же в этом ящике? — спросил Гроляр.

— Этого я не мог узнать, потому что, по воле покойного, его наследник может вскрыть его только по прибытии в Китай. Если бы свидание происходило днем, а не темным вечером, то Ланжале мог бы заметить на лице своего собеседника очень довольную усмешку, вызванную его ответом.

«Ага, вот в этом-то таинственном ящике из слоновой кости, — промелькнуло в голове у Гроляра, — и лежит, наверное, „Регент“. Теперь я могу смотреть на него как на свою собственность, так как Васптонг обещал мне сегодня же вечером послать на „Иен“ копию с моей претензии, а завтра утром у меня уже будут в руках полномочия, полученные из Вашингтона!»

Разумеется, сыщик не поделился своей радостью с Ланжале, так как, при всей своей уверенности в его скромности, он все-таки был достаточно благоразумен, чтобы не решиться на подобный рискованный шаг; к тому же он знал, что всякая тайна тогда только вполне обеспечена от разоблачения, когда ее знает лишь один человек.

— Да, — сказал он вслух, — это не особенно важно, что ты мне сейчас сообщил. Но если ты, — прибавил он покровительственным тоном, — будешь и впредь служить верно нашему делу, — ручаюсь тебе, что ты будешь награжден по-королевски!

— Я вполне надеюсь на вас, милостивый государь, — ответил смиренно Ланжале. — Как вам известно, я — бедный, но честный человек» А теперь, если я вам более не нужен, то позвольте мне удалиться, потому что мое отсутствие на судне может быть замечено, и меня тогда ожидает строгое наказание: наш новый молодой командир шутить не любит!

— Он китаец?

— Чистейший китаец, с ног до головы, единственный сын и наследник покойного Фо! Этот Фо, судя по всему, был важным лицом в своем

отечестве. Он имел даже титул князя, который и передал теперь своему сыну.

— Да, я об этом слышал в Нумеа, — подтвердил Гроляр. — Он был, как передавали мне там, важной особой и мандарином первого класса... Но, Ланжале, что это такое?.. Посмотри-ка туда: мне кажется, что я вижу там нескольких человек, идущих как будто бы сюда, к верфи»

— Где, мосье Гроляр? Я, к несчастью, не особенно хорошо вижу ночью.

— Да вот, направо! — продолжал уже встревоженный Гроляр. — Черт возьми, эти субъекты, кажется, идут с дурными намерениями, и у них в руках какое-то оружие!

— Это, мне кажется, просто стража, которая делает свой обычный обход верфи в эту пору, — попытался успокоить его

Ланжале.

— Да, пожалуй, — согласился тот, — потому что теперь как раз...

Он не закончил фразы: восемь молодцов с огромными дубинами в руках приблизились в эту минуту к собеседникам и окружили их.

Полумертвый от страха, дрожа всем телом, Гроляр пробормотал:

— Что вам угодно, добрейшие мои?.

Он думал, что ласковое обращение обезоружит нежданного неприятеля, но получил в ответ следующую странную и отчасти двусмысленную тираду от одного из восьми неизвестных ему господ:

— Мы были под ветром, как вдруг видим, что двое каких-то господ беседуют вдаль о чем-то, надо полагать, таинственном. Вот мы и решили отправиться сюда, к вам, потому что мы, видите ли, очень любопытные люди, не правда ли, Эскимос?

— Истинная правда! — торжественно подтвердил спрошенный и негромко хмыкнул — вероятно, для большей убедительности.

— ... И любим всякие секреты, черт возьми, не правда ли, Мраморное Море? — обратился говоривший к другому из своих товарищей, наделяя его еще более странным именем.

— Истинная правда! — торжественно подтвердил и этот, хмыкнув немного погромче — должно быть, также для большей убедительности.

— А потому, джентльмены, — заключил говоривший, — если вы не посвятите нас в ваши секреты, то, черт возьми, я буду не я и мы все будем не мы, если не научим вас, как плавать по морю головой вниз, дышать карманами и обозревать окрестности вверх тормашками! Не правда ли, Камчатка?

— Истинная правда! — подтвердил и третий товарищ говорившего,

тоже носивший не менее странное имя, и в подтверждение хмыкнул уже так, что у парижского полицейского забегали мурашки по всему телу, начиная от макушки головы и кончая пятками ног.

Урок вежливости. — «Похоронная процессия». — Кусок хлеба и кружка воды. — Беседа с капитаном. — «Начинается!» — Следственный пристав в своей роли.

То, что казалось страшным бедняге-сыщику, наоборот — крайне смешило загадочных незнакомцев с дубинами, и вслед за хмыканьем третьего из них, названного Камчаткой, все они разразились оглушительным

Тогда Ланжале, молчавший до сих пор, решился дать приличный отпор наглецам:

— Идите домой, негодные пьяницы! — воскликнул он в негодовании. — Зачем вы мешаете мирной беседе порядочных людей, которые удалились сюда от городского шума и гама?

Услышав такую энергичную реплику своего собеседника, Гроляр окончательно струсил и жалобно сказал ему:

— Ради Бога, Ланжале, не ссорьтесь с этими господами, которые так вежливы с нами!

— Что? Вежливы, эти ночные шатуны, трущобные бродяги?! — воскликнул опять с тем же негодованием профессор бокса.

— А-а, так вы оскорбляете нас! — заметил один из незнакомцев. — Хорошо же, если так! Мы вас научим настоящей вежливости, о которой, кажется, вы не имеете никакого понятия! Ну ребята, возьмемся-ка за дело!

С этими словами четверо пришельцев бросились на Ланжале а другие на Гроляра, которому мгновенно скрутили руки и ноги веревками и завязали глаза.

Несчастный полицейский потерял от страха сознание, и в таком виде четверо дюжих молодцов взвалили его на носилки устроенные из их дубин, и понесли... Куда? Об этом надо было спросить Ланжале, который, покатываясь со смеху, последовал под руку с Порником за «похоронной процессией», как он окрестил свою проделку с «полицейской мухой».

Дорогой Порник принялся напевать вполголоса нечто вроде «вечной памяти», а Пюжоль спросил:

— Готова ли могила?

— Как же, я уже позаботился об этом! — отвечал Мариус Данео. — Ровно шесть футов и шесть дюймов! Последние — для носа его высокородия, который имеет почтенные размеры.

— А мы еще к тому же надставили его! — сострил Ланжале. — Ха-ха-ха!..

Вернувшись на судно, наши знакомцы внесли Гроляра в небольшую каюту и, видя, что он без чувств, освободили его от веревок и повязки, обыскали карманы и положили на матрац, который составлял единственную мебель каюты. Затем, оставив в углу кусок хлеба и кружку воды, как это делалось в старину в подобных случаях, они ушли, заперев дверь на замок.

— К чему трусам оружие?! — произнес Ланжале, показывая револьвер и стилет, найденные им в карманах Гроляра.

— Ба-а, чтобы было что класть в карманы! — ответил смеясь Порник.

После этого оба молодца отправились в адмиральскую каюту с донесением, что предприятие их удалось как нельзя лучше и что никто не попался им навстречу и ничего не видел.

— Отлично! — одобрил командир «Иена». — Вы будете награждены должным образом за ваше усердие!

На следующее утро начальник американского экипажа, служившего на борту «Иена», явился к Бартесу уведомить его, что американцы, срок службы которых подходил к концу, освобождают Бартеса от обязательства доставить их в Орегон, предпочитая отправиться на родину сушей — по железной дороге. Заявив об этом, он как бы мимоходом прибавил:

— Мы знаем кое-что о неприятностях, которые готовят вам некоторые люди. Но будьте уверены, что от нас они ничего не разведывают: ни о том, кто вы, ни о вашем бегстве из Новой Каледонии; мы честные люди и дали себе клятву молчать, и вы смело можете надеяться, что мы сдержим свое слово...

Тронутый таким вниманием к себе, Бартес немедленно выдал жалованье всему экипажу за три месяца вперед, причем офицерам двойное, а их капитану — за целый год, хотя ничего подобного не обязан был делать по договору с их компанией.

Это было с его стороны очень практично. Таким поступком он сразу приобрел себе в этих людях самых надежных и верных друзей. К тому же надо было хоть чем-нибудь отблагодарить их за скромность, потому что, донеси хоть один из них о том, что он знает, — Бартес и все бежавшие с ним из места ссылки, согласно договору между Францией и Америкой, были бы немедленно арестованы как беглые преступники и отправлены куда следует.

Молодой командир «Иена», спеша в Сан-Франциско единственно из желания помочь своему больному другу Фо, никогда, разумеется, и не

думал ни о чем подобном, совершенно полагаясь на скромность своих моряков-американцев. Теперь эта скромность подтвердилась блестящим образом, так что распорядители Орегонской компании сказали сущую правду, уверив, при найме моряков, Ли Юнга и Ли Ванга, что они дают им самых отборных людей.

Когда американский капитан готов был уже уйти из каюты Бартеса, последний остановил его, сказав:

— Мне предстоит теперь пополнить мой экипаж, и я прошу вас сообщить вашим людям, что те из них, кто согласится вернуться на «Иен», будут весьма охотно приняты мной. Я повысил бы их в чинах и положил им двойное жалованье.

— Видите ли, сэр, — отвечал Уолтер Дигби, — у нас в Америке не в обычае наниматься более чем на один рейс в течение года. Но мы люди свободные, а ваши условия так заманчивы, что, я готов держать пари, таким путем вы вернете себе три четверти экипажа.

— Тем лучше! — воскликнул, радуясь, Бартес. — У меня для всех будет место!

— И для меня тоже?

— Для вас в особенности, добрейший мой капитан!

— А на каких условиях, смею спросить?

— Тройное жалованье и звание капитана этого броненосца и моего заместителя. Кроме того, имейте в виду еще следующее: представители могущественного общества, в руках которого все Китайское морское дело, Ли Юнг и Ли Ванг заказали, как вы знаете, вашей Орегонской компании построить еще такое же судно, как «Иен», но немного больше его, до восьмидесяти метров в длину; оно будет готово в следующем году. Хотите наблюдать за его постройкой и потом привести его к нам в Китай, с экипажем, составленным по вашему выбору?. Этот новый броненосец будет называться «Фо», в честь моего покойного старого друга, и мы намерены предложить его в подарок императору, причем я ручаюсь, что вы станете во главе этого судна, с званием контр-адмирала китайского флота.

— Ваши предложения превосходят все мои ожидания, и я с благодарностью принимаю их! — воскликнул Уолтер Дигби.

— Весьма рад! Зайдите ко мне сегодня вечером — я вам подготовлю инструкции по этому делу и необходимые деньги.

— Постараюсь быть аккуратным! Теперь позвольте дать вам, со своей стороны, один добрый совет, сэр: не оставайтесь здесь долго» Я слышал, что болтают о некоем Васптонге, следственном приставе, а ведь это известная птица здесь: кто его не знает в Сан-Франциско, хотя репутации

его нельзя позавидовать! Я не знаю, что собственно затевается против вас, но только он хвалился, этот крючок, что выпустит вас отсюда только после того, как «Иен» будет продан с молотка.

— Спасибо вам за предостережение, — сказал командир «Иена», — но все дело, в сущности, сводится к одному носу, который имел неосторожность попасть под кулак Порника, придавшего ему такую форму, которая неудобна в повседневной жизни...

— Я слышал еще об аресте, который собираются наложить на «Иен», — для задержания вас здесь вследствие денежной претензии, предъявляемой вам; исполнителями этого ареста будут разные господа, называемые судьями, приставами и адвокатами, не считая их клерков; все они будут выуживать у вас сотни и тысячи долларов и успокоятся только тогда, когда все карманы ваши окажутся чистыми». Вообще у нас в Америке суд в этом случае беспощаден, и чем дальше от него, тем, право, лучше! Если у вас во Франции, по словам вашего бессмертного баснописца, судьи, съев устрицу, оставляют все-таки ее владельцу раковину, то наши, американские, не оставляют ему и этого в утешение!

— Итак, вы мне советуете?

— Заплатить все, что с вас потребуют эти люди, чтобы не иметь никакого дела с судом.

В эту минуту пришли доложить, что некто мистер Васптонг требует свидания с командиром «Иена».

— Начинается! — воскликнул Уолтер Дигби. Следственный пристав вошел к Бартесу в сопровождении своего юного клерка, который уже известен нам, и четырех других субъектов с такими физиономиями, которые, как говорят во Франции, так и просят на «оскорбление действием», чтобы сорвать потом с вас приличный куш в свою пользу.

Юный клерк успел уже опохмелиться после вчерашнего, что же касается его достойного патрона, то он был всегда в норме, так как никакая порция выпитого им любого напитка не могла никогда одолеть его.

— Господин командир «Иена»? — спросил мистер Васптонг, выступая вперед с такой грацией, словно он собирался танцевать.

— Я, сударь, — ответил просто Бартес, вставая с места. — Что вам угодно?

— Вчера я имел честь послать вам и одному из ваших моряков бумагу, которой вы оба призываетесь к суду полиции города Сан-Франциско...

— Ах, так это вы? — воскликнул с иронией Бартес. — Очень рад случаю, доставляющему мне не совсем приятное для меня знакомство!

— Нельзя сказать, чтобы вы были слишком любезны, сэр, — отвечал

мистер Васптонг, — но таковы уж все моряки; зато я, сэр, я совсем...

— Оставьте, сударь, все ваши банальности, — перебил его командир «Иена», — и приступим прямо к делу. Я готов заплатить сумму, требуемую вашим клиентом, равно как и возместить все издержки, но при условии, что я больше никогда не услышу о вас.

— Очень, очень рад! — воскликнул жрец Фемиды. — Вы делаете мне честь вашей обязательностью! Но есть еще нечто, для чего я опять должен просить вашего внимания— — Еще нечто? Новая кляуза?

— Арест, сэр, который я обязан наложить на судно «Иен» в обеспечение иска в двести тысяч долларов, которые прежний командир вашего судна, ныне умерший господин Фо, должен моему клиенту, маркизу де Сен-Фюрси.

Спокойствие и хладнокровие. — Арест. — Неверные догадки о поведении Гроляра. — Тучи сгущаются. — Неожиданная встреча.

Капитан-американец с минуты на минуту ожидал, что командир «Иена» прикажет своим людям вытолкать за дверь следственного пристава — со всеми почестями, подобающими его пошлой персоне; но ничего подобного не случилось. — Маркизу де Сен-Фюрси? — спросил Бартес пристав спокойно и холодно. — Где же этот заем был сделан покойным Фо?

— В Париже, господин командир, в вашей прекрасной Франции! — отвечал уже с нескрываемым нахальством мистер Васптонг.

— Она не моя, милостивый государь; я не имею чести быть французом, я китаец, — заметил с тем же самообладанием Бартес.

— Извините меня, господин командир, но маркиз де Сен-Фюрси вчера посвятил меня во все подробности своего дела, из которого видно, что вы имеете честь быть французом, несмотря на ваш костюм.

Американец устремил на нашего героя безнадежный взор, который говорил: «Ну, если эта шельма знает все, — вы пропали! Он вытянет из вас все жилы!»

Бартес понимал силу удара, который готов был нанести ему кляузник, облеченный полномочиями закона, но остался тверд в том, что говорил.

— Господин де Сен-Фюрси сказал вам неправду, милостивый государь, — возразил он, — я китаец, принц Иен и адмирал китайского флота.

— Пусть будет так, — сказал с притворным равнодушием мистер Васптонг. — Я не имею причин оспаривать ни ваши титулы, ни вашу национальность, видя, что и вы не делаете того же по отношению к моему клиенту. Дело не в этом, а в том, признаете ли вы долг покойного господина Фо.

— Ваша обязанность, — ответил Бартес, — предъявить мне сначала документ, на котором основывается этот долг.

— Сэр, это долг чести, основанный на слове господина Фо, и я полагаю, что вы подтвердите слова человека, уже отошедшего в иной мир, иначе это было бы недостойно вас... К тому же, сделать это вам будет не трудно, так как господин Фо оставил после себя значительное состояние. Если же вы не согласны кончить дело миром, тогда мы будем судиться, и я,

в обеспечение этого иска с вас, наложу арест на ваше судно.

— Арест без документа?! Никакие законы в мире не допускают подобной вещи!

— Извините, сэр, американские законы строги в этом случае, так как вы иностранец: достаточно для этого клятвы вашего кредитора, данной в присутствии какого-нибудь члена суда, — и иск получает законное основание. А это уже сделано вчера маркизом де Сен-Фюрси в присутствии генерального французского консула и председателя суда штата. Вы видите, таким образом, что все необходимые формальности нами соблюдены, теперь за вами очередь... Но есть еще нечто...

— Ах, еще нечто?! — воскликнул с явной насмешкой Бартес. — Да вы поистине неистоцимы, милостивый государь!

— Согласно постановлению суда, внесенному в надлежащий реестр, — продолжал пристав, оставив без внимания насмешку в свой адрес, — четыре мои помощника, здесь предстоящие, получили приказ оберегать арестованное, в обеспечение долга, имущество, дабы оно оказалось в полном порядке и совершенно нетронутым при первом его востребовании... Позвольте мне, сэр, представить вам этих достойных исполнителей закона.

— Это бесполезно, господин главный исполнитель закона, — ответил с той же иронией командир «Иена». — Я уже имею удовольствие знать вас, и этого вполне довольно с меня, чтобы не желать знакомства с другими, подобными вам.

— Как вам угодно, господин командир... Я только полагал, что вам будет приятно находиться в хороших отношениях с людьми, которых вы с утра до вечера будете видеть на вашем судне— Мне остается только повторить вам мой вопрос, чтобы закончить словесное объяснение по делу: признаете ли вы предъявленный вам долг?

Этот долг в двести тысяч долларов, — что равняется почти миллиону франков, — сделанный будто бы покойным Фо во Франции, казался Бартесу очень сомнительным, так как он не мог допустить, чтобы всемогущий и сказочно богатый Кванг имел надобность в заключении каких бы то ни было денежных займов, притом у иностранцев. Но одно обстоятельство, которое пришло ему на память, поколебало его уверенность в невозможности долга. Это обстоятельство — странное поведение Гроляра: его поездка из Франции в Нумеа под именем де Сен-Фюрси, его тайные совещания с генеральным прокурором, попытки подкупить людей, приставленных к китайцам, — все это теперь объяснялось просто и естественно: этот человек не из любви к искусству

следил за Фо и в заключении, и на свободе, — он просто не терял из виду того, кто был ему должен крупную сумму, чтобы иметь наконец возможность получить ее сполна!..

Обдумав все это, командир «Иена» склонен был скорее признать долг, чем отвергнуть его, и получи он вчера уведомление о нем от клерка Васптонга, он бы воспротивился намерению Ланжале и Порника овладеть особой Гроляра, так как в этом насилии над его особой не оказалось бы тогда никакой надобности.

Бартес не догадывался, что дело, о котором он размышлял, имело под собой иную почву: не позволъ он своим людям овладеть Гроляром и посадить его в надежное место на «Иене», — опаснейший враг его и всего китайского и французского персонала его судна был бы еще на свободе и мог бы нанести всем им полное и окончательное поражение»

— Итак, сэр, — снова произнес мистер Васптонг, — ваш ответ?

— В настоящую минуту я не могу сказать вам ничего определенного, — отвечал Бартес. — Я нахожу нужным основательно обсудить дело и более всего — посоветоваться с моими друзьями.

— В таком случае, — начал было пристав, вставая со стула на котором сидел, но Бартес не дал ему докончить фразы:

— Можете исполнять ваш долг, милостивый государь, — сказал он холодно, — я не намерен мешать вам в этом.

— Итак, я вам объявляю, — торжественно возгласил пристав, — что ваше судно, называемое «Иен», находится отныне под арестом, со всем вашим имуществом, находящимся на оном, и что, в силу предписания господина главного судьи, председателя высшей инстанции суда полиции в городе Сан-Франциско, я оставляю здесь, в качестве хранителей арестованного имущества, моих четырех помощников: господ Джона, Уильяма, Фреда и Эдварда Перкинсбодди — четырех родных братьев, имею честь объяснить вам это, сэр... Пища и жалованье должны им отпускаться и выдаваться за счет арестованного имущества.

— Уж это само собой разумеется, — опять с насмешкой сказал командир «Иена». — Окончательный же мой ответ вы получите или сегодня вечером, или завтра утром, в ожидании чего эти джентльмены, надеюсь, не соскучатся на борту моего судна» Наконец, что касается этого несчастного носа, имевшего неосторожность подвернуться под кулак одного из моих людей, то я думаю, что с этим делом покончено: мы принимаем все ваши условия, то есть платим вам все убытки и расходы по делу, в том числе и вознаграждение вам за ваши труды, какое вы сами назначите.

— К сожалению, господин командир, я не могу согласиться на предлагаемую вами полубовную сделку.

— Это почему? — спросил, удивляясь, Бартес.

— Потому что делу этому полиция придала такую важность, о которой я не мог думать: лейтенант вашего судна и мой клиент — оба обвиняются не только в нарушении порядка и тишины на улицах, но и в публичном сопротивлении полицейской власти, которая пыталась остановить их, но не могла, так как они оба возбудили против полиции публику, с которой она, естественно, не желала ссориться. Вследствие этого сегодня же ваш лейтенант и вы как лицо, ответственное за него, должны будете предстать перед судом полиции города Сан-Франциско.

В свое время мы уже говорили, что констебли, не желая впутываться в уличную историю, удалились от места схватки и наблюдали за ней только издали. Но так как история получила слишком громкую известность, то, опасаясь подпасть под ответственность за допущение уличных беспорядков, они сделали формальное заявление своему начальству о сопротивлении их власти двух уличных забияк и о возбуждении ими против них, представителей полиции, массы публики.

Так все сгущались и сгущались тучи над головами наших героев, грозя разразиться страшной бурей! Неблагодаримое, неосторожный шаг, ничтожная и дрянная личность, знавшая, однако, их историю, — все могло соединиться вместе и погубить их, предав в руки французского правительства, которое арестует их как беглых преступников и не замедлит отправить обратно на остров Ну, в пенитенциарное заведение, откуда в другой раз уже не удастся им вырваться на свободу!..

В тот же самый день, отделавшись наконец от мистера Васптонга и проводив капитана-американца, Бартес, возвращаясь на свое судно, неожиданно увидел на набережной одно чрезвычайно знакомое ему лицо.

Это был молодой человек, одетый по последней парижской моде, с моноклом в глазу, который, казалось, с большим любопытством смотрел на «Иен»» Кто он такой?.. Нет сомнения, что он прежде всего француз и, судя по изяществу костюма и манер, должен принадлежать к высшему обществу. Черты его лица как будто очень знакомы Бартесу, только он никак не может припомнить, кого именно он видит перед собой... Ба, постой! Да не он ли это, не друг ли детства его, не тот ли, что так сильно протестовал против его осуждения, не Гастон ли, Гастон де Ла Жонкьер?..

Если бы это было не в Сан-Франциско, Бартес тотчас же подошел бы к нему с распростертыми объятиями, но здесь, в этом городе, на глазах этой толпы, все еще проявляющей интерес к «Иену», это было бы крайне

неудобно и даже опасно: он подтвердил бы этим всеобщий слух, что он совсем не китаец, а француз, — слух, пущенный, разумеется, Васптонгом. Публика сильно заинтересовалась «этим таинственным принцем Иеном», а следственный пристав потирал руки, восклицая:

— Отлично! Отлично! Славная реклама для моей конторы! Большой шанс для вас, милейший мой Пэдди, сделать блестящую карьеру, служа под начальством человека, подобного мне!

Пэдди была фамилия его юного клерка, ярого поклонника виски и джина...

Подумав и поколебавшись несколько минут, Бартес решил завязать разговор с интересовавшим его знакомым незнакомцем.

Он незаметно для других подошел к нему и сказал так, что никто не мог слышать:

— Гастон де Ла Жонкьер, если не ошибаюсь? Окликнутый господин с живостью обернулся к нему, и у Бартеса не осталось никакого сомнения: это он, он, его давний друг!

— Да, это я, — сказал тот просто, — но кто вы и откуда знаете мое имя?

Вместо ответа Бартес предложил ему взойти на судно «Иен», прибавив:

— Здесь неудобны объяснения, а между тем я хотел бы поговорить с вами о многом...

— О Бартесе, может быть?

— Да, и о нем также.

— О, в таком случае я охотно иду к вам! — радостно воскликнул Гастон.

И только войдя в свой кабинет и заперев за собой дверь, Бартес, выпрямившись во весь рост, остановился перед своим гостем и сказал ему:

— Гастон, узнаешь ли ты меня?

Ответом ему было радостное и восторженное восклицание, с которым Гастон де Ла Жонкьер бросился к нему в объятия.

Беседа с другом и его благоразумный совет. — Заготовка угля. — Наказание за отсутствие. — Критическое положение. — Усиление охраны «Иена». — Неожиданный казус с судном — Привидение. — Подарок в триста фунтов.

Бартес и его друг, так неожиданно встреченный им, — и где же? в Сан-Франциско! — более часу просидели в каюте, ведя живую и откровенную беседу. Гастон сообщил своему другу, что он едет в Китай — по одному конфиденциальному поручению французского правительства — и по дороге заехал в Америку затем, чтобы познакомиться с ней.

— В Китай?! — воскликнул Бартес. — Я ведь тоже туда направляюсь! Так едем вместе! Может быть, я смогу помочь тебе чем-нибудь.

— Еще бы не смог, — принц Иен! Черт возьми, не всегда можно иметь такую протекцию!» Я тоже думал об этом! — воскликнул Гастон. — Хорошо! Дело решенное, — я остаюсь у тебя на твоём судне!

Бартес описал приятелю все: и жизнь в Нумеа, и бегство из ссылки, и усыновление затем его покойным Фо; рассказал также и о двух неприятных историях, которые обрушились на него в Сан-Франциско, и о совете американского капитана поскорее Уехать из Америки. Во время этой дружеской исповеди Гастон выказывал явное беспокойство, что Бартес объяснял сильным впечатлением, производимым на друга его романическими приключениями. Каково же было его удивление, когда Гастон, выслушав все, сказал ему наконец:

— Знаешь ли что, дружище? Мне кажется, что ты впутался сам того не подозревая, в какое-то весьма важное политическое дело, которое вот уже три дня заставляет работать без устала телеграф между нашим генеральным консульством в Сан-Франциско и посольством в Вашингтоне.

— Черт возьми, если так, то...

— Не перебивай меня, слушай внимательно! Все поведение этого де Сен-Фюрси, или Гроляра, было направлено на то, чтобы помешать вашему отплытию отсюда, пока он ожидает правительственного разрешения из Вашингтона арестовать и твое судно, и весь его экипаж с тобой вместе! Я склонен думать, что тут кроется просто недоразумение; но чтобы выяснить его, пришлось бы сказать им, кто ты, а это кончилось бы обратной отправкой тебя в ссылку! Поэтому уезжай отсюда сегодня же ночью! Мне кажется, что время еще есть, — в Вашингтоне не любят торопиться в угоду

иностранцам; но наш посланник там все-таки не дремлет, и здесь, в консульстве, с часу на час ждут от него решительных распоряжений и приказаний... Я сам чувствую себя здесь как бы пойманным и потому не выйду отсюда, иначе как в Китае; здесь же ни один глаз не должен видеть меня как бы в союзе с тобой. Итак, отведи мне какую-нибудь каюту, в которой я и запрусь до выхода нашего в открытое море. Меня могут найти здесь только в случае твоего ареста, которого ни за что в мире я не желал бы дожидаться!

— Говоря правду, дружище, ты, кажется мне, преувеличиваешь мое опасное положение, и потому...

— И потому ни слова больше, — перебил Гастон, — иначе я стану думать, что ты не доверяешь мне! В эту минуту я не могу ничего более прибавить к тому, что сказано мной! Я хочу только спасти тебя от большого несчастья, так как вижу из твоего рассказа, что ты во всей этой путанице ни при чем, хотя я, по долгу службы, обязан был бы предоставить тебя твоей участи... Ну, одним словом, ты узнаешь все после, а теперь повторяю тебе: запри меня в какую-нибудь каюту подальше от любопытных, и только!

Эти опасения и таинственность друга невольно передались и командиру «Иена» — он не стал более спрашивать Гастона, вполне уверенный в его искренности, и, отведя ему каюту, отдал приказ к отплытию в наступающую ночь.

На «Иене» началось движение среди экипажа, впрочем, без шума и суеты. Матросы проворно наполняли мешки углем и раскладывали их повсюду, где только оказывалось свободное место: клали их даже в офицерские каюты... Караульные, выставленные Васптонгом, смотрели на всю эту работу равнодушно, так как, по их мнению, мешать хозяйственным распоряжениям не входило в круг их обязанностей: они получили приказ смотреть лишь за целостью имущества судна, но не мешать заготовке на нем различных хозяйственных предметов, как уголь и тому подобное.

Между тем ровно в полдень открылось заседание суда. Ни командир «Иена», ни его адъютант не явились туда, вследствие чего они были приговорены к штрафу в пятьсот долларов и к десятидневному заключению в тюрьме...

История, таким образом, разыгралась не на шутку, и весь город с огромным интересом выжидал, чем все это может кончиться! В три часа пополудни броненосный фрегат с французским флагом на носу прибыл на рейд. Лоцман, который отправился ему навстречу, передал его командиру какой-то пакет от французского консула, после чего судно, вместо того чтобы прямо остановиться у верфи, поместилось так, что для «Иена»

оставался лишь самый узкий проход, через который с трудом можно было пробраться.

Положение китайского броненосца становилось все более затруднительно, а тут еще в шесть часов вечера, незадолго до захода солнца, разнесся слух, что пришла депеша из Вашингтона, разрешающая арест китайского судна с его экипажем, и, как бы в подтверждение этого слуха, канонерка, принадлежащая Соединенным Штатам и стоящая в порту, присоединилась к французскому броненосцу. Последний, маневрируя, чтобы занять удобную позицию, повернулся кормой к набережной, откуда зрители могли прочесть его имя — «Бдительный»!

Да, это был тот самый «Бдительный», который наши герои знали на острове Ну и который теперь пришел сюда из Нумеа, чтобы опять помериться силами и проворством с теми же противниками!

Будет ли он счастливее в этот раз?.. Вероятно, будет, потому что дело, по-видимому, к тому клонилось!

В городе между тем французский консул весь вечер искал де Сен-Фюрси и Гастона де Ла Жонкьера, но не мог найти их... Куда они делись?. В конце концов решили, что они предприняли какую-нибудь загородную прогулку, и консул должен был отложить до утра надежду увидеть их.

В восемь часов вечера отряд морской охраны из нескольких солдат пришел на борт «Иена» — на помощь четверем караульным, которых поставил суд. Командир судна спокойно и хладнокровно принял их.

— Дело плохо, бедный мой! — воскликнул со слезами на глазах Гастон. — Беги лучше отсюда, пока есть еще малейшая возможность!

— Подождем до завтра, — сказал, улыбаясь, Бартес.

— Как можно, помилуй! — возразил Гастон. — До завтра когда нельзя ручаться за какой-нибудь час!

— Увидим, что будет через час и что будет завтра, — стоял на своем командир «Иена».

— Ты безумец! — волновался все больше и больше его друг.

— Потерпи, голубчик, потерпи! — был ему спокойный ответ. В девять часов, когда экипаж кончил свой ужин, Бартес велел запереть все входы и выходы на судне и убрал тело покойника вниз, вместе с катафалком. Затем барабан пробил час сна, и палуба опустела. Все успокоилось и утихло, и только недавно поставленные солдаты и судейские стражи расхаживали наверху.

В городе по-прежнему господствовало необыкновенное возбуждение: все уже знали о мерах, принятых против китайского судна, но не могли доискаться их причин и с нетерпением ожидали конца всей этой истории.

Пари, как в Нумеа, стали составляться и в клубах, и в частных домах.

Наконец пробило полночь, и солдатам показалось холодно на палубе «Иена»... Двое из них завязали беседу:

— Ну, Боб, кому бы теперь не показалось лучше лежать в собственной постели?

— Ослу какому-нибудь, черт его возьми!

— Вот именно! И за каким дьяволом мы тут торчим, когда верфь заперта цепью, через которую лишь сам сатана мог бы пробраться, да и то сломав одну из своих козых ног?!

— Да, эти суда здорово мешают проходу!..

Говорившие на несколько минут умолкли; потом первый из них опять сказал другому:

— Эй, Боб, чувствуешь?..

— Что такое?

— Мне кажется, мне кажется, что это проклятое судно как будто движется.

— Это у тебя в глазах, голубчик, или в голове... Однако же, черт возьми! Кажется, палуба дрожит» Что-то затевают там, внизу!

— Вот видишь, я был прав! Слышишь ли — не то свист какой-то, не то журчание? Можно подумать, что в судно вливается вода! Уж не случилось ли порчи какой?.. Честное слово, мы, кажется, тонем! Ах, мошенники, что они там делают? Разбудим скорее товарищей!

«Иен» действительно погружался в воду, и с ужасающей быстротой: через минуту он весь был под водой!

Солдаты и судейские стражи, обезумев от страха, спасались кто как мог, стараясь вплавь добраться до набережной. Ни с кем, однако, не случилось несчастья, и когда они вышли кое-как из воды на берег, промокшие и озябшие, то, обернувшись, увидели одно лишь пустое место там, где недавно стоял «Иен». Китайского броненосца как не бывало!

Город был озадачен в высшей степени, когда «потерпевшие крушение» начали повсюду бить тревогу. С нетерпением ждали следующего дня, чтобы самим увидеть, в чем дело, потому что не слишком верили рассказам «потерпевших».

С восходом солнца весь Сан-Франциско устремился на набережную и увидел, что вчерашние рассказы были совершенно справедливы: китайское судно действительно исчезло, как бы его не было совсем!

Тотчас же опустили подводный колокол, желая удостовериться, не потонуло ли судно вследствие какой-нибудь случайности. Но дно морское, где стоял «Иен», было совершенно пусто: ничего, кроме песка и нечистот,

не нашли там!

А в публике между тем стали утверждать, что китайский броненосец был просто привидением: как появился он внезапно и не спрашивая ни у кого на то дозволения, так внезапно и пропал!

«Привидение» же, отойдя под водой на приличную дистанцию от рейда, поднялось на поверхность и, направив одну из своих пушек на сторожевую башню с семафором, послало ей на прощание ядро в триста фунтов, которое разбило ее вдребезги, вместе с ее сигнальным знаком и телеграфом.

Это было все, что мог сделать «Иен» с негостеприимным берегом Америки, после чего он спокойно отправился в свой дальнейший путь.

**ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Тигры Зондского
пролива**

Столица Голландской Индии. — Особняк в Кенинс-Плейне. — Значение китайцев в Батавии. — Разменная касса «Лао Тсин и К°». — Сказочный дворец и рауты в нем. — Таинственный гость.

В Батавии, главном городе острова Явы, принадлежавшем, как известно, голландцам, красуется в квартале Кенинс-Плейн замечательно роскошное здание в чистейшем китайском стиле, с верандой вокруг, с двойной крышей, приподнятой в виде джонки по углам, и с фонарями, разрисованными серебром по красному лаку. Изящные рисунки их изображают гирлянды цветов, чудовищных рыб, фантастических птиц и странных насекомых, создаваемых фантазией китайских рисовальщиков.

Здание — деревянное, но из какого дерева оно построено! Все дорогие породы деревьев тут соединены вместе: тик, сандал, палисандр, — и все это покрыто прозрачным разноцветным лаком, оттенки которого удивительно гармонируют с яркими тонами природы знойных тропиков!

В постройке здания и в неслыханной роскоши, с которой оно отделано, верно и наглядно выражается вкус людей желтой расы. Почти в четыре миллиона франков оно обошлось своему владельцу, который проводит в нем только часы, свободные от лихорадочной коммерческой деятельности, поглощающей большую часть его времени... Батавия — самый красивый и самый коммерческий город в так называемой Малайзии (южноазиатские острова, населенные малайским племенем), и потому несколько строк, которые мы хотим посвятить его описанию, не будут излишни, тем более что в этом городе произошли очень важные события, относящиеся к нашему рассказу.

Старая Батавия, которая занимает еще значительную часть современной нам Батавии, имела в свое время репутацию города с губительным климатом. Вследствие этого город был отчасти снесен, и из его разобранных построек были воздвигнуты новые кварталы на новых местах. Даже укрепления его не были пощажены: три четверти их были также снесены, и на их месте возникли прекрасные аллеи и эспланады. В этих новых кварталах находятся теперь ратуша, биржа, таможня, казармы флотского экипажа — словом, все главные здания города.

Поистине ужасна была старая Батавия: расположенная в низком и влажном месте, при устье ничтожной речонки, лишенной в большую часть года воды, палимая знойным солнцем, полная разных нечистот, со своими

узкими улицами и каналами стоячей и гниющей воды, окруженная, наконец, со всех сторон кладбищами и бойнями, — она была местом скорой смерти для всех, кто жил в ней, был ли это туземец или какой-нибудь пришлый человек. Было замечено, что население города быстро уменьшалось, несмотря на наплыв новых людей, приходивших искать себе счастья в далекой стране, и потому решено было перестроить город до основания.

Теперь все изменилось, и Батавия может считаться городом вполне безопасным для здоровья своих обитателей. Русло речки урегулировано набережными, которые мешают ее воде разливаться по сторонам и всасываться таким образом в почву, а из прежней сети каналов, прорытых по образцу амстердамских, оставлены только немногие, которые могут быть действительно полезными для города, служа в то же время и его украшением. К старой Батавии, перестроенной и значительно уменьшенной, примыкает теперь Южное Предместье, справа и слева от которого красуются великолепные новые кварталы: Вельтвреден и упомянутый уже Кенинс-Плейн.

Новый город расположен посреди восхитительной равнины, и его главные части, не теснящиеся друг к другу, а удаленные одна от другой на значительное расстояние, соединяются тенистыми аллеями, на которые выходят роскошные виллы коммерсантов, утопающие в море тропической зелени. Там они, эти счастливые избранники своенравной фортуны, ведут таинственное существование, полное всевозможного комфорта, а подчас и самой безумной роскоши... Нужно видеть, в пять часов пополудни, нескончаемую вереницу богатых экипажей, развозящих их владельцев из деловых контор по домам, а также кавалькады элегантных всадников, сопровождающих коляски дам, — нужно видеть всю эту публику, чтобы составить представление о том, каким блеском и роскошью наполнена столица голландских колоний в Азии.

Дворец генерал-губернатора в Батавии не уступит лучшим дворцам Европы. Отели, памятники, церкви, мечети, пагоды, частные дома — все это утопает среди громадной массы зелени, которой наполнен весь город, и вечером, когда зажгутся повсюду огни, представляет собой нечто волшебное, феерическое, что можно встретить только в сказках!

Батавия обладает также множеством научных и учебных заведений разного рода, так что и духовные потребности человека находят здесь себе полное удовлетворение наравне с материальными. Словом, это город всесторонней жизни — город наук, искусств, богатства и роскоши. Здесь можно найти все лучшее, все самое изысканное, что обыкновенно находят

только в лучших городах Европы, таких как Париж, Лондон и другие, — и все дурное, все испорченное, от которого не свободны наши центры цивилизации. Голландцы недаром считают Яву с ее столицей вторым своим отечеством, и во времена Людовика XIV и Наполеона I, которые грозили им совершенным порабощением в Европе, серьезно подумывали о поголовном своем переселении из Европы в Азию.

В Батавии можно встретить людей всяких национальностей, особенно часто китайцев. Последние наводняют собой всю Малайзию и, можно сказать, держат в своих руках всю торговлю страны. Терпеливые и предприимчивые, честные и трудолюбивые, они сумели стать необходимыми повсюду и из всего извлекать себе выгоды, не пользуясь, однако, ими в ущерб господствующей национальности, которая не только терпит их за это, но даже покровительствует им. Китаец всюду составил себе реноме до мелочей аккуратного и точного человека, безукоризненно честного, знающего в совершенстве все тонкости высшей коммерции. Вследствие этого миллионные капиталы проходят через его руки, и нередко под одно его честное слово, без всяких бумажных документов и неизбежной при них потери времени.

Вернемся теперь к великолепному китайскому особняку в Кенинс-Плейн.

На главных дверях его была приделана серебряная дощечка, покрытая толстой хрустальной пластинкой, сквозь которую виднелась вырезанная и позолоченная надпись на английском языке:

Разменная касса банкирского дома Лао Теин и Ко.

Во всех приморских торговых городах Индокитая и Малайзии, как например в Сингапуре, Гонконге, Шанхае и прочих, а также на островах Суматре, Яве, Борнео и других коммерческим языком стал английский, который господствует теперь на всех — Рынках. Поэтому китайцу говорят обыкновенно в этих странах По-английски, употребляя свой язык только между собой или у себя дома, по окончании дневных коммерческих занятий.

Указанная скромная надпись не давала точного представления ни о тех замечательно-обширных торговых операциях, которые вел банкирский дом Лао Тсин и Ко, ни о громадном состоянии его главы. Центральная контора его находилась, согласно китайским законам, в Пекине, но операции его на родине были значительно скромнее тех, которые совершались в других городах крайнего Востока, и в особенности в Батавии. Последняя была поэтому любимым городом престарелого Лао Тсина, который сосредоточил здесь блеск своего богатства, служившего для многих предметом зависти и

удивления.

Кроме особняка в Кенинс-Плейн, в двенадцати милях от города у него было еще одно замечательное убежище, скрытое в обширном тропическом саду и отделанное с такой невероятной роскошью, которая свойственна только сказочным дворцам «Тысячи и одной ночи».

Там, в этом поистине сказочном дворце, время от времени он давал рауты, на которые приглашались сливки батавского общества и о роскоши которых можно судить, например, по следующим фактам.

На одном из вечеров каждый мужчина, уходя домой, получил по булавке для галстука, украшенной крупной бирюзой, а каждая дама — букет для корсажа, составленный из бриллиантовых роз, окруженных мелкими цветами из аметистов, изумрудов и бирюзы. Материалы для подобных подарков, более чем царских, доставляли копи драгоценных камней в Самаранге, принадлежавшие Лао Тсину.

В другой вечер при разъезде гостей дамы получили по великолепной кашемировой шали, а мужчины — по сингапурскому пони с богато украшенным седлом и со всеми принадлежностями для езды. Все это, заметим нашим читателям, исторические факты.

Правда, подобных раутов давалось Лао Тсином всего четыре в год, и число приглашаемых на них никогда не превышало ста человек, причем каждую даму должен был обязательно сопровождать мужчина, будь это отец, муж, брат или иной родственник, — но тем не менее каждое из подобных собраний обходилось владельцу сказочного дворца в несколько миллионов, тратить которые он никогда не задумывался...

На каждом вечере Лао Тсина неизменно присутствовал какой-то старый китаец преклонного возраста. На его указательном пальце правой руки заметно было массивное золотое кольцо, а сам он почти весь вечер проводил в большом эбеновом кресле с серебряными инкрустациями, которое стояло на возвышении в три ступени от пола. Никто из гостей не знал, кто был этот человек; видели только, что слуги, проходя мимо, преклоняли перед ним одно колено, а сам хозяин выказывал по отношению к нему такие знаки внимания, которые, по китайскому этикету, подобают одним членам императорской фамилии.

Известно было также, что престарелый таинственный гость не живет ни в Батавии, ни вообще на острове Яве и что слуги сказочного дворца ничего не могли сообщить о нем, потому ли, что сами ничего не знали, или, может быть, потому, что не хотели говорить... Раз один лакей, проходя мимо гостя, приветствовал его каким-то именем или титулом, которого никто не понял, — этого было достаточно, чтобы на другое же утро лакей

исчез неизвестно куда»

II

Опустевшее кресло. — Это был он... — Несколько лет назад. — Что случилось с Королем Смерти. — Новости из порта.

В один из последующих вечеров обычные посетители сказочного дворца заметили, что таинственный гость не является уже больше на рауты. Так прошло полтора года, в течение которых все пришли к заключению, что этот гость — родственник, конечно, хозяина дворца — вероятно, покончил свои счета с земным миром, то есть, попросту говоря, умер. Это, по-видимому, подтверждалось и тем обстоятельством, что именно около того времени Лао Тсин уехал в Пекин и пробыл там, сверх обыкновения, очень долго: разумеется, похороны знатного родственника были тому причиной, а не одни финансовые дела, которые всегда отнимали у него не много времени, так как пекинской конторой управлял его родной брат, а это было то же самое, что и сам Лао Тсин. Все остановились на данном предположении и скоро забыли таинственного гостя с его массивным золотым кольцом.

Однако на все последующие рауты эбеновое кресло с серебряными инкрустациями все еще продолжали ставить на возвышение с каким-то благоговейным, почти религиозным вниманием к отсутствующему важному гостю; это само по себе малозначительное обстоятельство приобрело впоследствии, как скоро мы увидим, очень важное значение.

В Батавии все знали или, по крайней мере, догадывались, что Лао Тсин имеет сношения с древнейшим тайным обществом в Китае, управляющим судьбами всего речного и морского плавания в Небесной Империи, то есть, короче говоря, — с пиратами; все знали также, что общество это терпимо китайским правительством, потому что оно могущественно, и мы знаем уже, из начала нашего рассказа, до какой степени простиралось его могущество: сама императрица-регентша Нан Ли вынуждена была прибегнуть к его содействию, когда понадобилось для коронования малолетнего императора Куанг Су изъять из рук западных варваров похищенный ими драгоценный скипетр династии Цин, и, в награду за это содействие, должна была дать обществу пиратов новые привилегии.

Лао Тсин был банкиром этого общества, или, вернее, его главы, Кванга, который по своему усмотрению мог распоряжаться его капиталом, не давая никому отчета в этом, даже совету из главных лиц общества, на котором он всегда присутствовал и членов которого избирал также по своей

единоличной воле. Читатели, может быть, уже догадались или начинают догадываться, что таинственный гость на вечерах банкира был не кто иной, как сам Кванг, или Фо, бывший тогда еще в живых, и что исчезновение его как раз совпало с его опасной экскурсией в Париж — для возвращения коронной китайской драгоценности.

Лу, Кванг и Чанг дали, как мы знаем, клятву повиноваться молодому наследнику Кванга и привести к повиновению ему всех; исполнить это им было легко, так как, кроме первых трех важнейших членов совета, никто не знал лично главы своего общества. Двое из этих троих всегда жили в Пекине, чтобы приводить в исполнение предписания Кванга, ни разу еще не были представлены ему и не знали ничего о его обычном местопребывании: только в случае смерти важнейших лиц общества они могли быть призваны к Квангу, чтобы заменить собой умерших при его особе.

Лу, Кванг и Чанг не сомневались в верности этих трех, и даже мысль о каком-нибудь недоразумении, а тем более об измене не представлялась их уму...

Все важнейшие события нашего рассказа не были известны в Батавии, где только один Лао Тсин знал о том, что старый Фо намерен совершить путешествие в Париж. В качестве доверенного лица и почти друга он пытался было отговорить Кванга от этого опасного предприятия, советуя поручить его кому-нибудь из его приближенных; но Кванг уехал сам, и после его отъезда Лао Тсин перестал получать какие бы то ни было известия о нем. Если бы не четыре миллиона, которые он должен был уплатить американцам по предъявлении ими счетов, подписанных Фо, Лао Тсин долго бы еще не знал, где находится глава тайного общества Поклонников Теней и что случилось с ним. Потом, когда он приехал в Пекин по делам, он узнал там от членов совета, что коронная драгоценность возвращена по принадлежности и что, в виде возмездия варварам, у них взят великолепный «Регент». Но сведения членов совета не шли дальше этого, и никто не знал о дальнейших приключениях Кванга и его трех приближенных, вернувшихся благополучно, по общему мнению, в свое секретное убежище.

Этого убежища не знал и сам Лао Тсин; он мог сноситься с Квангом только через одного посыльного из малайцев, некоего Саранги, которого Фо поместил при нем. Но эти сношения были строго ограничены одним условием, а именно: Лао Тсин мог посылать к Квашу этого человека, только отвечая на его запросы, но не по собственному желанию и усмотрению, что, разумеется, было далеко не одно и то же. Банкир

беспрекословно подчинился этому условию, зная, что нарушение его дорого бы ему стоило, но когда прошло почти два года без всяких известий о том, что делает Кванг в своем тайном убежище, то однажды он дал себе слово непременно узнать об этом, послав туда малайца под благовидным предлогом, что в его кассе накопилось столько золота и разных ценностей, что он решительно не знает, как с ними быть, куда их пристроить.

Это намерение его случайно совпало с новым раутом, который он намерен был дать в своем загородном дворце, названном им «Уютным Уголком».

Утром в тот день он отправился в свою контору, где дела шли своим обычным чередом: приходили и уходили посетители, получали и уплачивали. Когда он вошел в кабинет, наполненный целой коллекцией всяких редкостей, его молодой клерк Лай Пинг тотчас же явился к патрону с листом шелковой бумаги, на котором сведен был счет операциям, совершенным в предыдущий день.

— Хорошо, милейший мой, хорошо! — одобрил Лао Тсин, бросая рассеянный взор на поданный ему лист. — Только я сегодня не буду этим заниматься, а принеси ты мне все завтра в Уютный Уголок: завтра, по случаю сегодняшнего раута, я не буду в городе, так как вечер протянется до утра. Да устрой все так, чтобы тебе можно было прийти сегодня отобедать со мной.

Говоря это, Лао Тсин отечески коснулся рукой щеки юноши, который покраснел от удовольствия.

— Когда ты будешь писать матери, — продолжал он, — то можешь сказать ей, что я по-прежнему доволен тобой и собираюсь назначить тебя управляющим моего дома в Батавии, по достижении, конечно, тобой совершеннолетия.

— Вы очень добры ко мне, — сказал растроганный юноша, — и я ежедневно молю наших семейных духов беречь ваше драгоценное здоровье!

— Я знаю, что ты благоденствующий молодой человек, и вот за это как раз и люблю тебя, а впоследствии ты займешь в моем сердце место, давно уже ставшее свободным после смерти моих двух сыновей, которых призвал к себе Будда.

Последние слова сказаны были с глубоким вздохом, которого не мог удержать старый Лао Тсин.

— Ну, теперь иди к себе, — закончил он, — и постарайся, чтобы никто не помешал мне заниматься моими личными делами до самого обеда.

— Извините, — сказал юноша, — я должен кое-что сообщить вам...

— Говори, я слушаю.

— Два судна под американским флагом встали на рейд в это утро. У них платежные требования на наш дом.

— Ага, от кого же именно?

— От ван дер Смитсена в Сан-Франциско.

— Хорошо. Пусть отправят посыльных к их командирам, — я их немедленно приму, когда они сойдут на берег.

— Прибыл еще один военный французский фрегат «Бдительный». Этот будет чиниться и запасаться провизией и, кроме того, имеет также дело к вам...

— Слишком много чести для меня, — сказал немного насмешливым тоном Лао Тсин. — Отправь также посыльного к его командиру!

Видя, что патрон находится в хорошем расположении духа, юный клерк продолжал уже смелее:

— Кажется, этот французский фрегат намерен устроить охоту на китайские джонки, которых так много в Малайском архипелаге. Я слышал, что его командир поклялся очистить Малайзию от пиратов, которые недоступны для преследований благодаря рифам и подводным скалам, известным только им одним. Это говорили сегодня утром его матросы, идя на рынок за провизией.

И юноша разразился бы смехом, если бы не боялся и не уважал своего начальника, как отца, в присутствии которого, по китайским понятиям, смех был неприличен, — до того намерение французского фрегата казалось ему забавным!

— А-а, матросы уже говорят об этом? — осведомился Лао Тсин, не выходя из своего задумчивого состояния. — Ну, теперь бедным пиратам ничего не остается, как только покорно сложить свое оружие!

Потом, сделав знак рукой, что аудиенция окончена, и, заперев плотнее дверь за юношей, он сел в свое кресло и смеясь сказал себе вслух по-китайски:

— Это будет война слона с тучей москитов в воздухе!

Но его веселость скоро уступила место серьезным размышлениям, в которые он и углубился.

III

Банкир Лао Тсин. — Два года без известий. — Саранга и неожиданное важное открытие. — Непрístupное убежище. — Появление знатных особ.

Лао Тсину было уже под шестьдесят лет, но здоровье не изменило еще ему. Высокого роста, хорошо сложенный, с лицом умным, интеллигентным, он был представителем той сильной и деятельной маньчжурской расы, которая когда-то завоевала Китай и посадила на его трон свою династию императоров. Родом он был из Северного Китая, и потому цвет его кожи был слегка только смуглым, а выразительные и красивые глаза лишь немного расположены вкось, так что с первого взгляда эта свойственная всей монгольской расе особенность была у него почти незаметна. Длинные шелковистые усы ниспадали у Лао Тсина до самой груди, бороды же, по китайской моде, он не имел обыкновения носить.

В общем, вся фигура банкира выражала твердость, соединенную с той пронизательностью взгляда, какой отличаются все восточные люди. Он невольно внушал доверие к себе, и с ним действительно можно было иметь дело. Кто был аккуратен и верен в слове и деле, тот всегда с первых же слов мог сойтись с Лао Тсином; зато кто пытался хитрить с ним — никогда не имел успеха в своих намерениях: Лао Тсин тотчас же превращался в истого китайца, обладающего к тому же местными, специфическими малайскими особенностями характера, и тогда от него нельзя было ничего добиться никакому хитрецу.

Просидев более часа в размышлениях, Лао Тсин, казалось, принял наконец какое-то твердое решение.

«Да, — сказал он вслух, вставая с кресла, — это, наконец, невыносимо. Мой старый друг должен простить мне, если я превышу свою власть, потому что обстоятельства прямо вынуждают Меня к такому поступку, не говоря уже о тридцати миллионах, поступивших в кассу общества в течение этих двух лет, — миллионах, с которыми я не знаю, что делать. Не должен ли я также сообщить и об этом французском броненосце, который явился сюда охотиться за нашими джонками?»

Он ударил в гонг, после чего в дверях через минуту появился слуга.

— Где Саранга? — спросил его Лао Тсин.

— В саду, сударь.

— Что он там делает?

— То же, что и всегда, сударь: жует бетель, курит и пьет арак.

— Спроси у него, может ли он уделить мне несколько минут, и если может, пусть придет сюда.

Слуга ушел, и через две минуты в дверях показался Саранга, держа одну руку на губах, а другую у лба, что означает самое почтительное приветствие по малайскому этикету.

— Саранга, — сказал банкир, — уже очень долго мы не видим нашего великого главу!..

— Да, более двух лет, — ответил малаец, считая по пальцам, как ребенок.

— Но теперь ты можешь порадоваться: у меня есть известие для него, с которым ты и отправишься к нему.

При этих словах банкира малаец не мог сдержать радостного восклицания.

— Ах, — воскликнул он, — вот чего Саранга давно желает! Возвратиться на остров Иен, туда, где прошла его молодость, — ведь это истинное счастье!

Лао Тсин тотчас же быстро записал название острова, невольно сорвавшееся с языка малайца, чего тот в пылу радости даже не заметил, и сказал про себя: «Вот открытие вдвойне драгоценное, потому что выпытать его мне не стоило никаких предосудительных подходов».

Таким образом малаец проговорился о том, о чем он дал клятву молчать под страхом смертной казни!.. Впрочем, он испытывал такую фанатичную преданность Квангу, что не задумался бы сам пронзить себя кинжалом, если бы убедился, что вверенная ему тайна против его воли слетела с его языка...

Между тем банкир, не желая показать, что незаметно для малайца случилось нечто важное, продолжал перелистывать свою записную книжку и наконец, как бы вспомнив, что он не один в кабинете, равнодушно произнес:

— Извини, мой храбрый Саранга, у меня столько разных дел, что и во время разговора с тобой они не дают мне покоя. Итак, о чем, бишь, мы говорили? Да, да, о том, что тебе предстоит отправиться к нашему верховному главе. Даю тебе сегодняшний день для сборов в путь, а завтра на рассвете ты поедешь к нему. Как и всегда, одна из моих яхт к твоим услугам.

Обычный деловой тон банкира ободрил малайца, которым овладели было уже опасения, не сказал ли он в порыве радости чего-нибудь лишнего, — и он весело ответил:

— Хорошо, господин, я буду готов! За Сарангой дело не станет! Но вы, как и в те разы, не забудете, конечно, дать мне пароль для прохода?

— Какой пароль?

— А с которым проходят к Квангу и который он всегда меняет при новом поручении.

Лао Тсин несколько мгновений молчал, не зная, что сказать на это.

— Послушай, Саранга, — проговорил он наконец, — на этот раз не Кванг зовет тебя, а сам я посылаю к нему, потому что не имею сведений о нем вот уже два года» Стало быть, у меня нет для тебя и пароля для прохода.

— В таком случае я не могу отправиться, — возразил малаец, внезапно побледнев от страха.

— Ты боишься гнева предводителя?

— Это бы еще ничего, я рискнул бы на это, так как великий предводитель добр и простил бы меня.

— Так что же тебя удерживает?

— То, что без пароля никто не будет ожидать моего прибытия, никто не явится навстречу мне, чтобы провести меня через подземные гроты Мары, кишашие акулами, и я буду наверняка разорван этими чудовищами.

— Я не понимаю тебя. Что это за подземные гроты?

— Дело в том, господин, что никто не может проникнуть к Квангу, не будучи заблаговременно призван им: подземные гроты Мары никогда еще безнаказанно не пропускали людей, решившихся пробраться без проводников и без оружия, необходимого для борьбы с акулами, которые кишат там в бесчисленных количествах.

— Что ты там мне рассказываешь? — удивился банкир.

— Истину, господин! — подтвердил торжественно малаец. — Мне на своем веку довелось совершить немало этих переходов, и теперь я не могу без трепета вспомнить о них!.. Поймите, господин, — прибавил малаец, понижая голос, — ни один наш переход через эти проклятые гроты не обходился без гибели нескольких человек, утащенных так или иначе чудовищами! Стало быть, всякий раз, как великий начальник требует к себе кого-нибудь, предстоит гибель людей! Несмотря на это, я с радостью пошел бы опять к Квангу по его первому требованию, пренебрегая всякими опасностями, будь только у меня пароль для перехода; но без него это значит — идти на верную смерть!

— Итак, о путешествии туда нечего и думать? — спросил разочарованный Лао Тсин.

— Вы сказали истину, господин! — подтвердил Саранга. — Если бы

еще было время муссонов, когда гроты бывают свободны от воды в продолжение целых суток, — ну, тогда еще можно было бы сделать попытку пройти их без проводников; но ждать муссонов придется еще более полугодом!

— Да, плохо дело! — сказал задумчиво банкир. — Но если мы, за эти новые полгода, опять ничего не узнаем о Кванге, решишься ли ты тогда отправиться к нему?

— Клянусь вам, господин, что я решусь тогда на все, — будь даже гроты полны воды и акул, потому что мне самому страшно хочется видеть нашего великого главу!

— Эти гроты далеко идут под землей?

— На двадцать четыре морских мили, которые приходится плыть на пирогах, ежеминутно сражаясь с акулами... Нередко случается, что какая-нибудь из них вскакивает в пирогу, и тогда приходится отбиваться от нее топорами.

— Это ужасно!. Но разве нельзя миновать эти гроты, пройдя другой дорогой?

— Другой дороги нет, по крайней мере, я ничего не знаю об этом. Все берега острова, — я могу вам сказать, господин, что это остров, и не должен лишь называть его имени и места, где он находится, — все они представляют собой отвесные стены, от двухсот до трехсот метров высотой. Вследствие этого взобраться на них нет возможности, и на остров можно проникнуть лишь сквозь стены, которые в разных направлениях изрыты гротами, наполненными водой и акулами» Вот все, что я могу сказать вам; дальше описывать вам остров я не имею права.

— Спасибо, Саранга, и за это! — заключил беседу банкир. — Когда придет время, я тебе напомню о твоём обещании.

— И я буду верен ему! — сказал малаец, откланиваясь и уходя к себе.

Когда Саранга ушел, к Лао Тсину тихо явился его молодой клерк, Лай Пинг, и сказал, подавая две визитные карточки и листок бумаги:

— Эти три человека ожидают вас уже около получаса. Лао Тсин взглянул сначала на листок шелковой бумаги и вздрогнул от неожиданности: на листке было оттиснуто секретными китайскими знаками, ключ к которым был известен ему:

ЛИ ВАНТ,

ЧЛЕН ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ОБЩЕСТВА ДЖОНОК

— Проси! — сказал он и подумал про себя: — Наконец-то... Вот и сведения, которых я так давно жду! Несомненно, случилось нечто чрезвычайно важное, если такое лицо решилось оставить Пекин, где в

любой час дня и ночи могут прийти к нему какие-нибудь приказания от Кванга...

— Господин Ли Ванг, — продолжал между тем клерк, — просил передать вам, что он желает быть принятым вместе с двумя европейцами, карточки которых перед вами: это, кажется, важные особы, рекомендованные ему французским посольством в Пекине.

Банкир взглянул на карточки. На одной из них значилось под дворянской короной:

*МАРКИЗ ДЕ СЕН-ФЮРСИ,
ЧЛЕН ФРАНЦУЗСКОГО ПОСОЛЬСТВА
В ПЕКИНЕ*

Другая заключала на себе скромную надпись:
ГОНТРАН ДЕ ЛАНЖАЛЕ, МОРСКОЙ ОФИЦЕР

— Хорошо, — решил Лао Тсин, — пусть войдут все трое вместе, хотя я в этом союзе трех различных лиц ровно ничего не понимаю!

IV

Нежелательное предисловие. — Нет более Кванта, и правда ли это? — «Не угодно ли открыть карты?» — Честный человек или мешок с деньгами? — Увы, его более нет! — Самоуверенность посетителя. — «До завтра!»

Входя к банкиру, Ли Ванг пропустил вперед двух своих спутников и плотно притворил за собой дверь, как человек, готовящийся к конфиденциальной беседе и не желающий, чтобы его кто-нибудь подслушал. Банкир встретил посетителей обычными приветствиями на английском языке и указал им на места, которые они и заняли.

— Мои товарищи, — начал Ли Ванг на том же языке, — не говорят ни по-английски, ни по-китайски, и я, в случае надобности, могу быть переводчиком для них, так как они намерены сообщить вам интересные сведения и подтвердить то, что я дол. жен сказать вам.

Лао Тсин не привык выслушивать подобные предисловия от лиц, обращающихся к нему по финансовым делам, и эта краткая речь Ли Ванга сразу оттолкнула его от посетителей. Эти люди как он думал, пришли к нему совершить какую-нибудь денежную операцию, но в то же время хотят еще заранее быть уверенными в успехе, для чего стараются расположить его к себе какими-то «интересными» для него сведениями. Однако, несмотря на свою нелюбовь к различным подходам в разговорах, Лао Тсин решил терпеливо выслушать все, что скажут ему посетители, будучи только настороже.

— Я вас слушаю, — сказал он, приветливо улыбаясь и намеренно умалчивая о том, что ему нет надобности в переводчике, так как он сам вполне владеет французским языком. Умолчание это давало ему преимущество перед собеседниками, которые, думая, что он не понимает по-французски, могли не стесняться в замечаниях, высказывая их друг другу.

— Сперва позвольте мне спросить вас, как банкира нашего общества, — продолжал Ли Ванг, — имеете ли вы какие-нибудь известия о нашем верховном главе?

— Я могу предложить вам тот же вопрос, — отвечал Лао Тсин. — Со времени моей последней поездки в Пекин и до сего дня я знаю об этом столько же, сколько и тогда, то есть ровно ничего.

— Хорошо, очень даже хорошо, ваше превосходительство! —

воскликнул Ли Ванг.

Лао Тсин носил аметистовый шарик на шапочке и потому имел право на этот титул. Он молча поклонился в ответ на вежливость Ли Ванга, который продолжал:

— Я также ничего не знаю с тех пор, как оставил Кванга в Париже, где он передал мне скипетр Хуан-ди, похищенный варварами из летнего дворца его величества, равно как и большой бриллиант из коронной французской сокровищницы, врученный потом мной ее величеству, императрице Нан Ли, вместе с драгоценным скипетром.

— Уверены ли вы, что этот драгоценный бриллиант дошел по назначению? — спросил вдруг, как бы мимоходом, банкир своего собеседника.

Этот неожиданный вопрос заставил на одно мгновение покраснеть Ли Ванга, что не укрылось от такого пронизательного человека, как Лао Тсин, тут же решившего не забывать этого обстоятельства.

— Разумеется! — подтвердил член верховного совета с прежним своим апломбом. — Бриллиант можно видеть во дворце третьего круга, вместе с прочими сокровищами ее величества. Но так как не в этом главный предмет нашего разговора, то позвольте мне продолжать»

— Сделайте одолжение, я вас слушаю!

— Итак, наше общество остается без главы вот уже два года, если не более того! — воскликнул Ли Ванг. — Ввиду столь важного обстоятельства я считаю своей прямой обязанностью, вместе с моим товарищем по верховному совету Ли Юнгом, покончить скорее с этой неопределенностью положения, которая может сделаться вредной для нашего дела... Надеюсь, и вы того же мнения?

— Прежде чем высказать вам мое мнение об этом щекотливом предмете, позвольте спросить вас, из чего вы заключаете, что Общество Джонок остается без своего верховного главы?

— Из чего?.. Из его продолжительного молчания!

— Из продолжительного молчания? Но ведь вам известно, что, по уставу общества, вы не имеете даже права критиковать поведение Кванга. Ваш пост — в Пекине, и вы не должны ни оставлять его, ни беспокоиться о действиях главы.

— Даже если бы он умер?

— Так точно, даже если бы он умер! Вам ведь известно, что Квангу одному принадлежит право назначить себе наследника, которому мы обязаны слепо повиноваться, как только он объявит нам свои приказания.

— Но если Кванг перед смертью не имел времени назначить себе

наследника?

— Наши правила, по-моему, вполне ясно решают и это затруднение: согласно им, высокое звание Кванга, — в случае, если бы он умер, не назначив себе наследника, — принадлежит с минуты его кончины старшему — не по возрасту, а по назначению — из трех советников, находящихся при его высокой особе... Из этого очевидно, что место его не вакантно и никогда не может быть вакантным.

— Ну, а если, например, Кванг и три его советника погибнут вместе, хотя бы при кораблекрушении? Как тогда следует поступить?

— В этом случае, вы знаете, Квангом становится тот из членов верховного совета в Пекине, который первым надел кольцо власти, хранящееся в ящике.

— Который, в свою очередь, хранится в кассе общества, — Добавил Ли Ванг.

— Да, до последнего времени это так и было, — до поездки Кванга в Париж. Но перед поездкой он взял с собой ящик из кассы, оставив у меня лишь записку, в которой сказано, где надо искать этот ящик в случае, если пройдет три года без всяких известий о Кванге и его трех советниках.

«Посмотрим, что ты на это ответишь, — сказал себе Лао Тсин. — Если ты изменник, то берегись!»

— Я этого не знал, — ответил Ли Ванг, — и если это так, то теперь приходится говорить совсем о другом... Не угодно ли вам, как выражаются европейцы, открыть свои карты?

— Я готов, — сказал банкир. — Но покажите пример, так как я не знаю, чего вы, собственно, желаете.

— Вот чего я желаю, — ответил торжественно Ли Ванг, — я имею достоверные известия о смерти старого Фо и о том, что он не назначил себе наследника, а потому намерен провозгласить себя Квангом. Вы единственный человек, который может помочь мне в достижении этой цели. Итак, скажите мне, какова будет цена вашего содействия?.. Вы видите, что я вполне откровенен с вами...

Лао Тсин ничем не обнаружил внезапного волнения, овладевшего им при таком неожиданном повороте их беседы, и ответил сдержанно и просто:

— Вы придаете слишком много значения моему содействию в этом важном деле. Во всяком случае, я нахожу, что мне необходимо сначала основательно обдумать ваше предложение, прежде чем высказать вам свои требования.

— Ваше желание подумать, прежде чем дать решительный ответ, я

нахожу вполне естественным, — продолжал Ли Ванг, маленькие глазки которого блеснули от удовольствия. — Но сколько времени нужно вам на размышление?

— Завтра вечером вы получите от меня окончательный ответ. Предупреждаю только вас, что мне нужно несомненное доказательство смерти Кванга, иначе я не стану действовать в вашу пользу.

— Об этом не беспокойтесь, ваше превосходительство, у нас есть самые неопровержимые доказательства того, что старый Фо умер!

— А именно?

— Об этом узнаете завтра вечером. Теперь же для вас совершенно излишне было бы знать их, так как вы можете и отказаться от содействия нам в этом деле.

— Вы, стало быть, не один заинтересованы в нем?

— Нет, как видите, иначе эти два джентльмена не присутствовали бы здесь: они тоже заинтересованы, и не меньше, может быть, меня. Когда я буду Квангом, я возвращу маркизу де Сен-Фюрси, специально посланному сюда французским правительством, тот драгоценный бриллиант, который взят был в Париже вместе со скипетром Хуан-ди... Если я вам не сообщаю сегодня доказательств смерти Кванга, так это по той причине, что они известны только этим двум господам, желающим открыть свои тайны не иначе как наверняка. Вы понимаете меня?

— Теперь я вас понял, — объявил банкир, — и могу свободнее обдумывать ваше предложение.

— Вы мне позволите сказать моим товарищам о результате нашего разговора?

— Сделайте одолжение, не стесняйтесь!

Не предполагая, что банкир может понять его французский язык, Ли Ванг сказал де Сен-Фюрси и Ланжале:

— Он наш, этот банкир; дело сводится к одним деньгам, потому что это денежный мешок, который за золото готов продать самого себя!

— Это удивительно, — заметил Ланжале. — А я считал его бравым малым, и он мне так понравился!..

«Неужели в этой банде нашелся один честный человек?» — подумал Лао Тсин, выслушав замечание Парижанина о своей особе.

— Во всяком случае, — заключил Ли Ванг, — это неважно. Он может попросить за свою помощь сколько ему вздумается — ведь казна нашего общества неистощима!

— Не находите ли вы, Гроляр, или, виноват, господин маркиз, — продолжал Ланжале, плохо слушая Ли Ванга, — не находите ли вы, что

этот почтенный китаец очень похож на нашего покойного доброго Фо?

При этих новых словах Парижанина скорбь мгновенно охватила банкира, что выразилось в нервном подергивании его губ: теперь ему уже было ясно, что Фо умер — Фо, его старый друг, смерть которого он считал до этой минуты не более как выдумкой Ли Ванга, всеми силами старавшегося расположить его в свою пользу! Но силой воли он подавил свое скорбное чувство, чтобы не выдать себя перед хитрым Ли Вангом, которого он должен был с этих пор держать в своих руках как изменника и бунтовщика перед лицом нового Кванга, который должен наказать его!

Он сказал гостям «до завтрашнего вечера!», и они расстались. Посягнувший на высокое звание Короля Смерти ушел от банкира настолько довольный результатами совещания, что можно было подумать, будто вся заманчивая власть уже в его руках: стоит ему лишь приказать, да распорядится. До такой степени превратно понял он, при всей своей хитрости и пронырливости, своего соотечественника!

План наказания изменников. — Изобретательный камердинер. — «Вот подарки». — Приглашительные билеты и экипаж «Бдительного».

Как только ушли посетители, Лао Тсин ударил в гонг и сказал явившемуся на зов камердинера. — Ты хорошо заметил этих трех господ, что сейчас были у меня? — Очень хорошо, господин! — Ну, так ступай за ними следом и заметь, в какой гостинице они остановились.

— Слушаюсь, господин, ваше желание будет в точности исполнено!

И камердинер бросился вслед за посетителями, держась, конечно, так, чтобы не быть замеченным ими.

Дав такое поручение своему верному слуге, вечно находившемуся у двери его кабинета, банкир потребовал к себе опять малайца Сарангу.

— Приготовься, милый мой, к отъезду на завтра, — сказал он ему, — есть очень важное дело, с которым надо спешить!

— Как, господин! — воскликнул малаец. — Вы хотите, чтобы я пошел на верную смерть?»

— Не бойся ничего, я не требую от тебя этой слишком дорогой жертвы. Выслушай только меня!

И банкир начал что-то шепотом говорить своему собеседнику, причем, по ходу рассказа, глаза малайца сверкали то гневом и ненавистью, то дикой радостью удовлетворенной мести... В заключение Лао Тсин сказал уже громко:

— Понял ты меня?

— Отлично, господин!

— Ты их доведешь до входа в эти гроты и, указав им дальнейшую дорогу на остров, вернешься назад.

— Хорошо, господин! — одобрил малаец план банкира. — Так именно и должно наказывать изменников!

— Итак, Саранга, будь готов к завтрашнему дню! — заключил свое совещание с малайцем Лао Тсин.

Когда Саранга ушел, в кабинет явился запыхавшийся камердинер-яванец.

— Ну? — спросил с нетерпением банкир.

— Эти люди, господин, не остановились ни в каком отеле, — сказал яванец.

— Что ты мне говоришь?!

— Истинную правду, господин: они пошли прямо к морскому берегу, где их ждала шлюпка. Они сели в нее и направились к французскому фрегату, что называется «Бдительным». Этот фрегат пришел к нам утром.

— Удивительно! — воскликнул банкир.

— По всему видно, господин, что они остановились на этом самом французском фрегате, потому что шлюпка, в которую они сели, по видимому, принадлежит «Бдительному».

— Ну, хорошо! А можешь ты узнать француза, который помоложе другого?

— Могу, господин!

— Сумел ли бы ты передать ему письмо?

— Нет ничего легче, господин!

— Хорошо! Но нужно сделать это так, чтобы другие два его товарища не видели этого.

— И это можно сделать!

— Заметь, крайне важно, чтобы два другие не видели ничего!

— Я вот что, господин, думаю...

— Ну?

— Так как это французское судно имеет платежные требования на наш дом, то можно было бы, от вашего имени, господин, предложить его офицерам подарки: я бы взял с собой корзину с бананами, ананасами, апельсинами и другими плодами и, сев в лодку, поехал бы к фрегату.

— Под видом торговца? Это недурно!

— Нет, господин, военные суда очень строги, и меня не пустили бы прямо на борт.

— Тогда что же ты хочешь сделать?

— Подплыв к судну, я стал бы кричать: «Подарки! Вот подарки от господина банкира Лао Тсина экипажу французского фрегата, имеющего дело к нему!» Тогда меня немедленно пустили бы на борт судна с моими фруктами.

— Недурно! Право, ты находчивее меня в этом деле!

— А поднявшись на борт, я бы тотчас же раздал командиру фрегата и прочим офицерам пригласительные билеты на сегодняшний вечер!

— Это лучше всего! Вот именно та идея, до которой я не мог додуматься и которая как нельзя более кстати! — воскликнул восхищенный банкир.

— Вот тут-то, с этими билетами, я мог бы незаметно вручить письмо младшему французу!

— Отлично, отлично! Теперь иди и приводи в исполнение твой

план! — заключил Лао Тсин.

«Вдвойне изменник! — с гневом произнес он, оставшись один в своем кабинете. — Его поведение гораздо хуже, чем я думал! Приехал сюда на военном судне, которое враждебно нам, нашим братьям! Что можно вообразить себе недостойнее этого?» Я сначала колебался, обдумывая средство к наказанию этого человека, но теперь вижу, что преступление превышает даже это средство!.. Теперь мне остается только поговорить с младшим французом который вселяет некоторое доверие к себе. Надеюсь, что он не откажется сказать мне правду, если я обращусь к его совести и чести. Я таким образом могу узнать об участии моего бедного Фо! Может быть, он присутствовал при его кончине и знает наследника, которого тот назначил себе... Я ему скажу, что мне нужно переговорить с ним наедине, без свидетелей, и что я все сделаю для него, чего он ни пожелает, если он только откроет мне правду!

Между тем слуга-яванец, с огромной корзиной разных южных плодов, которыми так богата Ява, подъезжал уже в лодке к борту «Бдительного».

— Вот подарки! Подарки от господина Лао Тсина! — начал кричать яванец.

Экипаж броненосца, бывший на отдыхе, тотчас же заметил подъезжающего гостя и, слушая его исковерканный французский язык, начал было трунить над ним; но один из офицеров, услышав имя Лао Тсина, остановил матросов и дал знать о приехавшем яванце заместителю командира, Люку Пенарвану.

— Черт возьми! Посланец от Лао Тсина! Этому нельзя отказать!.. Да еще с фруктами, которые заменят нам этот давно опротивевший голландский сыр!.. Нравится ли вам, Пенарван, голландский сыр?

— Это зависит...

— От чего?

— От ветра, от моря, от погоды, от настроения командира!

— Честное слово, с вами никогда нельзя говорить серьезно!

— Однако у этой яванской обезьяны я вижу пакет в руках: должно быть, от самого Лао Тсина...

— Вот видите!

— В таком случае, — решил заместитель, — пустите его на судно, да сделайте это так, чтобы фрукты не пошли как-нибудь ко дну.

— Уж будьте спокойны!

В две минуты яванец с фруктами был на палубе «Бдительного», но к фруктам его было запрещено прикасаться до распоряжения командира судна.

Этот последний, известный уже нам бравый морской волк Маэ де Ла Шенэ, заканчивал в это время свой туалет, собираясь с визитами к французскому консулу, к банкиру Лао Тсину и к командирам двух американских броненосцев, которые вежливо салютовали ему двадцатью одним выстрелом, когда судно его вставало на рейд.

Поднявшись на палубу, командир увидел весь свой экипаж окружившим яванца и смотревшим не без зависти на его роскошные фрукты.

— Что это такое? — спросил он.

— Подарки. Подарки от господина Лао Тсина экипажу, — отвечал невозмутимо яванец.

— Хорошо! — сказал равнодушно командир судна. — А это что еще?.. А-а, господа, вот приятная новость для вас всех: вы приглашены банкиром Лао Тсином на вечер, который он дает сегодня в своем роскошном дворце, называемом Уютным Уголком! Наш товарищ по путешествию, мандарин Ли Ванг, нарасказал столько чудес о вечерах банкира, что теперь остается только собственными глазами убедиться в том, что вы слышали от него на словах» Как бы вам не вернуться завтра сюда с какой-нибудь лошадейю или, чего доброго, со слоном!

И, довольный своей шуткой, намекающей на подарки гостям богача Лао Тсина, Маэ де Ла Шенэ продолжал отеческим тоном:

— Тут четырнадцать приглашений: ни один из наших офицеров, стало быть, не забыт. Но я не знаю, как мы все бросим «Бдительный», который не должен оставаться совсем без офицеров, хотя бы речь шла об одном только вечере. Увидим, однако, кто те двое, которые добровольно должны будут провести сегодня вечер на «Бдительном» до восьми часов следующего утра.

Командир обвел глазами весь свой экипаж, но никто не проронил и слова.

— Ну, тогда бросим жребий! — предложил он.

Однако и на это никто ничем не ответил, зная, вероятно, по опыту, как добрый начальник привык разрешать подобного рода затруднения.

Ожидание офицеров не было обмануто, потому что командир сказал наконец:

— Делать нечего, придется, как всегда, старикам пожертвовать собой, а молодежь пускай повеселится! Не правда ли, друг мой Пенарван? Что нам с вами, в наши годы, музыка и вся эта бальная суэта? Она только утомляет!

— Разумеется! — согласился Пенарван.

— Кроме того, молодежи следует дать повеселиться, тем более что ведь через двое суток мы идем охотиться за этими канальями-пиратами.

— Конечно! — опять подтвердил Пенарван.

— А пока молодежь будет веселиться на этом вечере, мы здесь устроим вист, не так ли? — продолжал командир. — Но где нам взять для этого третьего? Ах, да, я и забыл про нашего милейшего доктора! Он разве не из наших?

— Без всякого сомнения, я ваш, господин командир, — откликнулся доктор, — но мне хотелось бы посмотреть на эти сказочные рауты, о которых гремит молва повсюду и которые так»

— И прочее, и прочее, господин доктор, — перебил его командир. — Я вижу, что вы также в восхищении от рассказов почтенного Ли Ванга, а потому не желаю мешать вашему удовольствию» Итак, Пенарван, мы определенно остаемся сегодня вдвоем, и виста поэтому не будет. Но мы зато поболтаем о нашем прошлом, потому что, черт возьми, мы ведь не без прошлого! Не так ли?

— Разумеется! — подтвердил Пенарван и прибавил вполголоса, но так, чтобы все офицеры могли слышать:

— Как это будет интересно!

VI

Немая сцена. — Политичная записка. — Приготовления к новому рауту. — Узник и суд над ним. — Чемодан в очень важной роли. — Вечная признательность.

В то время как командир французского броненосца разговаривал со своим экипажем, малаец, привезший подарки и приглашения на вечер, незаметно подошел к Ланжале и сунул ему в руку записку. Парижанин обернулся было к нему, но Саранга, сделав знак молчания, быстро скользнул в сторону, и Ланжале, поняв в чем дело, поспешил уединиться в своей каюте.

Там он прочел записку Лао Тсина и через несколько минут вышел опять на палубу, играя, как бы от нечего делать, бумажной хлопушкой. Проходя мимо малайца, он нарочно уронил хлопушку к его ногам; тот догадался поднять ее и, ловко сунув себе за пазуху, спустился с броненосца в свою лодку.

Этой немой и быстрой сцены не видел никто, кроме двух лиц, участвовавших в ней»

Вернувшись к своему господину, малаец превратил хлопушку в обыкновенный лист почтовой бумаги; заклеив его в конверт, положил на серебряный поднос и принес хозяину, не обращая внимания на то, что банкир беседовал с Маэ де Ла Шенэ и с командирами двух американских фрегатов, успевших уже явиться с визитами. Это обстоятельство послужило сигналом к скорейшему уходу гостей.

Оставшись один, Лао Тсин с некоторым нетерпением вскрыл конверт и прочел следующее:

Не пренебрегая обещанным состоянием, лишь бы только оно было честно заслужено, всегда имею быть к услугам храбрых людей, одним из которых вы мне кажетесь и с которым, поэтому, можно иметь дело к обоюдной выгоде. Вследствие сего аккуратно явлюсь к вам в час, назначенный вами.

Ланжале.

Для малообразованного моряка, каким был автор письма, это было недурно, хотя и отзывалось смешной официальнойностью, выражавшейся особенно в слове «подписано» и в фразе «имею быть к услугам». Банкир невольно улыбнулся, читая эти фразы, которые автор записки, очевидно, считал очень ловкими оборотами речи, но не изменил своего взгляда на

Ланжале.

«Он мне кажется честным малым, — сказал он про себя, — и если не обманет моих ожиданий, я наделю его состоянием, да и то все-таки буду считать себя его должником!»

После этого, не имея более дел в городе, банкир уехал в свой Уютный Уголок, чтобы бросить последний критический взгляд на приготовления, сделанные к предстоящему вечеру.

— Ну-с, — обратился он, приехав туда, к своему главному распорядителю, — все ли готово?

— Все, ваше превосходительство, и никогда еще гости не видали таких подарков, какие готовятся им в сегодняшней вечер!

— Отлично! Пойдемте еще раз посмотрим на них!

И оба отправились в отдельную комнату, дверь в которую тщательно запер за собой Лао Тсин, — чтобы никто заранее не мог видеть таинственных подарков для его гостей...

Но оставим пока банкира с его безумно-расточительными затеями, овладевавшими им всякий раз, как он устраивал новый раут в своем сказочном дворце, и вернемся к Ланжале, который в это время готовился к вечеру, тщательно занимаясь у себя в каюте туалетом и обдумывая, каким образом можно будет ему незаметно от товарищей уйти с бала на свидание с банкиром».

Время теперь объяснить читателям, в силу каких странных случайностей Ланжале и Гроляр очутились на борту «Бдительного», а вместе с ними и член верховного совета Общества Джонок, честолюбивый и предприимчивый Ли Ванг. Постараемся сделать это возможно скорее, чтобы не задерживать естественного течения полных драматизма событий, входящих в наш правдивый рассказ.

Мы уже видели, каким образом «Иен» со всеми своими пассажирами благополучно отделался от серьезных опасностей, грозивших ему в Сан-Франциско, опустившись под волны моря, где он мог, без вреда для своего механизма, проплыть в таком положении от двадцати пяти до тридцати метров в любом направлении. В намерения нового Кванга не входило долго держать у себя в плену полицейского сыщика Гроляра, который мог быть только помехой для него; поэтому, узнав от него, чего он добивается от наследника старого Фо, Бартес решил отпустить Гроляра на свободу, но не иначе как вместе с Ланжале, который, под видом преданного друга, должен был сопровождать его повсюду, выведывая его секреты и сообщая их новому Квангу.

Для этого нужно было устроить так, чтобы Гроляр бежал с борта

«Иена» и чтобы это бегство подготовил для него не кто иной, как именно Ланжале, который сам должен был бежать вместе с ним, якобы боясь строгого наказания за пособничество в бегстве арестанта.

Одним словом, с Гроляром решили разыграть комедию в наказание за его шпионство. А так как все-таки опасно было оставлять на свободе такого человека, как Гроляр, который мог в каждом новом порту сообщать сведения о «Иене» и пытаться повторить где-нибудь историю, случившуюся в столице Калифорнии, то решено было, что он бежит не иначе, как вместе с Ланжале, взявшимся тайно сообщать своим друзьям о каждом сомнительном шаге опасной для них личности.

Это бегство должно было совершиться в мексиканском порту Акапулько, куда только что прибыл «Иен», — для встречи там с новым броненосцем «Фо», о котором уже известно читателям. Чтобы поразвлечь немного экипаж «Иена», бегство обставили разными комическими подробностями, от которых brave моряки покатывались со смеху, тогда как Гроляр, принимая все за чистую монету, дрожал от страха.

Его заковали в кандалы, так свирепо глядя на него при этом, точно хотели сказать: «Ну, отсюда уж не вырвешься, тут тебе и капут!» Когда потом Ланжале принес пленному обычную порцию пищи, бедный Гроляр воскликнул:

— Ах, как я рад, что именно тебя назначили за мной смотреть! Теперь, по крайней мере, я буду спокоен, что меня не отравят!

Ланжале со страхом приложил палец к губам и не сказал ни слова. Только на другой день он проронил на ходу и вполголоса:

— Надейтесь на меня!

В следующий визит он принес Гроляру кусок хлеба и шепнул, со страхом оглядываясь кругом:

— Здесь пила. Но вы пустите ее в дело только тогда, когда я скажу вам.

— Почему же не сейчас? — спросил пленник.

— Потому что в открытом море нам никак нельзя бежать. К тому же я боюсь здесь этого Порника, который люто ненавидит вас и ждет не дождется суда над вами.

— Презренный, что я сделал ему плохого?

— Не знаю! Разве то, что вы чуть не поддели всех их в Сан-Франциско?.. Во всяком случае я боюсь особенно его дьявольского слуха, который так развит у него, что он слышит всякий малейший шум в любом углу судна. Поэтому распиливать цепи можно будет только тогда, когда он заснет.

— Это ужасно! — жалобно простонал пленник. — Но ты-то, голубчик

мой, ты ведь не ненавидишь меня, надеюсь? Ведь я дал тебе возможность бежать из Новой Каледонии!

— Этого я никогда не забуду и, в благодарность, сделаю все для вашего освобождения из этого адского места!

— О, добрый человек! Спасибо тебе!

Наконец однажды Ланжале сообщил Гроляру, ставшему как две капли воды похожим на любого классического «узника» благодаря запугиваниям, которым он легко и не рассуждая поддавался:

— Сегодня, бедный мой мосье Гроляр, будут судить вас, в два часа ночи. Порник настоял на этом!

— Ах, презренный! О, Боже мой!..

— И он также в числе судей.

— Ах!.. Но я его изобличу в гнусных поступках!

— Бесполезно, бедный мой! Вам не дадут и рта раскрыть! Вы уже заранее приговорены.

— Ах! К чему?

— К повешению, бедный мосье Гроляр!

— Ах!.. Ох!.. О, Боже, Боже, смилуйся надо мной!

— И потому ночью начните распиливать цепи, когда все улягутся спать, в девять часов. Времени будет довольно до двух часов, когда все встанут, чтобы судить вас.

— Успею ли?

— Я думаю... А если не успеете, то будете еще иметь в своем распоряжении две следующие ночи, так как экзекуцию над вами совершат только через двое суток после суда — по случаю ожидаемого с часу на час прихода в порт нового китайского броненосца.

— О, Боже, помоги мне! — простонал несчастный.

В два часа ночи судьи собрались в просторную каюту, велели привести к себе пленника, который, парализованный страхом, и не думал дотронуться пилой до цепей, и в один голос присудили его к смертной казни, закрывая лица платками, чтобы не разразиться дружным хохотом.

Но бедному Гроляру было не до смеха. В заключение председатель суда объявил ему:

— Вам дается два дня на покаяние в ваших грехах и на письма к родным и друзьям, в которые вы можете вложить пряди ваших волос на память о себе.

Последние слова совсем уже звучали шуткой, но пленник и тут не мог догадаться, что над ним шутят! Напротив, когда наступила ночь, он с такой яростью начал распиливать цепи, что визг пилы был слышен повсюду,

возбуждая нескончаемый хохот и остроты между матросами «Иена», долго слушавшими его.

В ту же ночь Ланжале вошел к пленнику в двенадцать часов и помог ему окончательно освободиться от цепей, после чего, запаковав его в чемодан, нарочно купленный по его росту, вынес таким образом Гроляра из места заточения и свалил чемодан на дно лодки, секретно стоявшей у самого броненосца. Палуба «Иена», конечно, была уже пуста, и Ланжале, вскочив в лодку, дал сигнал двум сильным гребцам-мексиканцам отчаливать.

Так был спасен Гроляр от «верной гибели» и со слезами на глазах поклялся Парижанину в своей вечной и неизменной признательности.

VII

Ненависть полицейского и его инстинкт. — Совет китайского драгомана. — Знакомство с Ли Вангом и планы последнего. — Мнение его о Бартесе. — Как новые друзья очутились на борту «Бдительного». — Новые сети на старого зверя. — Два дела.

Такова была комическая одиссея полицейского, которой Бартес отомстил за попытку Гроляра погубить его с друзьями в Сан-Франциско, выдав французскому правительству. Эта комедия, принятая сыщиком за драму, страшно напутала и вместе с тем разозлила его. Он от всей души возненавидел людей, во власти которых недавно находился, и дал себе слово Достойным образом свести с ними счеты при первом же удобном случае. Зная, что «Иен» отправляется в Китай, он тоже решил ехать туда вместе с Ланжалем; инстинкт говорил ему, что он непременно узнает там, в Пекине, нечто важное, что значительно подвинет его дело.

И этот инстинкт действительно не обманул сыщика. В Пекине китайский драгоман при французском посольстве сказал ему однажды следующее:

— Наша императрица могла вернуть себе похищенный скипетр Хуан-ди только с помощью мужественного Общества Джонок, что мне под большим секретом сообщил один мой родственник, принимавший участие в этом деле. Обратитесь-ка вы к нему — он, может быть, даст вам какой-нибудь полезный совет или указание; вот его адрес.

Гроляр, назвавшийся опять маркизом де Сен-Фюрси, немедленно отправился к родственнику драгомана, который был не кто иной, как Ли Ванг, и с первых же слов сошелся с ним. Из рассказов сыщика о «Иене» китаец тотчас же увидел, что речь идет о Кванге и его трех приближенных, так как сам Ли Ванг был то лицо, которому покойный Фо в Париже передал скипетр Хуан-ди и бриллиант для вручения императрице. Из дальнейших же рассказов Гроляра Ли Ванг узнал, что Кванга нет более в живых, и решил захватить его власть в свои руки. То обстоятельство, что имя Кванга принял кто-то другой, назвавшийся наследником старого Фо, не остановило честолюбца, потому что он в этой неизвестной ему личности подозревал какого-нибудь лондонского узурпатора, которого можно будет устранить с дороги без большого труда.

Для успеха задуманного предприятия честолюбивому китайцу необходимо было склонить на свою сторону двух человек: своего товарища

по верховному совету Чи Тонга и Лао Тсина, банкира Общества Джонок. Первого, молодого еще человека, он легко сделал своим, пообещав объявить его первым членом совета, а впоследствии своим наследником, то есть будущим Квангом; что же касается второго, то читатели уже знают, насколько удалось ему склонить на свою сторону могущественного банкира.

Условившись с Ли Вангом, Гроляр обратился к командиру «Бдительного» с просьбой принять его с двумя товарищами на борт броненосца и доставить в Батавию, куда он якобы имеет конфиденциальное поручение от французского правительства. Знай командир истинную цель этой поездки, он, конечно, отказал бы трем искателям фортуны, но старый морской волк видел в Гроляре не сыщика, а маркиза де Сен-Фюрс.

Гроляр не без основания предпринял поездку в столицу Явы и выбрал для этой цели фрегат «Бдительный»: чутье сыщика подсказывало ему, что там он непременно встретится с новым Квангом, в котором уже подозревал бежавшего ссыльного Бартеса, хотя ни разу не видел его на «Иене» (Бартес в этом случае был осторожен); а раз он встретит Бартеса в Батавии, он немедленно сообщит о нем голландским властям, давно уже заключившим с французским правительством конвенцию о взаимной выдаче преступников, и тогда новый Кванг и весь его экипаж будут арестованы и отправлены на борт «Бдительного» — для возвращения их на место ссылки в Новую Каледонию...

Сети для новой поимки бежавших ссыльных были им, таким образом, расставлены весьма искусно, и мы вскоре увидим, попадутся ли в них наши главные герои...

Излишне говорить, что Ланжале все время был крепок на язык, не сообщая Гроляру никаких подробностей о новом Кванге и аккуратно каждую неделю отправляя тайные послания своим друзьям, с адресами то на остров Цейлон, то в Гонконг, то в Сингапур и так далее.

Впрочем, поимка бежавших была делом второстепенным для полицейского сыщика: важнейшей своей задачей он всегда считал возвращение «Регента» французской коронной сокровищнице. В этом вызвался помочь ему Ли Ванг, надевшийся в награду получить от французского правительства солидный куш, о котором он и мечтал день и ночь.

Как бы то ни было, но в описываемый момент противники были уже очень близки к встрече и к решительному столкновению между собой.

VIII

Кстати подслушанный разговор. — Просьба и любезный ответ. — Три партнера за вистом. — Два письма по городской почте. — «Они уже здесь!» — «Важный момент приближается!» — Уединенный павильон, или «Вас ожидают». — Разговор в одной скромной гостинице.

Ланжале завершал свой туалет, готовясь к балу в Уютном Уголке Лао Тсина и к тайному свиданию с ним наедине, как вдруг услышал через открытое окно разговор на палубе: — Готова ли лодка? — спрашивал кто-то. — Сейчас только пришла с берега, — был ответ.

— Хорошо! Подавай лестницу!

Ланжале узнал голос одного из офицеров, спешившего также на бал, и бросился вверх — просить его взять с собой. Он догнал офицера уже у самой лестницы и, тронув его за руку, сказал:

— Извините меня, капитан, за смелость побеспокоить вас моей покорнейшей просьбой: я имею настоятельную нужду отправиться на берег, и чем скорее, тем лучше; так не будете ли вы так добры взять меня с собой?.. Со своей стороны, я мог бы предложить вам место в экипаже, который, я уверен, ждет уже меня на набережной, чтобы отвезти к банкиру: ведь, я полагаю, вы тоже намерены отправиться туда?

— С большим удовольствием! — ответил вежливо офицер. — Извольте спускаться, я следую за вами!

— Нет, пожалуйста, капитан, я за вами!

— Прошу вас не настаивать: вы наш гость, а мы здесь не более как хозяйева!

И офицер с той же вежливостью указал ему на лестницу, ведущую в лодку. Ланжале должен был уступить и весело двинулся вниз по лестнице, весьма довольный тем, что успел ускользнуть от глаз «маркиза де Сен-Фюрси», который непременно стал бы инквизиторски допытываться, куда и зачем так спешит его товарищ. Эти допросы приняли бы исполинские размеры, если бы, не воспользовавшись услугой офицера, он обратился к самому командиру с просьбой дать ему лодку. Маэ де Ла Шенэ как раз в эти минуты сидел за вистом, и партнерами его были: его заместитель Люк де Пенарван, который равнодушно смотрел на тиранию голландского сыра, угнетавшего давно уже офицерские желудки, и с которым поэтому «ни о чем серьезном нельзя было говорить», и достопочтенный маркиз де Сен-Фюрси, он же — Гроляр, полицейский высшего ранга и крупного калибра.

Как только лодка, или «китоловка», как называл ее любезный офицер, причалила к набережной, оба ее пассажира тотчас же увидели экипаж Лао Тсина, и Ланжале, садясь в него со своим спутником, сказал кучеру: «Сначала на почтамт!»

Было только шесть часов вечера, и потому он поспешил предварительно на почтамт, чтобы узнать, не пришло ли писем на его имя.

И он не ошибся: чиновник в отделении «до востребования» подал ему два письма, прибавив:

— По городской почте, милостивый государь, из самой Батавии.

«Итак, они уже здесь! — воскликнул про себя Парижанин. — Но где именно?.. Конечно, об этом я узнаю из писем! Важный момент приближается!»

Получив вежливое предложение не стесняться от своего спутника, Ланжале вскрыл оба письма. Первое заключало в себе всего несколько строк, написанных рукой Бартеса:

Ми уже в Батавии, и ты нас увидишь сегодня на вечере у банкира. Будь осторожен и не подавай никому вида, что знаешь нас.

Второе письмо было от Порника и не содержало ничего особенного, кроме дружеских излияний.

Когда Ланжале и офицер были уже у роскошного подъезда Уютного Уголка, слуга-малаец улучил минуту и шепнул первому:

— Соблаговолите следовать за мной — вас ожидают...

И он провел Ланжале через сад, который своей относительной темнотой представлял резкий контраст с ярко освещенным дворцом, сверкавшим всевозможными огнями. В павильоне его встретил банкир, поднявшись с канапе, на котором он, по-видимому, отдыхал от дневных хлопот, и радушно протянув ему руку.

В это же самое время в одной из самых скромных гостиниц Батавии сидело пять человек, одетых по-европейски и занятых очень серьезным разговором. Это были Бартес, три его советника-китайца и друг Гастон де Ла Жонкьер.

— Как хотите, господа, — говорил последний, — а вы поступили неосторожно и даже прямо неблагоразумно: ни в каком случае не следовало вам отпускать на свободу этого парижского сыщика! Я всегда был против такого решения его участи, но вы меня не слушали и не принимали во внимание моих доводов.

— Но что же нам было делать с ним? — возразил Бартес. — Куда же его было девать?

— Покончить с ним и только, — холодно сказал де Ла Жонкьер.

— То есть отнять у него жизнь, казнить? Но ведь это было бы жестоко!

— Ба-а, мало ли что! «Война есть война»! Наконец, разве он не готовил вам всем того же, намереваясь предать вас в руки французских властей в Сан-Франциско? Будь он на твоём месте, а ты на его, разве он пощадил бы тебя?.. Иллюзия, милейший мой, излишнее мягкосердие, которое может теперь обратиться во вред тебе! Ведь, например, пронюхай он, что ты в эти минуты сидишь здесь, в этом отеле, он сейчас же найдет на вас всех голландских жандармов — и вы сегодня же заночуете в арестантских каютах «Бдительного», чтобы завтра утром двинуться в обратный путь, к берегам острова Ну!

— Не пугай! — сказал, улыбаясь, Бартес.

— Я знаю, что ты не из робких. Но не в этом дело, а в том, что ты в опасном положении здесь... Наконец, если уж вы все так гуманны, то вместо решительной расправы с этим Гроляром вы просто могли бы сделать его своим вечным пленником, отведя ему особую каюту и содержа его прилично, но только не выпуская его никуда на берег... Словом, надо было сделать его безвредным для себя, что не стоило бы вам никаких особенных трудов и хлопот.

А то — проделывать с ним фарс, отпуская его на свободу, присоединив к нему Ланжале в качестве друга и шпиона! Какая масса ненужных вещей, стеснительных для вас и унижительных отчасти для этого доброго малого, и какая, извините за выражение, глупая комедия, за которую вы можете поплатиться самой серьезной трагедией! Нет, господа, вас нельзя похвалить за это!

— Довольно! — заключил Бартес. — Что сделано, того не воротишь! Теперь, господа, к Лао Тсину!

Радушный прием. — Открытие правды Лао Тсину. — Совецание о «маркизе де Сен-Фюрси». — Миллион франков. — Курьезный гость.

— Добро пожаловать, милостивый государь! — приветливо сказал Лао Тсин по-французски крайне удивленному Ланжале, думавшему, как он будет объясняться с банкиром через переводчика, роль которого будет поручена какому-нибудь доверенному лицу, испытанному уже в скромности. — Добро пожаловать, садитесь! Вы мне можете оказать большую услугу, и не одному мне, а также многим могущественным людям, которые не менее меня надеются на вашу порядочность!

Ланжале ответил обычными в таких случаях вежливыми фразами и сел на указанное место.

— Милостивый государь, — продолжал банкир, — я надеюсь, что вы будете говорить со мной вполне откровенно, не так ли?

— Я полностью к вашим услугам! — ответил с легким поклоном Ланжале.

— Потому что лишь при этом условии то, что вы сообщите мне, может быть полезным для нашего общества.

— Милостивый государь, — начал Ланжале, — я мог бы молчать, так как с собственным языком следует быть всегда настороже; но раз я хочу говорить, значит нахожу это нужным, и потому вы без опасения можете принять за истинную правду все то, что услышите от меня.

— Так именно я о вас и думал, — сказал Лао Тсин, — и очень рад, что не обманулся в своем предположении! Итак, милостивый государь, во-первых, вот в чем дело: сегодня утром, когда вы были у меня втроем, я заключил из ваших слов, что вы хорошо знали моего старого друга Фо, который два года тому назад уехал в Европу и до сих пор не подает о себе никаких вестей.

— Да, я действительно знал его в Нумеа, где мы были в ссылке и откуда только благодаря ему могли бежать из пенитенциарного заведения»

— А, так вы были в пенитенциарном заведении?

— Да, но как сосланный не за уголовные преступления, а за нарушение военной дисциплины.

— Так! Я понимаю эту разницу, милостивый государь: это значит, что вы невиновны ни в каком проступке или преступлении, пятнающем честь, и потому не потеряли права возвратиться в общество порядочных людей.

— Совершенно верно, милостивый государь! — отвечал с достоинством Парижанин.

— Я продолжаю... Скажите мне, правда ли, что мой бедный Фо умер в Сан-Франциско?

— Правда! Он умер там на руках своего приемного сына и в присутствии трех своих давних друзей.

— Вы также присутствовали при его кончине?

— Нет. В каюте на судне, где это случилось, были только четыре названных мной лица.

— Что за человек тот, которого вы назвали приемным сыном Фо?

— Это редких достоинств человек! Он обладает всеми качествами, которые сразу располагают к себе и заставляют любить и уважать!

— Фо был тонкий знаток людей и не мог ошибиться в выборе себе наследника — это правда! — сказал как бы про себя Лао Тсин и на несколько минут замолчал, погрузившись в размышления, которых Ланжале не хотел прерывать.

Потом банкир быстро вернулся к прерванной им беседе, желая поскорее узнать то, что могло развеять все его сомнения и колебания и заставить действовать решительно, с полным знанием всех обстоятельств важного и неотложного дела.

— Еще одно слово, милостивый государь, — сказал он своему собеседнику, — вы видели, конечно, как и другие, что Фо постоянно носил на указательном пальце левой руки большое золотое кольцо?

— Да, видел, и это всех нас очень интересовало. Но так как покойный господин Фо был не из тех людей, которых можно расспрашивать об всем, то мы ограничились предположением, что это кольцо должно было означать какое-нибудь очень важное звание в его отечестве.

— И вы не ошиблись: ваши догадки были верны!.. Теперь, милостивый государь, самый важный из всех вопросов, который я хочу предложить вам и на который я прошу вас ответить по чистой совести, так как от вашего ответа могут произойти неисчислимы последствия: видели ли вы, когда скончался Фо, чтобы кто-нибудь из приближенных к нему лиц стал носить это кольцо?

Парижанин, прежде чем сказать что-нибудь, устремил на банкира пристальный, испытующий взор, как бы желая проникнуть в самую глубину его мыслей. Банкир также пристально смотрел на своего собеседника, стараясь наперед угадать его ответ.

— Милостивый государь, — начал наконец с некоторым усилием Ланжале, — мне уже некоторые люди задавали этот вопрос, но я всегда

отзывался незнанием, потому что имел дело с людьми, у которых не оказывалось ни деликатности, ни порядочности, и я боялся таким образом навлечь огромное и непоправимое зло на голову того, которого люблю и уважаю так сильно, что готов пожертвовать ради него жизнью.

— А теперь?

— Теперь другое дело. Вы, милостивый государь, возбуждаете во мне такую симпатию к себе, что, мне кажется, было бы большой ошибкой с моей стороны скрывать от вас истину... Да, я видел это кольцо на руке одной особы после кончины господина Фо, и эта особа — его приемный сын, Эдмон Бартес

Лао Тсин стремительно поднялся со своего места и с радостным восклицанием схватил обе руки Ланжале.

— Благодарю вас, тысячу раз благодарю вас, милостивый государь! Теперь я могу действовать, сообразуясь с волей и с выбором моего покойного старого друга! Теперь я с полным правом могу наказать виновных и объявить всем о власти нашего нового законного верховного главы!

Это все, что я хотел узнать от вас... Ах, еще одно слово: не знаете ли вы, где теперь должны находиться господин Эдмон Бартес и трое приближенных к нему лиц, присутствовавших при кончине Фо?

— Достоверно нет, но думаю, что они должны быть в эти минуты здесь, в Батавии, судя по письмам, полученным мной от них сегодня; там сказано даже, что я буду их видеть сегодня у вас на вечере.

— Очень хорошо! Я рад, что не пригласил к себе Ли Ванга и вашего соотечественника, который решительно не нравится мне... Наступает наконец момент, когда каждый должен получить по заслугам своим!

— Я должен вас предупредить, — сказал Ланжале, — что называющий себя маркизом де Сен-Фюрси достал официальную бумагу от здешних властей, дающую ему право арестовать тех, кого он считает бежавшими французскими преступниками; эту бумагу он всегда носит с собой и может каждую минуту арестовать всех бежавших из Нумеа, с Эдмоном Бартесом во главе, что, понимаете, было бы очень приятно этому господину Ли Вангу. Необходимо, таким образом, одно из двух: или чтобы наши Друзья немедленно скрылись отсюда, или сделать невозможным, чтобы господин де Сен-Фюрси вредил им... Я думаю, что вы, при вашем здесь влиянии, могли бы сделать что-нибудь ради нашей общей пользы.

— Нет, милостивый государь, я, как китаец, не могу ничего сделать против голландского закона, выдающего преступников французскому правительству; но есть другой способ действий: если бы, например,

господин де Сен-Фюрси вдруг лишился всех своих официальных бумаг, что бы тогда вышло?

— Тогда бы он оказался нулем в ожидании им новых бумаг из Европы.

— Мы бы имели время привести в порядок наши дела, не так ли?.. Очень хорошо! Вы говорили, кажется, что он свои бумаги носит постоянно с собой?

— Да, в маленьком портфельчике, который прячет в кармане у левой стороны груди.

— Этого с меня достаточно!

— Теперь, милостивый государь, вы можете присоединиться к прочим моим гостям, но сначала мне предстоит поблагодарить вас за громадную услугу, оказанную вами нашему Обществу, — услугу, дающую нам возможность действовать сообразно с чувством чести и справедливости». Позвольте мне предложить вам небольшой чек в английский банк — на память о себе и о нашем настоящем свидании. Это безделица, и ваш отказ принять его мне было бы очень прискорбно видеть!

Ланжале взял поданную бумагу и, откланявшись, бросил беглый взгляд на чек, пряча его в карман: на нем стояло сорок тысяч фунтов стерлингов. Китайский банкир отблагодарил его капиталом в миллион франков!

Как только Ланжале ушел, Лао Тсин кликнул своего верного слугу.

— Пошли сейчас же кого-нибудь за главарем воров.

— Слушаю-с!

— И веди его сюда. Я буду ждать его здесь.

— Слушаю-с, будет исполнено по желанию господина, и очень скоро, потому что он, по случаю Праздника, должен быть здесь близко!

— Тем лучше!

«О, я понимаю теперь, — сказал банкир вслух, оставшись один, — почему этот презренный так смело торговался со мной сегодня утром: он опирается на проклятые бумаги этого маркиза де Сен-Фюрси! Раз приемный сын Фо и три его советника будут арестованы как бежавшие из ссылки преступники, этот негодяй Ли Ванг достигнет своей цели, и волей-неволей придется признать его Квангом и подчиниться ему! Но теперь этому не бывать благодаря доброму и честному человеку, открывшему нам всю правду! Боюсь только, как бы они, наши друзья, не сделали бы какого-нибудь опрометчивого шага, прибыв в Батавию.

В эту минуту дверь отворилась, и вошел главарь воров. Он был высок, худ, как скелет, черен и весь вымазан кокосовым маслом, — чтобы легче ускользнуть из рук полицейских.

— Ты главарь воров? — спросил его банкир.

— Я самый, к вашим услугам, господин!

— Подойди ближе — я не могу говорить слишком громко. Главарь приблизился к Лао Тсину, который начал что-то говорить ему вполголоса, в ответ на что странный гость почтительно кивал головой. В заключение Лао Тсин спросил его:

— Понял?

— Все понял, господин!

— Хорошо! Теперь ступай и действуй! Если сделаешь как надо, — дам тебе столько, что хватит тебе на всю твою жизнь с семьей... А ты, — обратился банкир к доверенному слуге, — должен будешь немедленно вызвать меня сюда, когда он придет с ответом.

— Слушаюсь, господин.

И все трое вышли из павильона и разошлись в разные стороны.

Меры, принятые «маркизом де Сен-Фюрси». — Целый день бесплодных ожиданий. — Кого увидел Ли Ванг, отправившись на прогулку. — Кто будет смеяться последний? — По горячим следам.

Вы уже видели, что Лао Тсин потребовал от Ли Ванга некоторого времени для обсуждения его предложения и что Ли Ванг охотно согласился на это требование, считая банкира заранее своим. Но если Лао Тсин, разгадав намерения Ли Ванга, всеми силами старался оградить Общество Джонок от его покушения захватить в свои руки верховную власть, то должны ли мы думать, что Ли Ванг и его союзник Гроляр оставались бездейственными в ожидании вторичного свидания с банкиром, который, по их мнению, потому только взял отсрочку, чтобы не сразу выказать свою продажность?

Поверхностный наблюдатель мог бы, конечно, обмануться относительно этих двух лиц, но стоило только какой-нибудь час побыть в их обществе, чтобы вынести заключение, что они, ожидал решительного слова от банкира, тем не менее ничего не предоставляли воле случая, особенно Гроляр, получивший хороший урок в этом отношении во время пребывания своего в Сан-Франциско.

При других обстоятельствах Гроляру не понравилось бы, что он, «маркиз де Сен-Фюрси и член французского посольства, командированный по важному делу в Малайзию», не получил от батавского банкира приглашения на его раут, и сам банкир мог бы за это подвергнуться неприятности выслушать от высшей власти в Батавии замечание по поводу своей неделикатности в отношении к дружественной нации, одним из представителей которой является «уважаемый маркиз де Сен-Фюрси». Но в данном случае ничего подобного не было. Напротив, Гроляр даже предупредил Ли Ванга, чтобы тот не сделал ни малейшего намека на готовившийся раут, разговаривая с банкиром, потому что у него, Гроляра, нет времени присутствовать на этом вечере, — и Ли Ванг, как мы видели, беседуя с Лао Тсином, не обмолвился об этом «событии дня» ни одним словом.

У Гроляра действительно не было времени на посещение пышного праздника в Уютном Уголке: после визита к банкиру он немедленно отправился к генерал-губернатору острова Ява, который принял его с большим вниманием и тотчас же послал начальнику судебной власти

несколько предписаний, согласных с пожеланиями «маркиза де Сен-Фюрси». В силу этих предписаний было удвоено число полицейских при таможне, в порту, у здания Верховного Суда, у входа в Вельтвреден и на площади Дэндэльса. При первой же тревоге внушительное число охранителей порядка могло мгновенно явиться в любой из этих пунктов. Наконец, что было очень важно, целый полк морской пехоты был предупрежден и находился наготове в своих казармах.

Официального сообщения о бегстве из Нумеа девяти ссыльных, в числе которых находился и похититель французской коронной драгоценности, было достаточно, чтобы наэлектризовать всегда немного флегматичные голландские власти, направив их действия в желаемую сторону. Кроме того, «маркиз де Сен-Фюрси» намекнул на возможность получения, в награду за услуги французскому правительству, нескольких крестов Почетного Легиона.

Чтобы действовать с такой уверенностью, нужно было получить самые точные сведения о лицах, ожидаемых в Батавии. И действительно, не следовало ли даже логически заключить, без всяких сведений, что указанные лица непременно должны были прибыть в Батавию, где находился центр могущества их Общества и вся его казна, хранителем которой был банкир Лао Тсин? Дело, таким образом, касалось того, чтобы нанести всем эти» людям один общий и решительный удар, который дал бы возможность опомниться только тогда, когда они увидели бы себя окончательно побежденными, то есть очутились бы в руках своих врагов, от которых не могли бы уже ускользнуть ни силой, ни хитростью!

Все было рассчитано верно, и оставалось только узнать, когда именно и как эти люди прибудут в Батавию.

Следить за огромной массой всяких судов, постоянно приходивших в порт и уходивших из него, было очень трудно. Поэтому Гроляр, с согласия директора таможни, организовал между таможенными чиновниками целую систему шпионства, которое непременно должно было привести к желаемым результатам. Таможенные чиновники обещали зорко следить за всеми подозрительными судами, завязывая знакомство с их матросами за стаканом вина в тавернах и выведывая от них, есть ли китайцы на том или другом судне, прибывшем в порт. Если оказывалось, что китайцы на судне есть, то Ли Ванг немедленно отправлялся на указанное судно под каким-нибудь благовидным предлогом, где мог удостовериться, что эти китайцы — именно те лица, с которыми он два года тому назад совершил свою поездку в Париж, и сообщить Гроляру об этом.

Ни Ли Ванг, ни Гроляр и думать не могли, чтобы ожидаемые ими

китайцы решились приехать в Батавию на броненосце «Иен» или что кроме этого судна существует еще другое, называемое «Фо». Благодаря этому обстоятельству никто не обратил особенного внимания на прибытие в порт двух броненосцев под американским флагом, из которых один назывался «Калифорнией», а другой носил имя «Гудзон», причем командиром первого был капитан Уолтер Дигби, а вторым командовал капитан Фред Робинсон, оба — офицеры военного флота Соединенных Штатов.

В усердных наблюдениях за прибывающими судами прошел Целый день, не принеся никаких результатов, и только уже к вечеру Ли Ванг, уехав на берег единственно ради прогулки, вдруг неожиданно вернулся на борт «Бдительного» и вызвал к себе на пару слов «маркиза де Сен-Фюрси», сидевшего в этот момент за вистом в командирской каюта

— Победа, мой друг, победа! — сказал он своему союзнику. — Они теперь в наших руках!

— Что вы мне говорите?! — воскликнул Гроляр, не веря своим ушам.

— Истинную правду! Послушайте-ка, что я вам скажу. Только я вышел на берег, желая немного прогуляться, как вдруг вижу четырех каких-то моих соотечественников, которые, прибыв на берег в лодке, принадлежавшей одному из американских броненосцев, тотчас же отправились на вечер к банкиру Лао Тсину, в его загородный «Уголок». Конечно, они все были одеты в европейское платье, и один из них, молодой человек, совсем неизвестен мне, но в трех других я тотчас же узнал своих товарищей по путешествию в Европу и советников покойного Фо!

— Да верно ли это? — воскликнул еще раз Гроляр в неопишуемой радости. — Не обмануло ли вас ваше зрение?

— Нисколько, честью уверяю вас! Когда они садились в экипаж, чтобы ехать к Лао Тсину, мы были так близко друг от друга, что мне оставалось только поздороваться с ними! Но я был так поражен тем, что увидел, что не мог рта разинуть от изумления, а они разразились дружным хохотом, сопровождаемым несколькими фразами, которых я не мог понять.

— Хорошо! — решил Гроляр. — Теперь мы увидим, кому придется посмеяться последнему. Особенно важно то обстоятельство, что прибывшие гости не находятся более на борту американского броненосца, куда мы не имеем права входить; а раз они на берегу, значит, они подчинены местным законам и, значит, — мы их тотчас же можем накрыть, зная, где они находятся в данную минуту... Итак, я сию минуту еду к генеральному прокурору, чтобы сообщить ему об этом прибытии нужных нам лиц!

— Я с вами также, — объявил ему Ли Ванг, и оба союзника, попросив

у командира китоловку, отплыли в ней на берег.

Визит к генеральному прокурору. — Два часа ожидания. — Праздник у банкира. — Эбеновое кресло более не пустует. — «Привет мой Кванту!» — «Именем закона!» — Метаморфоза. — Два ареста. — Слово надежды

Выйдя из лодки на берег, Гроляр или Ванг тотчас же отправились к генеральному прокурору, жившему весьма недалеко от набережной. Всю дорогу они были так заняты разговором о предстоящем сюрпризе для их противников, что не заметили какого-то малайца, скользившего, как тень, следом за ними. Узнав, в чем дело, генеральный прокурор обещал, конечно, свое содействие и уступил желанию союзников, чтобы арест известных им лиц произошел на самом вечере у Лао Тсина. Это согласие, может быть, совпадало с тайным желанием блюстителя закона — показать могущество судебной власти перед многочисленным собранием представителей высшего общества Батавии.

— Вы можете как ни в чем не бывало отправиться к Лао Тсину, — сказал прокурор, — но я буду там не раньше чем через Два часа, потому что мне предстоит еще совершить несколько необходимых в этом случае формальностей, для которых всегда требуется немало времени.

Гроляр и Ли Ванг ушли от прокурора чрезвычайно довольные, нисколько не сетуя на двухчасовое промедление. Эти два часа они могли употребить на обстоятельное обсуждение плана своих будущих действий относительно банкира Лао Тсина: если их противники будут арестованы и преданы в руки французских властей, тогда разговоры с банкиром будут у них совсем другие, — тогда они смогут диктовать ему условия, а не он им, как это было до сих пор! Разговаривая таким образом, они незаметно для себя оказались на территории «Западного Отеля», не подозревая, что таинственный малаец продолжает следить за ними, никому не видимый под покровом темной южной ночи»

Между тем в Уютном Уголке банкира бал был уже в полном разгаре. В огромном зале, великолепно обставленном, играл оркестр из ста музыкантов — для танцоров, в которых недостатка не было. У стен было расставлено множество маленьких столиков для двух и четырех человек; столики были роскошно сервированы и снабжены в изобилии разными блюдами, горячими и холодными, смотря по вкусу каждого гостя. Два лакея, поставленные у каждого столика, служили тем, кто садился за них, исполняя скоро и точно малейшие желания гостей. Кроме того, особенные

лакеи разносили повсюду шампанское и разные прохладительные напитки, изобретенные богатой фантазией обитателей жаркого юга.

Необыкновенно живой вальс готов был уже кончиться, к неудовольствию ярых танцоров, и лакеи уже наполнили свои подносы разными прохладительными — для освежения вальсировавших, как вдруг наступило какое-то торжественное молчание: большое эбеновое кресло с серебряными инкрустациями, пустовавшее вот уже более двух лет, оказалось неожиданно занятым. В нем сидел, ко всеобщему изумлению, молодой китаец лет тридцати, с благородными манерами, очень красивый. И всем бросалось в глаза огромное золотое кольцо на указательном пальце его левой руки.

Кто был этот новый гость, — по всем признакам, очень важная личность, — которого окружали трое приближенных и которому служители-китайцы, проходя мимо, оказывали глубокое почтение?

В эту минуту толпа гостей расступилась перед кем-то.

Это был хозяин дома, уже знавший о появлении на его рауте важного лица и спешивший засвидетельствовать ему свое глубокое уважение. Подойдя к новому властелину, он преклонил перед ним одно колено, после чего, встав на ноги, с благоговением взял протянутую ему левую руку и приложился губами к золотому кольцу.

— Привет мой Квангу, нашему великому главе, которому клянусь моим вечным повиновением и послушанием до конца моих дней! — воскликнул с энтузиазмом банкир.

— Привет мой благородному и великодушному Лао Тсину, нашему другу и бывшему другу нашего, вечной памяти и уважения достойного, отца! — отвечал ему с ласковой улыбкой молодой человек.

Все гости занялись толками об этом событии, важном для китайцев, как вдруг в зале раздался громкий голос:

— Именем закона требую, чтобы никто не выходил отсюда! Удар молнии не был бы поразительнее и ужаснее этих слов, сказанных в самый разгар блестящего праздника, который исключал всякую мысль о чем-либо подобном!

Три раза повторены были эти слова, всякий раз медленно и отчетливо, с надлежащими интервалами, очевидно рассчитанными на эффект!

Лао Тсин мгновенно побледнел, прошептав сдавленным голосом:

— Этот негодный главарь воров ничего не сделал, и теперь все пропало!

Один лишь Кванг не растерялся: воспользовавшись общим вниманием, которое привлек к себе генеральный прокурор, торжественно

повторивший три раза свое «именем закона», он быстро встал с кресла и скрылся за его высокой спинкой; здесь он сбросил с себя китайский костюм, положил его под кресло, снял с руки кольцо, которое спрятал в жилетный карман, и оказался в блестящем форменном мундире капитана американского военного флота, с саблей на боку и с серебряным револьвером за поясом. Потом он надел на голову форменную фуражку, вышитую золотом, которую держал наготове в кармане мундира. Это превращение Кванга в американского моряка заняло не более одной минуты. В новом костюме Бартес, — это был он, — стал неузнаваем! Гости Лао Тсина, обратившие свои любопытные взоры опять на таинственное кресло, решительно недоумевали, куда мог деться важный молодой китаец, только что восседавший на нем.

Как раз в эту минуту послышались крики у подъезда: вероятно, подъехали новые гости, которые не могли без препятствий пробраться сквозь толпу жадных зевак, окружавших дворец банкира.

Наконец полицейские восстановили порядок, разогнав зевак направо и налево, и в зал вошли «маркиз де Сен-Фюрси» и Ли Ванг, в костюмах, порядком помятых давкой, но сияющие от удовольствия.

Увидев этих неожиданных и незваных гостей, банкир вспыхнул ненавистью, так ярко засветившейся в его глазах, что всякий, кто заметил бы ее, едва ли пожелал бы быть ее предметом... Но в ту же минуту лицо Лао Тсина выразило полное удовольствие, когда он узнал в одном из лакеев главаря воров, направляющегося к нему с подносом прохладительных напитков.

Сообразив, в чем дело, Лао Тсин зашел без всякого стеснения со спинку эбенового кресла, оказавшего уже услугу новому Квангу, принял там от импровизированного лакея портфель, который тот держал под подносом, и сунул его во внутренний карман своего китайского наряда. Потом, как ни в чем не бывало, банкир взял бокал с шербетом и начал отпивать его по капле, мешая в бокале ложечкой. Он даже простер свою находчивость до того, что велел поднести бокал превосходного шампанского генеральному прокурору, не найдя только нужным предложить то же самое двум ненавистным ему посетителям, которые отчаянно обмахивались от духоты носовыми платками.

Когда бокал был подан исполнителю закона, Лао Тсин обратился к нему с вопросом:

— Могу я узнать, чему обязан случаем видеть вас у себя не как уважаемого гостя, любезность которого всем известна, но как исполнителя закона?

— Лао Тсин, — отвечал важно и вместе с тем приветливо прокурор, — то, что я делаю в эти минуты, не исключает нисколько моего обычного уважения к вам... Несколько преступников бежали из французской колонии в Нумеа, и мне дано знать, что они находятся здесь, в Батавии; поэтому я признал сообразным с законом произвести розыск их между вашими уважаемыми гостями, среди которых они легко могут скрыться, пользуясь их многочисленностью.

Тут прокурор заметил подходящего к нему «маркиза де Сен-Фюрси» и сказал ему:

— Господин маркиз, потрудитесь указать нам среди этих почтенных посетителей тех, которые преступили закон нашего отечества.

— Вот они, я узнаю их! — воскликнул сыщик, указывая на трех китайцев, стоявших в толпе гостей. — Это китайцы Лу, Кванг и Чанг, бежавшие ссыльные из Нумеа, и я прошу вас, господин прокурор, немедленно арестовать их и отправить на французский фрегат «Бдительный» для предания их в руки французских властей!

— Господа, — обратился прокурор к трем китайцам, — что вы можете на это сказать?

— Мы не знаем этого человека и решительно не понимаем его обвинения, — был короткий ответ.

В толпе гостей послышался протест, так как все давно знали этих трех китайцев, всегда сопутствовавших прежнему важному гостю, восседавшему на вечерах банкира в эбеновом кресле.

Однако прокурор не обратил на это никакого внимания и, обернувшись к дверям в прихожую, сказал, немного возвысив голос:

— Стража, отведите этих трех человек под предварительный арест!.. Это все, господин маркиз де Сен-Фюрси?

— Нет, господин прокурор, вот еще четвертый! — воскликнул Гроляр, заметив среди посетителей и Бартеса. — Но я не ожидал, что увижу его в этом новом костюме, хотя он и способен на всякие переодевания и роли! Я прошу вас арестовать также и этого человека, потому что он не кто иной, как Эдмон Бартес, бежавший из той же французской колонии ссыльных!

— Что вы на это скажете? — спросил прокурор Бартеса.

— Этот человек лжет! — ответил с презрением «американец». — Я — Фредерик Робинсон, командир «Гудзона», военного судна, принадлежащего Соединенным Штатам, на что у меня имеются должные бумаги, хранящиеся в командирской каюте на судне.

— Все-таки я обязан подвергнуть вас предварительному аресту, до разбора вашего дела, — объявил ему прокурор.

— Я протестую, для чего обращаюсь к моему консулу! — энергично заявил «американский моряк».

— Запишите протест, пристав! — обратился прокурор к стоящему позади него чиновнику, после чего продолжал: — Завтра утром, милостивый государь, ваш консул решит ваше дело.

— Он называет себя американцем, — вмешался Гроляр, — хорошо! Заставьте его, господин прокурор, говорить по-английски, и мы увидим, осмелится ли он сделать это без опасения стать посмешищем всех находящихся здесь лиц, свободно владеющих этим языком!

Этот аргумент, непредвиденный, может быть, и Бартесом, произвел такое сильное впечатление на всех присутствующих в зале, что кое-где раздался смех как одобрение «маркизу де Сен-Фюрси», и Эдмон Бартес в роли американского моряка в эту минуту едва ли нашел бы себе какого-нибудь сторонника и защитника среди гостей банкира. Но прокурор обошел молчанием предложение парижского сыщика, найдя его, вероятно, не деликатным, и ограничился своим обычным вопросом, обращенным к Гроляру:

— Все ли теперь, господин маркиз?

— Все! — ответил тот. — Я не вижу более никого из известных мне лиц в этом зале.

— Стража! — заключил прокурор. — Отведите этих четырех человек в форт Хаутмана. Завтра их дело будет рассмотрено в заседании Высшего Суда, причем им предоставляется право выбрать себе защитников.

Лао Тсин мог бы поставить «маркиза де Сен-Фюрси» в большое затруднение, шепнув Бартесу, что у сыщика нет уже официальных бумаг, которые в давке у подъезда успел вытащить у него из кармана главарь воров, и Бартесу стоило бы тогда только спросить прокурора, на основании каких бумаг его арестуют, и потребовать, чтобы ему показали эти бумаги немедленно; тогда сыщик был бы на глазах у всех посрамлен за невозможность показать то, чего у него больше не было. Но Лао Тсин должен был отказаться от своей мысли, так как увидел в ней нечто опасное для себя и своих друзей: не найдя более с собой своих бумаг и вспомнив, что его порядочно помяли в давке у подъезда, Гроляр мог догадаться, в чем дело, и потребовать обыска у всех гостей, не исключая, конечно, и хозяина. И он решил, что лучше будет все отложить до завтра, когда соберется суд для разбора дела арестованных: тогда потребуют и от «маркиза де Сен-Фюрси» предъявления его официальных полномочий, — и вот тогда он будет торжественно и безвозвратно посрамлен! Его немедленно заподозрят в бесчестной интриге, в предъявлении в первый раз фальшивых бумаг,

которые он не смеет теперь вторично показать самому суду, — и ему останется только поскорее со стыдом уехать из Батавии! Наконец, нужно еще удостовериться, все ли необходимые бумаги находятся в похищенном портфеле? Все это надо рассмотреть на досуге, в уединении, и потом бросить в огонь добычу, представленную ему главарем воровской шайки.

Приняв такое решение, Лао Тсин ограничился тем, что шепнул арестованным, когда они проходили мимо:

— Не беспокойтесь, все кончится в нашу пользу.

XII

Генерал-губернатор, потревоженный среди ночи. — Предупредительная пушка и прокурор. — Птицы вылетели из клетки. — «Украл!» — Работа на телеграфной проволоке и что из этого вышло. — Упорные американцы. — «Что-то будет?»

— Что-то будет завтра?! — восклицал каждый, бывший свидетелем внезапного ареста трех китайцев и американского капитана Фреда Робинсона. Но оказалось, что о завтрашнем дне рано было думать, — ночь готовила еще сюрприз, и даже более громкий, чем только что совершившийся арест четырех названных лиц.

Когда Уолтер Дигби, командир другого американского броненосца, узнал об аресте своего товарища, он пришел в страшную ярость и тотчас же приступил к решительным мерам: заступив на место арестованного командира «Гудзона», он велел приготовить к атаке оба броненосца и сначала отправился к американскому консулу, которого разбудил насильно и повел с собой к генерал-губернатору. Войдя затем и к нему точно так же, несмотря ни на что и не дав ему времени даже одеться порядком, он сказал этому сановнику голосом, полным негодования, и без всяких церемоний и титулов, принятых в подобных случаях:

— Милостивый государь, вы арестовали моего товарища Фреда Робинсона, командира броненосца «Гудзон». Хорошо! Я вам даю четверть часа для освобождения его из-под ареста, — четверть часа, по истечении которых, в случае вашего отказа, вернусь на свое судно, а потом еще четверть часа на размышление вам. Если после этого срока товарищ мой не будет освобожден, — ваша Батавия будет сожжена, и от нее не останется камня на камне!

— Но, капитан, — ответил опешивший генерал-губернатор, — должен подчиняться требованиям закона...

— Нужда меняет закон! — возразил американский моряк.

— Милостивый государь, — сказал с достоинством голландский сановник, — прошу вас помнить, что вы у меня и что у меня есть средство заставить уважать власть в моем лице.

— Я также не лишен этого средства: я прибыл на берег с экипажем, вооруженным с ног до головы, и одного моего свистка вот в это окно достаточно будет, чтобы две дюжины вооруженных матросов в две минуты овладели вашим дворцом!

И Уолтер Дигби подошел к окну, распахнув его настежь.

— Поступайте, как вам будет угодно, — решил генерал-губернатор, — но я не намерен подчиняться насилию с вашей стороны,

— В таком случае прощайте, господин генерал-губернатор! Четверть часа уже прошло...

С этими словами американец удалился в сопровождении своего консула, сделав на этот раз вежливый реверанс генерал-губернатору, который все еще не мог вполне опомниться от чрезвычайной неожиданности.

Представитель власти ответил так американцу потому, что желал соблюсти свое достоинство, сильно задетое бесцеремонностью и даже грубостью Уолтера Дигби, но на самом деле решил уступить, освободив арестованного командира «Гудзона». Он тотчас же по уходу Дигби послал за генеральным прокурором, которому приказал немедленно освободить из-под ареста Фреда Робинсона и тут же, кстати, сделал ревнителю закона строгое замечание касательно его излишнего усердия в этом деле.

— Ваше превосходительство, — попытался было возразить ему прокурор, — позвольте мне объяснить вам...

— Не время теперь объясняться! — перебил его генерал-губернатор. — Неужели вы хотите, чтобы сожгли Батавию? Ведь для этого довольно каких-нибудь десяти минут! Извольте сию же минуту исполнить мое приказание!

Между тем Уолтер Дигби, вернувшись на свое судно, велел сделать предупредительный выстрел, после которого, в случае неисполнения его требования, должна была начаться бомбардировка города.

Это предупреждение так подействовало на бедного прокурора, что он, потеряв совсем голову, бросился сам в форт Хаутмана — из боязни, чтобы его распоряжение об отмене ареста не поняли как-нибудь иначе.

— Вы свободны! — сказал он, запыхавшись, Фреду Робинсону, то есть Эдмону Бартесу.

— А трое китайцев, моих друзей?

— Освобождение касается только вас, милостивый государь»

— В таком случае я остаюсь под арестом, — объявил твердо Бартес.

— Несчастный! — воскликнул вне себя прокурор. — Вы хотите непременно сжечь наш город своим упрямством!

— Что мне за дело до вашего города! Я уйду отсюда со своими друзьями или останусь здесь с ними!

— Ах, что за упрямцы эти американцы! Это Бог знает что! Ну уходите все отсюда, все четверо, только, ради Создателя, поскорее, иначе одного

ядра достаточно будет, чтобы зажечь весь город!

«Ну, не совсем легкое это дело!» — подумал с улыбкой Бартес; но ему стало жаль бедного ревнителя закона, с таким апломбом священнодействовавшего на вечере у Лао Тсина, а теперь имевшего очень угнетенный вид, и он, не медля ни минуты, ушел с китайцами из форта на свое судно. Он знал к тому же, что Уолтер Дигби шутить не любит и способен буквально выполнить свою угрозу, пустив в дело все орудия обоих броненосцев.

И вовремя: оба судна были освещены до высоты мачт, как освещаются только в чрезвычайных случаях, и офицеры стояли уже на своих местах, готовые начать огонь по первому сигналу командира.

Бартес поспешил дать свисток, на который в ту же минуту последовал ответный сигнал с борта «Калифорнии».

— Дело кончено, — сказал он прокурору, — и вы теперь спокойно можете спать.

Но прокурор не последовал этому совету, а поспешил к генерал-губернатору дать ему отчет в своих действиях.

— Гм! — сказал тот, выслушав своего подчиненного. — Так вы освободили и китайцев?

— Что было делать, ваше превосходительство, с этим дьяволом? Промедли я хоть одну минуту — и на нас грянул бы дождь ядер!

— Так-то так! Но не было бы у нас завтра дела с французским чиновником! — заметил генерал-губернатор, покусывая свои седые усы.

— Я надеюсь, что ничего не будет, — отвечал с уверенностью прокурор, — потому что одно дело пушки, и иное дело дипломатия, которая спешить не любит. Да, наконец, мы ведь не имеем прямого требования от французского правительства о выдаче ему именно этих лиц.

— Положим, что вы отчасти правы, — согласился генерал-губернатор, — но во всяком случае я бы вам советовал потушить это дело.

— Я того же мнения, ваше превосходительство! Я сейчас же приму необходимые меры.

— Это единственный способ удовлетворить всех, поверьте моей опытности, — сказал в заключение генерал-губернатор. — Ну, а теперь — до свидания! Идите с Богом, господин прокурор, вы вполне заслужили свой покой.

Прокурор откланялся, но дома всю ночь не мог уснуть, думая об упреках «маркиза де Сен-Фюрси», которые он предвидел на утро следующего дня. Наученный горьким опытом, он дал себе слово — никогда более не брать на себя подобного рода дел...

Так или иначе, но Бартес, несмотря на счастливый оборот дела, напрасно торжествовал свою победу над личностью, к которой переходим мы теперь: он имел дело с тонким и изворотливым, поистине гениальным сыщиком, который никогда не терялся, никогда не отчаивался, как бы ни был он обескуражен; напротив, после каждого поражения он становился еще опаснее своими хитросплетенными замыслами и комбинациями.

Так было и теперь: узнав на другой день о том, что случилось ночью, он принял известие о своей неудаче, по-видимому, спокойно и равнодушно выслушал соболезнование командира «Бдительного», сказавшего ему:

— Ну, мой бедный маркиз, эти каналы американцы сделали вам, кажется, полный шах и мат!

— Да, господин командир! — ответил он со стиснутыми от холодного бешенства зубами. — Но подождем конца: это так же, как и в висте, где хорошие игроки никогда не пасуют от первых неудачных ходов.

Однако, войдя к себе в каюту, чтобы пересмотреть свои бумаги, Гроляр был не на шутку озадачен, не найдя при себе портфеля, где они хранились. Он бросился к своему чемодану, потом к ящику в столе и к постели, — но бумаг нигде не оказалось.

— Украли! Ясное дело, что украли! — глухо воскликнул он в заключение, с опущенными руками и побледневшим лицом.

Теперь враги отняли у него все оружие, которым он был так силен, и вот когда они могут праздновать свою победу над ним, так как теперь он бессилён, теперь он почти ничто!. Но кто нанес ему это страшный удар?.. Гроляр не долго искал ответ: это должен быть Лао Тсин! Да, непременно он! Он ведь могущественен здесь со своими миллионами, и ему очень легко было все это устроить, потому что к услугам богача все и каждый, а особенно воры!.. Гроляр остановился на ворах и сообразил, как это могло случиться, что у него выудили из кармана портфель: он припомнил давку и толчки, которым подвергся при входе в особняк банкира. Да, именно в эти минуты и вытащили у него портфель с бумагами!

Опомнившись от неожиданности, сыщик поспешил к прокурору и, равнодушно выслушав его извинения, условился с ним о том, что дело не следует представлять в суд, под предлогом неимения будто бы «дополнительных справок» (о выпуске на свободу арестованных решено было молчать).

Побывав у прокурора, «маркиз де Сен-Фюрси» отправился затем на телеграфную станцию и заставил все утро работать телеграфную проволоку между Батавией и Сингапуром» В этом заключалось мщение, которое он готовил своим врагам...

Шесть дней спустя после того на бирже Батавии красовалась следующая телеграмма, полученная от Вашингтонского правительства:

В военном флоте Соединенных Штатов не существует судов под именами «Гудзон» и «Калифорния», равно как и командиров под именами и фамилиями Уолтер Дигби и Фред Робинсон. Поэтому означенные суда и их командиры, явившиеся в Батавский порт, должны считаться пиратами, подлежащими изгнанию из всех стран цивилизованного мира.

Барнард, секретарь министерства Военного и Морского, Вашингтон

В телеграмме имелась еще секретная часть, которую американский консул не счел нужным опубликовать: в ней было сказано, что американская эскадра, шедшая из Гонконга, получила приказ присоединиться к английской, бывшей там же, и к французскому фрегату «Бдительный», чтобы вместе с ним овладеть упомянутыми двумя судами и привести их в Малакку, где они будут подвергнуты международному морскому суду.

Можно судить о повсеместной сенсации, произведенной этой телеграммой!

Все жители Батавии с нетерпением ожидали шести часов вечера того же дня: в этот час офицеры обоих американских броненосцев имели обыкновение обедать в «Восточном Отеле». Неужели они и сегодня, после этой телеграммы, приедут туда со своих броненосцев, как ни в чем не бывало?

И что же? Не подошла еще часовая стрелка к шести, как американские шлюпки по обыкновению отчалили от своих броненосцев! Только теперь они были вооружены пушками и в них сидел многочисленный экипаж.

Все офицеры были налицо, и во главе их два командира, важные и спокойные, с сигарами в зубах, но без всякого вызывающего, фанфаронского вида.

Зрители усыпали всю набережную, и когда приставшие к берегу американские моряки в стройном порядке стали выходить на нее, среди толпы послышались дружные аплодисменты, потому что публика — всюду публика, и везде она любит признаки молодечества и отваги.

Американцы в том же порядке отправились на террасу «Восточного Отеля», где к их услугам были уже сервированы столы.

Но не прошло и пяти минут, как тут же явился адъютант генерал-губернатора с требованием, чтобы они удалились на свои суда.

— Скажите тому, кто вас послал, — ответил ему один из командиров, — что мы здесь в свободной стране и будем делать то, что нам нравится, тем более что мы не нарушаем законов... А если употребят

против нас силу — ну, тогда мы увидим, что нам делать! За стол, господа!

И говорящий отвернулся от адъютанта. Избегая рокового столкновения, их оставили в покое на этот день, но на следующий были приняты энергичные меры: к четырем часам пополудни полк и две артиллерийские батареи были выстроены вдоль набережной, и полковник, командовавший ими, получил приказ не пускать американских моряков на берег, а в случае насилия с их стороны — стрелять в них как в неприятеля.

Зрители опять собрались на набережной в огромном количестве — чуть не весь город.

В шесть часов без десяти минут опять те же шлюпки отплыли от своих броненосцев, быстро направляясь к берегу.

Словно волна побежала по толпе. Здесь и там слышались сдержанные восклицания. Что-то будет? Чем-то все это кончится?

XIII

Скомпрометированный сановник. — Возобновление недавней беседы. — Рискованная партия. — Клятва Буддой. — Прижатый к стене. — Конец партии.

На другой день после раута у Лао Тсина и сопровождавших его событий Ли Ванг и неразлучный его спутник Гроляр отправились вместе к банкиру для дальнейших совещаний. Видя свои планы разрушенными, они теперь решили стараться всякими уступками заслужить расположение Лао Тсина и склонить его на свою сторону.

Лао Тсин как раз в это время был занят серьезным разговором с Бартесом и его другом, Гастоном де Ла Жонкьером, который все еще гостил на «Иене». Получив известие о приходе Ли Ванга, он попросил своих друзей перейти в боковую, смежную с приемной, комнату, предвидя, что беседа с новыми посетителями будет иметь важное значение для планов обоих молодых людей. Дело в том, что отец Гастона де Ла Жонкьера был хранителем драгоценностей французской короны и, вследствие пропажи «Регента», чувствовал себя до некоторой степени скомпрометированным, хотя для всякого было ясно, что хранитель тут ни при чем. Пытаясь всеми возможными для него способами восстановить свою репутацию, он послал в поиски за «Регентом» сына, надеясь на его ловкость и находчивость, результатом которых могло быть не только восстановление чести отца, но и сохранение за ним места, дававшего ему главные средства к жизни.

Для самого Гастона дело это имело еще и другой интерес: в случае удачного его окончания он мог считать место отца, после смерти его, за собой, что было ему обещано еще задолго до пропажи драгоценности.

Случайно встретившись с Бартесом в Сан-Франциско, Гастон открыл ему свое тайное поручение, и Бартес обещал другу помочь в его розысках, надеясь на свое влияние в качестве Кванга...

Об этом-то и беседовали хозяин и его молодые друзья, когда слуга доложил о приходе Ли Ванга и «маркиза де Сен-Фюрси», подав на подносе их карточки.

— Я вас ожидал, — вежливо сказал банкир своему соотечественнику, — хотя события прошлой ночи изменили, может быть, ваши планы.

«Негодяй, он смеется над нами! — подумал полицейский сыщик. — Ну, мы еще посмотрим, кому придется смеяться последним!»

— Я сознаю, — ответил скромно Ли Ванг, — что случившееся действительно дало вам перевес над нами и что теперь мы во всем зависим от вашего усмотрения. Теперь ваша воля — закон для нас! Я бы только просил вас ответить нам прямо и откровенно, а именно: если вы против нас, нам остается тогда одно — удалиться; если же вы предполагаете помочь нам, то объявите нам ваши условия и, главное, скажите мне, можете ли вы провозгласить меня Квангом, а если можете, то что я должен для этого сделать? Я думаю, что знак этого звания, кольцо, находится в руках китайцев, которых арестовали было в прошлую ночь, но захотят ли они расстаться с ним?

— Оставим пока это в стороне, — сказал Лао Тсин, — и лучше поговорим о деле серьезно. Вы желаете быть Квангом — хорошо; я ищу кандидата, способного занять это высокое место, и, таким образом, мы можем сойтись. Но теперь выслушайте меня и запомните хорошенько, что я вам скажу: при малейшей неискренности в ваших ответах на вопросы, которые я буду предлагать вам, я прерву нашу беседу, и тогда все между нами будет кончено. Не думайте, что я буду хитрить с вами, выведывая от вас то, что мне неизвестно: нет, я все знаю, понимаете — все, и хочу только убедиться в вашей порядочности и честности. Не думайте также и вы хитрить со мной, прибегая к разным изворотам и уверткам: я их тотчас же замечу, но не возьму на себя труда даже сказать вам об этом, — я просто встану с места, ударю вот в этот гонг и скажу явившемуся служителю: «Проводи этих господ!» Заметьте раз навсегда, что искренность и правдивость — это неотъемлемые достоинства и преимущества Кванга, которые привязывают к нему людей прочнее всякой власти и авторитета». Итак, если вы меня поняли, то к делу! Даю вам пять минут, чтобы посоветоваться с вашей совестью и подготовиться к ответам на мои вопросы.

Видя, какой оборот принимает совещание с Лао Тсином, Гроляр нашел, что ему следует также пойти напрямик, и с бесцеремонностью полицейского, оберегающего только свой интерес, спросил банкира:

— А какова будет моя роль при этом, и в чем может заключаться моя выгода? Если он сделается Квангом без моего содействия, исполнит ли он обещание, данное мне?

— Ваша роль, господин посланник, будет состоять в том, что вы будете слушать все, что скажет мне господин Ли Ванг, — ответил ему Лао Тсин, — хотя я боюсь, что относительно некоторых обстоятельств он не решится быть откровенным в вашем присутствии. Но тем хуже будет для Ли Ванга, — он знает, что ждет его в таком случае: полное крушение всех

ваших проектов!

Затем, обратившись к своему соотечественнику, банкир прибавил:

— Ну-с, так даю вам обещанные пять минут на размышление! С этими словами Лао Тсин зажег сигару и вышел из комнаты — к своим друзьям.

— Игра, которую я начал в этот момент, может быть неблагоразумна, — сказал он Гастону де Ла Жонкьеру, — но зато, если она удастся мне, все ваши заботы будут кончены. Я вам пока ничего больше не скажу, прошу вас только потерпеть немного и довериться моей опытности.

И он снова отправился к Ли Вангу и Гроляру.

— Пять минут прошли, — объявил он, входя к ним. — Готовы ли вы отвечать мне, господин Ли Ванг?

— Я должен сказать вам предварительно несколько слов, — ответил тот. — Ведь наградой за мою откровенность будет звание Кванга, не так ли?

— Без сомнения! И так как вы желаете быть откровенным и прямым со мной, то поклянитесь мне в том Буддой, по нашему китайскому обычаю.

Тут банкир вынул из маленького золотого ящичка статуэтку Будды» сделанную также из золота, и поставил ее на стол перед Ли Вангом.

Последний встал и торжественно произнес следующую формулу на китайском языке:

— Клянусь Буддой, властелином Вселенной, в котором все сосредоточивается и кончается, что мои уста будут говорить только правду! И если я нарушу эту клятву, пусть моя душа, прежде чем возвратит себе человеческое достоинство, возрождается, в продолжение миллионов поколений, в телах разных нечистых тварей, питающихся одними трупами!

— Будда принял твою клятву! — заключил, также по-китайски, банкир.

— Позвольте ли вы мне обдумывать каждый ваш вопрос? — спросил, снова по-французски, Ли Ванг.

— Это ваше право, — успокоил его Лао Тсин.

Первый вопрос, который готовился предложить ему банкир, был так важен, что сразу мог определить, будет ли он иметь успех в начатой им партии или нет. Банкир спросил:

— Скажите мне, по какому побуждению пробыли вы десять дней в Константинополе, возвращаясь из Парижа со скипетром Хуан-ди и с коронной французской драгоценностью под названием «Регент»?

Ли Ванг вздрогнул и почувствовал себя как будто бы в неожиданной ловушке. Следовало ли ему сказать всю правду? И что подумает о нем

маркиз де Сен-Фюрси в таком случае? Лао Тсин, может быть, не знает, что именно побудило его пробыть некоторое время в Константинополе?» Но тогда зачем предложил он ему этот вопрос?..

И он начал свой ответ наудачу, не зная, к чему он приведет его, и решившись довериться вдохновению минуты.

— Я остановился в Константинополе, — сказал он, — сначала для того, чтобы сбить с толку тех, кто мог следить за мной...

Тут Ли Ванг внезапно умолк, ища, очевидно, нужные ему слова, но не находя их.

— Вы остановились сначала... — повторил его слова банкир. — Это «сначала» есть один из тех окольных путей в разговоре, о которых я вас предупреждал, предлагая не пользоваться ими; но так как это «сначала» ведет за собой «потом», то я вам извиняю его и прошу вас продолжать. Итак, «потом» вы остановились для того, чтобы... Ну, говорите, иначе будет поздно — минута ведь почти прошла! Не думайте, что имеете дело с человеком, который задает вам вопросы зря.

С этими словами, ясно показывающими, что банкир желает вполне удовлетворительного ответа на свой первый вопрос, Лао Тсин встал и направился к гонгу, чтобы позвать слугу.

— Отвечайте же! — вмешался тут Гроляр с такой энергией словно бы он понял всю важность для себя ожидаемого ответа.

Лао Тсин уже поднял руку для удара в гонг, когда Ли Ванг встал тоже и, не зная, что ему делать, попытался окончить свой ответ:

— А потом для того, чтобы побывать у местных ювелиров, которые пользуются большой известностью на всем Востоке.

И он опять остановился.

Лао Тсин, с часами в левой руке, не отходил от гонга. Ли Ванг смотрел на него растерянным взглядом и, увидев, что правая рука банкира снова потянулась к гонгу, продолжал с напускной развязностью:

— Я хотел, чтобы они оценили скипетр Хуан-ди и «Регент», так как сомневался, не слишком ли преувеличена стоимость этих драгоценностей...

И он еще раз прервал свою речь, а банкир еще раз поднял правую руку.

— Мне пришла мысль, — опять продолжал Ли Ванг, — сохранить живое воспоминание о «Регенте», и с этой целью я заказал одному ювелиру имитацию его... Ювелир приходил работать ко мне, но я не позволял ему даже прикасаться к драгоценности, которую он мог видеть только сквозь стеклянные стенки ящика, крепко запертого... Работа, однако же, удалась отлично, так что нужен самый опытный эксперт, чтобы отличить

настоящую вещь от поддельной...

— А потом что было? — спросил Лао Тсин.

— В Константинополе ничего не было потом, — заключил Ли Ванг, очевидно, прибегая снова к окольному пути.

— Так!.. Но а в Пекине, например?

— Формулируйте ваш вопрос яснее.

— Когда вы представили обе драгоценности императрице, не заметили ли вы чего-нибудь, возвратясь из дворца к себе?

Лао Тсин словно парализовал этим вопросом и пристальным взглядом Ли Ванга, который, совершенно растерявшись, не мог, казалось, произнести ни слова более.

Банкир как будто сжалился над ним и мягко сказал:

— Хорошо, я вам помогу в вашем ответе, так что вам останется только сказать — да или нет... Вы были так взволнованы предстоящим свиданием с императрицей, что перепутали два ящика, заключавшие в себе «Регент» и его имитацию, и вместо первого представили ей второй... Так ведь, да?

— Да, — подтвердил Ли Ванг, имевший теперь самый жалкий вид: зачем ему теперь скрывать правду, когда Лао Тсин знает все?

Но он ошибался: Лао Тсин не знал, а только предполагал правду, которую уловил еще вчера, когда Ли Ванг покраснел при его неожиданном вопросе относительно «Регента»; сегодня же это предположение оказалось верным, и в этом заключался весь секрет, уничтоживший Ли Ванга!

«Ах, мошенник! Жалкий вор!» — воскликнул про себя Гроляр, выслушав это признание в подмене знаменитой драгоценности, ради которой он уже два года странствовал по Востоку, подвергаясь разным случайностям, вынося всякие обиды. Но он удержался от громкого восклицания, помня, что драгоценная вещь еще не в его руках и что ему предстоит еще самое трудное дело — получить ее от союзника. Согласится ли он теперь на это, теперь, когда дело приняло такой неожиданный оборот?

— Ну, вот и все! — заключил, насмешливо улыбаясь, Лао Тсин. — Все, мой милейший Ли Ванг! Вы видите сами, что хуже этого ничего не могло быть. И вы еще претендуете на звание главы могущественнейшего в мире общества? Что же, приветствую будущего Короля Смерти!

XIV

Конец беседы, венчающей дело. — Появление «Регента» на свет Божий. — Сборы в путь-дорогу. — Уговор с полицейским. — Безумная радость. — Пушки заговорили.

Как я должен понять ваши последние слова? — спросил Ли Ванг, почувствовав, что банкир осуждает его образ действий по возвращении в Пекин. — В прямом их смысле, милейший мой Ли Ванг, в прямом смысле, — отвечал банкир, — потому что ваша вина искупается вашей откровенностью... «к которой я принудил тебя!» — подумал про себя Лао Тсин.

Ли Ванг, уже считавший свое дело проигранным, быстро ободрился, так как банкир говорил и смотрел серьезно, без всяких признаков издевательства над ним. Видя такой оборот дела, Гроляр счел наконец уместным повести речь о передаче ему «Регента», в чем он не сомневался более и о чем у них давно заключен был договор с Ли Вангом, но Лао Тсин предупредил его:

— Теперь, милейший мой, — сказал он, обращаясь к Ли Ванту, — вам остается только передать мне на хранение драгоценность, которую вы должны вручить господину де Сен-Фюрси в день вашего избрания главой могущественного общества... Или вы, может быть, предпочли бы вручить ее маркизу сейчас, в моем присутствии?

Гроляр увидел, что дело его очень близко к счастливой развязке, и обрадовался, а Лао Тсин между тем продолжал:

— Итак, мой друг, а в скором времени — ваша светлость, исполните это последнее дело. Не отговаривайтесь неимением драгоценности при себе, потому что подобной вещи никогда не оставляют дома, а держат в надежном кармане своего костюма и день и ночь, не расставаясь с ней ни на минуту. Если же вы станете утверждать, после ваших признаний, противное, то ведь это будет ложь, вследствие чего я, к сожалению, вынужден буду прервать всяческие отношения с вами.

Угроза подействовала, и Ли Ванг волей-неволей достал из внутреннего кармана своего нижнего платья, недоступного для самого ловкого вора, маленький ящичек, тщательно запертый крепким и хитрым замком; крышка его была хрустальная, и сквозь нее виден был великолепный «Регент», засверкавший при появлении на свет Божий всеми цветами радуга.

Гроляр протянул было к нему руки, но банкир, вежливо отстранив их, сказал:

— Сделаем все по порядку. Конечно, между вами существует уговор, который следует исполнить; но сначала надо узнать, предпочитает ли господин Ли Ванг исполнить его немедленно, сейчас же, или желает, может быть, подождать, как это и было условлено, того времени, когда осуществится его цель, то есть когда он сделается главой нашего общества. Это не заставит себя долго ждать, и у меня уже готов способ, который я укажу ему, — способ разыскания ящика, где хранится «кольцо власти», и провозглашения им себя Квангом — на острове, служащем резиденцией всех Квангов.

Услышав это, Ли Ванг протянул руку с «Регентом» банкиру, который и взял драгоценность спокойно, без всякой поспешности, словно самую обыкновенную вещь.

— Надеюсь, — сказал дрожащим от волнения голосом претендент на звание Кванга, — надеюсь, что вы мне, Лао Тсин, возвратите это сокровище в случае моей неудачи на выборах.

— Разумеется, мой друг и будущий Кванг! — успокоил его Лао Тсин. — В этом невероятном случае я исполню свой долг, возвратив «Регент» вам, а вы уж поступите с маркизом так, как считаете нужным, — это уже не будет меня касаться.

Такое решение, конечно, не могло понравиться Гроляру, но он не стал спорить, рассудив, что если, в конце концов, он не получит

«Регент» от китайцев, то у него всегда найдется средство забрать его у них законным путем, обратившись к содействию голландских властей.

Банкир же между тем думал, глядя на своих посетителей: «Нет, господа, не вам придется возвратить коронную драгоценность французскому правительству! Я в этом деле вижу хорошее средство для Бартеса заслужить расположение властей его родины, хотя он, живя среди нас, и не нуждается в нем, и с помощью богатств, которые скоро поступят в его распоряжение, сможет должным образом отомстить своим врагам, опозорившим его и пославшим в ссылку как последнего вора... Как ужасна эта история, которую он рассказал мне, и как его бедный отец должен был жестоко страдать от нее...»

Лао Тсин вспомнил, что и он был отцом двух сыновей, погибших в расцвете лет, и это воспоминание вызвало слезы на его глаза, задумчиво смотревшие в пространство и не замечавшие более собеседников.

Вдруг вошел Саранга, и банкир поневоле должен был вернуться к действительности.

— Это ты, мой верный Саранга? Так ты уже готов?

— Да, господин!

— Хорошо! Вот это — те два джентльмена, которых ты должен проводить к гротам Мары.

Малаец вздрогнул и посмотрел на Ли Ванга и Гроляра как на приговоренных к смерти, но лицо его не выдало ощущений, овладевших им в эту минуту: воля его господина была для него законом, не допускавшим никаких ни размышлений, ни возражений.

— В саду, господин, — заметил малаец, — четверо иностранных матросов ожидают ваших приказаний.

— Хорошо. Через несколько минут ты узнаешь о времени своего отъезда.

Саранга поклонился и вышел, а Лао Тсин сказал Ли Вангу и Гроляру:

— Извините, господа, личные воспоминания заставили меня отклониться от нашего дела, но теперь мы возвратимся к нему.

— Лао Тсин, — перебил его Ли Ванг тем же лихорадочным, беспокойным голосом, — я жду исполнения ваших обещаний!

— Оно не замедлит, — ответил банкир, — мне остается только сказать вам: все приготовлено для вашего путешествия. Когда вы Желаете ехать?

— Сегодня вечером! Сейчас даже!

— Час отъезда зависит от вас. Яхта, на которой вы отправитесь, уже под парами, а вместо китайского экипажа я попросил командира «Калифорнии» отпустить четырех матросов с его суд. на, которые вполне опытны в плавании как под парами, так и под парусами; затем, к вашим услугам малаец Саранга, сделавший в качестве лоцмана более пятидесяти путешествий туда и обратно... Наконец, вот последнее: потрудитесь получить эту записку оставленную покойным Фо, с помощью которой вы пройдете и на остров, и во дворец Квангов, и отыщете ящик с «кольцом власти». С этими словами банкир подал Ли Вангу большой сверток шелковой бумаги и пергамента, который тот взял обеими руками, дрожа от радости.

— Сколько нужно времени, чтобы быть там? — нетерпеливо спросил он.

— Четыре или пять дней.

— Хорошо, Лао Тсин! Я еду вечером, после захода солнца.

— Мы едем, Ли Ванг! — поправил его Гроляр. — Я не должен ни на минуту разлучаться с вами до того момента, когда исполнятся все ваши желания, а вместе с ними исполнятся, конечно, и мои!

— Это невозможно! — воскликнул Ли Ванг. — Я бы, разумеется,

охотно взял вас с собой, но там, на острове, не имеет права показываться никто, не принадлежащий к нашему обществу.

— Это верно, — подтвердил банкир, — и у входа, ведущего на самый остров, должен будет высадиться лишь один Ли Ванг, который туда и проникнет; но вы, маркиз, можете подождать его возвращения в лодке, в которой довезет вас обоих до входа на остров один Саранга, так как на яхте невозможно будет пройти туда.

Оба союзника согласились с этим планом и ушли от Лао Тсина, довольные и собой, и им, хотя и не без некоторых сомнений и сожалений, относившихся исключительно к великолепному «Регенту»: один жалел, что должен был расстаться с ним, другому не менее жаль было видеть, что он не попал к нему в руки.

Когда они уходили, банкир сказал Гроляру:

— Милостивый государь, вы не можете понять моих симпатий к бежавшим из Нумеа ссыльным, которых вы чуть было не предали вчера французскому правительству, не вмешайся в дело Уолтер Дигби, настоящий американец на этот раз; но вы теперь откажетесь от ваших дальнейших действий в этом роде, иначе ни за что не получите драгоценности, о которой хлопочете.

— Но, милостивый государь, мой долг...

— Э! — перебил его банкир. — Я понимаю, что всякий долг соединен бывает с разными печальными необходимостями, но случается нередко, что чувство гуманности берет перевес и диктует нам свой образ действий.

— Посмотрю, что я могу сделать для ваших друзей, — важно сказал Гроляр, — может быть, мне удастся добиться от моего правительства некоторого смягчения их участи; но во всяком случае я не могу отказаться от миссии, возложенной им на меня, потому что это равносильно измене, а изменником своему отечеству я не желаю быть, да и вы не можете этого требовать от меня

— Пусть будет так, господин маркиз, — согласился Лао Тсин. — го пеняйте потом на себя за то, что может случиться впоследствии, так как я не перестану ограждать моих друзей от ваших покушений на их свободу, и вы могли уже видеть, успеваю ли я в этом, — это ограждение я считаю также своим долгом. Во всяком случае, на несколько месяцев они свободны от ваших покушений.

— Вы намекаете на кражу у меня моих бумаг?

— Да, это по моему желанию их украли у вас.

— Я так и думал! Но тогда, значит, мы идем с вами не к миру, а к войне, а в этом случае я предоставляю себе полную свободу действий,

которая не может быть выгодна для вас!

— Как вам будет угодно. Прошу только помнить, что во всякой борьбе удары падают безразлично на всех, направо и налево.

— Благодарю за напоминание! А относительно «Регента» я ничего не боюсь: у меня ваше слово, милостивый государь, и к одному делу мы не будем примешивать другого.

С этими словами Гроляр важно раскланялся и ушел, полный достоинства и самого выгодного мнения о своей личности: из простого полицейского он начинал формироваться в дипломата, и, как казалось ему, не без успеха.

Оставшись один, банкир кликнул Сарангу и сказал ему:

— Видел этого иностранца, который поедет с Ли Вангом?

— Да, господин!

— Ну, — продолжал Лао Тсин, понизив голос, — если он тоже захочет ехать с ним в гроты Мары, — пусть себе, не мешай ему.

— Понимаю, господин! — просто сказал малаец, смотря на своего господина глубоким взглядом больших черных глаз.

Через некоторое время в кабинет Лао Тсина вошли Бартес и Гастон де Ла Жонкьер.

— Ну-с, — спросил первый, — удалось ли вам добиться чего-нибудь?

— Вот «Регент», — отвечал банкир, подавая его Гастону. — Он ли это самый?

Молодой человек обезумел от радости: схватив драгоценность, он принялся петь, кричать и танцевать, не помня ни себя, ни тех, кто был с ним! Вот когда честь его отца восстановлена, а вместе с ней обеспечена и участь всего семейства! Теперь все невзгоды прошли, и они заживут обеспеченной и спокойной жизнью!

Когда первый приступ радости прошел, Гастон возвратил драгоценность банкиру, сказав ему:

— У вас он будет целее, чем у меня, до моего отъезда из Батавии! А уеду я отсюда не раньше того, как пошлю шифрованную телеграмму отцу и увижу своего друга вне всяких опасностей.

— Нет, дружище, — возразил Бартес, — поспешай-ка лучше домой да обрадуй поскорее отца своим возвращением не с пустыми руками, а с исчезнувшим сокровищем. Обо мне же не беспокойся!

— Я сделаю то, что мне долг велит делать, и мой отец, узнав в чем дело, первый одобрит мое желание остаться с тобой, чтобы видеть тебя в полной безопасности.

— Но мое положение не так опасно, как ты думаешь? Этот мошенник

Гроляр ведь теперь совершенно безвреден, — заметил Бартес.

— А вмешательство Дигби? Ты думаешь, генерал-губернатор простит ему афронт, полученный ночью от него? А мелководье здешнего порта? Ведь в случае прямой опасности вам здесь нельзя будет ускользнуть от врагов, опустившись под воду, как это удалось сделать в Сан-Франциско! Нет, друг, надо быть благоразумным, что я тебе и советую, а главное, не тратить ни одной минуты понапрасну.

В эту минуту, как бы в подтверждение опасений, высказанных Гастоном де Ла Жонкьером, послышались три пушечных удара с форта Дэндэльса, гулко и протяжно раздавшихся в воздухе, полном тропического зноя и сладкого *far niente*.

Приглашение показать документы. — Затруднительное положение. — Миллиард в кладовых. — Последние инструкции. — Отплытие яхты. — Что ожидает ее пассажиров. — Упрямый бретонец.

Услышав пушечные выстрелы, Лао Тсин побледнел.

— Что это значит? — спросили одновременно

Бартес и де Ла Жонкьер.

— То, чего мы боялись, случилось, — сказал Лао Тсин немного взволнованным голосом. — Это сигнал, что вход и выход из порта закрыт, из порта, где стоят наши суда! С последним выстрелом через вход в гавань будут протянуты цепи, не позволяя более ни одному судну ни войти в порт, ни выйти из него» Эта мера, положим, означает не конфискацию судов, а предложение всем иностранным кораблям предъявить свой документы; тем не менее она настолько серьезна, что я пока не вижу способа выйти из затруднения. Чтобы генерал-губернатор решился на нее, нужно было случиться чему-нибудь особенному, и я думаю, не побудил ли его к этому французский броненосец «Бдительный». Теперь все дело в том, в порядке ли бумаги «Калифорнии» и «Гудзона», и вы, Бартес, как командир одного из них, должны это знать.

— Они были построены в Америке, — отвечал Бартес, — и включены в «Навигационный реестр» как американские суда. На этом основании они могут считаться в числе коммерческих судов, но от этого, понятно, еще далеко до роли командира военного судна, которую взял на себя прошлой ночью Уолтер Дигби, желая освободить нас из-под ареста.

— Это было весьма неблагоприятно, — заметил Гастон. — Если бы он представился генерал-губернатору как капитан дальнего плавания, дело могло бы уладиться мирным образом.

— Рассказывай! — иронически улыбнулся молодой Кванг. — Капитан дальнего плавания, командующий, однако, броненосцем и грозящий сжечь целый город!

— Твоя правда, я не учел этого последнего обстоятельства, — сказал Гастон.

— Заметьте, — вставил Лао Тсин, — что без этого смелого и неожиданного поступка, нашему уважаемому другу не миновать было бы трюма «Бдительного», который и отправил бы его с товарищами обратно в Новую Каледонию! Это было счастливое вдохновение, которое нашло на

Уолтера Дигби. Благодаря ему мы теперь все-таки на свободе и можем обдумать наше положение. И если на вас слишком приналягут, то и мы можем принять экстренные меры.

— Это правда, но...

— В моих кладовых хранится более чем на миллиард золота, скопленного веками и принадлежащего обществу; а у кого в руках золото, тот не может сам попасть в чужие руки.. У меня возникла одна мысль, которую, впрочем, следует обдумать, прежде чем сообщить ее вам. В ожидании же этого вы, мой друг, передайте пока команду над «Гудзоном» bravому Дигби, а сами поселитесь, вместе с господином де Ла Жонкьером, у меня в Уютном Уголке, где вы будете в полной безопасности: у меня там есть такие потайные уголки, которых вся яванская полиция не в состоянии открыть. Это именно те убежища, в которых проводили свой досуг прежние Кванги, ваши предшественники, дорогой мой Бартес, когда им нужно было исчезнуть на некоторое время из среды их верных слуг и друзей.

— В самом деле? — спросил Бартес, заинтересованный тайнами загородного дворца банкира. — Но я не хотел бы разлучаться с моими товарищами.

— Вы более не принадлежите себе, мой друг: не забывайте, что вы глава многочисленного общества, которое нуждается в вас и которому вы обязаны служить. Личные симпатии ваши поэтому приходится пока отложить в сторону. Доверьтесь мне во всем, что касается вас лично, и не беспокойтесь о других. С американцами, например, можно разорвать все отношения: с нынешнего же вечера они будут рассчитаны самым щедрым образом и по первому сигналу могут уйти, так что в случае визита на суда каких-нибудь судебных или иных властей — на них не окажется ни души! Вы увидите потом, что нам иначе нельзя действовать, как только таким путем. Что касается вас, то в этот же вечер наглухо закрытый экипаж увезет вас отсюда в Уютный Уголок, равно как и ваших товарищей — Лу, Кванга и Чанга.

Бартес должен был согласиться с доводами осторожного банкира и решил исчезнуть на некоторое время, раз это было так необходимо. Когда же все уляжется и утихнет, он намеревался сложить с себя высокое звание Кванга, к которому не чувствовал особенного влечения, и возвратиться инкогнито во Францию, чтобы восстановить свою честь и потребовать строгого ответа от своих врагов. Его наследник, которому он передаст при жизни свою власть, уже давно был выбран им: кто более банкира Лао Тсина достоин был этого сана, так как кто лучше него знал дела общества,

заведуя его финансовой частью?

В то время как эти мысли проносились в уме Бартеса, в комнату вошел Саранга доложить, что яхта готова к отплытию и что дело только за последними приказаниями банкира.

— Ли Ванг с его спутником уже на яхте? — спросил Лао Тсин.

— Нет еще, но они сейчас будут там, и с ними какой-то третий пассажир». Должен я, господин, принять его?

— Кто он такой?

— Я его не знаю, но, кажется, это тот самый француз, который был у вас вчера в Уютном Уголке. Он объявил, что непременно Должен ехать с маркизом, почему я и счел за лучшее сказать об этом вам.

— Ты хорошо сделал.

— Так он может ехать?

— Может, но если какая-нибудь опасность будет грозить его жизни, ты употребишь все усилия, чтобы спасти его. Понял?

— Понял, господин.

— Теперь можешь идти и сказать капитану, чтобы он отправлялся в путь. Счастливой дороги и скорого возвращения!

Совсем уже ночью яхта тронулась в путь, и Лао Тсин долго наблюдал за ней в бинокль со своей террасы, пока она не скрылась из виду. Банкир думал: «Я послал его на смерть, но имею ли я право на это?» Через несколько минут он, однако, ответил сам себе с уверенностью: «Имею! Он двадцать раз заслужил участь, которая ожидает его, — он, этот жадный, честолюбивый, без малейшего благородства в душе человек, готовый продать нас всех за горсть золота! Чего хорошего мы могли ждать от такого человека, если бы он сделался Квангом? Полнейшего уничтожения нашего общества!.. Да, мягкость в этом случае была бы преступлением! Пусть он идет навстречу своей судьбе!»

И банкир сошел с террасы в сад, где его ожидали Бартес и де Ла Жонкьер. Через полчаса они все трое сели в закрытый экипаж, стоявший в конце парка, и отправились в Уютный Уголок...

Между тем «маркиз де Сен-Фюрси», попав на яхту, улегся на кушетке в горизонтальном положении, боясь морской качки, всегда дурно влиявшей на него. Он называл это «приспосабливать свое тело к движениям судна» и видел в том вернейшее средство от морской болезни, — он даже был намерен опубликовать это свое открытие по возвращении в Париж.

Ланжале, неразлучный с ним, всегда смеялся над этим «средством», а на этот раз сказал ему:

— На вашем месте я поспешил бы взять патент и, закупорив

«средство» в бутылку или в банку, наклеил бы на ней этикетку с собственноручной подписью «остерегаться подделок», после чего пустил бы в продажу.

— Неудачная острота! — возразил Гроляр. — Займись лучше сам этой спекуляцией, а меня оставь в покое.

— Нет, я не оставлю вас в покое до тех пор, пока не привезу вас обратно в Европу целым и невредимым. К тому же я теперь богач и не нуждаюсь ни в чем: я миллионер!

— Ты, мой бедный малый, кажется, совсем помешался.

— Неужели вы не считаете меня способным нажать миллион? Меня, подумайте!

— Оставь меня в покое, голубчик! Яхта уже отчалила, и мне необходимо уснуть, прежде чем она начнет качаться.

— Она не будет качаться! Она не смеет, потому что— — Ты однако же упрям, как настоящий бретонец!

— Менее, чем друг наш Порник, поверьте мне.

— Ланжале! — возгласил строгим тоном Гроляр. — Ты мне дал слово не упоминать никогда об этом человеке, который сделал мне столько зла! Он набросился на меня, как лютый зверь набрасывается на... на..

— На ягненка, которым были вы, без сомнения?

— Ланжале!

— Господин маркиз!

— Если ты мне еще напомнишь об этом ужасном человеке— — Совсем он не ужасен! Он человек, который заслуживает лучшей участи, чем та, которая...

— Перестань! — закричал наконец Гроляр, весь красный от гнева. — Я знаю только, что если встречу с ним где бы то ни было, на суше, на море или... или...

— Или на воздушном шаре... — подсказал Ланжале.

— Все равно, где бы это ни случилось, только дуэли нам не миновать, дуэли самой беспощадной, после которой одному из нас не уцелеть!

XVI

Полицейский, доведенный до «точки кипения». — Пытка тяжелых воспоминаний. — Капитан судна, похожий на кого-то. — О ужас, это он! — Вписывание пассажиров в судовой журнал. — «Для скрепления старой дружбы». — Саранга бодрствует.

Гроляром овладело раздражение при ненавистном имени Порника, и он беспокойно заметался на своей кушетке. Это доставляло видимое наслаждение Ланжале, который с удовольствием наблюдал, как «кипятится полицейская муха», и на этот раз так мало уже стеснялся, беся своего патрона, что последний заметил это и воскликнул:

— Несчастный, ты заставляешь меня переживать то «чудесное» время, когда я сидел в кутузке на этом проклятом «Иене»! Ты напоминаешь мне про этот подлый чемодан, в который ты втиснул меня и, как тюк, свалил потом на дно лодки! Тебе разве хочется, чтобы я умер в эту минуту, сейчас? Берегись! Не помни я того, что ты рисковал своей жизнью, спасая мою, — я бы ни минуты не потерпел твоего присутствия здесь, раз ты смеешь так хладнокровно говорить об этом Порнике, который стал злым гением моей жизни...

Бедный сыщик отер холодный пот с лица и, успокоившись немного, сказал, понизив голос:

— И потом, ты заставляешь меня припоминать, как ты тащил меня через эти проклятые земли Мексики, выдавая меня за жителя Южного полюса, едущего изучать европейские нравы и обычаи... и открывать источники Амазонки!

— Надо же было чем-нибудь жить! — скромно возразил в свое оправдание Парижанин. — Вспомните, терпели ли вы в чем-нибудь нужду во время этого путешествия?

— Не терпел, конечно, если не считать лягушек, которых ты заставлял меня есть живыми перед глазами изумленных индейцев, объясняя им, что это самое обыкновенное и любимое мое блюдо в моем отечестве, то есть на Южном полюсе. И так было до самого Веракруса, откуда наконец я мог телеграфировать в Париж, прося выслать мне необходимые средства к дальнейшему моему существованию и путешествию!. Но будет об этом! Если ты хочешь жить со мной в мире, не напоминай мне больше никогда об этом негодяе Порнике!

— Говорите потише! — сказал Ланжале таинственно.

— Почему? Кто может запретить мне говорить громко, даже кричать, если мне это нравится?

— Это, видите ли, не совсем удобно по отношению к капитану яхты, которому вы еще не представились, будучи слишком заняты вашим средством против морской болезни.

— Но теперь ночь, и я отложил эту церемонию на завтра!

— Так имейте в виду то, что, видите ли... Как бы это вам объяснить?.. Ну, капитан нашей яхты похож как две капли воды на... на...

— На кого?

— Вы не догадываетесь?

— Нет, разумеется!

— Припомните!

— Как я могу догадываться, на кого похож человек, которого я еще не видел и вовсе не знаю? Станный ты мальчик.

— Ну, так он похож.

— Не томи меня, пожалуйста, говори прямо!

— Ну, вот вы опять сердитесь!

— Опять ты со своими глупыми шутками! Убирайся тогда к черту и оставь меня в покое, так как мне давно пора спать, иначе морская болезнь нападет на меня, — судно ведь давно уже на полном ходу!

— Он похож... на нашего приятеля Порника! — решил сказать наконец Парижанин.

— Что ты говоришь? — закричал несчастный, в ужасе вскакивая с кушетки.

— Я говорю правду! И это сходство так поразительно, что, если это не он, то непременно должен быть его родной брат или кто-нибудь из его близких родственников.

— Но это невозможно! — воскликнул вконец ошеломленный Гроляр. — Это невозможно, слышишь ли, в противном случае я ни минуты более не останусь здесь!

Мгновенные спазмы сдавили ему горло, и он не мог более ни говорить, ни жестиковать, глядя растерянно и беспомощно вокруг себя.

Ланжале сжалился над ним и поспешил его утешить:

— Успокойтесь! Может быть, я ошибся. Ночью это тем более возможно. И, наконец, я несколько раз прошелся мимо него, почти под самым его носом, — и он не признал меня, хотя я несколько переменялся. Вот вам доказательство, что это не он!

— Да, это доказательство! — вздохнул с некоторым облегчением Гроляр. — И неоспоримое! Ты с ним ведь был очень дружен там, в Нумеа?

— Как близнец, могу вас уверить! Что приходило мне в голову, то и ему приходило, и можно было подумать, что у нас одна голова на плечах!

— В таком случае он должен был кинуться к тебе с объятиями, увидев тебя здесь! Стало быть, это не он! — резюмировал значительно успокоенный полицейский сыщик.

— Тысячу раз вы правы!

— И это обстоятельство успокаивает меня до такой степени, — заключил «маркиз де Сен-Фюрси», — что я чувствую себя совсем хорошо и не боюсь более морской болезни, которая теперь...

Он не успел закончить своей фразы, как вдруг на палубе раздался хорошо знакомый ему голос, обдавший его холодом с ног до головы:

— Лейтенант! Судно теперь на полных парах, и вы можете пригласить на палубу всех пассажиров яхты, которых я должен вписать в судовой журнал.

Теперь уже и Ланжале не мог сомневаться: голос был его, Порника, — это было очевидно! Но почему же старый друг и приятель не признал его час тому назад?

— Чей это голос? — спросил Гроляр, леденея от ужаса. Как полицейский с отлично развитым чутьем, Гроляр был превосходен, но как человек, теряющийся от страха, никуда не годился и нуждался поэтому в посторонней поддержке. Вот почему помощь Ланжале была необходима ему в подобных случаях, — Ланжале, к которому он успел даже привязаться в благодарность за моральную поддержку, которую тот всегда оказывал ему, хотя и трунил над ним бесцеремонно.

— Порник! — ответил Ланжале, нисколько уже не шутя. — Теперь я больше не сомневаюсь в этом! Пойдемте скорее на палубу, ведь надо представиться ему.

— Порник! Порник! — бормотал бедный сыщик, едва держась на ногах. — Я пропал!

— Полноте, бросьте ваши глупости! Пойдемте, — надо повиноваться, если велят идти на палубу: на то ведь и капитан! И чего вы боитесь?

Ланжале помог Гроляру одеться и кое-как повел его на палубу, потому что бедняк дрожал, как в лихорадке, и ни руки, ни ноги не слушались его более.

Порник, в форме капитана фрегата, в присутствии двух своих помощников, известных нам Данео и Пюжоля, уже одетых в форму, несравненный наш Порник обратился к трем пассажирам со следующим довольно строгим вопросом, немилосердно налегая на букву р:

— Почему вы, господа, не потрррудились пррредствиться мне, вашему

капитану, тогда как это ваша прррямая обязанность?!

— Господин командир, — проговорил Ланжале, — вы тогда заняты были ознакомлением с экипажем и осмотром самого судна, поэтому мы не могли беспокоить вас, зная по опыту, что офицеры этого не любят.

— Хорошо, милостивый государь, принимаем ваше оправдание. Имя ваше и чин?..

— Ланжале, офицер морской пехоты.

— Как вы сказали? — переспросил изумленный Порник.

— Я сказал: Ланжале, офицер морской пехоты.

И вынув из кармана свой паспорт, Ланжале подал его Порнику, который с не совсем приятной миной взял книжку и стал неловко и нерешительно переворачивать в ней листы (бравый капитан не умел читать).

— Хорошо! — сказал он наконец. — Возьмите ваши документы, вы будете вписаны.

Пюжоль, самый грамотный среди троих, вписал, по мере умения, имена пассажиров в судовой журнал, причем, когда очередь дошла до Гроляра, Порник сказал ему с громким смехом доброго малого, не помнящего зла:

— Надеюсь, господин де Сен-Фюрси, что вы перестали сетовать на нас за маленький фарс, который, помните, проделали мы над вашей милостью в одном мексиканском порту?

Услышав, что Порник называет простым фарсом то, что он привык считать ужаснейшим случаем в своей жизни, Гроляр пробормотал несколько невнятных слов, но не посмел не подать руки страшному для него бретонцу, когда тот протянул ему свою.

— А ты, детина, — обратился затем Порник к Ланжале, награждая его таким ударом по плечу, который впору было снести быку, а не человеку, — если ты посмеешь в другой раз взойти на борт судна, которым командует твой старый товарищ, не заявившись предварительно к нему по-приятельски, то будешь немедленно спущен в люк до самого дна!

— Если бы я знал, что это ты тут командир, на этой чудесной штуке, — сказал в ответ Ланжале, — то, разумеется, первым бы Делом заявился к тебе, дружище!

— Славно, друзья мои! — воскликнул Порник. — Право, это бесподобно, что случай свел нас тут! И я — черт меня побери, если вру, — обещаю вам ради этого случая самое веселое путешествие! Перед вами больше не командир, а старый ваш приятель. Пойдемте сейчас же обедать!

Только после полуночи Гроляр, которого Порник «для скрепления

старой дружбы» заставил выпить изрядное количество вина, мог ускользнуть наконец в свою каюту, где с величайшим наслаждением растянулся на кушетке, тогда как четверо остальных его собеседников, не будучи более в состоянии подняться с места, свалились — кто прямо на пол, а кто на стол.

Тогда Саранга, незримо наблюдавший за всем происходившим в капитанской каюте, дал свисток. Тотчас же явилась дюжина китайцев-матросов, из которых состоял экипаж яхты, и бережно разнесли господ офицеров по их каютам, после чего поступили под непосредственную команду малайца.

И как раз вовремя, потому что судно уже приближалось к опасным местам, усеянным рифами и подводными скалами.

XVII

Взгляд на карту. — Опрокинутые конусы. — Два командира вместо одного. — Таинственная цель. — Порник беспокоится. — Ideefixe. — Дружеские разуверения.

Посмотрите внимательно, читатель, на ту часть океана, которая заключена между Малайзией и Филиппинскими островами и окружает Яву, Суматру, Целебес, Борнео и тысячи других островов, менее крупных и совсем малых, которых не найти ни на одной карте: все они, а особенно эти малые, незначительные, окружены мадрепоровыми рифами, беспрестанно возводимыми работой коралловых полипов.

Все эти клочки суши между водами океана — остатки, без всякого сомнения, громадного материка, существовавшего когда-то и разрушенного какой-нибудь ужасной стихийной катастрофой. Нигде в другом месте не встречается таких грандиозных последствий гнева природы: исполинские скалы в пятьсот-шестьсот футов высотой, часто соединенные одна с другой как бы мостами, под которыми море вечно волнуется с глухим шумом, словно исходящим из подземной бездны; подводные гроты, где океан клоочет и ревет, подобно адскому чудовищу, низвергнутому в преисподнюю мира; конусообразные острова, поверхности которых не попирала еще нога человека, потому что это — опрокинутые конусы, вершинами уходящие в море, а основанием обращенные к небу; наконец, миллиарды гибельных рифов, которые под водой, несомненно, соединяют друг с другом все эти острова и островки и на гребнях которых океан бесплодно вымещает свою вековую злобу...

Вот именно здесь-то, недоступный для нескромного любопытства путешественника-натуралиста, и находится остров Иен, вековая резиденция Квангов, этих царей китайских морей и рек. Сюда-то честолюбивый и жадный Ли Ванг и поплыл на верную и ужасную смерть, стремясь стать главой могущественнейшего в мире общества!

Если бы Порнику пришлось вести ночью вверенную его команде яхту, она бы не увидела больше дневного света. Но умный и осторожный Саранга имел приказания на этот счет, и все шло хорошо. Порник командовал днем, а он — ночью.

Когда утром, после кутежа, Порник взошел на палубу и увидел своих друзей, занятых приведением ее в порядок, то сказал Ланжале, бывшему тут же:

— Славная штука эта яхта, и экипаж подобран на славу! Однако, при всем благодушии, его не оставляло беспокойство: куда он идет со своей яхтой и чем кончится это путешествие?

Саранга был молчалив как могила. На все вопросы он обычно отвечал: «Я ничего не знаю. Я исполняю только приказания моего господина».

Ланжале немного удивлялся, что его «патрон», как он привык называть Гроляра, избегал всяких разговоров с ним о том, куда они, собственно, направляются. Но он не придавал никакой важности осторожному поведению парижского сыщика, мало задумываясь о его планах и намерениях. Прочие же два, Данео и Пюжоль, вовсе не думали о цели путешествия, посвящая все свое время, свободное от службы, игре в триктрак или беседам за стаканом доброго вина. Но не таков был Порник, который, будучи командиром судна, считал себя обязанным знать, куда он плывет. Он начал раздражаться таинственным маршрутом своего судна и дал себе слово так или иначе проникнуть в эту тайну.

Ланжале, подшучивая над ним, замечал:

— И что тебе из того, куда мы держим курс, раз мы попали в секретную экспедицию? Пойми, что если мы разгадаем этот секрет, то это путешествие потеряет для нас всю свою прелесть!

Но веселость друга не могла успокоить упрямого бретонца, который однажды сказал ему:

— Присутствие здесь твоего Гроляра, который проводит свое время, запершись с этим противным мне Ли Вангом, не может внушить мне успокоительных мыслей. Собственно говоря, плевать мне на них, но как-то сам собой возникает вопрос: о чем эти люди беседуют друг с другом, какой еще заговор затевают после памятного вечера у банкира? Разве они не должны были, садясь на судно, сказать мне прямо: «Вот, господин командир, цель нашего путешествия; надеемся, что вы нам поможете в ней» и так далее? Но они мне не сказали ни слова ни о чем, и я даже не знаю, какого направления мы держимся, так что не будь со мной этого малайца, который заступает мое место по ночам, мы зашли бы Бог знает куда» И ты находишь все это в порядке вещей?

Немного легкомысленный Ланжале начал убеждаться в справедливости выводов Порника, который наконец однажды вечером с видом заговорщика сказал ему, зазвав в свою каюту и крепко заперев за ним дверь:

— Выслушай меня внимательно: дело касается вещи, о которой мы уже говорили.

— Ты узнал что-нибудь? — спросил его тот с некоторым

беспокойством, понятным в его положении.

— Пока ничего, и вот потому-то я и хочу поговорить с тобой.

— Черт возьми!!! В таком случае это очень важно!

— Оставь свои шутки, так как я убедился в одном, а именно: в конце концов, помяни мое слово, если Данео, Пюжоль и я не заплатим из наших карманов за разбитые горшки, как говорится!

— Я не понимаю тебя.

— Потом поймешь! Скажи мне, правда ведь, что этот дьявол Гроляр арестовал тогда, в тот вечер, Бартеса и трех китайцев, друзей покойного Фо?

— Правда, но они снова на свободе.

— Это еще ничего не значит! Гроляр наверняка попытается еще раз проделать то же самое, и кто может поручиться, что новая проделка его не будет успешнее первой?

— Положим! Но ведь я их предупредил о нем, и они теперь знают, как держать себя в отношении господина маркиза.

— Я не говорю о тебе: ты ведешь себя безукоризненно по отношению к твоим старым товарищам. Но Гроляр! Можешь ли ты утверждать, что у него нет намерения, упустив крупных птиц, поймать в свою западню хоть мелких пташек, каковы мы трое, твои друзья и собутыльники? И вот мне все мерещится, что мы в один прекрасный день, а то, может быть, и ночью попадем вдруг на борт «Бдительного», который и потащит нас обратно туда, откуда мы явились! Я опять-таки не говорю о тебе: ты теперь возвращаешься в иной сфере, чем мы, грешные.

— Этого еще не доставало! Ты принимаешь меня за человека, который подслушивается и вследствие этого делает карьеру?!

— Глупец ты, если так понял мои слова. Разве я не знаю, что ты всем жертвовал для своих друзей!

— Так ты думаешь, что Гроляр?

— Скажи, положи руку на сердце, разве ты не находишь его способным предать нас троих?

— О, абсолютно! Но посмотрим, обдумаем немного наше предположение» Во-первых, не он здесь хозяин, и наша яхта — не «Бдительный». Чтобы арестовать вас троих, нужно содействие банкира Лао Тсина, а именно он и попросил Бартеса командировать вас на свое судно.

— Но ведь банкир не нуждался в нас?

— А я думаю — напротив: он не хотел поручить такого прекрасного судна грубым китайцам, привыкшим только к своим джонкам; к тому же они не умеют обращаться с паровыми машинами. Словом, все это очень

просто и вполне понятно.

— Для тебя, милейший мой Ланжале!

— Наконец, я согласен с тобой, что это плавание имеет важную цель, о которой знают только трое здесь: Саранга, Ли Ванг и Гроляр. Цель эта, как думается мне, имеет близкое отношение к делу Бартеса, которого покойный Фо избрал своим наследником, то есть поставил во главе Общества Джонок.

— Все это известно мне; но каковы интересы Гроляра в этом деле? Всюду, где я его ни встречаю, он вселяет недоверие к себе. Быть может, он вошел в сделку с банкиром: «Я, мол, оставлю в покое Бартеса и его трех китайцев, а ты за это дай мне возможность изловить этих трех молодцов», то есть меня, Пюжоля и Данео. Иначе что ему тут делать? Он не с пустой головой явился сюда!

— Послушай, Порник! — сказал очень серьезно Парижанин. — Я всего два раза видел банкира, но голову даю тебе на отсечение, что он не способен на такой низкий поступок, как предательство! Скорее, он способен принести большие жертвы, чтобы спасти вас от беды! Он знает, до какой степени вы преданы Бартесу, и, скорее всего, он для того пристроил вас сюда, на свою яхту, чтобы отдалить вас от «Бдительного», не упускающего вас из виду. Наконец, вот еще одно доказательство, что ты ошибаешься в твоих подозрениях: ведь Гроляр не знал, что вы здесь находитесь, и когда узнал о вашем присутствии на яхте, а особенно — о твоём, то впал в такой страх и ужас, что мне большого труда стоило ободрить беднягу! Я удивляюсь, что мне раньше не пришла в голову эта мысль, потому что она решительно опровергает все твои опасения и подозрения!

— Хорошо! — заключил Порник, немного поколебленный в своей *idée fixe*. — Но при первом сомнительном флаге, который замечу на горизонте, я, несмотря на Сарангу, возьму судно в свои руки и начну охоту на зверя! Я уже настолько изучил достоинства этой чудной яхты, что считаю ее способной выдержать самую серьезную схватку с каким угодно опасным врагом.

XVIII

Ловкая политика. — Гроляр не выдержал. — Постепенное открытие тайны. — «Немного глупое» путешествие, но с решающим значением.

Частые разговоры с Порником о цели путешествия, которая не была известна ни ему, ни Ланжале, навели последнего на мысль — выведать эту загадочную цель у Гроляра. Он знал, какой политики держаться ему относительно полицейского сыщика, чтобы расположить его к откровенности.

Он стал избегать разговоров с сыщиком, отвечая ему односложными «да» или «нет» и вообще выказывая ему неудовольствие чем-то, о чем не находил, по-видимому, нужным объяснить с ним. Так он вел себя весь вечер после беседы с Порником и все утро следующего дня до обеда включительно, а после обеда даже не простился со своим «патроном», уходя к себе в каюту.

Для Гроляра это было уже слишком: он любил Ланжале, как любят вообще слабые натуры более сильных людей, на которых в случае опасности всегда могут рассчитывать, и потому непонятное поведение Парижанина обижало его, и он решил во что бы то ни стало объяснить с ним.

Увидев дверь его каюты незапертой, он прямо вошел в нее и застал своего компаньона уже в постели.

— Что это значит, почему ты избегаешь разговоров со мной? — спросил он Ланжале.

— Я? Кто вам это сказал? — отвечал тот с изрядной дозой бесстыдства.

— Да ты же сам, неблагодарный! Ведь ты едва раскрываешь рот, чтобы только поздороваться со мной утром и проститься вечером, не сказав более ни полслова за весь день, несмотря на все мое внимание к тебе.

— Что мне в этом внимании, если нет доверия ко мне?

— Как?! Я тебе не доверяю?! Я, который посвятил тебя во все секреты моей тайной миссии? Я, который смотрит на тебя, как на самого себя?

— Да, хороши ваши секреты, которые всем известны! Последний из матросов на борте «Бдительного» знает то же, что и я. «Догадайся, если можешь» — вот откровенность и доверие маркиза де Сен-Фюрси! Очень просто — я солдат морской пехоты, бежавший к тому же из пенитенциарного заведения, так стоит ли дружить со мной, в особенности,

когда нет больше нужды во мне?

— Замолчи, несчастный, замолчи! Ты разрываешь мне сердце на части, говоря таким образом, — мне, который любит тебя, как сына, пойми ты это!

— Оставьте вашу «любовь»! С сегодняшнего вечера вы можете побережь ее для себя или поискать другого человека, более меня достойного...

— Это удивительно! — воскликнул Гроляр, ничего не понимая. — Скажи мне, по крайней мере, в чем я провинился перед тобой, чтобы я мог исправить то зло, которое невольно причинил тебе?

— Не стоит труда, — ответил Ланжале сухо.

— Однако же?

— Я слишком ничтожен для этого.

— Опять ты за прежнее?

— Может быть.

— Да скажи толком! Не мучай меня!

— Вы желаете знать что меня обижает? — спросил наконец Парижанин, как бы смягчившись.

— Непременно!

— Ну, так вот в чем дело: вчера утром мне сказал Порник..

— Опять этот человек! Я думал, что дело обойдется без него.

— Ну, если вы будете перебивать меня...

— Ну, ну, говори! Я не скажу более ни слова, уверяю тебя, — поспешил поправиться сыщик, боясь, что компаньон его рассердится окончательно.

— Так вчера утром Порник, между прочим, вдруг сказал мне: «Я препровождаю тайную миссию — везу посланников с секретными поручениями, о которых ты, в твоей теперешней роли, должен знать что-нибудь побольше меня!» Когда я с удивлением посмотрел на него, ровно ничего не понимая из его загадочных слов, он расхохотался, продолжая: «Ах, шут тебя возьми, право! Для чего же ты здесь, на этой яхте, если не знаешь ничего, если не имеешь никакого поручения? Простительно, если мы, составляющие экипаж судна, не знаем ничего о том, куда и зачем нас послали, так как сочтено излишним сообщать нам это; но чтобы ты ничего не знал, ты, который теперь в иной сфере, чем мы, грешные, я этого никак не могу допустить! Для чего же ты здесь, скажи на милость? Для компании или, может быть, для услуг маркиза де Сен-Фюрси?..»

— Ах, подлец! — воскликнул совершенно искренне Гроляр.

— Все нет! — холодно возразил Ланжале. — То, что он сказал мне,

была не подлость, а правда! На «Бдительном» я знал все ваши секретные дела и даже мог, при случае, помогать вам в них, а здесь, на этой яхте, я ничего не делаю, потому что ничего не знаю, и служу вам, действительно, чем-то вроде компаньона для более или менее приятного препровождения времени.

— Итак, ты желаешь знать, куда, собственно, мы плывем.

— Конечно, желал бы! Это меня подняло бы в моих собственных глазах!

— Но пойми ты, что это не моя тайна, а чужая!

— Но коль скоро она вам известна...

— А если я дал честное слово никому другому не говорить о ней?

— Я из числа других могу быть, кажется, исключением, так как вы сами много раз уверяли меня, что смотрите на меня, как на самого себя.

— Гм! Оно, конечно, я говорил это... Ну, так поклянись мне, что будешь нем, как рыба, и никому и глазом не моргнешь о том, что узнаешь сейчас.

— Клянусь и обещаю все, что хотите!

— Хорошо! Так вот в чем дело, голубчик: этот Ли Ванг направляется туда, где находится дворец Квангов, чтобы найти там «кольцо власти»; найдя его, он намерен провозгласить себя Квангом, в чем, я полагаю, будет иметь успех, потому что тот, кого сделал своим наследником покойный Фо, не имеет, как европеец, никакого значения в глазах китайцев, смотрящих на всех иностранцев вообще как на варваров.

— Значит, мы, в настоящем нашем положении, действуем во вред господину Бартесу?

— Не мы, а Ли Ванг, хочешь ты сказать.

— Не будем играть словами! Сознательно или бессознательно, но мы тут все, начиная с Ли Ванга и кончая последним матросом, действуем более или менее во вред Бартесу... Оставим, впрочем, в покое других, а обратимся исключительно к вам: не может быть, чтобы вы только из любви к приятным морским прогулкам решились пуститься в плавание на этой прекрасной яхте; нельзя также предположить, чтобы вы пожелали сопровождать Ли Ванга единственно для того, чтобы составить ему компанию в его путешествии к этому таинственному дворцу. Выходит, стало быть, что вы имеете свою цель в его предприятии, и вот эту-то цель и соблаговолите открыть мне, чем и докажете ваше ко мне доверие— Начинайте же, не тяните долго и не останавливайтесь на полпути!

— Так что же, я и открою тебе ее, потому что ты не менее меня заинтересован в ней.

— Это любопытно!

— Скажи сначала, чего бы ты желал за свои услуги тем, кто послан нашим правительством по важному делу, очень важному... а именно по делу возвращения короне одной драгоценности, называемой «Регентом», о чем ты уже отчасти знаешь?

— Я бы желал полного прощения и, по истечении двух лет службы в полку сенегальских стрелков, эполеты подпоручика, Так как моя вина, за которую я сослан, есть нарушение военной дисциплины, а не преступление, пятнающее честь.

— Ну так вот, милейший мой, все это зависит от настоящего нашего путешествия...

— Опять загадка!

— Ты не даешь мне докончить! Сейчас я все объясню тебе подробно...

— Извините, но вы говорите так длинно, как будто придумываете какую-нибудь вымышленную историю, чтобы угостить ею меня.

— Нисколько! Я тебе открою сию минуту подлинную правду, потому что, повторяю, смотрю на тебя, как на сына. Итак, да будет тебе известно, что, лишь только Ли Ванг овладеет «кольцом власти», банкир Лао Тсин возвратит мне «Регент», который отдан ему китайцем на хранение до этого события, столь важного в китайском мире. А овладеть «кольцом власти» — это то же, что стать Квангом, пойми ты это! Тогда Бартес, как иностранец да еще как беглый преступник, будет устранен с этого слишком высокого для него поста, а мы с тобой возвратимся на родину, где и получим награду за наши услуги! Понял ты теперь, куда и зачем мы плывем и какое решающее значение имеет это, немного глупое, путешествие не только в нашем деле, но и в целой нашей жизни?

XIX

Хаос мыслей, в которых трудно разобраться — Точка опоры найдена! — Беседа с малайцем. — Тайна отчасти разгадана. — «Бедный Гроляр!» — Что делать дальше?

Гроляр еще долго говорил о важности поручения, возложенного на него французским правительством, и о том, как ему, Ланжале, можно сделать блестящую карьеру, пристегнув себя к этому важному поручению, для чего он, Гроляр, дает ему полную возможность; но Парижанин уже не слушал своего патрона, выведав от него самое главное. Он теперь желал, чтобы Гроляр поскорее ушел от него — ему необходимо было остаться одному для зрелого обсуждения того, что он узнал от «маркиза»... Он прикинулся, что сон одолевает его, и даже сделал вид, что уснул. Тогда полицейский сыщик с добродушной улыбкой ушел наконец из его каюты, сказав себе вполголоса: «Этот бравый малый уже спит! Не будем ему мешать, а лучше завтра возобновим нашу беседу!»

Как только он ушел, Ланжале вскочил с постели и, заперев дверь на задвижку, уселся на край кровати, погрузившись размышления. Он не мог ни на чем сосредоточиться в этом хаосе самых разнообразных мыслей, возбужденных открытием ему Гроляром тайны их путешествия... Итак, они не более как сопровождают Ли Ванга в его экскурсии за «кольцом власти»! Может ли это быть? И если это правда, в чем нельзя сомневаться, то как ему быть теперь, какого образа действий держаться? Необходимо посоветоваться с кем-нибудь, например с Порником, который не менее его будет поражен этим открытием... И Ланжале вышел из каюты на палубу, чтобы освежить кстати голову, горевшую от хаоса неожиданных для него мыслей.

В особенное недоумение повергло его кажущееся противоречие между преданностью банкира Лао Тсина Бартесу и его намерением оказать в то же время услугу Ли Вангу, очевидному сопернику и врагу молодого Кванга. Как это согласуется? Он оберегает Бартеса от всяких опасных случайностей — и в то же время не прочь содействовать претенденту на место главы Общества Джонок добыть «кольцо власти», которое и даст ему возможность занять это место. Как это понять, что это значит?. Неужели Лао Тсин не таков на деле, каким кажется на словах, и ведет какую-то непонятную двойную игру?.

На палубе благодаря свежему ночному ветру мысли Парижанина

прояснились. Он припомнил слова Лао Тсина, сказанные ему во время их беседы в павильоне: «Придет время — и изменники будут наказаны, заботу о чем я беру на себя!»

Значит, если яхта, по приказанию Лао Тсина, как бы содействует планам Ли Ванга, везя его на поиски «кольца власти», то здесь надо понимать нечто иное, противоположное, может быть, планам этого честолюбца и изменника... Еще лучше — не трудиться более над разрешением этой загадки, а верить в добро и ждать, потому что Лао Тсин благороден, честен и постоянен в своих словах и симпатиях, раз выказанных им.

Рассудив таким образом, Ланжале поднялся на мостик, где было еще свежее, чем на палубе. Было около часу ночи, и погода стояла прекрасная. Яхта легко скользила по совершенно спокойному морю, оставляя за собой светлый след...

На мостике Ланжале увидел Порника, занятого своей службой, потому не решился заговорить с ним, зная, что друг его не любит этого. Порник давно уже перестал «забавляться вином» — под влиянием тех же серьезных и неотвязных мыслей, которые изведаль и Ланжале.

Парижанин опять сошел на палубу и увидел Сарангу. Малаец относился к нему с полным вниманием, помня приказание Лао Тсина спасти его во что бы то ни стало. Заметив подходящего к нему Ланжале, он приветствовал его своим «саламом», на что Парижанин ответил тем же.

— Отличная погода! — сказал Ланжале. — Как нельзя более удобная для плавания.

— Да, и наша яхта отличное судно, капитан! — отвечал Саранга.

Для малайца все белые были капитанами.

— Да, это правда! Я никогда не видел ничего подобного ей!

— Ни в Батавии, ни в каком другом месте нет ни одного судна, которое могло бы ходить быстрее нашей яхты! — с гордостью заметил малаец.

— Кстати, — спросил как бы ненароком Ланжале, — не знаешь ли ты, когда мы придем?

Саранга пытливо посмотрел на Парижанина, готовясь и ему сказать то же, что и другим, то есть отделаться уклончивым ответом, но вдруг Ланжале осенила неожиданная мысль, и, наклонясь к малайцу, он таинственно шепнул ему:

— Я знаю все! Малаец вздрогнул.

— Господин мне все открыл! — продолжал Ланжале. Тогда малаец встал и, коротко бросив: «Пойдем ко мне!», — повел его в свою каюту.

Когда они очутились с глазу на глаз в уединенной каюте малайца,

последний, посмотрев на своего гостя так же внимательно, спросил его резким голосом:

— Что ты знаешь?

Сообразив, как надо держать себя с этим человеком, что сказать и о чем умолчать, Парижанин начал:

— Я знаю, что час правосудия пробил для изменников... Я знаю, что честолюбец, который продал своих братьев, увидит скоро свои дерзкие планы разрушенными: он никогда не овладеет «кольцом власти», и его судьба решится завтра, когда луна исчезнет в волнах океана.

Малаец слушал его с возрастающим волнением. Ланжале как раз попал на дорогу успеха, переводя на язык вдохновенного ясновидящего простые, но полные правды слова, услышанные им от Лао Тсина.

И Саранга не стал более сомневаться, что банкир сказал Ланжале все, и ощутил полное доверие к нему. Парижанин поспешил вызвать малайца на откровенность, и хотя последний не переступал видимых пределов благоразумия, рекомендованного ему, но и то небольшое, что он сказал Ланжале, повергло спутника Гроляра почти в ужас.

— Да, — задумчиво произнес Саранга, употребляя тот же язык ясновидящего, — час правосудия пробил! Но ты, зачем ты сел на это судно с твоим другом? Господин ведь не хотел этого! Не для того ли, чтобы исполнить последние обязанности по отношению к нему, к твоему другу?

И он добавил, понизив голос и так невнятно, как если бы говорил сам с собой:

— Гроты Мары не щадят тех, кто отважится пренебречь их гневом!

Дрожь пробежала по телу Парижанина. О каком «друге» говорит малаец? Не понимает ли он под этим именем бедного Гроляра? В таком случае он все сделает, чтобы спасти своего спутника от грозящей ему какой-то страшной опасности, которая неведома ему. Он не будет входить в подробности этой роковой истории, имеющей отношение к Обществу Джонок, но должен непременно уберечь от участия в ней Гроляра, миссия которого не имеет ничего общего ни с планами, ни с намерениями этого честолюбца Ли Ванга... Приняв такое решение, Ланжале прямо приступил к делу.

— Я здесь для того, — сказал он малайцу, — чтобы сопровождать своего друга повсюду, куда бы он ни отправился.

— Скоро ты не будешь в состоянии делать этого, — мрачно возразил малаец.

— Почему?

— Господин не желает этого, а воля господина должна быть

исполнена.

— Есть нечто более могущественное, чем воля господина: это клятвы, данные во имя Божества. И я поклялся Божеством моей родины — никогда не покидать своего друга и привезти его во Францию целым и невредимым.

— Так! — согласился малаец, на которого религиозные обеты имели сильное влияние, что еще раньше заметил Ланжале. — Обещания, данные богам, должны быть священны и ненарушимы; но Саранга, которого ты видишь перед собой, знает свою обязанность и предоставит собственной участи тех, кто осужден безвозвратно.

Итак, стало быть, Гроляр шел на смерть вместе с Ли Вангом, — в этом нельзя было более сомневаться; но как совершится эта катастрофа, которая должна погубить их?.. Ланжале попытался выведать об этом у малайца, но тот ничего уже более не сказал ему, замкнувшись в безмолвии.

Ланжале ушел от него, дав себе слово всеми зависящими от него средствами спасти Гроляра, хотя бы для этого ему пришлось подставить собственное тело под неведомые смертельные удары: добрый малый питал некоторое расположение к полицейскому сыщику, существу мягкому и безобидному в тех случаях, когда дело не касалось его профессии. Должен ли и этот человек пасть жертвой мщения Лао Тсина? Но за что же, если дело Бартеса имевшего в руках тысячи средств мирным образом устранить со своей дороги Гроляра, вовсе не требовало такой жертвы? Ведь если Бартес и подвергся неприятности быть арестованным, то это случилось из-за его собственной оплошности и неосторожности...

Выйдя от малайца, Ланжале хотел немедленно идти к Порнику, но рассудил, что его совещание с последним тотчас же после разговора с Сарангой может показаться подозрительным малайцу, и отложил свое намерение до следующего дня. На следующий день после завтрака, оставшись вдвоем с Порником, он сказал ему:

— У меня есть новость, которую я хочу сообщить тебе. Дело касается этого бедного Гроляра, которому грозит серьезная опасность, и потому мы должны спасти его.

— Как? — вскричал изумленный бретонец. — Ты допускаешь возможность гибели людей на борту судна, которым я командую?!

— Я этого не допускаю, но убедился, что наша яхта ведет к какой-то неизвестной, но неизбежной гибели китайца Ли Ванга и нашего «маркиза де Сен-Фюрси». Везет по чьей-то непреклонной воле, которой невозможно противоречить!

— Увидим это потом! Здесь нет иной воли, кроме моей, и тот, кто заставит меня напомнить ему это, узнает, чего это будет стоить ему! — с

угрозой в голосе ответил Порник.

— Я на тебя надеюсь, я знаю твою энергию, хладнокровие и решимость и знаю также, что никто безнаказанно не может противиться твоим распоряжениям.

Ланжале намеренно принялся возносить достоинства своего друга, который не шутя считал себя очень важным лицом на маленькой яхте — вроде командира броненосца первого ранга.

— Посмотрим! — продолжал Порник, принимаясь за раскуривание огромной трубки — наргиле. — Посмотрим, что за вещи такие, которые должны случиться в скором времени!

— Что за вещи? Я могу сказать тебе о них в двух словах, но сперва нужно быть готовым к тому, что случится в наступающий вечер.

— Что же такое случится? Признаюсь, я ничего пока не понимаю из твоих слов! Гроляру, ты говоришь, грозит опасность смерти? Но каким образом? И кто может готовить здесь покушение на его жизнь, зная, что будет немедленно наказан за свое преступное намерение? Я подозреваю, нет ли у него какого-нибудь столкновения с Сарангой?.

Почему Порнику не нравился малаец. — Выводы из беседы с Ланжале. — Советание о Гроляре. — Вход в «царство сатаны».

Порнику не нравился малаец, принимавший, как мы знаем, большое участие в командовании судном; ему даже казалось, что этот малаец приставлен втайне наблюдать за ним и что значение Саранги на борту яхты более важно, чем его, номинального ее командира.

Впрочем, мы должны оговориться, что Саранга вел себя очень скромно, не выдавая ничем роли, которая приписывалась ему Порником: никто, кроме китайцев-матросов, не знал о той неутомимой бдительности по ночам, которую проявлял Саранга, ведя судно по назначенному ему маршруту. К Порнику же он всегда выказывал большое уважение, которое тот вполне заслуживал как опытный и знающий свое дело моряк.

Ланжале, отвечая на вопросы своего друга, должен был поневоле нарушить обещание, данное Гроляру, — никому не передавать того, что тот ему открыл. Но так как сообщение Порнику тайны сыщика было сделано в его же, Гроляра, интересах, то Парижанин не чувствовал упреков совести, а чтобы еще более успокоить последнюю, он, со своей стороны, взял с бретонца обещание — хранить про себя секрет полицейского. Порник, конечно, дал это слово. Тогда Ланжале сообщил ему все, что сам знал об этом важном деле из своей беседы с банкиром Лао Тсином и из признаний, сделанных Гроляром.

Бретонец слушал его с большим интересом, потому что все, что сообщал ему друг, было для него ново и неожиданно. До сих пор он был убежден, что дело заключалось лишь в борьбе между бежавшими из Нумеа и полицейским сыщиком, который никак не мог предать их в руки французских властей, и что Гроляр наконец достиг того, что бежавшие, хитростью банкира Лао Тсина, были посажены на яхту и направлялись теперь прямехонько в западню, где ожидал их французский броненосец «Бдительный». К такому убеждению пришел бретонец в последнее время путем постоянных размышлений, но вдруг, к его удивлению, оказалось, что дело заключается не в преследовании их, а совершенно в другом, не имеющем ничего общего с бегством из Нумеа! Оказывается, что все они: Данео, Пюжоль и он — играют последнюю роль в этом таинственном путешествии, что их потому-то именно и пригласили сюда, на эту яхту, что их личности очень мало значат, и что им отведены пассивные роли людей,

служащих только орудием в руках других! Поняв свое настоящее положение на яхте и увидев, что он тут не цель, а лишь средство к достижению цели, Порник сказал Ланжале:

— Ну, друг, теперь мне все ясно: этот богатый банкир избрал меня не более как орудием для своих ловких ударов! Ему мешал Ли Ванг, соперник господина Бартеса, и вот — раз! — он приготовил ему какую-то западню, в которую и послал его под благовидным предлогом. Затем его стеснял Гроляр, охотившийся за тем же господином Бартесом, не дававший ему своими преследованиями возможности действовать открыто, и вот — два! — полицейский сыщик упрячется им в тот же мешок. И что всего забавнее, эти два субъекта стремятся туда, куда их посылает ловкий человек, с отменным удовольствием, один — думая, что он достанет свое кольцо, которого не видать ему как своих ушей, а другой — надеясь получить коронную драгоценность, которой также не бывать никогда в его руках! Потому что, поверь моему опыту, что раз попало к китайцу, то и останется у него навсегда!

— Ты ошибаешься насчет Лао Тсина, — возразил Парижанин. — Этот человек не похож на других китайцев; он — исключение из общего правила.

— Может быть, не буду утверждать противоположного. Но скажи ты мне, пожалуйста, зачем Ли Ванг и Гроляр оказались в одном мешке, если не затем именно, что банкир намерен пожертвовать ими обоими для безопасности господина Бартеса?

— Это правда, в этом я согласен с тобой. Но мне кажется, что есть средство уладить это дело, то есть спасти Гроляра, не вредя этим господину Бартесу, да отчасти улучшить и наше собственное положение.

— Каким образом?

— Обязать его, Гроляра, чтобы он письменно, за собственноручной своей подписью, дал обещание навсегда оставить в покое всех бежавших из Нумеа»

Ланжале думал, что этого обещания требовал от полицейского сыщика и сам Лао Тсин, но, получив отказ, дал тайное приказание Саранге отправить на тот свет вместе с Ли Вангом и Гроляра. И Ланжале, как нам уже известно, был прав в своем предположении...

— Идея недурна, — сказал Порник, выслушав предложение Ланжале и помолчав минуты две, раздумывая. — Но мы лучше погодим с нашим ультиматумом до самого конца, то есть до того момента, когда опасность, грозная и неизбежная, предстанет пред глазами Гроляра. Мы ничем тут не рискуем, потому что во всяком случае окажем помощь нашему любезному

соотечественнику, виновному только в том, что он исполнял свою обязанность

Последние слова Порник сказал очень просто, без малейшей аффектации, чем отчасти удивил Ланжале, никогда не думавшего о том, что можно быть беспристрастным к своему врагу и даже помочь, если ему грозит какая-нибудь опасность. На этом друзья расстались, условившись действовать сообща и решительно, когда это окажется необходимым.

Между тем судно целый день пробиралось между рифами и мелкими островками, лавируя между ними с большой осторожностью. Саранга не покидал носа яхты, пытливым взглядом осматривая водную даль, расстилавшуюся перед ним, и поминутно решая, какое дать направление судну, по какому проливу идти, чтобы не попасть в беду, так как море в этих местах — не что иное, как громадная сеть проливов между бесчисленными островами и рифами, созданными мадрепорами, и ничего не могло быть легче, как сесть на мель или разбиться вдребезги о подводную скалу.

Незадолго до заката солнца вид океана совершенно изменился, потому что яхта вошла в какое-то ущелье между отвесными берегами двух островов, поднимавшихся на высоту в четыреста футов. Течение здесь было очень быстрое, доходившее до восьми, а то и десяти миль в час.

— Черт меня возьми, если мы не вступили в царство сатаны в этот момент! — воскликнул Порник, наблюдавший ход яхты из окна своей каюты.

— Я согласен с тобой! — сказал Ланжале, бывший тут же. — Те, кто вздумал основать свою резиденцию в этих местах, могут быть спокойны насчет неожиданных визитов: сам сатана не сможет пробраться к ним!

Погода, не располагающая к веселью. — На пороге к великой цели. — «Судно прибыло на место!» — Три лодки. — Уныние Гроляра. — Остановка.

Ветер стремительно проносился между двумя отвесными скалами, издавая какие-то страшные звуки, в которых не было ничего веселого и к которым моряки яхты прислушивались с изумлением, бросив свои обычные песни. Самая погода незаметно изменилась, и ясный вечер превратился в совершенно темный, не располагающий ни к песням, ни даже к разговорам. С этим вечерним мраком, окутавшим вдруг все окружающее непроницаемой пеленой, угрюмые скалы, замыкавшие проход, сделались как будто еще выше и угрюмее.

Судно уже более часа шло тихим ходом — по требованию лоцмана Саранги, подвигаясь вперед среди мрака, освещаемого лишь собственными его огнями.

Между тем Ли Ванг и «маркиз де Сен-Фюрси» собирали багаж в своих каютах, словно готовясь сойти на берег.

Чувство удовлетворенного честолюбия сквозило в чертах китайца, и глаза его блестели энергией и решимостью. Наконец-то наступает час, когда он возьмет в свои руки власть повелителя, могущественнее самого Сына Неба. Дворец на острове Иене, со стражей из «тигров Зондского пролива» Дворец в Батавии, то есть Уютный Уголок, который служит резиденцией Квангам, когда они посещают остров Яву» Дворец в Пекине, недалеко от «третьего круга» императорского дворца, с которым устроено тайное сообщение... Все это будет принадлежать ему, не считая миллионов людей, готовых слепо повиноваться своему владыке, исполнять все малейшие его капризы. Наконец, в его распоряжении будет неистощимая казна Квангов, которой заведует Лао Тсин... Остается лишь потерпеть еще несколько часов — и вот раздадутся вокруг него приветственные крики, и тысячи иллюминированных джонок выйдут навстречу к нему, так как банкир Лао Тсин обещал заблаговременно послать на остров Иен весть о предстоящем прибытии туда нового Кванга!.. Вперед же, вперед!

— Ну, господин маркиз, — не вытерпел Ли Ванг, — готовы ли вы? Поторопитесь! Едем сейчас же, и вы увидите, что будет, какой праздник ожидает нас с вами, как китайцы привыкли встречать и принимать своих владык!

«Господин маркиз» был готов, но настроение его далеко не соответствовало величию ожидаемого торжества: какое-то уныние овладело им, и он безуспешно старался скрыть его, силясь придать довольное выражение своему лицу. А если бы бедняга еще знал, куда они на самом деле спешат?!

Вдруг на палубе раздался резкий, отчетливый голос Саранги, нарушивший всеобщее безмолвие:

— Господин командир, прикажите остановиться: судно прибыло на место!

— Стоп! — скомандовал Порник.

Вслед за тем Саранга заявил, что ему нужны две лодки для дальнейшего следования пассажиров на остров, — и две лодки были также немедленно спущены на воду... Но вместе с ними была спущена, по негласному приказанию Порника, еще третья, притом так, что малаец не мог видеть ее за корпусом яхты»

Ли Ванг в сопровождении Гроляра сел в одну лодку, тогда как в другую, стоявшую впереди, сел один Саранга. Гроляр, спускаясь, искал глазами своего неизменного спутника, Ланжале, но Ли Ванг и Саранга сказали ему, что никто, кроме их троих, не может ехать на таинственный остров, берегаемый «тиграми Зондского пролива», — и бедный «маркиз» должен был скрепя сердце подчиниться этому требованию.

Впрочем, он немного ободрился, когда Ланжале, наклонясь с борта яхты, шепнул, следя за его спуском по трапу:

— Не бойтесь ничего: мы будем следовать за вами в китоловке и при малейшей опасности поспешим к вам на помощь...

Саранга взял в руки весла и, сказав своим пассажирам «следуйте за мной», двинулся в таинственный путь.

Ли Ванг и Гроляр принялись также работать веслами на своей лодке, что для них не составляло особенного труда, так как они были достаточно опытны в этом деле.

За ними, незаметно для Саранги, отчалила от яхты китоловка.

— Ну-с! — весело воскликнул китаец. — Вот мы и у последней станции к нашей цели!

— Да поможет вам Небо! — ответил полицейский. — Но, не знаю почему, меня тревожат какие-то предчувствия.

— Что вы! На пороге к цели, к полному успеху?

— Что же делать? Вы знаете, бывают такие минуты, когда на самом исходе какого-нибудь дела вдруг словно что-нибудь ударит тебя в голову и заставит предвидеть истину — все равно как молния, которая вдруг

сверкнет и осветит на мгновение скрытые в темноте предметы, грозящие опасностью бредущему впотьмах спутнику.

Как все восточные люди, Ли Ванг был суеверен и потому отчасти поддался мрачному настроению Гроляра; но полицейский добавил вслед за тем более спокойным тоном:

— Я плохо спал в прошлую ночь, и потому мысли мои не в должном порядке» Ночью, например, мне казалось, будто Лао Тсин намерен проделать с нами плохую шутку и что я напрасно последовал за вами в это путешествие, а теперь на меня неприятно подействовал отказ Саранги взять с собой Ланжале, моего помощника и преданного друга, на которого я привык полагаться во всех сомнительных случаях в моих путешествиях по Востоку.

— В этом отказе Саранги нет ничего странного, — возразил Ли Ванг, — он сделал только то, что предписывается правилами Общества Джонок, встречающими иностранцам проникать на остров Иен.

— Но я ведь тоже иностранец, и однако же для меня оказалось возможным отправиться на остров!

— Вы другое дело, господин маркиз! Вы очевидец кончины старого Кванга, везущий туда известие об этом важном событии и доказывающий таким образом справедливость моих притязаний на этот высокий пост. Без этого разве я согласился бы взять вас с собой? У каждого из нас своя цель у меня — сделаться главой Общества Джонок, на что я имею неоспоримое право, а у вас — получить в свои руки драгоценный «Регент», оставленный мной у Лао Тсина. Таким образом, мы опираемся друг на друга в достижении наших целей. Итак, следуйте за мной не колеблясь, потому что, в сущности, вам иначе ведь нельзя действовать... Но что там такое с Сарангой? Он остановился и делает нам знаки тоже остановиться. Посмотрим, в чем дело!

Ли Ванг умирал ход своей лодки и поравнялся со своим проводником.

— Что случилось? — спросил он Сарангу.

— Мы прибыли немного раньше, чем следовало, и нам придется подождать до того времени, когда вода пойдет на отлив от гротов Мары, — иначе нам не попасть в них, так как они совершенно затоплены приливом.

— Это правда?.. А не сбился ты с дороги?..

— Я, господин, мог бы найти дорогу к гротам Мары и с закрытыми глазами, — сказал малаец, мрачно улыбаясь. — Повторяю вам, нам нужно подождать, пока спадет лишняя вода.

— Сколько времени?

— Час может быть, и больше часу...

— Мы могли бы это время с большей приятностью провести на яхте, — заметил недовольным тоном китаец.

— Тогда мы могли бы опоздать, господин, потому что необходимо попасть в гроты по первой отливающей воде. Затем она устремляется с такой силой, что вы рисковали бы разбиться вдребезги у этих скал.

— «Вы рисковали бы»! А разве ты не поедешь с нами?

— Я могу ехать только до первого ряда скал.

— Почему это?

— Потому что господин Лао Тсин велел так мне.

— Как же мы без проводника будем продолжать наш путь?

— Саранга вам объяснит это теперь на досуге, господин.

— Это будет не слишком трудно?

— Ничего нет легче, господин, как пройти теперь на остров Иен, стоит только страже у входов в гроты пропустить вас туда.

— А что это за стража?

— Вы ее увидите, господин! — отвечал уклончиво малаец, и невольная дрожь пробежала по его телу — при воспоминании, вероятно, о каком-нибудь ужасном случае.

Саранга и Ли Ванг. — Необъяснимая ненависть и жажда мщения. — Крупный разговор. — Гроляр беспокоится. — Последние советы. — Пассажиры третьей лодки.

Если бы Ли Ванг и Гроляр могли видеть в эти минуты лицо малайца, искаженное ненавистью и мщением, едва ли они бы не предпочли лучше вернуться на яхту, чем продолжать с таким проводником дальнейшее путешествие. Что же заставляло Сарангу всякий раз проявлять свирепое злорадство по отношению к китайцу, вместо того чтобы просто исполнять приказания, полученные от банкира Лао Тсина? Ему, малайцу, не принадлежащему к Обществу Джонок, не все ли равно, кто одержит верх в этой борьбе, француз ли Бартес или китаец Ли Ванг, интересы которых одинаково были чужды ему?

Старый Фо выкупил его когда-то из неволи у тиморского султана и определил в услужение к Лао Тсину, который всегда обращался с ним гуманно. За это Саранга относился к нему с преданностью верной собаки и всегда готов был пожертвовать жизнью ради своего господина. Но тут еще не заключалось никакого разъяснения причины, по которой Саранга ненавидел знатного китайца, явившегося оспаривать власть повелителя пиратов у француза Бартеса.

Конечно, между знатым китайцем и малайцем должна была существовать какая-то кровная вражда. Малайцу, должно быть, нанесли когда-то одну из тех обид, которые никогда не забываются. Но в чем состояла эта обида — никто этого не знал между слугами банкира, среди которых Саранга жил одиноко, без семьи и без друзей, жуя бетель, куря и попивая иногда арак — для развлечения, а может быть, и с целью забыться.

При первом появлении Ли Ванга у его господина лицо малайца, обыкновенно бронзового цвета, вдруг позеленело, и руки схватились за пояс, ища, разумеется, кинжал, которого там не было. Но это волнение Саранги никем не было замечено, и в течение двух дней, предшествующих отплытию яхты, он вел себя спокойно и равнодушно, рассудив, без сомнения, что продолжать волноваться нечего, так как он скоро повезет своего врага на верную и неизбежную смерть, одно представление о которой повергало его в трепет и ужас...

Потом, на яхте, в одну из тихих ночей, стоя на носу судна, он Долго напевал себе под нос какую-то песню на своем родном языке — и в глазах

его светилось нечто радостное. Может быть, это была злая радость, предчувствие удовлетворенной мести, по случаю ожидания скорой и страшной гибели врага?

Что касается Ли Ванга, то он, очевидно, ничего не ощущал по отношению к малайцу, видя его, по всей вероятности, в первый раз в жизни: он равнодушно смотрел на малайца как на человека, совершенно ему незнакомого, и так держал себя с ним и в доме банкира, и на борту яхты.

Только в разговоре о дальнейшей дороге он обратил некоторое внимание на тон, которым сказаны были малайцем последние слова, вследствие чего повторил свой вопрос с оттенком нетерпения и приказания:

— Я тебя спрашиваю, что это за стража, которая имеет право пропускать или останавливать направляющихся на остров Иен?

— Я ничего больше не могу прибавить.

— Сказать правду, ты не похож на проводника, — заметил Ли Ванг.

— Мой господин приказал мне проводить вас до гротов Мары, и это все, что я обязан исполнить.

— Можно было бы подумать, — продолжал Ли Ванг, — что ты получил иное приказание — сбить нас с дороги. Я сообщу твоему господину о твоём странном поведении.

— Вы можете думать обо мне все, что угодно, и сообщать господину все, что считаете нужным.

— Это, наконец, уж чересчур, и если бы мы были на яхте...

— Яхта состоит под командой господина Порника, а также отчасти и под моей, а потому вы не можете делать там никаких распоряжений.

— Ну хорошо! — вскричал Ли Ванг. — По возвращении в Батавию ты будешь достойным образом наказан моим другом Лао Тсином, даю тебе слово.

— Лао Тсин вам не друг...

— Молчать, презренный раб! Что-то сдается мне, что ты не проводник, а предатель! Право, не вернуться ли мне назад?..

Услышав такие слова, Саранга сразу переменял тон и смиренно сказал:

— Зачем господин разгневался на бедного Сарангу за то, что он не знает того, о чем его спрашивают? Не думает ли господин, что Саранга посвящен в тайны острова Квангов?

— Это правда! — согласился китаец, который тоже одумался в своём гневном раздражении и вернулся снова к своей заветной мечте — проникнуть на таинственный остров.

«В самом деле, — сказал он про себя, — я напрасно рассердился на

этого беднягу-дикаря. Что он может знать, кроме дороги, которой ведет нас? Я погорячился!»

— Да, правда! — заключил он вслух свои размышления. — И притом ведь стража часто меняется, и ты, понятно, в настоящую минуту не можешь знать, кому поручен надзор за проходом в гроты. Надеюсь, ты не обманешь моего доверия?

— В чем дело? — спросил Гроляр, ничего не понявший из этого разговора, происходившего на малайском языке, которого он совсем не знал.

— Пустяки! — ответил Ли Ванг. — Кое-какие подробности касательно дороги, которые сообщил мне наш проводник.

— Видите ли, — беспокойно продолжал полицейский, — я думаю, что теперь еще есть время вам отказаться от вашего предприятия... Даю вам честное слово, если бы я знал, что нам нужно будет темной ночью пробираться через морские трущобы к этому знаменитому дворцу, я бы ни за что на свете не согласился сопутствовать вам!

— Да, вам бы нужен был порт, совершенно открытый для входа и выхода, вроде батавского, и чтобы на этих вот скалах было написано огромными буквами: «Здесь секретное пристанище Общества Джонок». Обуздайте хоть немного ваше боязливое воображение, господин маркиз де Сен-Фюрс!

— Чем ближе мы к цели нашего путешествия, тем более тревожат меня мои предчувствия, — заметил плачущим тоном Гроляр.

— Господин! — возвестил в эту минуту Саранга. — Поднимается ветер, с которым наступит отлив. Возьмите вот эту веревку, привяжите ею вашу лодку к моей, чтобы вы ни на шаг не отставали от меня.

— Хорошо! — ответил Ли Ванг.

— Теперь соблаговолите выслушать мои последние советы, как вам приплыть к гротам Мары.

— Ладно! Этого-то я и ожидаю от тебя!

— Когда отлив начнется, я вас провожу прямо к месту, где Должен буду остаться, вы же направитесь дальше уже одни, Держа руль вашей лодки прямо вперед и никуда не сворачивая. Таким путем вы как раз подъедете к гротам, о чем даст вам знать шум волн под их сводами. Тогда вы зажжете фонари на носу и на корме, чтобы осмотреться кругом. Под сводами гротов вы войдете в канал, ведущий к довольно широкому подземному озеру, имеющему в длину около трех морских миль. Это озеро прямо и приведет вас на остров Иен, где устроен главный порт Общества.

— А нет ли входа на остров с другой стороны, не через эти гроты?

— Я этого не знаю, господин, я всегда входил только через гроты.

— Я думаю, что другой вход должен существовать, так как джонки, по-моему, не могут проникать на остров через пещеры которые должны быть очень тесны для них

— Я ничего не знаю об этом, господин! Я не из тех, кому доверяют секреты» Но слышите ли? Хорошо ли вы привязали веревку к вашей лодке? Теперь нам не придется долго ждать!

— Мы готовы, отправляйся! — сказал Ли Ванг.

И опять наступила тишина, такая же глубокая, как и мрак тропической ночи, окружавший наших пловцов, которые бесшумно скользили по спокойным темным волнам моря. Но эти волны постоянно светились искрами, исходящими от разных фосфоресцирующих животных, и представляли дивную картину, способную приковать к себе внимание всякого... только не наших двух путешественников, которые слишком были поглощены своими мыслями, не дававшими им покоя.

Между тем третья лодка не теряла из виду первых двух, плывя на некотором расстоянии от них.

— Все сделано? — спросил Порник, когда спускался по канату в китоловку.

— Все, господин командир! — ответил Ланжале.

— Съестные припасы?..

— Есть, на восемь дней, на четырех человек.

— Хорошо! Оружие?

— Есть, в этом ящике ружья с репетицией и со штыками, двенадцатимиллиметровые револьверы, топоры, сабли для абордажа и прочая амуниция.

— Питье?

— Есть: двести литров воды, сто литров вина и небольшой бочонок с ромом.

— Отлично, спасибо! Данео здесь?

— Здесь, господин командир! — отозвался Данео в ночной темноте из другого конца лодки.

— Все в порядке, — заключил Порник, — а теперь — в путь, дети мои, не теряя из виду наших пассажиров с малайцем во главе!

И китоловка продолжала тихо подвигаться вперед по чуть заметному светящемуся следу, оставляемому двумя передними лодками, не подозревавшими, что у них есть спутница.

XXIII

Китоловка. — Военный совет. — Армия в два человека. — Правый и левый фланги. — Любознательность Данео. — Так вот в чем дело! — Вперед!

Все, что принадлежало банкиру Лао Тсину, носило отпечаток прочности, изящества и новейших научных приспособлений к делу. Такова была и китоловка при его яхте: она была построена из самого лучшего тикового дерева, украшена как игрушка и приводилась в движение электрической машиной, заказанной в Париже; при этом она отличалась такой скоростью хода, что могла делать двадцать два узла в час.

Порник, имевший очень острое зрение и тонкий слух, держался ровно в пятидесяти метрах от двух лодок, не будучи видим их пассажирами. Когда Саранга остановился, он также остановил свою китоловку и благодаря глубокой тишине ночи мог отчетливо слышать каждое слово малайца, разговаривавшего с Ли Вангом; ему приходилось только сожалеть, что он очень мало понимал по-малайски.

— Ну, дети мои, — вполголоса сказал он своим товарищам, — побеседуем немного, но так, чтобы нас не могли слышать там эти две обезьяны, затащившие с собой нашего француза, по его глупости. Нам нужно столковаться относительно образа действий в этой экспедиции. Тебе слово, Ланжале!

— Предполагая, что ты уже посвятил в нашу тайну Данео, — начал Парижанин, — я могу сказать только, что мы немного похожи на слепцов, пробирающихся ощупью, и потому должны следовать за Сарангой во всех его перемещениях, не теряя ни на мгновение из виду нашего друга Гроляра.

— «Нашего друга»! — возразил Порник. — Скажи лучше, что одному из наших соотечественников грозит смерть, и мы не можем допустить, чтобы он был убит этими китайскими мартышками, с их смешными косыми глазами и косами на затылках!. Итак, мы должны защитить его во что бы то ни стало, до готовности пожертвовать нашей жизнью ради него, если это окажется необходимым. Согласны вы со мной?

— Согласны, согласны! — ответили Ланжале и Данео.

— Хорошо! — одобрил Порник. — Но во всякой экспедиции, как бы она ни была ничтожна по числу людей, необходимо иметь командира, чтобы согласованнее действовать и в атаке, и в защите, и чтобы силы людей не разбрасывались ни направо, ни налево. Постараемся же теперь выбрать

командира. Начинайте! Я буду собирать голоса.

— Да зачем тут голоса, — возразил Ланжале, — когда командовать должен ты, а мы готовы повиноваться тебе даже с закрытыми глазами?!

— Хорошо, — одобрил опять Порник, ощущавший некоторую склонность к формализму. — Итак, ты подаешь свой голос за меня?

— Хоть десять голосов! — воскликнул Ланжале.

— Ладно! А ты, Данео?

— Я согласен с Ланжале во всем, признаю тебя нашим командиром и на суше, и на море и готов за тобой повсюду следовать, хоть к самому сатане в преисподнюю!

— Отлично, дети мои! И вы не раскаетесь в вашем выборе, вы увидите, что Порник первый готов будет сложить свою голову, когда представится серьезная опасность! Теперь установим известный порядок, которого будем держаться при стычке с неприятелем: ты, Ланжале, будешь моим правым флангом, а ты, Данео, левым. Это значит, что при нападении нашем на неприятеля, когда я устремлюсь на его центр, ты будешь громить его справа, а ты, Данео, слева от меня. Идет?

— Идет, идет! — ответили одновременно оба фланга.

— Ладно! Именно так и поступают на войне, — продолжал Порник, — то есть одновременно действуют и центром, и двумя сторонами, правой и левой.

Очень довольный преподанным им уроком тактики, бретонец так заключил свой деловой разговор:

— Знайте, друзья мои, что всегда тот оказывается плохим солдатом, — будь он моряк или пехотинец, — у кого в фонаре нет ровно ничего!

«Фонарь» на его языке означал голову.

— А против кого, собственно, мы идем? — спросил Данео. — Если против кучки людей, подобных этому полунагому франту, называемому Сарангой, то это еще не самая большая опасность

— В том-то и штука, — ответил начальник армии в два человека, — что мне самому доподлинно неизвестно, против кого мы идем! Ясно только, что этот некто приближается к нам, или мы близимся к нему, что, по-моему, одно и то же.

— У него на все готов ответ, что бы ему ни сказали, — заметил, смеясь, Данео, — и он готов шутить в самой пасти сатаны!

— Черт возьми, надо быть особенно глупым, чтобы попасть к сатане в пасть! — воскликнул Порник, играя словами. — Надеюсь, однако, что с тобой никогда не случилось ничего подобного.

— Бог миловал, но шутки в сторону. Я бы серьезно хотел знать, в

самом деле, с кем мы будем иметь дело?

— Дружище, я тебе скажу опять, и как нельзя более серьезно, что мы об этом решительно ничего не знаем... Ланжале скажет тебе то же самое.

— Это правда?

— Как то, что мы сидим теперь в этой самой китоловке, среди этого малоизвестного нам моря! Все, что мы узнали благодаря некоторой хитрости нашего приятеля Ланжале, заставившего малайца обронить несколько лишних слов, заключается в том, что жизнь «маркиза де Сен-Фюрси» находится в большой опасности»

— Гроляра, то есть?

— Ну да! Мы узнали, что он не вернется целым и невредимым из путешествия с этим Ли Вангом, и потому решили следовать за ними втайне от них, чтобы в случае опасности защищать его от всяких Ли Вангов и им подобных господ. Откуда явится опасность и кто неприятель, об этом мы знаем столько же, сколько и ты. Но никто и ничто не заставит отступить трех честных французов, когда дело касается защиты одного из наших соотечественников! Мы не хотим знать, замышлял ли что против нас господин Гроляр и не намерен ли он завтра же возобновить свои замыслы: он француз, и притом вдали от своего отечества. Этого должно быть достаточно, чтобы мы никому не позволили здесь тронуть его! — Мы, может быть, потому были назначены на яхту Лао Тсина, что имеем личные счета с господином Гроляром и потому не станем ни в чем помогать ему как нашему врагу. Так покажем же всем этим мартышкам, что они обманулись и что французские моряки помнят всегда о долге и чести!.. Но если ты не так думаешь, как мы, — можешь сесть в эту лодчонку, привязанную сзади нашей китоловки, и вернуться на яхту: мы и вдвоем с Ланжале сумеем справиться с этим делом.

— Мне покинуть вас?! — воскликнул Данео. — Черт меня возьми, если я способен на такую низость! Я видел, что ты все шутишь, и потому подумал, что дело касается опять какой-нибудь смешной штуки, которую вы решили сыграть с Гроляром, войдя для этого в сговор с Ли Вангом и малайцем. Но раз этого нет, то вы смело можете положиться на меня, — я также не отступлю ни перед чем!

— Bravo, дружище! — заключил Порник. — Однако, слышите ли, поднимается ветер, и нам нужно быть готовыми к нему! Я не знаю, что замышляет против нас эта глупая малайская морда: не Думает ли он завести нас в такое место, где ветер может бросить нас на скалы, или что-нибудь иное учинить? К счастью, наша китоловка с ее машиной может противиться всяким дьявольским ветрам, тогда как лодки, в которых они

плывут, не будут в состоянии и двух секунд выдержать напор ветра или сильного течения Малаец же может ускользнуть из опасного места каким-нибудь хитрым маневром, — он ведь ловок, как бес, — а Гроляр с китайцем пойдут ко дну!.. Данео, дружище, приподними немного якоря!

— Готово, командир!

— Ладно, мой милый! А теперь садись поближе к борту и жди команды!

— Положитесь на меня, командир, все будет в порядке!

Едва Данео успел сказать это, как ветер вдруг начал крепчать, и море подернулось «барашками», заставив китоловку качаться, чего до сих пор вовсе не замечалось.

— Внимание! — возгласил Порник. — Комедия начинается! Держись твердо на своем месте, Ланжале! Течение поднимает нас! Вперед!

Новый участник сцены. — Начало катастрофы. — В гротах Мары. — Сын Бегумы-Мариавы. — Кто такие «исполнители правосудия».

В ту же самую минуту, когда Порник скомандовал «вперед», две передние лодки также поплыли дальше, управляемые Сарангой. Течение было уже настолько сильно, что два пассажира второй лодки не могли бы преодолеть его, если бы вздумали повернуть свое судно в обратный путь.

Однако для начинавшегося спектакля, полного, как мы увидим, драматизма, готовился новый участник, хотя и равнодушный, на которого малаец не рассчитывал: это была луна, которая как раз в это мгновение выглянула из-за густого тумана, готовившегося, по-видимому, совершенно рассеяться. Это неожиданное обстоятельство повлекло за собой такие последствия для Саранги, которых никто не мог предвидеть...

Лодки неслись так быстро, что Порник, видя уже весьма близкие скалы, готовился нагнать вторую из них, чтобы, взяв ее на буксир, повлечь за собой в обратный путь, как вдруг малаец метнул свою острогу в ближайшую скалу, и лодка его мгновенно остановилась. Но в ту же минуту он размотал всю веревку, державшую на привязи вторую лодку, и последняя с ужасной быстротой, как стрела, помчалась под своды гротов, вызвав невольный крик испуга у обоих пассажиров.

Именно в это мгновение луна осветила место действия.

Видя это и поняв намерения малайца, Порник и двое его товарищей бросились также в гроты — в погоню за исчезнувшей лодкой, мимоходом крикнув бранные слова малайцу, который, с растрепанными волосами и леденя от ужаса, глядел на трех смельчаков, не понимая, каким образом они очутились на месте этой страшной драмы.

Вдруг малаец припомнил, что он дал слово своему господину спасти во что бы то ни стало Ланжале, которого он заметил в числе трех пассажиров на китоловке. Как он теперь явится к Лао Тсину и что ему скажет?.. К тому же в китоловке был сам командир яхты, который умеет управлять компасом и всеми движениями судна и без которого ему никак не вернуться обратно в Батавию.. Сообразив все это, малаец решил, что ему необходимо спасти от гибели этих двух человек, хотя бы и пожертвовав своей жизнью.

Отцепив свою лодку от скалы, он пустил ее по течению и также понесся стрелой под своды гротов.

Войдя в это страшное место, он сложил руки рупором и, приставив их ко рту, крикнул что было силы:

— Ли Ванг, зажгите у себя фонари!

Эти слова глухо прозвучали под нависшими сводами, готовыми, казалось, обрушиться на головы людей под ними, но малаец с облегчением увидел огни, засветившиеся в отдалении и отразившиеся на мрачных волнах. Тогда он крикнул еще:

— Господин Порник, зажгите и вы огни у себя! Это я, Саранга! Я хочу помочь вам и спасти вас от беды во что бы то ни стало!

— Давно пора, черт тебя побери! — крикнул в раздражении бретонец. — Лучше поздно, чем никогда! Но пусть возьмут меня сию минуту все черти ада, если я знаю, где мы находимся!..

Китоловка тотчас же вся осветилась огнями.

— Можете ли вы, — спросил Саранга, приблизившись к ней на своей лодке, — держаться с вашей машиной против течения?

— Не только держаться, но могу и идти против него, негодяй!

— Хорошо! — сказал малаец, не обращая внимания на оскорбления, посылаемые ему, или, может быть, не понимая их. — Догоните лодку с вашими друзьями, прицепите ее к себе веревкой и сопротивляйтесь течению всеми силами, не идя дальше: Дальше их и вас ожидает беда!.. Да поскорее!..

Порник не заставил малайца повторять свои советы и бросился за лодкой: он понял, что если малаец был виной катастрофы, готовой с минуты на минуту разразиться над ними, то теперь он совершенно искренне желал предупредить ее.

В несколько минут китоловка очутилась рядом с лодкой, Умчавшейся вперед, и взяла ее на буксир, остановившись сама неподвижно и твердо среди бушевавших волн... Радость бедного Гроляра была неопишима, когда он увидел себя под защитой своего помощника Ланжале и его двух товарищей!

Но Ли Ванг, находивший свое положение весьма естественным, хотя быстрота хода немного беспокоила его, вообразил, что Порник на своей китоловке явился затем сюда, чтобы помешать ему в его честолюбивом намерении проникнуть поскорее на остров Иен. Он уже готовился потребовать от Саранги объяснения этой неожиданной помехи его планам, как вдруг малаец, также прикрепив свою лодку к китоловке, объявил ему:

— Ли Ванг, вы осуждены на смерть банкиром Лао Тсином и мной! Вы, де Сен-Фюрси, также, хотя я сам ничего не имею против вас... И вы очутились здесь, под этими гротами, чтобы погибнуть!

— Что же я тебе сделал, несчастный? — вскрикнул Ли Ванг, приходя в ярость от своих несбывшихся надежд. — И что я сделал твоему бесчестному господину, чтобы послать меня в эту западню?

— Молчи! — сказал ему Саранга. — Это дело справедливости! Не оскорбляй моего господина, иначе я задушу тебя тут же, на месте, своими собственными руками!..

— А я, — воскликнул Гроляр, — чем же я провинился перед Лао Тсином? — И вдруг заплакал, как женщина.

Глубокое молчание воцарилось затем на несколько минут Порник и его товарищи поняли, что приближается развязка таинственного приключения с пассажирами второй лодки.

— Что вы сделали, вы двое? — начал опять малаец. — Не мешали ли вы великим намерениям моего господина? Не арестовали ли вы нашего высокоуважаемого Кванта, усыновленного покойным Фо, и не отказались ли вы трижды исполнить требование, предъявленное вам, не делать больше покушений против свободы молодого человека, избранного волей судьбы главой великого Общества Джонок? В тот самый день и час, когда вы отказались исполнить это требование, вы подписали свой смертный приговор!

— А ты, Ли Ванг, — продолжал Саранга, и глаза его заблестели мрачным огнем мщения, — если ты желаешь знать, за что я тебя ненавижу и почему я отдал бы последнюю каплю своей крови за желание видеть твою кровь пролитой, — вспомни остров Тимор! Я — Мегали, сын Бегумы-Мариавы!...

Услышав эти последние слова, Ли Ванг испустил крик, полный ужаса и отчаяния, и, вскочив с места, устремил свой безумный от страха взгляд на малайца, как бы силясь припомнить что-то ужасное в чертах его лица.

— Узнаешь меня? — спросил его Саранга. — Всмотрись в меня хорошенько, чтобы все сомнения исчезли! Я действительно сын твоей жертвы! И знай, что как бы там ни было, что бы ни случилось, но ты никуда не уйдешь отсюда, и я с величайшей радостью и наслаждением увижу, как ты будешь живьем растерзан неумолимыми и страшными исполнителями правосудия гротов Мары! Ли Ванг в ужасе бессознательно опустил на дно своей лодки.

— Ладно! — заключил малаец с презрением. — Ты так же труслив, как и жесток...

И прыгнув из своей лодки на борт китоловки, он сказал Порнику:

— Сожалею, господин командир, что против моего желания поставил вас в это опасное положение. Но будьте уверены, что я сделаю все, чтобы

только вывести вас из него! Только бы нам хватило оружия и съестных припасов...

— Оружия у нас достаточно, — объявил Порник, — а пищи — более чем на неделю.

— Хвала богам! — воскликнул Саранга. — Послезавтра — время полнолуния, и мы будем на месте, где вода совершенно спокойна: это единственный момент в году, когда первые гроты не бывают затоплены морем, и если мы продержимся до этого времени, то сумеем выбраться из этих проклятых мест в открытое мора

— Да? — спросил Порник. — «Если мы продержимся»? А кто эти страшные противники, или «исполнители правосудия», как ты их назвал, с которыми приходится нам иметь дело?

— Всмотритесь внимательно в волны у борта, — ответил малаец, и невольная дрожь пробежала по его телу.

Акулы. — Небольшой спор по поводу «большого негодяя». — Какие еще опасности впереди? — Светлый луч на мрачном фоне окружающего. — Тоска ожидания. — Бравый капитан.

Порник наклонился к борту китоловки и стал смотреть на волны. — Ах, ах! Черт возьми! — воскликнул он. — В самом деле акулы! И какое множество! Целый полк! И какой величины! Я таких и не видывал никогда! Впрочем, этот неприятель не слишком опасен при нашей шлюпке. Другое дело, если бы это была простая лодка.

Как бы в подтверждение последних его слов несчастный Гроляр вдруг вскрикнул не своим голосом и бросился из своей лодки на борт китоловки. Ланжале вскочил со своего места и помог ему перебраться на их судно.

Причиной тревоги была одна из акул, которая, почуяв добычу вздумала прыгнуть в лодку, но плохо рассчитала свой прыжок и перелетела через лодку на другую сторону грота, чуть-чуть только задев мокрым телом бедного полицейского. Ли Ванг тоже устремился за ним на китоловку, выйдя из оцепенения при виде страшной опасности, грозившей им обоим, но Саранга загородил ему дорогу.

— Ни шагу дальше! — крикнул ему грозно малаец. — Оставайся на своем месте, или я брошу тебя сейчас же за борт лодки!

Несчастный искатель власти Кванга, превратившийся теперь в самое жалкое существо, убедившись, что все надежды его погибли, начал было умолять малайца пощадить его, но тот был непреклонен, грозя немедленно разделаться с ним. Тогда вмешался Порник.

— Я один здесь командую, — сказал он малайцу, — и никто не имеет права препятствовать кому бы то ни было искать безопасности на борту моего судна.

— В таком случае я возвращаюсь на свое судно, — заявил Саранга.

— Ты не сделаешь такой безумной вещи!

— А зачем вы становитесь между мной и этим человеком? Он принадлежит теперь мне, по праву мести!

— Послушай, Саранга, ты ошибаешься: мы все тут уверены, что этот Ли Ванг — большой негодяй и тысячу раз заслужил свое наказание, но наши нравы и обычаи запрещают нам быть свидетелями такой жестокой расправы с человеком, хотя бы и тяжко виновным. Не беспокойся, он от тебя никуда не уйдет, и ты свершишь над ним свое правосудие, только не

теперь, а в более спокойное время.

— Значит, этот человек принадлежит мне?

— Да, или, скорее, твоей справедливости, так как ты, без сомнения, не захочешь наказывать невинного.

— О, на этот счет вы можете быть спокойны! Надеюсь также, что никто не покусится отнять его у меня?

— Мы, напротив, станем даже помогать тебе караулить его.

— Хорошо! Я остаюсь здесь, — решил Саранга, — и надеюсь, что вы сдержите ваше слово.

— Разумеется! Но поговорим о нашем положении: если только одни акулы грозят нам...

— Нет, господин Порник, — перебил малаец речь Порника, — есть еще другая опасность, о которой вы и не думаете, конечно. Когда мы вынуждены будем войти в озеро, то буквально по акулам, а не по воде должны будем пробираться там! С незапамятных времен жители острова Иена прикармливают их, бросая озеро остатки всевозможной пищи — например, целых свиней и даже быков, и акулы тысячами стремятся через гроты в озеро из моря, чуя добычу» Итак, довольно будет какой-нибудь из этих тварей случайно прыгнуть к нам на палубу — и мы погибли! Ведь один удар хвоста этого чудовища убивает наповал человека!

— Мы будем осторожно пробираться между ними.

— Никакая осторожность не поможет тут, как и все ваше оружие, поверьте мне! Затем нам грозит еще одна опасность...

И Саранга побледнел при одном воспоминании о чем-то ужасном, изведенном им когда-то.

— Какая же? — спросил Порник. — Дело, как я замечаю, не шуточное, если и ты даже пасуешь перед ним.

— И есть чего страшиться, господин командир! Представьте себе, что на острове Иене содержится порядочное число чудовищной величины кайманов, посвященных богам; и вот их, в последнюю ночь, которая предшествует полнолунию, пускают в озеро на акул. Зная это, мой господин и выбрал как раз это самое время, рассчитывая на то, что если бы Ли Ванг и его спутник каким-нибудь чудом уцелели от акул, то кайманы совершили бы правосудие над ними!

— Это ужасно! — воскликнули в один голос Порник, Ланжале и Данео, а несчастные Ли Ванг и Гроляр глухо застонали от ужаса.

— И когда эти кайманы, — продолжал малаец, — которых перед тем нарочно морят голодом, увидят проход в озеро из своего бассейна свободным, они с невообразимой яростью устремляются на добычу,

сокрушая все на своем пути. Акулы, понятно, не уступают им себя дешево, — и вот начинается страшная схватка между ними, в которую не приведи судьба нам попасть! Хуже ничего не может быть!

— Это ужасно! — опять воскликнули Порник и его товарищи.

— Единственная наша надежда на то, что сегодня, может быть, кайманов еще не пустят в озеро...

— А нет ли какой-нибудь возможности остаться здесь, чтобы не входить в озеро, пережидая опасное время?

— Никакой возможности! Менее чем через час вода наполнит эти гроты до самых сводов, и мы, таким образом, будем залиты ею и пойдем ко дну... Словом, мы должны плыть в озеро, если не желаем утонуть здесь.

Акулы между тем все прибывали и прибывали в гроты, толкаясь мордами и хвостами о стены китоловки и щелкая зубами. Саранга сосредоточенно молчал, обдумывая что-то. Видя это, Порник сказал Ланжалю:

— Ну, старина, кажется, наше дело плохо. И дернула же нас нелегкая сунуться туда, откуда и уйти нельзя с честью! Вот куда плыли мы почти пять суток! Ах, черт возьми!

— Будь что будет, — отвечал невозмутимый философ-парижанин, — но я не намерен капитулировать без всяких условий, к тому же у меня есть идея...

— Какая же? Говори! В настоящую минуту это более чем любопытно!

Ланжале, не сказав ничего, спустился в одну из кают, а Саранга объявил вдруг Порнику следующую малоутешительную новость:

— Господин командир, вода прибывает быстро, и через четверть часа нам невозможно будет оставаться тут дольше.

— Четверть часа? — спросил Ланжале, появляясь снова на палубе. — Этого для меня достаточно, чтобы приготовиться как следует...

В руках у него был большой кусок медной проволоки, довольно длинный, — запас для электрической машины, — который он положил на борт судна, после чего сказал:

— Вот, друзья мои, в чем моя идея! Помогите мне теперь привести ее в исполнение.

Все окружили его. Ланжале взял два весла (прикрепленные к китоловке на случай ломки ее машины), проделал на их концах по дыре и укрепил в горизонтальном положении над водой, на носу и на корме судна. Потом он взял весла с остальных лодок, положил их крест накрест на первые, просверлил дыры и протянул проволоку, которая окружила таким образом китоловку на большом расстоянии от бортов. Достаточно было

пустить по проволоке электрический ток — и судно получало надежную защиту от всяких врагов.

Порник сиял от радости: он давно уже угадал идею своего друга.

— Теперь мы увидим, как будут плясать перед нами все эти твари! — сказал Ланжале, приводя в сообщение с аккумуляторами медную нить проволоки. — Это будет в некотором роде бал для них, на котором мы будем присутствовать в качестве любопытных зрителей!

И с этими словами он пустил машину судна в ход, так как время больше не терпело: между сводами грота и поверхностью судна оставалось свободного пространства немного более метра, и нужно было изо всех сил стремиться к выходу в озеро, соперничая в быстроте с водой, даже превосходя ее.

На лицах всех пассажиров изобразилось сильное беспокойство: успеют ли вовремя выйти из грота? Что ожидает их там, в этом озере? И будет ли прок от этого механизма, устроенного Ланжале? Не безумие ли думать, что такая слабая вещь, как эта проволока, в состоянии сопротивляться сильному напору чудовищ на судно, чудовищ, которых всего пяти, шести штук достаточно будет для того, чтобы общими усилиями их шлюпка была опрокинута на бок, и пассажиры ее сброшены были в волны — в жертву их врагам?

Впрочем, Порник, как командир, был спокойнее других: он твердо верил в изобретательский гений своего друга и товарища по приключениям.

Он щурил глаза, придавая важный вид своей физиономии, и иногда говорил как бы сам с собой:

— Гм! Посмотрим, кто будет смеяться последним! Черт возьми, славная батарея! От этих обитателей моря останутся только одни хвосты, надо полагать! Прекрасная идея, клянусь честью! Недаром я думал, что из этого что-нибудь да выйдет!

Все эти восклицания были, конечно, весьма слабым утешением для окружающих, но бравый бретонец держал себя таким молодцом и решительно непобедимым человеком, что все уверовали в свое спасение и стали смотреть гораздо бодрее, чем в первые минуты после того, как судно двинулось в дальнейший путь — к неизвестному и грозному будущему.

Сражение с акулами. — Кровавое море. — Кайманы! — Гром и молния! — «Посланник богов». — Легенда о Маре, или Как акулы и кайманы появились в озере.

Китоловка вошла в озеро и вынуждена была буквально плыть по акулам, которые теснились вокруг судна стаями, раскрывая свои страшные пасти и щелкая зубами при виде добычи. Сознывая опасность, грозившую всем пассажирам китоловки, Порник раздал оружие, и они начали громить чудовищ, стреляя из ружей и револьверов или просто коля их штыками.

В короткое время вода озера окрасилась в красный цвет, так что китоловка должна была пробираться буквально по крови.

Акулы при виде своих убитых собратьев набросились на последних — и озеро скоро стало ареной ужасной борьбы чудовищ Между собой.

Ланжале тем временем зорко наблюдал за своим импровизированным электрическим снарядом, готовясь пустить его в дело при первой серьезной опасности для пассажиров китоловки.

Вдруг на некотором расстоянии от китоловки из глубины озера вынырнула толпа каких-то существ, гораздо больше по размерам, чем акулы, и прямо устремилась на судно, очевидно намереваясь преградить ему дорогу, напасть на него.

— Кайманы! — сказал просто Саранга, но лицо его изобразило ужас, и по телу пробежала нервная дрожь.

— Кайманы! — вскрикнули и прочие пассажиры китоловки. Один Ли Ванг равнодушно и молча смотрел на все и всех, безучастно относясь, по видимому, к происходившему вокруг него после крушения всех своих планов и надежд.

Между тем Ланжале соединил медную проволоку с аккумуляторами и с бледным, но решительным лицом ожидал удобного момента.

Взоры всех, не исключая и Ли Ванга, устремились на него.

Новые чудовища, страшнее первых, приближались, уничтожая все на своем пути и устремляясь прямо на китоловку.

Еще десять секунд — и судно будет опрокинуто ими, и все пассажиры его погибнут, потопленные в волнах и растерзанные чудовищами, — или же восторжествует наука... Читатели догадались, вероятно, что Ланжале задумал пустить в ход всю мощь электрической машины судна, все ее пятьдесят сил, направив их через проволоку на страшных врагов.

Чудовища уже готовились ринуться на судно, когда Ланжале сделал движение правой рукой, нажал привод машины — и мгновенно широкая молния осветила волны и берега озера. Раздался оглушительный треск, подобный пушечному выстрелу, и повторился сводами гротов.

Действие этого электрического удара было ужасно: все, что было вокруг судна на расстоянии проволоки, — все оказалось убитым, уничтоженным, разорванным в клочья: ни один из кайманов, ни одна из акул не избежали гибели!

И только в отдалении видно было, как несколько уцелевших страшилищ, не участвовавших, без сомнения, в этом наступлении на китоловку, спасались, пораженные паникой, к берегам озера.

Вторичного нападения врагов не предвиделось более ниоткуда...

Таким образом Ланжале спас всех от ужасной смерти. Он помогал своему отцу на фабриках в окрестностях Парижа прилагать к делу силу электрического тока, — и вот теперь это знание сослужило всем и ему самому неоценимую службу.

Невозможно вообразить радость и благодарность всех уцелевших, чем они были обязаны этому скромному и непритязательному человеку! Порник первый бросился обнимать его, восклицая:

— Черт возьми, дружище! Никогда я не был так твердо уверен, что наступает конец концов — при виде этих проклятых тварей, которые так решительно стремились разнести нас в щепки и в клочки, и вдруг — такой славный отпор им! Ах! Теперь вся моя жизнь, которую ты спас от гибели, принадлежит тебе, тебе одному, и ты можешь распоряжаться ею по своему усмотрению!

Саранга, пораженный не виданным им никогда действием электричества в руках человека, который владеет им как каким-нибудь самым обыкновенным оружием, — Саранга не мог прийти в себя от крайнего изумления и с неким благоговением и страхом смотрел на молодого француза, которого недаром его господин, банкир Лао Тсин, велел спасти от беды в гротах Мары во что бы то ни стало! В голове малайца мгновенно возникло убеждение, что молодой француз обладает таинственной и страшной силой, свойственной богам, потому что может вызвать гром и молнию на голову врагов при столкновении с ними, в чем отказано всем вообще людям. Значит, этот человек — любимец, избранник богов, и его следует чтить, уважать и бояться как пророка, как необыкновенного существа!

— Господин! — сказал он наконец, почтительно обращаясь к Ланжале. — Теперь вы можете открыть нам тайный проход на остров Иен,

именно вы, и никто более! И мы беспрепятственно туда пройдем и отдадим в руки верных этого человека, чтобы они знали, на что он покушался и что сделал. Пусть он понесет заслуженное наказание, которому подвергаются изменники и убийцы! Я обличу его во всех его преступлениях и, по закону Общества Джонок, буду исполнителем правосудия над ним!

Речь шла о несчастном искателе власти Кванга, который один не принимал участия в общей радости, погрузившись в свою прежнюю апатию, когда страшная опасность миновала.

— Послушай, Саранга! — ответил ему Парижанин. — Ввиду благополучного исхода нашей стычки с этими чудовищами, которые всем нам грозили неминуемой смертью, ты бы мог, может быть, пощадить этого беднягу?

— Нет, господин! — возразил с непреклонной решимостью малаец. — Я дал клятву богам, которую должен непременно исполнить! Если бы вы знали, господин, все, вы бы не стали защищать этого человека. Мертвые встанут из своих могил, если я забуду свою клятву! И, наконец, я не хочу сам его казнить, — я желаю только отдать его на суд в руки верных, и тогда вы узнаете все ужасные преступления, которыми он запятнал себя, и из которых одного было бы достаточно, чтобы послать его на казнь.

— Ну хорошо, — решил Ланжале, — успокойся! Я вовсе не имею намерения помочь этому человеку уйти от правосудия людей той нации, к которой он принадлежит.

— В таком случае, господин, вы откроете нам тайный проход на остров Иен, куда мы и войдем без всякого страха и опасения, ибо с нами будете вы, посланник богов, которого верные примут с подобающими ему почестями.

— Но послушай, Саранга, — возразил Ланжале, который чувствовал себя неловко от этой настойчивости малайца, уверовавшего в него почти как в божество, могущее очень легко творить чудеса, — послушай, я вовсе не в состоянии сделать то, чего ты требуешь от меня. Ты, мой бедный, приписываешь мне могущество, которого у меня нет!

— О-о, господин, напрасно вы так говорите! — не соглашался с ним малаец, и в голосе его слышалась печаль из-за отказа Ланжале исполнить его просьбу. — Кто может вызвать гром и молнию на кайманов, посвященных богам, и заставить озеро волноваться от этого страшного удара, тот может сделать все, что захочет! В руках у того вся власть, данная ему богами!

— Да что это за секретный проход на остров Иен? — вмешался в странный спор Порник.

— Это такое место, господин, — стал объяснять Саранга, — которое известно одним только верным, то есть жителям острова Иена, и которое они одни могут открывать желающему войти на остров. Без их содействия нельзя его открыть никому, потому что никто не в состоянии сделать этого сам, по своей воле, да никому и не найти этого входа; но кто избран богами, кому они дали власть делать все, — тот, разумеется, всегда может открыть сам этот вход и провести через него других.

— Ты ведь проходил через него, и притом, кажется, много раз? — продолжал допрашивать командир китоловки.

— Проходил, господин, как же! Я сделал сорок девять поездок на остров Иен, при жизни покойного Кванга.

— Стало быть, ты должен знать, где этот вход, и привести нас к нему; а раз это будет сделано — мы и сами сумеем пройти через него.

— Но, господин, я не помню этого места и не могу его найти.

— Как так не помнишь? Это странно!

— Ничего нет странного, господин, потому что боги не хотят, чтобы простые люди помнили эту тайну: после каждой моей поездки на остров я на другой же день совершенно забывал место, где находится секретный вход на него.

— Как же ты находил его, приближаясь к острову? Тебе кто-нибудь указывал его и открывал?

— Это делалось так: когда господин Лао Тсин посылал меня на остров Иен к Квангу, который определил меня к нему только для этого дела, то сначала через тайных гонцов узнавался у Кванга пароль для прохода через гроты Мары, без которого никому не пробраться через них, — вы сами это видели, господин... (Тут малаец нервно вздрогнул). И только по получении пароля я отправлялся в путь с вестями для Кванга, и у входа в гроты находил всегда высланных мне провожатых, которые и защищали меня от акул. А потом они провожали меня до самого входа на остров, который мы находили уже открытым; для этого провожатые, вступив под гроты Мары, ударяли только в гонг, прикрепленный к одной из стен, давая сигнал, что пора открыть вход.

— Так мы можем вернуться к этому месту и ударить в гонг, чтобы там, на острове, знали о нас и открыли бы вход?

— Нельзя, господин, не откроют, — ведь мы не знаем пароля!

— А может быть, и откроют, и вышлют нам провожатых?

— Ни в коем случае! Пароля нет, не посылали за ним тайных гонцов, — так и пропуска нет ни на остров, ни через гроты Мары!

— Почему эти гроты называются так? — любопытствовал

Порник. — Что это за странное название?

— Мара, господин, это был великий человек, любимец богов, — вот, как он! — указал Саранга на Ланжале.

— Ну и что же он сделал, этот Мара?

— Это было очень давно, господин, и о нем сохранилось только предание, которое рассказал мне однажды мой отец... Прежде в гротах этих не было ни одной акулы и ни одного каймана в озере, и всякий человек, имевший какую-нибудь нужду в помощи или в правосудии Кванга, мог свободно входить к нему на остров Иен. Приближенные Кванга, увидев просителя на острове, немедленно препровождали его к великому начальнику, который и оказывал ему милость. Но вот однажды, под видом скромного просителя, прокрался на остров Иен один изменник и бунтовщик, подобный вот ему (малаец кивнул в сторону Ли Ванга), и, будучи введен к Квангу, бросился на него с кинжалом и нанес ему опасную рану в бок. Злодея тотчас же схватили, но в ужасе увидели, что в руках у них акула, а не человек, — акула, которая мгновенно выскользнула из рук и бросилась в озеро, где и исчезла: праведные боги превратили злодея в акулу за его преступление!» На другой день после этого явился к раненому Квангу Мара, посланник богов, заживил его рану и возвестил волю богов, пожелавших, чтобы с тех пор гроты и озеро наполнены были акулами — для защиты великого главы от изменников и злодеев. А чтобы эти чудовища не слишком размножались, боги велели в отдельном водоеме держать посвященных им кайманов, время от времени пуская их в озеро для уничтожения избытка акул. С тех пор гроты получили имя Мары и стали ужасным местом, через которое никто, не зная пароля с острова, не может безнаказанно пройти... Так и следует — для обуздания и наказания злодеев, замышляющих зло против великого главы великого общества!

— Гм! Странная легенда! — воскликнул Порник. — Не правда ли, друзья? — обратился он к Ланжале и Данео, внимательно слушавшим рассказ малайца.

XXVII

Порник недоволен восточными людьми. — Новое обращение к «посланнику богов». — Древняя Пифия, не думавшая умирать. — Генетическое число и удары в гонг. — Шутки более не действуют! — Не галлюцинация ли? — Молодой Квант!

Однако надо же как-нибудь выбраться отсюда, — сказал Порник после недолгого молчания, которое последовало после рассказа малайца. — Уж эти мне восточные люди с их разными секретами! Глупая идея — заставлять людей пробираться через ловушки да через западни, вроде вот этой!

— Не говорите так, господин! — возразил малаец с серьезным видом и понизив голос, как бы боясь быть услышанным кем-то. — Это делается не даром: таким путем испытывается храбрость тех, которые желают вступить в ряды «Зондских тигров».

— Хорошее испытание — среди полчищ этих акул и кайманов, которым только несообразительность мешает опрокинуть любую лодку и разнести ее вдребезги! Тут верная гибель ожидает человека и без всякого испытания!

— О, господин, — воскликнул малаец, — высланные проводники защищают ведь пассажиров! У них для этого есть с собой оружие!

— Что же это за оружие?

— Топоры с длинными рукоятками вроде палок: отлично действуют! Я же ведь сорок девять поездок сделал — и ничего, остался цел!

— Зато, я думаю, набрался страху на девяносто восемь лет. Черт возьми такие поездки!. Однако что же мы предпримем?

И Порник посмотрел вопросительно на своих двух друзей и товарищей.

— Господин, все от вас зависит! — снова обратился малаец к Ланжале.

— Я ничего не могу сделать тут, милейший мой! — отозвался Ланжале. — Если ты не знаешь, где секретный проход на остров, то как же могу знать я, никогда не бывавший здесь?

— Вам стоит только захотеть, господин, и проход откроется перед вами!

— Это любопытно! Каким образом это может случиться?

— Призовите богов на помощь, господин! Это самое важное! Потом скажите мне, сколько нужно сделать ударов в гонг, — мы для этого

вернемся к нему, он недалеко отсюда, — и какое должно быть слово для свободного прохода на остров. Вы увидите, господин, что боги придут к вам на помощь.

Ланжале снисходительно улыбнулся и пожал плечами.

— Хорошо, добрейший Саранга, пусть будет по-твоему! — решил Ланжале. — Веди нас к гонгу!

Саранга с радостью стал на носу китоловки, указывая дорогу к гонгу, по которой Парижанин и направил судно. Через десять минут оно вошло под своды одного из гротов, оказавшегося просторнее других, так что вода далеко не доходила до самых его сводов, и, по сигналу малайца, остановилось у той стены, к которой прикреплен был огромный медный гонг с таким же билом, висевшим под ним на железной цепи.

Саранга взял в руки било и стал выжидательно, с благоговением смотреть на того, кого он считал «посланником богов».

Но этот последний, не думая о роли, приписываемой ему, обратился к своим товарищам с шутливым воззванием:

— Внимание, господа! Древняя Пифия, которая и не думала умирать, желает нам помочь и начинает свои прорицания! Я не буду спрашивать у почтеннейшей публики ни платков, ни перчаток, которых, пожалуй, и не найдется у нее и которые всегда бывают нужны господам, дающим свои представления на Монмартре в Париже. Скажу только, что мы и без них обойдемся, и вы сейчас увидите то, что следует вам увидеть...

Улыбки показались на лицах слушателей, за исключением Саранги и несчастного китайца, которому, конечно, было не до смеха; Саранга же слушал это воззвание чрезвычайно серьезно и сосредоточенно, принимая его за обращение к домашним духам, покровителям «пророка». Стоя с билом в руках, он ожидал только сигнала, глубоко убежденный, что секретный проход на остров непременно откроется перед ними по воле богов, которые внемлют, без сомнения, молитвам их любимца.

Парижанин продолжал:

— Именем Великого Будды, который все видит, все знает и все может сделать, который обитает везде, призываю добрых духов и прошу их помочь мне! Слово для свободного прохода на остров Иен да будет «Фо», имя славного Кванга, отошедшего в вечность, и так как это слово состоит из двух букв, числа генетического, то, помноженное само на себя, оно даст новое число четыре. Значит, число ударов в гонг должно быть четыре, и за каждыми двумя ударами должно по одному разу произносить «Фо»... Итак, господа, внимание, — которое, впрочем, не стоит вам ни гроша медного, так как за представление ведь вы ровно ничего не платите! А в ожидании

чудес налей-ка мне, душа-Порник, стаканчик чего-нибудь хорошего, потому что я, кажется, заслужил уже эту порцию.

Порник поспешил исполнить просьбу друга и, подавая ему стаканчик, сказал ему со смехом, вполголоса:

— Ах, шут тебя возьми, красиво ты говоришь! А между тем малаец ведь не шутит, посмотри-ка на него!..

Малаец, более серьезный, чем когда-либо, с благоговейным видом поставил правую ногу на борт китоловки и, размахнувшись, ударил билом в гонг, после чего остановился на несколько секунд, как предписывал, вероятно, обычай при подобной церемонии.

Удар в гонг прозвучал торжественно и мрачно под сводами грота, и эхо разнесло его по окрестностям озера, повторяя всюду по нескольку раз.

Как бы ни была проста вещь, но если ей приписывается нечто таинственное, она получает вдруг способность возбуждать внимание к себе окружающих людей и ожидание чего-то особенного. Саранга, действующий с таким убеждением и чрезвычайно серьезно, приковал к себе внимание всех и до того сосредоточил его на себе и на всех своих действиях, что даже Ланжале забыл о стаканчике, поднесенном ему Порником.

Спустя несколько секунд малаец опять размахнулся и опять ударил в гонг, и когда звук второго удара замер наконец в отдалении, повторенный эхом, громко и протяжно крикнул:

— Фо-о-о!

Затем последовали два других удара в гонг, разделенных должными промежутками, дававшими возможность эху повторять их по нескольку раз, и вторично раздался громкий и торжественный возглас:

— Фо-о-о!

Величаявая серьезность и торжественность, с которыми действовал Саранга, звуки гонга, которые, глухо и мрачно раздаваясь по гротам, походили на рев какого-то чудовища, заключенного в них, — все это напоминало сцену первобытных времен, когда люди не имели еще храмов для своих божеств, а довольствовались то пещерами, вырытыми рукой природы, то мрачными ущельями и расселинами в горах, где совершали свои религиозные обряды, досылая воззвания к духам и высшим существам.

Какое-то сильное волнение овладевало постепенно всеми, и дело, начавшееся шутками, обретало значение какого-то таинства, заключавшего в себе нечто глубокое, торжественное, почти религиозное. Все молчали, как бы погруженные в гипнотическое онемение. Наконец Ланжале, очнувшись

первым от этого странного состояния, начал было опять шутить, комически возглашая:

— Итак, дамы и господа, четыре удара уже сделано, и теперь смотрите на занавес! Входите, почтеннейшая публика! Пьеса, которую мы имеем честь сию минуту предложить вашему вниманию, начинается!

Но его шутки упали на всех, как куски непрошеного льда или хлопья снега на картину роскошного летнего дня, — такими они показались всем и неуместными, и неожиданными! Он тотчас же замолчал, так как понял, что шутки его более не действуют, — никто и взгляда не кинул в его сторону... И вдруг все, крайне изумленные и спрашивая себя, не галлюцинация ли это, не сон ли какой, увидели невдалеке от себя нечто необычайное, никогда не бывалое.

Группа скал в нескольких метрах от них, на берегу озера, как бы пошатнулась в своем основании... Да полно, не сон ли это, в самом деле?» Нет, не сон, никто не спит! Скалы не только пошевелились, но и тихо раздвигаются, направо и налево, образуя проход все ниже и ниже и как бы приглашая китоловку войти в него... Крайнее изумление, граничившее с испугом, овладело всеми. Саранга крикнул было, торжествуя свою победу, но тут же мгновенно замолчал, ошеломленный тем, что представилось в эту минуту его взорам и взорам всех, бывших с ним.

В открытом проходе вдруг показался Бартес, молодой Кванг, на великолепной шляпке, в костюме своего высокого звания. По правую сторону его стояли три члена верховного совета — Лу, Кванг и Чанг, а по правую — банкир Лао Тсин и Гастон де Ла Жонкьер, его искренний и вернейший друг.

И когда немое изумление уступило наконец место живейшему восторгу и радости, вылившимся в дружном крике «ура», — Бартес сказал громким дружеским голосом:

— Добро пожаловать, друзья мои, на остров Иен! Вы будете Достоинно награждены за вашу храбрость и преданность, а изменники, час которых пробил, будут достойно наказаны!

— Я пропал! — пробормотал Ли Ванг и без чувств упал на палубу китоловки.

XXVIII

Внезапное отступление. — Действие, произведенное телеграммами сыщика. — Крейсирование на Дальнем Востоке. — Веселый военный совет. — Искусно пущенные слухи. — Оповещение о невероятном отъезде.

В тот момент, когда офицеры с «Иена» и с «Фо» уже готовы были сойти на берег Батавии, несмотря на военную силу, вытребованную губернатором с целью заставить уважать свой авторитет, с обоих судов одновременно были поданы сигналы:

«Эскадра под штирбортом сзади! Эскадра под штирбортом спереди!»

Без сомнения, это были те две эскадры, английская и американская, которые были отправлены в погоню за двумя судами, признанными вне закона моряками многих стран цивилизованного мира.

Уолтер Дигби не стал терять времени на пустую забаву, чтобы потешить свое самолюбие, и отказался от мысли принудить войско губернатора отступить перед ним. Вместо этого он приказал немедленно вернуться на суда, что и было исполнено при громких криках издевательства и насмешек собравшихся на молу зрителей.

Конечно, он не знал, что Гроляр телеграфировал в Вашингтон, так как сыщик послал зашифрованную депешу французскому уполномоченному в Сингапуре, а последний сам лично передал ее прямо в американское адмиралтейство, но он был уведомлен через Лао Тсина, что мнимый маркиз отправил в Гонконг, Сингапур и Малакку длинные и подробные телеграммы и потому догадывался, что все происшедшее в Батавии являлось результатом этих телеграмм.

Для него было вполне ясно, особенно ввиду присутствия здесь «Бдительного», что вышеупомянутый Гроляр, зная теперь истинное назначение судов «Иен» и «Фо», потребовал от своего правительства подкрепления или более строгих предписаний губернатору Батавии, или же того и другого одновременно, что было всего вероятнее. Таким образом, оповещение о появлении с западной стороны двух эскадр, из которых одна находилась несколько впереди другой, нимало не удивило его. Теперь не оставалось ничего другого, как только вернуться на судно и предупредить Бартеса и Лао Тсина о положении дел. Что касается его, то, располагая теми средствами, какие находились в его распоряжении, он готов был помериться силами с каким угодно врагом.

Обыкновенно крейсирующие на Дальнем Востоке эскадры, за

исключением военного времени, состоят из самых старых и негодных судов, которые дослуживают свой срок в Тихом океане. Так было и теперь. А при таких условиях два броненосца превосходнейшей конструкции, построенные по последнему слову судостроительной техники и, кроме того, снабженные еще никому не известными средствами обороны, изобретенными американскими инженерами, смело могли, конечно, потягаться, без всякого ущерба для себя, со стационарами⁷ Батавского порта, сколько бы их ни было.

Вскоре стало очевидно, что действительно это были эскадры, английская и американская. Последняя состояла из трех старых бронированных фрегатов, сильно пострадавших в только что закончившейся тогда междоусобной войне. Что же касается английской эскадры, то хотя она и находилась в лучшем состоянии, чем американская, но, пожалуй, в бою не стоила бы и ее, так как все пять судов, входивших в ее состав, были вооружены одними старыми пушками, снаряды которых не могли даже задеть брони «Иена» и «Фо». Все это стало известно в тот же вечер от людей, возивших на суда английской и американской эскадры провиант и пресную воду; в числе их находились двое приверженцев Лао Тсина. Эти сведения привели Уолтера Дигби в превосходное расположение духа.

— Мы славно посмеемся, — сказал он своим офицерам, — если только господин Бартес ничего не будет иметь против!

Но эскадры не вошли в порт, где их перемещения были бы стеснены, так как место стоянки военных судов не было достаточно просторно, чтобы вместить еще восемь лишних судов, а на коммерческом рейде им нельзя было бы маневрировать ввиду множества иностранных судов, стоявших там в это время.

Адмиралы, командовавшие этими эскадрами, решили только заблокировать выход в море. Очевидно, оба они прекрасно были осведомлены об этих двух судах, которые до последнего времени находились только под подозрением, если решились принять против них такие меры. В течение всего вечера происходил почти непрерывный обмен эстафетами между губернатором Батавии и одним из судов английской эскадры, служившим разведчиком для обеих флотилий, — но все еще ничего не было решено, так как американский консул не желал ничего предпринимать до получения официальных инструкций от своего начальства из Вашингтона, а инструкции эти были испрошены одновременно с запросами Гроляра.

Этой нерешительности положили конец знаменитые биржевые

депеша, о которых уже говорилось.

Надо было принять какое-нибудь решение. Бартес и Лао Тсин были приглашены в тот же вечер на «Иен», где состоялся военный совет, на котором присутствовали кроме них Уолтер Дигби и офицеры с обоих судов. С присущей ему удалью и свойственной всем янки оригинальностью командир «Фо» предложил одно из двух: или заставить заговорить пушки, или сыграть с обеими эскадрами такую шутку, которая заставила бы долго хохотать над ними всю Яву.

Бартес, вовсе не желавший быть объявленным пиратом в глазах всех правителей мира, энергично восставал против желания вступить в бой, но вынужден был примириться, идя на уступку, со вторым планом своего друга, так как последний отказался от своего первого плана исключительно только в угоду ему, Бартесу, хотя большинство голосов было за него.

— Но послушайте, друг мой! Ведь то, что вы задумали, вовсе несерьезно!

— Что ж из того! — воскликнул пылкий янки. — Вы не хотите кровопролития, пусть будет по-вашему, но в этом случае надо их высмеять так, чтобы это помнили целых пятьдесят лет на Яве, тем более что, благодаря задуманному мной плану, мы покажем всему свету, что в наших силах было разнести в щепки весь этот старый судовой хлам!

— Делать нечего, надо уступить вашему желанию, — проговорил молодой человек с заметной неохотой.

И военный совет разошелся при громком смехе молодых офицеров-американцев, которые находили затею своего командира блестящей.

В самом деле, было от чего покатываться со смеху... Как жаль, что вы не могли присутствовать при этом зрелище, не видели этой сцены, которая довела обоих адмиралов до такого отчаяния, что у англичанина сделалась желтуха от разлития желчи, а американец пришел в такую ярость, что чуть было не умер от прилива крови.

На следующее утро с обоих броненосцев отправились по обыкновению на берег шлюпки за свежим провиантом, но их кокам не дали высадиться на берег; боцман, командующий обеими шлюпками, не стал настаивать, тем более что при нем была только небольшая горстка людей, и удовольствовался громогласным объявлением, что оба броненосца уйдут сегодня в море ровно за два часа до захода солнца (в этом, в сущности, заключалась главная цель поездки шлюпок на берег), пройдя под самым носом обеих эскадр.

Необходимо было, чтобы все в Батавии знали это: время, выбранное для ухода, было как раз временем общих прогулок населения, тотчас по

закрытии всех местных контор и служебных учреждений, и Уолтер Дигби рассчитывал на громадное число зрителей, желавших присутствовать при прощании его броненосцев с крейсирующими эскадрами. Кроме того, матросы заявили, что всем, кто пожелает доставить на суда какие-либо припасы, плоды, птицу, дичь, орехи, овощи и прочее, будет уплачено местной монетой или же банковскими чеками за подписью Лао Тсина и К°.

Понятно, в течение всего утра между берегом и броненосцами беспрерывно сновали взад и вперед бесчисленные лодки, нагруженные разными припасами и плодами — бананами, апельсинами, ананасами, финиками — словом, всеми плодами, какими богата эта страна. И всем торговцам говорили: «Мы покупаем у вас сегодня в последний раз; в четыре часа пополудни мы уходим!»

А тем, кто осмелился заметить: «Как же вы пройдете мимо восьми военных судов, охраняющих выход?», — отвечали (так было приказано): «Вы думаете, это военные суда? Ошибаетесь, друзья, это просто громадные шаланды с провиантом, везущие треску и бобы для войск».

Эти слова передавались из уст в уста и наконец дошли до слуха офицеров обеих эскадр, на что те сердито отвечали: «Пусть они только сунутся, эти хвастуны! Мы их угостим треской и бобами. Они никогда не посмеют пройти к выходу, вот увидите!»

Но тем не менее оба адмирала приняли меры предосторожности на случай, если бы неприятель посмел двинуться к выходу: они выстроили свои суда по четыре в ряд с каждой стороны прохода так, чтобы сразу пустить ко дну смельчаков несколькими дружными залпами.

Весь город Батавия в волнении. — Салют французскому флагу. — Пляска адмиралов английского и американского. — Снова тяжелые думы. — Презрение к эскадрам. — Принятие власти.

Около четырех часов весь город Батавия высыпал на набережную. Не было даже надобности в биноклях: выход из гавани был как на ладони, и с берега можно было видеть всю сцену, которой предстояло разыгаться на расстоянии менее кабельтова. Без пяти минут четыре на мол прибыл в карете губернатор в сопровождении всего своего штата. В течение всего дня два полка пехоты были расположены вокруг его дома на случай, впрочем, весьма маловероятный, высадки десанта с броненосцев.

В тот момент, когда на башенных часах порта било четыре часа, оба судна пустили в ход свои машины: «Фо» шел впереди, а «Иен» сзади, так как Бартес хотел непременно замыкать шествие.

С берега раздались громкие крики «ура!» — до того сильно действуют на массу смелость и отвага даже тех, кому она раньше не сочувствовала.

Проходя мимо «Бдительного», оба судна салютовали ему подъемом и спуском своего флага. (Они удержали американский флаг, чтобы лучше бравировать перед эскадрами.) Француз ответил им на их салют тем же. Его славный командир Маэ де Ла Шенэ предложил свою помощь обоим адмиралам, но те отказались, и он остался нейтральным в этом инциденте, к счастью для него, как это скоро выяснилось.

Оба судна продолжали медленно и плавно двигаться вперед к выходу в море, очевидно, желая показать, что они вовсе не хотят прорваться благодаря быстроте хода.

Тем временем на обоих судах убрали с палубы, блиндированной наподобие спины кита, все, что могло быть доступно неприятельским снарядам: капитанская рубка была разобрана, мачты сложены вдоль борта, наконец, и самые трубы машины убрались в себя наподобие складного футляра, так что менее чем в четверть часа, на глазах всего населения, следившего с возрастающим любопытством за этими маневрами, оба судна превратились в двух громаднейших китов, подставлявших под выстрелы только свои гладкие, черные, блестящие, круто покатые спины, наполовину скрытые под водой. Теперь зрители на берегу стали понимать, что при таких условиях борьба между двумя судами и двумя эскадрами могла оказаться уже не столь неравной, как это сначала казалось.

Когда таким образом оба судна преобразились, то из открытых еще люков раздались звуки музыки. Оркестр каждого из судов играл бешеным темпом веселую плясовую, — и вдруг два громадных «дергуна», вырезанных из толстого толя и превосходно раскрашенных масляными красками, выскочили из люков и под звуки веселой музыки пустились в бешеную пляску. Обе эти так забавно кривлявшиеся фигуры изображали собой адмиралов: одна — английского в красном парадном мундире и шляпе с плюмажем, а другая — американского, также в полной парадной форме.

Глядя на это представление, все тридцать тысяч зрителей, столпившихся на набережной, разразились хохотом во все горло.

Даже сам губернатор и его приближенные утратили чувство собственного достоинства и просто корчились от смеха. Что же касается экипажа французского судна, то там вся палуба покатывалась со смеху, так что офицеры вынуждены были спуститься в свои каюты, чтобы не уронить своего авторитета в глазах команды.

Вне себя от бешенства английский и американский адмиралы метались по палубам своих судов, как дикие звери в клетке не имея даже возможности чем-нибудь ответить на этот веселый вызов, так как нельзя было стрелять в порту, где еще находились в это время «Иен» и «Фо»: снаряды могли попасть в толпу; поэтому волей-неволей приходилось выжидать момент, когда эти смелые, злые шутники войдут в проход.

Видя чрезвычайный успех своей злой шутки, Уолтер Дигби хотел уже отложить выход в море на завтра и сигналами сообщил об этом Бартесу, но тот отвечал:

— Достаточно потешились! Нас призывают более серьезные интересы... выходите немедленно... я следую за вами.

Этот ответ несколько опечалил янки, искренне восхищенного своей удачной выдумкой.

— Странно, — пробормотал он, — а я всегда думал, что французы — веселый народ, любящий посмеяться!

Он забыл, что его молодого друга не могли забавлять эти шутовства в настоящий момент, когда вопросом жизни и смерти являлась для него церемония предстоящего признания его на острове Иене приемным сыном и наследником старика Фо. Он хотел этого признания не потому только, что ему нужна была власть над могущественным Обществом, столь уважаемым в Китае, хотя и слывающим у западных народов пиратским сообществом, — но и потому, что золото даст ему такое могущество, которое поможет ему отомстить и за себя, и за отца, даст возможность покарать шайку негодяев,

сговорившихся погубить его честь и уничтожить его нравственно.

Этих негодяев звали: Альбер Прево-Лемер, вор, попавшийся на мошенничествах и подлогах, Жюль Сеген, сообщник, лишивший его чести, завидного положения в обществе и прелестной невесты, и сам отец Прево-Лемер, капиталист-банкир, который, будучи убежден в виновности своего сына, не побоялся стать клятвопреступником, чтобы сослать на каторгу и покрыть позором невинного Бартеса и тем спасти честь своей семьи.

Ах, какой только кары не заслужили эти люди, хладнокровно и сознательно погубившие давнюю репутацию безупречной честности и благородства Бартесов!

Может ли он забыть, как на его глазах его старик-отец, славный и доблестный генерал Бартес, участник и герой великой эпопеи XIX века, сорвал один за другим кресты и ордена, украшавшие его грудь, и обвинил черным крепом свою шпагу, выдавшую Маренго и пирамиды, Аустерлиц и Ватерлоо, когда суд вынес его сыну обвинительный приговор?!

О, никакая кара не могла быть достаточно жестокой для этих людей, виновников такого страшного несчастья и позора его семьи!

И вот Бартес хотел теперь увидеть своими глазами их нравственные муки и страдания, — хотел, чтобы и они, в свою очередь, познали ужас разорения и нищеты, чтобы унижение и нужда вошли в их дома, чтобы стыд и позор свили себе гнездо у их очага и чтобы, наконец, униженные и убитые, не имея, где преклонить главу и приютить своих детей, они были преданы в руки правосудия и облачены в ту же позорную одежду каторжников, которую он сам совершенно незаслуженно носил по их вине.

Да, вот чего он хотел теперь! Вот чего жаждала его исстрадавшаяся, измученная и скорбная душа! И вот почему он не мог разделять веселья своего друга и его беззаботных товарищей-американцев, несмотря на то что эта смешная затея имела блестящий успех.

Между тем «Иен» и «Фо» вышли в большой проход.

— Открыть огонь! — заревели почти одновременно оба адмирала в рупоры.

— Сто долларов тому, кто собьет эту отвратительную карикатуру! — крикнул американец.

— Сто фунтов первому, кто разнесет этого «дергуна»! — закричал англичанин.

Все наводчики бросились наводить свои орудия на мишень, немногим толще лезвия ножа, так как Уолтер Дигби предусмотрительно распорядился, чтобы комические фигуры все время были обращены ребром к судам эскадры.

Как водится, первые залпы пропали даром, пролетев над броненосцами на значительном расстоянии. Когда же дым выстрелов рассеялся, то все увидели, что «дергуны» продолжают отплясывать с еще большим старанием, кривляясь самым потешнейшим образом, к большому восторгу многочисленных зрителей. И, вероятно, суда обеих эскадр еще долго продолжали бы тратить все так же безрезультатно свои снаряды, если бы обозленные своей неудачей адмиралы не командовали:

— Перестать стрелять по карикатурам! Целься ниже! Огонь По всему борту!

Оглушительный дружный залп раздался с судов обеих эскадр, но, к удивлению адмиралов, снаряды скатывались по покатой поверхности блиндированных палуб или падали рикошетом в море.

— Это настоящие мониторы!!!

И адмиралы поняли, что их старая артиллерия, с ее круглыми ядрами, не могла нанести этим судам даже простой царапины. Вдруг у них мелькнула мысль, от которой их разом бросило и в жар и в холод: что, если те вздумают им ответить?! В каких-нибудь четверть часа все их суда будут пущены ко дну или разнесены в щепки! Вне себя от бессильного бешенства, желая, по-видимому, хоть просто сорвать свою злобу, адмиралы, как будто сговорившись, командовали: «Огонь всем бортом!», затем удалились в свои каюты. В чаду порохового дыма канониры обеих эскадр заряжали, стреляли и опять заряжали, но без всякого толку, так что в результате получился как бы грандиозный салют уходившим судам, плавно продвигавшимся мимо эскадр, под градом ядер, в открытое море.

Вдруг, подобно урагану, в воздухе пронесся громкий приветственный крик тридцати тысяч голосов: «Урра... Урра... Иен!.. Урра!.. Урра!.. Фо!»

Уолтер Дигби приказал дать один прощальный выстрел из большого орудия, после чего оба неуязвимых броненосца вскоре потонули в ночном тумане.

Два дня спустя суда эти подошли к острову Иену, но вошли в его гавань не проливом, которым входили суда, подлежащие испытанию и не приобщенные еще к числу судов Общества, — а великолепным каналом, о самом существовании которого не было известно никому, кроме лоцманов Общества Джонок.

На другой день, при громких криках восторга и энтузиазма, Бартес, окруженный друзьями, был провозглашен наследником и преемником старика Фо — наследником его несметных капиталов и преемником его звания верховного главы Общества Джонок.

Тогда, устремив долгий взгляд в ту сторону, где лежала далекая, но

близкая его сердцу Франция, где покоился прах его отца и матери, Бартес с мрачной решимостью вновь повторил свою клятву отомстить всем своим врагам и восстановить свою честь.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Наследник Кванга

Буря. — Гонимые непогодой. — Последнее воспоминание о «Бдительном». — Пиратство на Зондских островах. — Стратегические теории. — Роль Англии.

Это была одна из тех ужасных бурь, какие разыгрываются во время осенних муссонов, когда весь океан бурлит, как кипящий котел, и его разъяренные волны поглощают в один момент целые острова, разбивая их коралловые основания, опустошают их берега и крутят в воздухе, словно соломинку, столетние лесные великаны и целые суда; когда буря сметает целые селения, уносит десятки речных судов, вздувает реки и сносит людей и животных, застигнутых во время сна; когда циклон с бешеной силой разрушает даже древнейшие каменные сооружения — гигантские колонны и фронтоны, срывает, рушит и раскидывает на громадные расстояния. Горе всему, что попадает в сферу его влияния!

Всякое сопротивление страшному урагану совершенно бесполезно: в несколько секунд этот ужасный бич уничтожает все на своем пути.

Мореплавателям, застигнутым такой бурей, остается лишь одно: руководствуясь опытом, предупреждающим их — правда, всего за несколько секунд до момента, когда страшный тайфун начнет свирепствовать, — о надвигающейся опасности, бежать. Перед ураганом, бежать безостановочно и без оглядки и стараться укрыться в каком-либо порту, лежащем вне пути тайфуна или вне области его прямого влияния.

Две эскадры, одна французская, под командой адмирала Ле Хелло, другая английская, под начальством адмирала Брауна, застигнутые признаками надвигающегося урагана в открытом море, уходили на всех парах от грозного тайфуна, несясь между бесчисленными островами и островками, рифами и скалами Суматрского моря, в надежде успеть укрыться от циклона в каком-нибудь безопасном порту.

Ввиду равенства в чинах обоих командиров, начальство над обеими эскадрами, действовавшим заодно и выполнявшим совместно одну и ту же миссию, было поручено французскому адмиралу, флаг которого развевался на «Фридланде», броненосце первого класса, одном из лучших судов того времени.

Опасность из-за узких и тесных проходов между островами была такова, что адмирал Ле Хелло, вместо того чтобы выслать вперед разведывательное судно своей эскадры, принял к себе на «Фридланд»

лоцмана, откомандированного к нему в Гонконге, и сам неотлучно следил за курсом, особенно трудным и опасным ввиду большого числа вверенных ему судов двух соединенных эскадр, которых насчитывалось одиннадцать, и ввиду настигавшей их страшной бури, первые тревожные признаки которой были замечены всего лишь несколько часов тому назад.

И горизонт, ярко-медно-желтый на всем своем протяжении, с резкими полосами цвета сажи или густой копоти, и море, окрасившееся наподобие тигровой шкуры и глухо рокотавшее и бурлившее как будто где-то на неизмеримой глубине, не оставляли ни малейшего сомнения относительно последствий всех этих признаков, хорошо знакомых опытным морякам.

Адмирал Ле Хелло избрал себе флагманом нашего старого знакомого с «Бдительного», бывшего сослуживца своего на «Борда», капитана судна Маэ де Ла Шенэ, который, в свою очередь, избрал себе в помощники старшего офицера судна, лейтенанта Люка де Пенарвана, ставшего уже командиром фрегата.

Благодаря этому перемещению Ла Шенэ вынужден был несколько видоизменить свою обычную поговорку:

— Ну, Пенарван, — говорил он теперь своему помощнику, — когда человек имел честь командовать «Бдительным» и т. д.

Но бедный «Бдительный», переведенный за выслугой срока из судов первого класса в простые транспорты, после трех-четырех рейсов, имевших целью отправку на родину французских солдат, отслуживших свой срок службы в Кохинхине, был разоружен в Тулоне и окончательно сдан в резерв.

Что же делали, однако, в этой пустынной и глухой части Зондского пролива эти сравнительно значительные морские силы под командой адмирала Ле Хелло?

После войны с Китаем Франция и ее «вторая союзница» Англия, уступая настоянию коммерсантов всех стран, ведущих торговлю в Шанхае, Гонконге, Сингапуре, Кантоне, Малакке и других торговых портах этой части Азии, потребовали от Сына Неба, а после его смерти — от императрицы-правительницы обязательства положить конец мнимому пиратству, которое, как уверяли, продолжало наводить страх в китайских водах. И одна из статей первого Тяньцзиньского договора гласила, что Франция и Англия могут принять сами необходимые меры, если Повелитель Небесной Империи окажется не в состоянии защитить своими силами иностранные торговые суда от нападений пиратов.

Как известно, китайские джонки совершенно не могут равняться с европейскими судами даже самого незначительного тоннажа, а потому в

последнее время пиратские нападения китайцев совершались только на китайские же суда, которые при случае подвергались иногда ограблению. Но богатейшее Общество Джонок, сохранившее свою прежнюю организацию на реках, протоках и морях Небесной Империи, вело такую оживленную и обширную торговлю по всему побережью и на всех Зондских островах, где свободно проходили их мелкие суда с незначительным водоизмещением, что все товары этой части торгового мира лишь через вторые руки попадали к иностранным негодьям больших портовых городов. Китайцы мало-помалу завладели всем восточным каботажом от Цейлона до Явы, от Суматры и Борнео до Филиппинских островов, а также и по всему побережью Индокитая, Сингапура, Кореи и Японии. На всем этом пространстве не было островка, где бы не находилось одного или нескольких китайских торговых депо; здесь концентрировались все местные товары, за которыми в определенные сроки приходили китайские джонки знаменитого торгового Общества, которое уже перепродавало их европейским резидентам крупных торговых центров.

Вот эту-то торговлю чрезвычайной важности и нужно было уничтожить вконец в пользу ненасытных европейских торгашей. В сущности, ведь все тайны никогда не имели иной цели, как завладеть той или иной областью или нажить, вернее — сорвать несколько миллиардов.

Разорить и ограбить ферму ночью, захватить врасплох ее хозяев, конечно, будет сочтено за преступление, которое, без всякого сомнения, приведет вас в тюрьму и даже дальше. Но напасть врасплох на какую-нибудь страну, явившись во главе миллиона солдат, разорить и ограбить ее, воспользовавшись ее слабостью и беззащитностью, это такой подвиг, которым вы стяжаете себе лавры и звание великого героя, хотя, в сущности, образ действия ваш в данном случае ничем не отличается от первого. Вся разница в одних только «нулях», приписанных к числу людей, участвовавших в том и другом деянии. Если вы явитесь жечь и грабить во главе десяти или двадцати человек — вы просто разбойник, а если явитесь точно так же и жечь, и грабить с этой цифрой людей, умноженной на сто тысяч, то вас назовут завоевателем.

И после этого вам говорят еще об абсолютной справедливости! Нет, друзья, храните ваш порох в сухом месте, держите ваши пушки и ружья в добром порядке и не давайте ослабевать в душе чувству патриотизма, усыпляемого разными космополитическими бреднями, над которыми только смеется жестокий эгоизм других народов.

Несомненно, однако, что и негодья, и консулы разных наций,

жалуясь своему правительству, не высказывали всей правды и скрывали истинные мотивы, побуждавшие их к этим жалобам; во всяком случае пиратство в китайских водах было старой басней, можно сказать даже, давно забытой историей, когда союзники сообразовали внять жалобам и воплям своих соплеменников.

Послав сначала в одиночку несколько крейсеров, Франция и Англия решили действовать совместно и, испросив у царствующей императрицы, путем запугивания, рескрипт, которым пираты объявлялись вне закона, — объединенными силами решили принять репрессивные меры против пиратов в Зондских водах.

И французы, и англичане, в лице офицеров и команды, относились вполне серьезно к своей задаче, и если древнее китайское Общество давно перестало грабить чужие суда, то все же в этих водах оставалось еще немало малайцев-разбойников, хозяйствовавших вблизи Зондских островов и Суматры, что и могло послужить основанием для объединения обеих эскадр.

Кроме этой цели преследования пиратов, англичане рады были воспользоваться случаем изловить в этих редко посещаемых и малознакомых водах бесчисленное множество своих дезертиров, подвизавшихся вместе с малайскими разбойниками, да, кстати, нанести на свои морские карты некоторые гидрографические пункты, весьма удобные для новых морских стоянок и торговых портов, которые бы способствовали распространению их влияния на этих бесчисленных островах, богатых самыми разнообразными продуктами. Что же касается роли французского флота в данном случае, то, помимо официальной миссии, присутствие господина де Сен-Фюрси, союзника Гроляра, на «Фридланде» в достаточной мере объясняло, что дело о беглецах из Новой Каледонии далеко еще не было окончено, и Гроляр еще не отказался от надежды довести его до конца.

II

Угрожающие объяснения. — Опять о «Регенте». — Гроляр. — На борту «Фридланда». — Ланжале появляется вновь. — «Ты! Ты!»

По прибытии на остров Иен сыщику, по приказанию Бартеса, великодушно была возвращена свобода.

— Мы, конечно, могли бы удержать вас здесь в качестве заложника, — сказал ему молодой человек, — и поставить раз навсегда в положение, лишаящее вас возможности вредить нам, но подобное средство мне противно даже и по отношению к моим злейшим врагам. Итак, вы свободны! Теперь предоставляю вам самому разобраться, какого поведения посоветует вам совесть держаться по отношению к нам и что вам подскажет ваше чувство благодарности. Мы же не ставим вам никаких условий, только предупреждаем, что если вы будете продолжать травить нас, как диких зверей, и еще раз попадете в наши руки, то не рассчитывайте вторично встретить к себе такое же отношение, как теперь. Вы сами вынудите нас защищаться всеми зависящими от нас средствами!

— А между тем так нетрудно было бы покончить со всем этим! — заметил Гроляр.

— Каким образом? — спросил Бартес.

— Верните мне «Регент», и, я думаю, при таких условиях могу гарантировать вам свободу, вам и вашим друзьям, если, конечно, вы не заставите слишком много говорить о себе!

На лице молодого человека мелькнула горькая усмешка.

— Я вам положительно удивляюсь, — сказал он. — Теперь, когда вы, в сущности, являетесь нашим пленником и при желании с нашей стороны можете остаться им на неопределенное время, вы осмеливаетесь говорить с нами таким образом... Мы — не воры, и «Регент» будет сохранен в наших руках. Китайцы могут видеть в похищении этой драгоценности не что иное, как справедливую и законную репрессию после ограбления Летнего дворца императора и исчезновения скипетра династии Цин, но вы говорите в данный момент с таким же французом, как и вы, маркиз де Сен-Фюрси, и этот драгоценный алмаз, переданный господину Гастону де Ла Жонкьеру, сыну хранителя этой драгоценности, вскоре снова займет свое место в музее Лувра.

— Да, но так как это произойдет помимо меня и без моего посредства, то после такой ответственной миссии, продолжавшейся целых два года,

после целого кругосветного путешествия, во все время которого я имел в своем распоряжении всех дипломатических агентов Франции, первоклассный фрегат и неограниченный кредит, вернувшись с пустыми руками, я окажусь совершенно неспособным и ни к чему не пригодным агентом в глазах своего начальства, почтившего меня таким громадным доверием, и буду выставлен за дверь префектуры, где при иных условиях, если бы мне удалось вернуть этот алмаз, меня ожидала самая блестящая будущность!

— Но, с другой стороны, Гастон де Ла Жонкьер, на которого не было возложено никакого поручения, восстановит и упрочит таким образом положение своего отца, которое без этого неминуемо должно было бы рухнуть, и заслужит себе тем более высокую личную репутацию, чем значительнее и многочисленнее были те господа агенты, все старания которых не привели ни к чему и все затраты и расходы которых не дали желанных результатов. А между моим старинным другом, никогда не изменявшим мне даже в те минуты, когда мне все в жизни изменило, и вами, нашим заклятым врагом, могу ли я колебаться хоть одну минуту? Я думаю, и сами вы не столь наивны, чтобы думать так!

— В таком случае вы вынуждаете меня не забывать о том, что моя миссия в сущности имела двоякую цель...

— А именно — вернуть драгоценный алмаз на его прежнее место и вернуть нас на каторгу в Новую Каледонию? Не так ли, господин Гроляр? Но мой совет — ни слова более об этом: если вас услышат мои товарищи, то заставят меня изменить мое решение по отношению к вам! И признайтесь, это было бы только справедливо, так как, в сущности, зачем вы явились сюда? Ведь только для того, чтобы убедиться, насколько велики наши силы, наши средства обороны, словом, явились сюда выслеживать и шпионить, и, наблюдая за Ли Вангом, обещавшим вернуть вам «Регент», добыть одновременно возможно точные данные относительно нашего убежища, чтобы при случае воспользоваться этими данными. Вы хотели одним выстрелом убить сразу трех зайцев, господин Гроляр: отнять у нас алмаз, вернуть на каторгу беглецов и дорого продать синдикату крупных негоциантов-капиталистов и иностранных судовладельцев наше Общество, крупные коммерческие дела и обороты которого мешают им спать спокойно... Все это, конечно, очень ловко задумано, господин маркиз, но вам недостает для успеха одного качества, — в вас есть, без сомнения, недюжинный талант сыщика, есть чутье и умение комбинировать, но нет необходимых деловых качеств, нет силы для выполнения ваших замыслов.

— Так, значит, вы объявляете мне войну: ведь вы бесповоротно губите

меня в глазах моего начальства!

— Вы должны понять, что я, в сущности, здесь совершенно ни при чем; все последствия вашего неуспеха зависят не от меня. Хотя я имею все основания, чтобы не быть вашим доброжелателем, тем не менее, быть может, я приказал бы вручить вам «Регент», если бы между мной и вами не стоял мой дорогой друг детства, Гастон де Ла Жонкьер, для которого ваш успех был бы погибелью, и не только для него самого, но и для всей его семьи. И потому я в данном случае поступаю так, как того требует честь и право дружбы, а вовсе не думаю объявлять вам войну. Я не могу, конечно, причинить несчастье моему другу и всей его семье ради того, чтобы услужить человеку, принявшему на себя поручение травить нас и выслеживать с целью вернуть на каторгу.

— И это ваше последнее слово?

— Да, последнее!

— Пусть так! Мы еще свидимся, и тогда вы сами будете виноваты, если»

— Вы сами можете судить, как мало значения я придаю вашим угрозам, хотя бы уже потому, что мог бы лишит вас всякой возможности вредить нам, а я все-таки возвращаю вам свободу.

После этого собеседники не обменялись уже ни одним словом, а на следующее утро «Леи-Ла», превосходная яхта Лао Тсина, банкира Общества, отвезла сыщика в ближайший порт на Суматре, откуда он легко мог добраться до Малакки и Шанхая. Его заперли в одной из внутренних кают, чтобы он не мог дать впоследствии никаких сведений относительно пути, по которому он следовал.

Как только он узнал о готовящихся объединенных действиях двух эскадр, первой заботой сыщика было немедленно явиться к адмиралу Ле Хелло и сообщить ему о возложенном на него поручении, а так как адмиралу было предписано содействовать в данном случае, то сыщик был им особенно хорошо принят, тем более что адмирал принял его за атташе министерства иностранных дел, на которого было возложено какое-нибудь тайное политическое поручение.

Маэ де Ла Шенэ, знавший его, впрочем, только под именем маркиза де Сен-Фюрси, представив его в таком качестве и адмиралу, тоже немало способствовал тому уважению, каким пользовался на «Фридланде» этот господин. Адмирал чуть было не пригласил его к своему столу, но сыщик был достаточно умен, чтобы вовремя отклонить это любезное приглашение, предусмотрительно подумав о том, что из этого могло бы выйти, когда впоследствии станет известно, что он не кто иной, как Гроляр,

сыщик охранной полиции, которому было поручено разыскать похитителей «Регента» и беглецов из Каледонии.

Нет надобности говорить, что неразлучный с ним Ланжале опять был при нем, чтобы иметь возможность постоянно уведомлять своего друга обо всем, что Гроляр собирался предпринять против них.

Для сыщика было настоящим горем сесть на «Леи-Ла» без своего закадычного друга, к которому он питал самую искреннюю привязанность, но уже на другой день после отплытия его горе обратилось в невыразимую радость, когда он вдруг увидел вошедшего в его каюту Ланжале.

— Это ты?! Ты?! — восклицал сыщик в неописуемом восторге.

— Да, я, как видишь! — смеясь отозвался Ланжале. — Мне удалось пробраться в трюм за несколько минут до того, как подняли якорь, и, как видишь, я здесь!

Этот способ пробраться на судно был заранее условлен между Бартесом и Ланжале, чтобы Гроляр, который, в сущности, был хитрая bestия, не мог заподозрить, что веселый Парижанин состоял при нем для контрсыска. Впрочем, Ланжале сумел внушить Гроляру самое неограниченное доверие к себе, и потому легко мог бы обойтись даже без этой маленькой военной хитрости.

Вне себя от радости при виде вошедшего к нему в каюту

Ланжале старый сыщик воскликнул растроганным голосом:

— Хочешь, чтобы этот день был счастливейшим в моей жизни?

— А что для этого надо сделать?

— Надо мне говорить «ты», как и я тебе говорю «ты»! Тогда я буду думать, что ты мой сын!

— Если это может доставить тебе радость, — то пусть! Я готов говорить тебе «ты» — и воображать, что ты мой родитель!

С этого времени близость между этими двумя людьми возросла еще более; веселый Парижанин был единственным человеком, которого любил старый сыщик, а теперь более, чем когда-либо, сыщик нуждался в нем, так как разные случайности жизни вскоре должны были вовлечь их в самые страшные приключения, какие только можно себе представить.

III

«Фрелон». — Лоцман-предатель. — Надежды Гроляра. — Опасения адмирала. — Последние распоряжения. — На Божью волю. — Кербрис. — Во время бури

Личный состав офицеров на «Фридланде», как и на большинстве остальных судов соединенных эскадр, был полон, и потому свободного помещения на них не было; обоим друзьям пришлось принять на маленький авизо⁸ второго класса «Фрелон», то есть «Шмель», служивший разведчиком для обеих эскадр. Согласно установленному порядку, это маленькое судно должно было бы идти впереди других судов французской эскадры, но, как мы уже видели, адмирал Ле Хелло пожелал, учитывая опасность настоящего положения, лично вести соединенные эскадры, утверждая, что там, где пройдет его судно, без сомнения, пройдут и остальные. Впрочем, лоцман ручался, что даже самые крупные суда могут пройти в тех проходах, что ведут к острову Иену, так как предатель взялся провести именно туда соединенные эскадры.

Однажды командир одной из джонок присвоил себе довольно значительную сумму, которую должен был внести в кассу Общества; по уставу это преступление каралось смертной казнью. Какое доверие можно было впредь питать к такому человеку? Но добрый старик Фо дал себя разжалобить слезами и мольбами провинившегося, оказавшегося отцом многочисленного семейства, и, вместо того чтобы предать его смертной казни, он только разжаловал его и взял с него страшную клятву, что он никогда никому не откроет путей, ведущих к острову Иену, а также тайн и секретов Общества, которые могли быть ему известны. Этот негодяй был не кто иной, как Лио Су, ставший затем грузчиком в Гонконге, где его и разыскал ловкий и пронырливый Гроляр. За подкуп он согласился стать предателем и клятвопреступником и теперь собирался провести соединенный флот в секретный порт таинственного острова.

Одновременно с этим Гроляр рассчитывал достичь и других своих целей. Он надеялся вырвать из рук Гастона де Ла Жонкьера «Регент», обвинив его в соучастии с мнимыми пиратами (присутствие его на острове Иене могло служить как бы доказательством этого), и при этом захватить с помощью экипажей эскадры дезертиров, или, вернее, беглых каторжников с Нумеа, которых одно из судов французской эскадры доставило бы обратно на место ссылки.

Он надеялся еще, кроме того, захватить и капиталы Кванга, это громадное состояние Общества, которое, помимо огромных текущих сумм, находящихся в ведении Лао Тсина, постоянно росло из года в год в течение многих веков и местонахождение которого было известно Лио Су.

Но Гроляр строил свои планы, не приняв во внимание страшного урагана, который совершенно изменил весь ход событий и подверг сыщика целому ряду странных приключений как раз в тот момент, когда он уже считал себя вправе рассчитывать на успех.

Незадолго до захода солнца адмирал, рассказывая по своему капитанскому мостику с озабоченным видом, в сотый раз обращался с одним и тем же вопросом к стоявшему подле него лоцману.

— Надеешься ты ввести нас в порт прежде, чем мы будем настигнуты циклоном?

— Это будет зависеть от быстроты, с какой циклон станет настигать нас, адмирал, — отвечал каждый раз Лио Су. — Могу только поручиться, что мы будем в виду порта острова Иена еще до заката солнца.

— Только бы было достаточно светло, чтобы войти в порт!

— Проходы, ведущие во внутренний рейд, широки и безопасны, — нужно только добраться до них. Но никто не может предсказать капризов и прихотей непогоды.

— Я, конечно, не ставлю тебе этого в вину, но сильно опасаюсь, что мы не успеем укрыться прежде, чем нас настигнет буря.

— Ах, если бы мы могли усилить ход и выиграть всего один час времени, я бы за все вам поручился!

Адмирал на минуту задумался: «Если циклон застигнет нас среди этих рифов, то мы неминуемо погибнем все до единого; от обеих эскадр наутро не останется ни щепки... Усилив ход, я могу надеяться, что мне удастся спасти всех, кроме „Фрелона“, который в такую бурю едва может делать пять-шесть узлов в час; надо пожертвовать им и спасти остальных. Нельзя долее колебаться!»

— Этот час времени, который ты считаешь необходимым для нашего спасения, — сказал адмирал лоцману, — будет дан!

— В таком случае, — ответил Лио Су, — обе эскадры будут под защитой высоких утесов Иена задолго до заката!

— Ты ручаешься за это?

— Ручаюсь головой!

— Хорошо! Значит, нам нечего больше бояться урагана, свирепый разгар которого, по моим расчетам, должен произойти после заката!

Затем, обернувшись к своему флагману, он добавил:

— Надо, чтобы менее чем через двадцать минут наш ход превышал двенадцать узлов... Передайте это приказание всем судам эскадры!

— «Фрелон» не может следовать таким ходом, адмирал, — заметил Ла Шенэ.

— Знаю, знаю... Не теряйте времени на бесплодные соображения, а прикажите исполнить немедленно мое предписание.

— Слушаюсь, адмирал!

— Объявите командиру «Фрелона», что с этого момента я предоставляю ему полную свободу действий. Вся ответственность за его судно возлагается теперь на него; лоцман укажет уму точное местонахождение острова Иен по долготе и широте, и если «Фрелон» уцелеет, то пусть присоединится к нам в порту.

В несколько минут приказания адмирала были переданы на все суда эскадры, и, судя по густому черному дыму, вырывавшемуся из всех труб, можно было сказать, что все командиры потребовали от своих машин самого полного хода, какой только те в состоянии были дать.

Бедный «Фрелон» стал мало-помалу отставать и менее чем через четверть часа оказался далеко позади обеих эскадр. Тогда адмирал приказал послать ему «последнее прости» сигналами.

— Мужайтесь, де Кербрис, и полагайтесь на Божью волю!

— Благодарю! — отвечал доблестный командир «Фрелона». — Я исполню свой долг!

Вскоре обе эскадры совершенно скрылись из виду в густом сумраке тумана, в котором сливалось теперь небо и море.

Говоря о закате солнца, адмирал хотел только определить этим выражением время заката, так как в продолжение всего дня ни один луч солнца не мог пробиться сквозь густую завесу туч и облаков, скоплевшихся на горизонте или пронесившихся с поразительной быстротой по небу.

Предоставим теперь обеим соединенным эскадрам соперничать в быстроте с ураганом, заметно усиливавшимся с каждой минутой, стараясь если не совсем уйти, то хоть не быть захваченными в центре циклона, и последуем за покинутым эскадрой «Фрелоном», предоставленным самому себе в такую ужасную непогоду, при условиях, которые не позволяли ему даже рассчитывать на возможность спасения.

Командующий этим небольшим судном лейтенант де Кербрис собрал вокруг себя всех своих офицеров и всех тридцать человек своего экипажа и растроганным голосом произнес простые слова:

— Господа и дорогие мои товарищи, господа офицеры и матросы, вы должны знать, что никогда еще такое мелкое судно, как наше, не

выдерживало борьбы с таким страшным ураганом экваториальных морей. Но то, чего не было до сих пор, мы с вами попытаемся сделать, и то, что никому до сих пор не удавалось, быть может, с Божьей помощью, удастся нам... Я уверен, что каждый из вас исполнит свой долг!

Эта речь была покрыта громким дружным «ура» всего экипажа, и каждый стал готовиться постоять за себя и за своих товарищей против страшного тайфуна, быстро приближавшегося с каждой минутой.

Теперь высоко поднимавшиеся волны уже совершенно скрывали от глаз скалы и рифы, которые можно было угадать лишь по клубящейся над ними белой пене. Надо было спешить уйти из этого лабиринта коралловых рифов, так как вскоре отважные моряки потеряли бы всякую возможность различать дорогу.

Командир поспешил переменить курс, чтобы не быть вынужденным убрать все паруса и мачты. Теперь влево от них лежала Суматра, и уйти от циклона или хотя бы не очутиться в его центре почти не было надежды, если не успеть укрыться от урагана за высокими скалистыми заграждениями этого острова, которые несомненно должны были хоть отчасти парализовать действие ветра.

Но на каком расстоянии находились они теперь от Суматры? Накануне видны были очертания высоких горных хребтов этого острова, но затем приходилось идти только по приблизительному расчету, так как солнце ни на минуту не показывалось в течение всего дня. По расчетам командира, они должны были находиться недалеко от этого большого малайского острова, на расстоянии не более девяти или десяти миль, но чтобы пройти их тем ходом, каким шел «Фрелон», требовалось не менее полутора часов, а ураган начинал уже свирепствовать на юго-западе с невероятной силой, надвигаясь прямо на южный мыс Суматры. Следовательно, необходимо было подойти к острову с западной стороны, чтобы найти хоть какую-нибудь защиту от циклона, который должен был обрушиться на высокие прибрежные горы и громадные леса, расположенные с запада к югу. Что ожидало «Фрелон», который и теперь уже нырял, как пробка, на взбаламученном море, если ему не удастся опередить тайфун? При первом налетевшем шквале урагана его закружит и разнесет в щепки. Но выбора не было, и командир «Фрелона» де Кербрис приказал взять курс на Суматру в надежде попытаться сесть на мель где-нибудь на песчаном берегу отмели в случае, если он не успеет обогнуть остров: все же лучше было хотя бы попытаться спасти экипаж, чем погибнуть всем в открытом море.

Скрепя сердце отважный командир отдал соответствующее

приказание, так как, не имея возможности с надлежащей точностью определить свое положение, он был вынужден действовать наугад, полагаясь на счастье.

IV

Мрачное утешение. — Мольбы. — Тысячная доля шанса на спасение. — Авария. — Приготовления к спасению. — Странствования тромбона.

Тем временем Гроляр, ни жив ни мертв от страха, приходил в полное отчаяние, не находя себе места в своей каюте, не внимая даже утешениям Ланжале, который не переставал успокаивать его всеми средствами. — Полно, старина, зачем убиваться, когда этим все равно не поможешь? И не все ли равно, немного раньше или немного позже придется умереть!.. В конце концов, пожалуй, лучше умереть в море, чем от холеры или оспы» по крайней мере, много скорее... раз, два... хлебнул соленой водицы — и готов! Право, лучшего и более действенного способа отправиться сводить счеты там, в небесах, и придумать нельзя!»

— Сам ад против нас! — жалобно бормотал несчастный сыщик, не обращая внимания на слова своего любимца. — Лишиться всего тогда, когда все удалось на славу...

Как известно, Гроляр не отличался особой храбростью, и страх в такой мере парализовал все его чувства, что даже его лучший друг и любимец терял свое обычное влияние на него в эти минуты. Раздосадованный тем, что слова его пропадают даром, Ланжале прибегнул к энергичным средствам, чтобы заставить Гроляра слушать его.

— Ну хорошо! — воскликнул он. — Раз с тобой нет возможности говорить, так я уйду к себе, и тогда жалуйся себе и скрипи, сколько хочешь; по крайней мере, я не буду раздражаться, глядя на такую мокрую курицу, как ты!

Средство оказалось верным: в том момент, когда Ланжале, употребляя все возможные усилия, чтобы удержаться на ногах, направился к двери, душераздирающий крик остановил его на полпути.

— Ты покидаешь меня в несчастье! Ты, мой единственный друг! — жаловался сыщик, протягивая руки к уходящему и приподнимаясь со своей койки, к которой его заботливо привязал Ланжале, обложив подушками, чтобы сильная качка не сбросила его на пол.

— Я ухожу потому, что из тебя все равно не выбить ни одного разумного слова... Чем жаловаться и причитать без толку, не лучше ли подумать о том, как помочь беде или, по крайней мере, как попытаться спастись, если нам в конце концов придется окунуться носом в эту

громадную лохань!

— Но ведь я не моряк! Какого же ты можешь ждать от меня совета в данном случае?

— Да я и не требую от тебя никакого совета. Перестань только ныть и жалобиться над собой: этим ты только сбиваешь меня с толку, так что я даже не знаю, какому святому молиться... И к чему может привести эти твои стенания?

— Послушай, мой дорогой, не уходи от меня, останься, я тебе обещаю больше не жаловаться!

— Ну, вот за это можно похвалить!

— Что же, у тебя еще остается какая-нибудь надежда, раз ты говоришь о мерах к спасению?

— Что касается меня, то я даже за две минуты до смерти не соглашусь продать свою душу дьяволу!

— Какой ты, право, молодец... Сколько в тебе удали! — не без восхищения сказал сыщик, глядя на Ланжале.

— Таким и надо быть! Люди и в худшем положении бывали, да целы оставались!

— Ты думаешь? А разве ты не слышал, что сказал командир, когда адмирал предоставил нас самим себе? Он сказал, что у нас нет и тысячной доли шанса на спасение!

— Да, слышал и потому-то и надеюсь еще как-нибудь выкарабкаться. Допустим, что у нас остается только миллионная часть шанса, однако и этого довольно, если только мы сможем ею умело воспользоваться!

— Да, но как это сделать?

— Как это сделать? Призвать на помощь все свое мужество, энергию, силу духа и решимость — с этими человеческими качествами можно сделать очень много!

— Ты считаешь?

— Положись на меня. Вероятно, скоро ты должен будешь увидеть, что могут сделать эти качества в минуту опасности, — я берусь тебе это показать.

— Пусть Небо поможет тебе!

— На Бога надейся, а сам не плошай! — сентенциозно промолвил Ланжале. В этот самый момент страшный треск заставил содрогнуться все судно.

— Вот она, эта помощь с неба! — простонал сыщик, побледнев как мертвец. — Волны, того и гляди, совсем расплющат наше судно...

— В самом деле? А ты бы желал, чтобы для тебя изготовили кроткую

и ласковую маленькую бурю, тихую и слащавенькую, с волнами, пенящимися взбитыми сливками, и хорошеньким маленьким циклончиком, специально приспособленным для общественного увеселения, на радость мирным семействам и на потеху деткам... Не так ли?

— Я положительно не понимаю, как ты можешь шутить в такие минуты, стоя на самом краю гибели?!

— Да я стал бы шутить и в самих когтях дьявола, и даже у него на сковороде! Вот почему в минуты опасности не теряю присутствия духа, верности соображения и готов в любую минуту воспользоваться каждым удобным случаем для спасения.

Вдруг сильный порыв ветра потряс все судно до основания, и в тот же миг что-то со страшным треском обрушилось на палубе — это рухнула грот-мачта.

— Вот и начало конца! — простонал Гроляр.

— Сейчас я пойду посмотрю, что там случилось, — сказал Ланжале и, не слушая воплей старика, бросился наверх, но вскоре вернулся с озабоченным лицом.

— Мы погибаем? Не так ли? — чуть не рыдая спросил его сыщик.

— Пока что не мы, а бедный «Фрелон», — ответил Парижанин. — Только что рухнула мачта и проломила часть обшивки на штирборте; к счастью еще, наше судно идет все время под сильным креном на бакборт, а то бы нас совсем затопило. Командир отдал приказ закрыть люки; экипаж работает, заделывает брешь под таким ветром, который мог бы оторвать рога у вола.

— Ну, а тысячная доля шанса?!

— Надо суметь воспользоваться ею... Надень свой спасательный пояс, да затяни получше застежки, чтобы быть готовым на всякий случай.

Гроляр, у которого зубы стучали, как в лихорадке, все же нашел в себе силы исполнить данный ему совет. Опоясавшись спасательным поясом, Гроляр, по настоянию того же Ланжале, стал довершать свое снаряжение, рассовывая по карманам флягу с водой, другую флягу с водкой, кое-какие съестные припасы и револьвер крупного калибра с запасными снарядами, заключенными в непромокаемый мешок.

Сам Ланжале снарядился подобным же образом, с той только разницей, что его спасательный панцирь был гораздо объемистее спасательного пояса сыщика и мог вместить несравненно больше предметов; кроме того, Парижанин еще навесил себе на спину пробковый ящик приблизительно в тридцать сантиметров длиной и пятнадцать шириной. Управившись с этим, он наконец сказал:

— Ну, вот я и готов! Теперь нам, пожалуй, не больше двадцати минут срока до свидания с водяным: циклон настигает нас, и не успеем оглянуться, как очутимся на перине!

Этот шутливый тон и полное хладнокровие молодого человека внушали Гроляру мысль, что, быть может, опасность еще не так близка, и, повеселев на мгновение, он и сам попробовал пошутить.

— Разве ты собираешься дать концерт рыбам, — спросил он, указывая на тромбон, — или рассчитываешь с помощью этого добиться более благосклонного приема в царстве Нептуна?

— Это уж мое дело, — ответил Ланжале, — может быть, нам еще придется зарабатывать себе кусок хлеба нашими талантами...

Дело в том, что Ланжале до осуждения на суде, приведшего его в Нумеа, был в музыкантах Четвертого полка морской пехоты; а до того, в частной жизни, был членом Бельневильского любительского оркестра, где считался виртуозом на тромбоне и выступал зачастую в качестве солиста с большим и неизменным успехом. Попав в солдаты и заявив о своем искусстве, он был зачислен в музыканты морской пехоты и потому и здесь не расставался со своим излюбленным инструментом. Будучи сослан в Нумеа для отбытия дисциплинарного наказания, он, конечно, был лишен своего верного товарища — тромбона, который, однако, поспешил тотчас же заменить новым, как только стал свободен. И теперь он не хотел расстаться со своим любимым инструментом даже в таком критическом положении и решил или спастись, или погибнуть вместе с ним.

Буря усиливается. — Герои дома. — Кочегары. — Нет надежды. — Унесенные валом. — Гибель всего.

Между тем буря с каждой минутой все усиливалась; ветер выл с такой силой, что нельзя было слышать приказаний, и командир увидел наконец, что бороться дальше нет никакой возможности. «Фрелон» шел на всех парах, и так было решено идти до самой гибели. Ночь была до того темная, до того непроницаемая, что ничего не было видно перед собой; только время от времени, когда громадные ослепительные молнии разрезали на мгновение небесный свод, можно было видеть в течение всего нескольких секунд громадные валы с пенящимися гребнями, с бешеной силой мчавшие перед собой несчастный «Фрелон», ожидавший, что циклон вот-вот закрутит его, как щепку, и жадный вал поглотит судно навсегда.

Командир де Кербрис приказал всем надеть спасательные пояса и подвесить себе на руку спасательные буи, офицеры все до единого стояли на своих боевых постах, иначе говоря — на постах смерти. Старший механик судна со своими двумя помощниками одни оставались внизу, в машинном отделении, готовые встретить всякую опасность на своем посту, верные чувству долга.

Эти люди не надели на себя даже спасательных поясов: они знали, что их ждет здесь иная смерть — страшная смерть от разорвавшихся котлов, смерть не от воды, а от огня, и в то время как там, наверху, могли еще надеяться на спасение в борьбе с пенящимися валами, могли еще, возможно, хоть некоторое время оспаривать у жадной стихии свою жизнь, — они здесь были заранее бесповоротно обречены на ужасную, неминуемую смерть; у них не оставалось надежды выйти живыми из этого раскаленного помещения; они знали, что если машина хоть на секунду перестанет работать, то «Фрелон» в ту же минуту будет поглощен морем, так как только невероятная быстрота хода, поддерживаемая с невероятными усилиями, позволяла ему нестись вперед по волнам.

А кочегары, эти незаметные самоотверженные герои, задыхающиеся в шестидесятиградусной жаре и неустанно подбрасывающие лопату за лопатой черный уголь в раскаленное добела жерло топки! Они-то первые будут убиты, они это знают, и все-таки ни один из них и не помышляет даже покинуть эту угольную яму — бросить свою лопату и бежать наверх; нет, их долг приказывает им оставаться здесь и ждать ужасной смерти,

автоматически подбрасывая уголь в топку... Кроме того, все же может случиться чудо! Там, наверху, командир; он сделает все, что только в человеческой власти, чтобы спасти их, он думает о всех этих вверивших ему свою жизнь людях и может положиться на них, зная, что всякий его приказ будет исполнен, что все верно своему Долгу, что машина не остановится из-за недостатка топлива.

А ураган все свирепел, и никто из матросов не сомневался более в роковом исходе этой отчаянной борьбы утлого судна с Разъяренным морем и грозной бурей. Развязка близко!

Командир набросал несколько строк дрожащей рукой, повествуя о последних минутах вверенного ему судна; эту записку и свое завещание, все в трех экземплярах, он вложил в три бутылки, которые, герметически запечатав, бросили в море.

— А теперь, господа, — обратился он к своим офицерам, — нам остается только проститься друг с другом. Менее чем через пять минут циклон настигнет нас!

И действительно, громадная гора волны, высоту которой трудно было определить, гонимая неудержимым ветром, шла уже прямо на «Фрелон».

Ланжале, появившийся в этот момент на палубе, увидел водяной смерч, несущийся на них, и бросился в каюту, где стонал Гроляр.

— Ну, Альбер! Если ты хочешь воспользоваться последним шансом на спасение, то идем! — И толкая его перед собой, он вытащил несчастного на палубу. Увидев их, командир, приказавший привязать себя к мостику, чтобы остаться на своем посту до последней минуты, закричал в рупор:

— Куда вы? Вас смоеет волной!

Но вой бури заглушил его голос; в последнюю минуту уже нельзя было ничего расслышать на судне: крутом свирепствовал ураган, и косматые волны сплошной стеной обрушились на злополучное судно.

Инстинктивно Гроляр кинулся плашмя лицом вниз на палубу, которую все время заливало волнами. При свете непрерывно сверкавших молний, озарявших холодным мертвенным светом весь горизонт, Ланжале увидел громадную волну, идущую прямо на «Фрелон», грозя смыть все на своем пути, а за кормой уже совсем близко надвигался громадный, почти черный водяной смерч, готовясь потопить злополучное судно.

— Вот он самый момент — необходимо не быть поглощенным вместе с обломками судна, чтобы не попасть под них! — И одним сильным движением он подхватил с пола своего товарища и в таком положении, держа старика почти на весу, ждал волны, которая тут же прокатилась по носовой части палубы и смыла его вместе с Гроляром; последнего он так и

не выпускал из рук, несмотря на то что тот отчаянно отбивался. С высоты капитанского мостика командир де Кербрис смутно различил на мгновение, при вспышке молнии, человеческую группу, несущуюся с невероятной быстротой на гребнях волн, а спустя две минуты настигнутый циклоном маленький авизо был поглощен волнами и пошел ко дну Тихого океана.

Изгиб волны. — Страшная ночь. — По примеру Грибуйля. — Обломок. — Припасы. — Берег вдали. — Дурная встреча.

Гроляр и Ланжале были подхвачены одной из волн, образуемых циклоном на своем пути, которые он гонит перед собой, подобно тому как быстроходный пароход разгоняет перед собой в обе стороны воду, которая, пенясь и клубясь, образует волну или вал, катящийся впереди парохода. Циклон или смерч циклона в своем вращательном стремлении вперед образует по обе стороны громадные валы, которые расходятся, описывая громадный изгиб и постепенно успокаиваясь.

Конечно, и «Фрелон» мог бы, подобно двум его пассажирам, воспользоваться этим валом, но, будучи завлечен поперек вала волнами, он только еще раньше бы пошел ко дну, тогда как несясь перед самым смерчем, все же мог надеяться, что водяной столб, достигнув своей кульминационной точки раньше, чем настигнет его, рассыплется по морю и уляжется вместе с расходившимися валами.

Подхваченные волной с палубы «Фрелона», Гроляр и Ланжале закружились в водовороте волн и в течение нескольких минут, наполовину лишившись сознания и задыхаясь среди бешеных пенящихся волн, кидавших их из стороны в сторону, то высоко поднимая на свои гребни, то низвергая глубоко в зияющую черную бездну, но унося все дальше и дальше от смертоносного центра циклона, наконец достигли сравнительно более спокойной части воды, где громадные валы вздымались и ходили все же более равномерно, унося их неизменно в одном и том же направлении, к юго-востоку.

Теперь они могли свободнее дышать и держать верх корпуса над водой, благодаря устройству своих спасательных поясов.

Ланжале, который ни одной минуты не терял присутствия духа, ни на секунду не выпускал Гроляра из рук, так как последний ни к чему совершенно не был способен в это время и, вероятно, Дал бы захлестнуть себя первой же волне, а это было главное, чего следовало опасаться потерпевшим крушение, так как спасательные пояса удерживали их на поверхности воды.

Вся ночь прошла в непрерывной борьбе против урагана, так что за это время товарищи по несчастью не имели возможности обменяться хотя бы парой слов: из груди их вырывались время от времени лишь отрывистые

восклицания, несвязные и почти безотчетные.

Гроляр долгое время не мог прийти в себя, так как в нем физические ощущения всегда поработали рассудок, а не рассудок подчинял их себе; но когда на горизонте показались первые признаки рассвета, он понял, что самая страшная опасность миновала, и вместе с этим к нему вернулось немного мужества и надежды.

— Спасибо тебе, Ланжале, — сказал он, — я никогда не забуду, что второй раз обязан тебе жизнью.

— Поздно же ты, друг милый, спохватился, — заметил Парижанин, — если бы я выпустил тебя из рук хоть на одну секунду, ты уже давно бы был на дне океана!

С удалением циклона, пронесшегося к югу, море начало как бы успокаиваться, и мало-помалу наши приятели стали без особых усилий держаться на воде и свободно владеть руками.

Вскоре солнце осветило своими приветливыми лучами все еще взбаламученный океан, после чего волны его стали постепенно успокаиваться.

— Что ни говори, а все же это странный способ спасения: самому кидаться в море!

— Д-да... Но без этого способа ты бы давно был в желудке какой-нибудь прожорливой акулы!

— Или, быть может, преспокойно спал бы на своей койке на «Фрелоне» — ведь нам с тобой ничего не известно о том, не продолжает ли это отважное маленькое судно нестись по волнам, спеша догнать свою эскадру!

— Неужели ты в самом деле так думаешь?

— Хм!.. Мне кажется, что «Фрелон» во всяком случае устойчивее и прочнее нас с тобой и потому может лучше противиться волнам и ветру.

— Да пойми же ты наконец, что именно благодаря нашей легкости мы и уцелели, а «Фрелон» не мог устоять ни одной секунды против напора и всесокрушающего круговорота водяного смерча, да этого не могло бы выдержать ни одно судно в мире, как бы велико и устойчиво оно ни было!

Но несмотря на все эти разъяснения, Гроляр продолжал бы сомневаться в гибели злополучного маленького судна, если бы случайно внимание Ланжале не было привлечено громадной пловущей в их направлении доской. Двумя-тремя движениями рук Ланжале подплыл к этой доске, и невольный крик вырвался из его груди. Он толкнул доску к Гроляру со словами:

— Вот, прочти своими глазами эту надпись!

— «Фрелон».

Это была одна из больших обшивочных досок погибшего судна.

— Уж тебе, видно, на роду написано всегда быть правым! — сказал убежденный теперь сыщик. — Но пусть даже так, все же я боюсь, что мы избежали одной беды для того, чтобы попасть в другую, еще худшую, а именно — умереть голодной смертью посреди океана!

— В этом ты весьма заблуждаешься: в наших поясах есть запас провизии, которого может хватить на шесть суток, — мясных консервов, шоколада, сухарей и вяленого мяса; кроме того, фляга коньяку и фляга пресной воды, вмещающая восемь литров.

— Что все это значит в том положении, в каком мы находимся?!

— Не Бог ведь как много, согласен, но все же и немало; кроме того, я имею еще нечто, чем могу тебя порадовать: смотри, видишь эту темную полосу на фиолетовом фоне горизонта?

— Это маленькое темное облачко, которое как бы уходит в море, там, на юго-востоке?

— Ах ты, пресноводный моряк! То, что ты принимаешь за облако, не что иное, как берег одного из множества рассеянных здесь островов. И так как течение несет нас как раз в этом направлении, то только какое-нибудь особенное несчастье может помешать нам высадиться на этот берег еще до заката солнца, готов тебе в этом поручиться.

— Я должен тебе верить, хотя, признаюсь, никак не могу различить, что это не облако, а земля!

— Разве ты не можешь догадаться, что облако в лучах восхода непременно окрасилось бы алыми отблесками зари... Впрочем, можешь не верить, если хочешь! — Ланжале вдруг смолк, оборвав речь на полуслове, и, заслонив глаза рукой, стал внимательно всматриваться в одну темную точку на расстоянии приблизительно полумили.

— Что так привлекло твое внимание? — осведомился Гроляр.

— Это или остов судна, или подводная скала, — ответил Ланжале, — на известном расстоянии и то и другое производит совершенно одинаковое впечатление и кажется как бы движущимся, хотя скала, конечно, стоит неподвижно, а движутся волны.

— Но какой нам прок в том или в другом?

— Если это скала и, быть может, достаточно большая, то мы будем иметь возможность отдохнуть, взобравшись на нее. Если же это обломок или остов судна, то и на нем нам можно будет отдохнуть; кроме того... впрочем, подожди меня; я подплыву поближе и затем вернусь за тобой через каких-нибудь десять минут.

— Нет, нет, не оставляй меня одного! — заныл по обыкновению Гроляр.

— Но для нас может быть очень важно узнать...

— Отчего в таком случае тебе не взять меня с собой?

— Оттого, что ты не умеешь плавать, и из-за этого пройдет больше времени; я один доплыву гораздо быстрее.

— Да, но если ты должен будешь вернуться за мной, то тебе все равно придется потратить на это ровно столько же времени, если не больше.

Это было совершенно верно, и Ланжале не мог не согласиться с ним на этот раз.

— И в самом деле, ты прав. Я положительно не знаю, о чем думал, — ведь у нас под рукой эта доска, заостренная с одного конца. Ты обопрешься грудью на тупой конец, а острый будет в это время рассекать перед тобой воду, я же буду плыть и толкать тебя вперед изо всей силы.

Но вдруг у него дрожь пробежала по всему телу, и волосы стали дыбом на голове. Он увидел на расстоянии менее двухсот метров от себя громадный плавник акулы, который этот страшный морской хищник, этот тигр тропических морей, выставляет из воды в то время, когда плывет у поверхности воды в поисках добычи.

VII

Акула. — Ее жертвы. — Ее резвость. — Личное воспоминание. — Пари — Ужасная смерть. — Затруднительная минута.

Это опасное морское чудовище, не имеющее себе равных по хищности во всем животном мире, всегда настороже, всегда подстерегает добычу и не знает никакой другой заботы, кроме вечной заботы о снискании себе пищи. И только благодаря этой упорной настойчивости и неутомимости в поисках акуле удастся не то чтобы утолить свой голод, а подстеречь неосторожную жертву, вздумавшую отдохнуть среди густых зарослей морского дна, которые неутомимо обшаривает во всех направлениях акула.

Иногда же бывает и наоборот: сама акула прячется в этих зарослях и стоит неподвижно, боясь чем-либо обнаружить свое присутствие. Рыбы, которыми в другое время это прожорливое животное удовлетворялось бы, теперь могут спокойно плыть мимо ее носа, и акула не шевельнется, зная, что это — время, когда длинные стаи сельдей и другой мелкой рыбы проходят плотной многотысячной стаей или длинной, тянущейся на несколько миль полосой. Акула сторожит их проход, и когда такая сельдяная стая или косяк поравняется с ней, когда их разведчики, высланные вперед, пройдут мимо, не заметив присутствия ужасного хищника, — акула набрасывается на беззащитных путников, врывается в самую их гущу, так что они, даже видя неминуемую гибель, не в состоянии уклониться или же расступиться, и чудовищу достаточно только раскрыть свою широкую пасть навстречу их движению, чтобы поглощать несчастные жертвы десятками и сотнями.

Это, без сомнения, счастливые дни акулы, потому что природа, как бы в противовес ее хищническим инстинктам и чрезмерной прожорливости, одарила ее лишь в очень слабой степени способностью преследования и погони за намеченными ею жертвами; акула не может догнать ни одну рыбу, малую или большую, и за исключением этих редких удач, когда ей посчастливится подстеречь целую стаю, прожорливое чудовище постоянно голодает, непрестанно подстерегая добычу, не брезгуя ничем, не исключая даже гнилых чурок и жестянок из-под консервов, лишь бы наполнить чем-нибудь свой голодный желудок. Не следует, однако, думать, что засады всегда бывают удачны для акулы; далеко нет! Достаточно, чтобы какая-нибудь рыбешка обнаружила хотя бы всего в нескольких дюймах от акулы ее присутствие, чтобы вся громадная стая мгновенно обратилась в бегство,

и никакие усилия хищника не помогут тогда ему настигнуть их. Случаи, когда разведчики проходят мимо, не заметив присутствия акулы, чрезвычайно редки; обыкновенно же эти осторожные создания всегда успевают вовремя предупредить об опасности свою стаю, которая вдруг сворачивает и, описав громадную параболу влево или вправо от первоначального своего пути, избегает грозившей ей опасности.

Таким образом, в большинстве случаев громадное чудовище бродит в просторах моря в неустанных поисках пищи, рассчитывая только на случай, чтобы утолить чем-нибудь мучающий его голод, а такого случая ему нередко приходится выжидать по целым дням. Во время этих бесплодных поисков акулы упорно следуют за судами, выжидая какой-нибудь пощечки, сторожат по несколько суток застигнутые затишьем парусные суда и жадно поглощают все, что им кидают, забавы ради, матросы этих судов: куски пакли, старые швабры, опорки, все, что попало под Руку и чего не жаль бросить.

Горе тому неосторожному, который, прельстясь тихой погодой, вздумает искупаться в море: легкий всплеск — и несчастный исчезает под водой, а на поверхность всплывает большое кровавое пятно, и затем все кончено.

Однажды автор этого романа плывал в Тихом океане на прекрасной яхте водоизмещением в сто пятьдесят тонн, принадлежавшей одному состоятельному американцу, его приятелю. Мы должны были перейти экватор, и так как некоторые из гостей владельца яхты впервые проходили экватор, то он разрешил экипажу отпраздновать этот переход по обычаю моряков.

Для большей безопасности убавили пары и шли самым тихим ходом. После торжественного и очень оживленного обеда один из гостей предложил на пари в десять минут проплыть три раза вокруг судна на ходу. Так как за обедом много было выпито шампанского, то все были несколько разгорячены и нерассудительны, а то, вероятно, большинство согласилось бы с капитаном, который всеми силами восставал против этого безумного пари. Однако воспротивиться этой выходке он не мог, тем более что владелец яхты, после некоторых возражений, не считал возможным стеснять желания своих гостей.

Скрепя сердце капитан согласился. Он убавил ход до минимума и, кроме того, приказал спустить китобойную шлюпку, чтобы пловец при малейшей опасности мог вскочить в нее. Не успокоившись на этом, капитан лично обошел крутом все судно, внимательно оглядывая море, спокойное в этот вечер, как озеро, и столь прозрачное, что можно было

видеть на значительную глубину. Затем расставили человек двенадцать матросов вдоль борта судна, приказав следить за малейшим сколько-нибудь подозрительным движением в воде и тотчас же давать знать о нем пловцу и людям на шлюпке.

Между тем отважный пловец разделся и, выйдя на трап, кинулся в море. Нырнув, он на мгновение исчез из виду, но вскоре появился на поверхности и поплыл быстро и весело вдоль борта судна.

Мы следили за ним с часами в руках; в три минуты без малого он обошел кругом судна, как вдруг от противоположного борта раздался зловещий крик: «Акула под штирбортом спереди!» А в ту именно сторону и направлялся в этот момент пловец.

Он, конечно, успел бы вскочить в шлюпку, с которой как раз поравнялся. Все присутствующие, не дав себе даже труда проверить слова матроса, кинулись к тому борту, где в данный момент находился пловец, чтобы предупредить его о страшной опасности.

— Скорее, скорее в шлюпку! — кричали все пловцу. — Акула у судна! Ради Бога, скорее! Спасайтесь!..

Но, о ужас! Несчастный пловец поднял голову и, весело усмехаясь, крикнул: «Знаем мы эти шутки! Вы хотите меня заставить проиграть пари!» — и тремя сильными взмахами рук оставил за собой шлюпку и поплыл прямо навстречу своей гибели.

Матросы поспешили спустить ему канаты и кричали изо всех сил, чтобы он спасался, пока еще есть время. Тогда несчастный наконец понял, что это не шутка, и ухватился, бледный как смерть, за один из спущенных канатов, который матросы тотчас же начали тянуть к себе. Но было поздно: хотя пловец был уже над водой, акула схватила его за ногу и увлекла за собой в глубину.

В тот момент, когда страшная боль заставила несчастного выпустить из рук канат, он испустил такой душераздирающий вопль, что в продолжение долгих лет еще этот страшный крик преследовал нас наяву и во сне...

Возвращаюсь, однако, к прерванному рассказу.

Итак, Ланжале увидел в этот момент страшное чудовище, грозу экваториальных вод; Парижанин ни минуты не сомневался, что акула, обладающая необычайно острым зрением, увидела их и теперь направлялась к ним. Один из них двоих неминуемо должен был стать жертвой этого хищника, если не найдется средства спасения, и, надо отдать справедливость, благородный молодой человек ни одной минуты не остановился на мысли спасти себя, пожертвовав жизнью своего товарища

по несчастью, хотя это было весьма нетрудно сделать, настояв на желании одному отправиться осматривать риф и уплыть, оставив старого сыщика на съедение акуле, которая, по всей вероятности, удовольствовавшись подачкой, не стала бы преследовать беглеца.

Уроженец берегов Сены, Ланжале с детства проводил большую часть дня в воде и плавал как рыба, но этого было мало. Вдруг он вспомнил, что в Дэнарари и Маракайбо негры, за несколько серебряных монет, ныряют в воду к акулам и состязаются с ними в ловкости и проворстве — и никогда не становятся при этом их жертвами. Решаясь на эту опасную игру, они берут в зубы широкий и длинный нож и, нырнув под акулу, распарывают ей ножом все брюхо от пасти до хвоста.

В данный момент у Ланжале не оставалось выбора, и он решился испытать этот прием. Но прежде всего необходимо было предупредить Гроляра, чтобы он не помешал ему и не испортил все дело своими безумными криками, воплями и беспорядочными отчаянными движениями.

Гроляр, который по совету Ланжале налег грудью на доску ждал, когда тот станет толкать его перед собой, как это было условлено, и удивился, почему он так долго остается неподвижен. Оглянувшись, он увидел, что Ланжале смотрит куда-то вдаль в сторону, противоположную той, куда он собирался плыть.

— На что это ты там засмотрелся? — спросил он встревоженным голосом, так как теперь сыщика путало решительно все, особенно то, чего он не мог видеть или чего не понимал.

VIII

Победитель акул. — Подозрительный плавник. — План атаки. — Неудобоваримая бортовая доска. — Безумное бегство. — Третье спасение. — Плывающая пирога.

Ланжале решил говорить напрямик. Впрочем, он знал, как надо говорить с этим трусливым человеком. — Ты спрашиваешь, на что я смотрю? Я смотрю на нечто весьма любопытное, и если ты еще не видал, как крадется под водой акула, то я минут через пять буду иметь удовольствие познакомить тебя с этим зрелищем!

— Акула! — повторил сыщик, содрогнувшись до мозга костей. — Ты шутишь, надеюсь!

— Что же тут удивительного — встретить акулу в этих водах, где их во сто крат больше, чем тигров в явских лесах?! Этого следовало ожидать, милейший Гроляр, но будь спокоен, я в бытность мою в Кайенне каждое утро забавлялся тем, что после завтрака отправлялся убивать акулу на рейде, так что меня прозвали даже «победителем акул».

— Да где же ты видишь акулу?

— Вот, смотри прямо перед собой, на расстоянии около ста метров...

— Я ровно ничего не вижу...

— Да дай мне досказать, ведь эта госпожа не прогуливается по поверхности с зонтиком и лорнеткой, как ты, очевидно, предполагаешь. Смотри только, куда я тебе говорю, и увидишь нечто вроде торчащего над водой крыла — это плавник акулы, торчащий всего на каких-нибудь двадцать сантиметров над поверхностью.

— Ну, вот теперь я вижу! И эту-то крошечную флюгарку ты называешь акулой? — неуверенно спросил Гроляр.

— Нет, это я называю плавником, а так как плавники сами по себе не плавают, то заключаю, что плавник этот, являющийся принадлежностью акулы, означает ее присутствие в том самом месте, где виднеется ее спинной плавник. Но теперь не время спорить — нам необходимо убить ее, если мы не хотим сами стать ее добычей. Я берусь расправиться с чудовищем, если только ты не станешь мешать мне твоими криками и воплями.

— Говори, что нужно делать. Если я могу тебе помочь чем-нибудь, то обещаю не терять голову; я не хочу, чтобы ты каждый раз один жертвовал собой... И затем, рыба все же не может быть уж столь ужасной, столь

страшной, что ни говори...

— Так ты в самом деле хочешь помочь мне? — спросил Ланжале.

— Раз я тебе говорю, значит, это так! — почти обиженно подтвердил сыщик.

— В таком случае вот мы что сделаем: прежде всего я сброшу на время свой спасательный пояс для большей свободы движений; ты будешь держаться все время позади меня, я первый встречу натиск акулы с ножом в зубах, держа впереди себя заостренную доску «Фрелона», обращенную острием к неприятелю. В тот момент, когда акула перевернется с разинутой пастью, чтобы схватить добычу, я всажу ей в самое горло заостренный край доски изо всей силы, и тогда ты приступишь к делу: ты будешь напирать что есть мочи на доску, чтобы акула не могла ее выплюнуть, тогда как я нырну и распорю ей брюхо своим ножом. После того нам останется только поживее отплыть от чудовища немного в сторону, чтобы присутствовать при его агонии и вместе с тем избежать страшных ударов его хвоста... Понял ты, в чем должна состоять наша задача?

— Конечно, понял, и поверь мне, на этот раз я не паду духом.

— Прекрасно, — отозвался Ланжале, — посмотрим, на что ты способен...

Тем временем акула приблизилась к ним уже на расстояние каких-нибудь пятидесяти метров. Парижанин проворно сбросил с себя свой спасательный пояс, который и оставил тут же на воде подле себя, уверенный в том, что найдет его, если предстоящая схватка окончится благополучно для него; затем, схватив доску, оперся на нее грудью, выставив вперед ее заостренный конец и в то же время заслонив собой Гроляра.

Акула, как известно, хватает все что попало, а потому нашим приятелям нечего было опасаться, что чудовище разгадает заготовленную для него западню и не схватит доски.

Подплыв к доске, которую Ланжале тихонько пошевеливал в воде, чтобы хищница приняла ее за живое существо, акула замедлила свое движение, как это обыкновенно делает рыба, подходя к приманке, и затем плавно перевернулась, как всегда, на бок, чтобы удобнее схватить свою жертву. Потом, рассчитав свои силы, с налета схватила доску, острие которой Ланжале ловким движением глубоко засунул ей в глотку. Чудовище, думая, что схватило свою жертву, поспешно сжало челюсти, но не могло перекусить толстой судовой доски, ставшей еще более плотной вследствие того, что за это время пропиталась водой.

— Теперь очередь за тобой! — крикнул вполголоса Ланжале своему

товарищу.

Гроляр решительно ухватился за доску и стал напирать на нее изо всей силы, а чтобы тяжелая доска не выскочила как-нибудь у него из руки, он поспешно обмотал ее раз пять-шесть канатом, что был у него вокруг пояса и за который его во все время бури удерживал Ланжале. Но вдруг произошло нечто неожиданное: в тот момент, когда Парижанин кинулся на акулу с большим ножом в руке, последняя сильным рывком погрузилась в воду, увлекая за собой и доску, и привязанного к ней Гроляра, который, совершенно потеряв голову, не догадался даже отвязать канат от своего пояса.

Быстрее молнии Ланжале нырнул и, соперничая в проворстве с акулой, пытался распороть ей брюхо; но в своей родной стихии акула уходила так быстро, что Гроляр неминуемо должен был бы погибнуть, если бы его громадный спасательный пояс не оказывал сопротивления, замедляя ход акулы.

Однако только благодаря невероятным усилиям, отважному французу удалось наконец настигнуть потерявшего в воде сознание сыщика, сильным ударом ножа перерезать канат, привязывавший несчастного к доске, и почти сверхчеловеческим напряжением мускулов вынырнуть на поверхность совершенно обессиленным, задыхающимся и истощенным.

В тот момент, когда он жадно вдыхал в себя воздух и набирал его в легкие, всплыл подле него, благодаря своему спасательному поясу, и Гроляр, но всплыл как бесчувственное тело, без малейших признаков жизни.

Ланжале поспешил надеть и на себя свой спасательный пояс, так как чувствовал, что силы покидают его, а обморок на воде, без спасательного пояса, был бы верной смертью. Снарядившись со всей возможной поспешностью, он принялся приводить в чувство сыщика, который, в сущности, потерял сознание скорее от страха, чем от чего-либо другого. Несколько капель коньяку было достаточно, чтобы вернуть его к жизни. Обморок его наступил так внезапно, что он не успел даже хлебнуть воды, и это отчасти спасло ему жизнь.

— Спасен! И опять тобой! — воскликнул он, раскрыв глаза и придя в себя. — Уже в третий раз! Скоро я уже и счет потеряю!

— Ну, этот раз можешь и не считать, так как, отстаивая тебя от акулы, я в то же время отстаивал и себя!

— Так-то так, но я все-таки знаю, что говорю, ведь не для собственной же своей забавы ты нырял за мной под воду. Я отлично помню, что это чудовище увлекло меня за собой, и затем я потерял сознание. Все, что ты

сделал для меня, я отлично помню, — и настанет день, когда я вознагражу тебя за все это с лихвой!

— Ну, об этом мы успеем еще поговорить, а теперь нам надо спешить покинуть эти опасные места, так как акула может выплюнуть доску и вернуться сюда за нами.

Вдруг Гроляр прервал своего друга радостным восклицанием. Услыхав о возможности возвращения акулы, смертельно напутанный сыщик окинул взглядом море и вдруг увидел то, что невероятно обрадовало его.

— Смотри! — крикнул он Ланжале. — Твой риф как будто приблизился к нам!

Парижанин взглянул в том направлении, куда указывал сыщик, и также разом повеселел.

В то время как его мысли были всецело заняты акулой, сильный ветер, поднявшийся с юга, погнал предмет, принятый Ланжале за риф или обломок судна, прямо на потерпевших крушение, и теперь этот предмет покачивался на волнах в каких-нибудь ста метрах от них. Это была индейская пирога, угнанная бурей, вероятно, в прошедшую ночь.

Трудно описать ту радость, какую испытали товарищи по несчастью при виде этого утлого судна, так как до сего времени они затруднялись представить, каким образом достигнуть того берега, который был замечен Ланжале на рассвете и который теперь ясно вырисовывался на краю горизонта; туман, застилавший его на заре, теперь рассеялся под горячими солнечными лучами.

— Ну, на этот раз ты можешь меня подождать, покуда я приведу тебе пирогу! — сказал Парижанин, собираясь снова проявить все свое искусство сильного и быстрого пловца.

— Опять!.. — заныл Гроляр. — А если акула вернется?!

— Вот именно поэтому ты и не должен меня задерживать и заставлять терять столь драгоценное время!

С этими словами Ланжале сбросил с себя пояс, стеснявший его движения, и сильными взмахами рук стал быстро удаляться по направлению к пироге, причем крикнул сыщику на прощание:

— В случае, если акула вернется раньше моего возвращения, кинь ей мой пояс и не бойся ничего, хотя гораздо вероятнее, что она погонится за мной, привлеченная моими движениями в воде.

Эти рассуждения Ланжале были совершенно справедливы, и, как выяснилось дальше, его образ действий был самый разумный и самый логичный.

Будучи превосходным пловцом, Парижанин доплыл менее чем за одну

минуту до пироги, так как благодаря ветру, которым ее гнало все время вперед, она все более и более приближалась к пловцу. Ухватиться за нее сзади и гнать ее перед собой было для Ланжале самым пустячным делом. Не теряя времени на осмотр своей счастливой находки, он помог Гроляру сесть в пирогу и собирался и сам сделать то же, как вдруг из груди его вырвался страшный крик:

— Гроляр, помоги мне, — акула!

Спасен. — Надежное судно. — Оружие и провиант. — Настойчивая акула изловлена. — Нечувствительность акул. — Любопытный эпизод.

С проворством, какого трудно было от него ожидать, старый сыщик уперся изо всей силы обеими ногами в дно лодки и протянул обе руки навстречу своему любимцу, который, ухватившись за них, отчаянным прыжком выскочил из воды и плашмя бросился на дно лодки. Однако ужасная акула чуть было не поспела раньше него. В тот момент, когда Ланжале заметил акулу, она поднималась на поверхность на расстоянии какого-нибудь метра от него, и запоздай Гроляр хоть на четверть секунды своей помощью, несчастный парижанин неизбежно погиб бы.

Акула появилась на поверхности как раз в тот момент, когда намеченная ею жертва в изнеможении упала на дно лодки, и, обозленная своей неудачей, принялась злобно наносить удары то хвостом, то головой злополучной пироге.

К счастью, эта пирога была из числа так называемых катамаранов, которые могут вполне безнаказанно выдерживать самые сильные удары. Этот род пирога сооружается из трех соединенных между собой толстых стволов, причем средний ствол выбирается самый крепкий и самый толстый, в нем-то и выдалбливается углубление для пловцов. Снизу эти три ствола соединяются скрепами из железного дерева по всей их длине, а снаружи обделываются топором так, что получают вид обыкновенных лодок: корма закругляется, и нос заостряется. Боковые бревна делают лодку совершенно непотопляемой. Благодаря толщине, плотности и тяжести дна, которое постоянно сохраняет свое равновесие и свою плавучесть, вследствие того что оно выдолблено, а также благодаря всем остальным особенностям своей конструкции эти пироги представляют собой самый надежный и прочный вид судов, какой я только знаю. Туземцы, пользующиеся этими пирогами, чтобы выезжать на рыбную ловлю в самую страшную бурю, не дают себе даже труда вычерпывать из них воду, когда их заливают.

На дне этих пирога индейцы устраивают обыкновенно небольшой люк, куда убирают свои рыболовные снасти, багры, гарпуны копья и прочее. Кроме того, на корме и на носу устраивается что-то вроде ящичков, которые одновременно служат и сиденьем для гребцов, и местом для хранения съестных припасов вроде вяленой рыбы, вяленых кабаньих окороков,

бочонков с пресной водой, сушеных плодов и т. п. , словом, всего того, что забирают индейцы, отправляясь на рыбную ловлю в открытое море или на соседние острова.

Та пирога, которую так счастливо и так кстати пригнало ветром навстречу потерпевшим крушение, была средних размеров, и в ней могло поместиться до двенадцати человек. Первой заботой наших друзей было ознакомиться с содержимым люка и двух ящиков-кладовых на носу и на корме. Все было герметически плотно закрыто и, по-видимому, все, что в них находилось, не могло пострадать от воды, несмотря на то что во время вчерашней бури пирогу должно было беспрерывно заливать водой.

С помощью объемистых манерок, имевшихся в их спасательных поясах, Гроляр и Ланжале совершенно вычерпали из пироги воду и затем не без усилия отодвинули сдвижные доски, набухшие от воды, которые служили дверцами. В люке на дне пироги они нашли четыре крепких копья, совершенно готовые к использованию рыболовные снасти: перемет с готовыми уже насадками на крупную рыбу и железную острогу, привязанную к крепкой кокосовой веревке; кроме того, два запасных весла, которые для наших друзей были особенно ценны, так как с их помощью они могли надеяться добраться до берега.

В кормовом шкафчике они натолкнулись на не менее драгоценную находку в виде трех громадных гроздей спелых бананов, которыми они могли бы прокормиться в течение целой недели, нескольких связок сушеной рыбы, громадной тыквенной чашки вареного риса, приправленного шафраном и другими пряностями, и целого окорока. Сверх всех этих съедобных сокровищ они нашли еще объемистую глиняную бутылку, крепко-накрепко закупоренную и наполненную доверху араком, и четыре бамбуковых бочонка с пресной водой, по десять литров каждый. Эта пирога, снаряженная, видимо, только что, накануне, очевидно, принадлежала рыбакам и была снесена во время бури.

При виде всех этих съестных припасов и без того уже ощутимый голод проявился с удвоенной силой, и наши приятели недолго думая принялись утолять его.

Они начали с жареного окорока и заедали его вместо хлеба бананами. Бросая толстую кожуру этих плодов в море, они, к немалому своему удивлению, увидели, что акула, о которой они уже забыли думать, полагая, что она, обескураженная своей неудачей, удалилась, теперь высовывалась из воды и с жадностью поедала отбросы.

— А-а, вот ты где, голубушка! — весело воскликнул Ланжале — Сейчас я заставлю тебя расквитаться за тот страх, который ты нагнала на

нас! — И, взяв острогу, привязанную к толстой кокосовой веревке короткой железной цепью, он насадил на ее конец штук пять или шесть бананов и кинул эту коварную приманку в воду, предварительно привязав конец веревки к причалу пироги.

Результат этой хитрости не заставил себя долго ждать: как только акула увидела эту крупную поживу, тотчас же набросилась на нее и разом проглотила и бананы, и острогу. Она была поймана! Стараясь высвободиться, она только глубже вонзила себе в небо крюк остроги, который, прободая ей верхнюю челюсть, вышел наружу немного ниже левого глаза.

Теперь ничто уже не могло спасти ее, и она была в полном распоряжении Ланжале и его товарища. Прежде всего она попробовала нырнуть, но Парижанин укоротил веревку настолько, чтобы не дать ей уйти под воду; тогда она стала пытаться перекусить цепь, но напрасно: металл не поддавался даже и ее острым зубам. Волей-неволей ей пришлось оставаться на воде на расстоянии не более трех метров от кормы пироги, глядя своими бессмысленными, вылупленными глазами на двух мужчин, продолжавших свой завтрак.

При этом они имели случай видеть весьма любопытный пример жадности, прожорливости и глупости этого животного. Во время еды они продолжали кидать в воду кожуру бананов, кости и сало жареной свинины и, к немалому своему удивлению, увидели, что акула как ни в чем не бывало продолжает с жадностью ловить и глотать все, что они выкидывали за борт, так же спокойно, как будто с ней ничего особенного не случилось; она даже подплыла поближе к носовой части пироги, чтобы успевать раньше схватывать брошенную ей подачку.

Мозг этой рыбы так слабо развит, что если считать, как это вообще принято, что умственные способности живых существ находятся в зависимости от объема их мозга, то следует заключить, что у акул умственные способности почти совершенно отсутствуют. Точно так же и ощущение физической боли, которое, как известно, передается мозгу посредством нервов и нервных Центров, должно быть чрезвычайно слабо у акул. В подтверждение последнего предположения существует целая масса фактов доказывающих крайнюю нечувствительность акул к физической боли. Автор лично имел случай дать шесть выстрелов из револьвера в голову акулы, не вызвав в ней ни малейшего содрогания, причем это прожорливое животное продолжало с жадностью кидаться на все, что ему бросали ради развлечения.

Это было на военном фрегате, где судовой врач получил разрешение

командира поместить пойманную матросами акулу в большую шлюпку, находившуюся на палубе судна и наполненную для этой цели до половины морской водой.

Акула эта благодаря странной случайности была поймана на острогу, острие которой вонзилось ей в нижнюю челюсть, так что не стесняло движения ее пасти.

Канат, накинутый ей на хвост, позволил вытянуть ее из воды и поднять на палубу, причем для этой работы потребовалось по десять матросов с каждого конца; к тому же при каждом резком движении акулы эти люди не могли удержаться на ногах и падали на колени.

Но даже и в этом положении, причаленная за голову к носу шлюпки и за хвост пришвартованная к ее бушприту, не имея почти возможности шевельнуться, акула продолжала как ни в чем не бывало пожирать все, что ей бросали, несмотря на бесчисленные выстрелы из револьвера, которыми ее награждали поочередно все офицеры судна.

Многочисленные наблюдения при условиях самых разнообразных доказывают, что акула почти совершенно нечувствительна к боли и что, стоя сзади, вы безнаказанно можете стрелять в нее сколько угодно, но стоит только подойти к ней спереди, чтобы она тотчас же сделала попытку кинуться на вас. Словом, это — животное, лишенное всяких умственных способностей, все помыслы которого сосредоточены исключительно только на добывании пищи.

Израженная, истерзанная, получившая свыше ста стреляных ран, акула все еще продолжала с прежней жадностью поглощать все, что было возможно. Наконец, когда ее уже выбросили обратно в море с выпотрошенными внутренностями, у нее все-таки еще хватило силы уплыть и скрыться из виду.

Можно себе представить, каким страшным врагом и истребителем для всяких других рыб были бы эти ненасытные пожирательные машины, если бы природа, как уже было сказано выше, не лишила бы их той быстроты передвижения, той юркости и проворства, какими обладают остальные рыбы и вообще обитатели океана.

Неуверенность. — Заботы и помыслы Гроляра. — Nonbisidem. — Разговор. — Океанские пути. — Удар топора. — Искалеченная акула. — Вблизи берега.

Утолив свой голод, наши приятели стали раздумывать, что им делать. Благодаря пироге, явившейся так кстати, они могли быть уверены, что через несколько часов будут уже на желанном берегу. Теперь им нечего было опасаться бури, так как после циклона обыкновенно наступают довольно продолжительные периоды спокойствия на море. Припасов у них было, по меньшей мере, дней на двенадцать, не считая тех, что заключались в их спасательных поясах, а потому они решили, что могут не спеша обсудить свое положение и взвесить, что им всего лучше сделать. Конечно, берег был недалеко, но что это был за берег? Быть может, это какой-нибудь негостеприимный берег, где они встретят людоедов, — рассуждал Гроляр, весь содрогаясь при этой мысли. — Не лучше ли будет покрейсировать вокруг и около этого берега в течение нескольких дней, чтобы ознакомиться с ним? А тем временем им могло встретиться судно, которое примет их и доставит в какой-нибудь порт, откуда им уже легко будет добраться и до острова Иена, где теперь должны находиться обе соединенные эскадры.

Едва только избавившись от смертельной опасности, сыщик снова начал возвращаться к своим проектам. Час тому назад он готов был отказаться и от своей миссии, и от доброй половины оставшейся ему жизни, лишь бы очутиться на этом берегу, а теперь вдруг сделался требователен и с того момента, как грозящая ему опасность миновала, снова вернулся к своим честолюбивым замыслам. Неужели эскадры решатся казнить пиратов без него?.. А знаменитый алмаз, который адмирал Ле Хелло обещал ему передать после того, как ознакомится с секретными бумагами, где говорилось о возложенной на него, Гроляра, миссии. Неужели он вручит это имущество французской короны в другие руки? В таком случае ему, Гроляру, придется навсегда проститься с заветной мечтой — занять пост начальника сыскной полиции, обещанный ему в награду за успех!..

Вот почему он теперь всеми силами цеплялся за надежду встретить на своем пути какое-нибудь судно. Но для того чтобы эта надежда могла осуществиться, надо было оставаться в море до последней крайности, до

истощения последних пищевых припасов. Он предлагал даже плыть прочь от берега и скитаться по морю наугад, чтобы только повстречать какое-нибудь судно или хоть попасть на обычный путь судов.

— Понятно, — добавил он под конец, так как Ланжале дал ему первому высказаться до конца, не прерывая его, — понятно, что мы теперь находимся вне обычного пути судов; ведь когда мы шли с эскадрой, то не проходило часа без того, чтобы не показалось какое-нибудь судно вблизи или вдали, а теперь мы со вчерашнего дня не видим перед собой ничего, кроме беспредельного водного пространства!

— Все это так, мой милейший Гроляр, — заметил Ланжале, — я дал тебе волю высказать все, что у тебя было на уме, и, право, признаюсь, только трусы способны, едва их оставит страх, строить такие безумные планы и всецело забывать только что минувшую опасность! Из того, что нам, благодаря настоящему чуду, удалось уцелеть во время этой страшной бури, вызванной циклоном, еще вовсе не следует, что и впредь судьба должна нам покровительствовать... Напротив, ты должен знать: то, что нам удалось, едва ли удастся один раз из тысячи, — и я не согласился бы проделать вторично этот опыт даже за целое царство! Не забудь, что не попадись нам случайно эта пирога, что бы с нами было теперь? Всего вероятнее, оба мы были бы теперь в брюхе этой прожорливой скотины, что смотрит там на нас своим алчным взглядом...

— Признаюсь, я не совсем понимаю.

— К чему я это все говорю? Знаю, но сейчас ты это поймешь. Уже два раза в одни эти сутки мы с тобой обязаны жизнью счастливой случайности, что идет прямо вразрез с излюбленной поговоркой моего капитана: *non bis in idem*, или, иначе говоря, что одно и то же не повторяется два раза кряду. Надеюсь, что ты не захочешь искушать Господа еще раз, то есть предоставить случаю спасать тебя и меня... Это я говорю к тому, что если мы будем настолько безумны, что удалимся от этого берега, вблизи которого мы находимся теперь, и вздумаем блуждать по океану в расчете встретить судно, которого мы легко можем и не встретить, то нам, вероятно, придется блуждать так в открытом море не дни, а быть может, недели, не встретив ни судна, ни земли, и в конце концов умереть с голоду на нашей пироге. Но нет! Этого не будет... Мечтать ты, конечно, волен, о чем тебе угодно, но мы сейчас же, не теряя времени, направимся к берегу, и все, что я могу тебе позволить в виде поблажки, так это не сходить на берег сегодня вечером, отложив ближайшее ознакомление с этой землей до следующего утра. Если до того времени мы не увидим вблизи никакого судна, то хочешь не хочешь, а мы высадимся на этот остров, который, по

всей вероятности, окажется для нас более гостеприимным и более надежным убежищем, чем океан. Так решено, и предупреждаю тебя, что ничто на свете не заставит меня изменить это решение. Сразу видно, что ты не имеешь даже понятия, что значит быть затерянным среди океана без компаса, без часов, не имея возможности определить свое положение. Самый опытный моряк не согласился бы на это, и только полное непонимание всех условий мореплавания могло внушить тебе подобную безумную мысль. То, что ты предлагаешь с такой спокойной совестью, заставило бы содрогнуться самого опытного моряка. Нет, голубчик, скитаться в океане с двумя веслами — это и сумасшедшему не пришлось бы в голову. Нет, лучше уж поговорим о чем-нибудь другом.

— Ну, не сердись, — стал его успокаивать Гроляр, удивленный этой вспышкой своего друга, — я вовсе не намерен тебе противоречить или настаивать на своем, а просто высказал свое мнение... Но ты, конечно, сам понимаешь, как обидно после всего того, что я сделал, после всех приложенных мной стараний, в тот момент, когда я, так сказать, уже у цели, — проститься навсегда с этой целью... Конечно, находясь в открытом море, я всегда буду руководствоваться твоим опытом и следовать твоим советам.

— Вот и прекрасно! Это, по крайней мере, благоразумно. Теперь пойми, что нашими общими усилиями нам едва-едва удастся заставить эту тяжелую пирогу проходить от полутора до двух миль в час. Будем считать счастьем и то, что нам удалось спасти свою шкуру! Нам остается только добраться до этого острова, предварительно убив нашего грозного врага, — это мы должны сделать во избежание будущих ее жертв; кроме того, я не хочу лишиться этой остроги и цепи, с помощью которых нам удалось изловить эту акулу, так как они могут еще нам понадобиться!

И Ланжале стал искать способ убить акулу и высвободить острогу.

В маленьком люке пироги нашелся старый топор с длинным топориком, вероятно, служивший туземцам для защиты от акул во время рыбной ловли. Взяв его и подтянув пойманную акулу на нужное расстояние, Парижанин нанес ей страшный удар по голове и разрубил надвое верхнюю челюсть. Но в этот момент акула сделала столь сильное движение, чтобы высвободиться, что вырвала часть челюсти, захваченной острой, и скрылась под водой, оставив на поверхности громадное кровавое пятно.

— Беда! — воскликнул Ланжале. — Она уйдет от нас!..

— Неужели ты думаешь, что она еще выживет после этого? — заметил сыщик.

— Вот, посмотри, — сказал Парижанин, вытянув из воды острогу, — собственно, сама голова не затронута; у нее не будет только одного глаза и верхней челюсти. Все это очень скоро заживет, и после того акула эта станет еще свирепее, еще прожорливее: не будучи в состоянии схватить крупную добычу, она станет питаться исключительно мелкой рыбой, которая, между прочим, всего искуснее умеет уходить от акул... Однако приналяг-ка на весла, милейший, ведь самый легкий туман может скрыть от нас берег — и тогда одному Богу известно, что с нами может случиться!

Приятель взялся за весла и принялся сильно и дружно грести к берегу, который, залитый горячими лучами солнца, представлялся им теперь длинной красновато-серой полосой, почти сливавшейся с линией горизонта.

Ветер, продолжавший быть попутным, заметно свежел и теперь чуть не вдвое ускорял их ход.

При закате солнца они были в каких-нибудь пяти или шести милях от берега, который, судя по всему, должен был быть одним из Зондских островов. За то время, какое они находились в море, даже принимая в расчет невероятную силу урагана, гнавшего их со сверхъестественной быстротой, они едва ли могли оказаться вблизи какой-нибудь части Азиатского материка, ближайшей точкой которого являлась для них Малакка. Даже Гроляр, несмотря на остатки дурного расположения духа, не мог не разделять радости своего друга при виде очаровательного пейзажа, открывавшегося перед ними... Никогда еще они не видели столь великолепного и грандиозного зрелища — живописного и привлекательного, чарующего и манящего.

Неведомый остров. — Затруднительное положение потерпевших крушение. — Ящик с сюрпризом. — Прерванная биография. — Что там происходит? — На месте стоянки.

В центре острова возвышались громадные горы неприступного вида, покрытые густой девственной растительностью, сквозь которую нигде не просвечивали голые скалы. Берег спускался пологим скатом к морю, образуя многочисленные живописные долины, зеленеющие и веселые, орошенные бурливыми и шумливыми потоками с пенящимися порогами на пути к долинам, где они превращаются в светлые широкие реки с красивыми излучинами. Широкий пояс кокосовых пальм укрывал в своей тени развесистые бананы и рощицы карликовых пальм, доходившие до самого моря.

Ничто не могло быть более прекрасно, чем это море; отражающее пурпурные лучи заката и темную листву величавых пальм. Среди этой роскошной природы ничто не говорило о присутствии человека: нигде не было видно ни малейших признаков жилья или какой-нибудь полевой культуры.

Правда, небольшое селение, расположенное у края долины, как обыкновенно бывает в этих странах, легко могло укрыться от наблюдательности постороннего глаза благодаря необыкновенно густой завесе зелена. Но все же легкие струйки дыма во время вечерней трапезы должны были бы указать путешественникам на присутствие здесь человека, и потому наши приятели решили внимательно наблюдать, не покажется ли где-нибудь дымок.

Этот вопрос имел для них громадное значение, так как если остров окажется необитаемым, то они должны будут рассчитывать исключительно только на самих себя, то есть, главным образом, на дикорастущие здесь плоды и корни. В противном же случае им особенно важно было знать, с каким населением им придется иметь дело. Но как могли они выяснить эти вопросы, если ничто не давало им подсказки?

Солнце уже скрылось за горизонтом, а кругом не было видно ничего особенного. Очевидно, этот прелестный уголок земного шара, этот рай земной не имел обитателей. Однако отсутствие всяких признаков человеческого жилья на побережье еще не означало, что и в остальной части острова нет населения, — и наши приятели решили провести эту

ночь в своей пирогe, тем более что Ланжале обещал своему другу ожидать до завтрашнего вечера возможного прохода какого-нибудь сбившегося с пути судна.

Решено было в течение всей ночи дежурить по очереди с револьвером наготове. Ланжале опасался, как бы порыв бури не угнал их далеко от берега; кроме того, было весьма возможно, что замеченные издали дикарями-туземцами, они могли подвергнуться нападению с их стороны под покровом ночи, если бы те рассчитывали захватить их врасплох во время сна.

Так как луна должна была взойти не раньше одиннадцати часов, то приятели условились дожидаться вместе ее восхода; во мраке обоим надо было быть начеку, при свете же луны становилось легче заблаговременно заметить опасность и успеть предупредить о ней товарища. Ланжале настаивал на том, чтобы первую очередь дежурил он, с одиннадцати часов ночи и до пяти часов утра.

— Но ведь в пять утра уже начинает светать, — возразил сыщик, — и мое ночное дежурство окончится, едва начавшись.

— Тем лучше для тебя, — заявил Ланжале, — в твои годы любят поспать, а я прекрасно отдохну и днем. На тебя я могу положиться ты не прозеваешь ни одного проходящего вблизи судна.

Они достали из своих спасательных поясов револьверы и снаряды, которые оказались так же исправны, как если бы они были взяты только что от оружейника. Этот спасательный пояс с непроницаемыми для воды и сырости ящичками и ящичками, вмещавшими и оружие, и провиант, и все необходимое для человека в затруднительном положении, потерпевшего крушение, был изобретением Ланжале, который весьма им гордился, тогда как сыщик, не думавший, что ему когда-либо придется пользоваться этим сложным сооружением, изготовленным по специальному заказу Парижанина в Гонконге, высмеивал его, называя «ящичком с сюрпризами» или «таинственным шкафчиком».

Сев друг против друга таким образом, что Гроляр оказался спиной к берегу и лицом к морю, а Ланжале наоборот, то есть лицом к берегу, а спиной к морю, они стали мирно беседовать.

— А знаешь, теперь как раз подходящий момент дать твоему тромбону подышать свежим воздухом, а нам насладиться маленьким импровизированным концертом! — заметил старик.

— Ладно, ладно, злой насмешник, ты уж забыл, как видно, что этот самый инструмент помог нам зарабатывать наше пропитание в Мексике!

— Благодаря моим акробатическим фокусам и жонглерству, заметь, —

сказал Гроляр, — но теперь я состарился и едва ли мог бы еще раз проделать то же самое.

— Ты, вероятно, был ловок и силен в молодости!

— Ха-ха... И ловок, и силен... Это тебе всякий скажет, кто меня знал тогда. Ведь я уже рассказывал тебе, что, так сказать, родился или почти родился акробатом. Моя приемная мать, жена первого гимнаста цирка Сулье, имевшего в то время громкую славу, найдя меня на ступеньках своей повозки ранним утром, оставила меня у себя, вырастила, воспитала и, естественно, обучила своему ремеслу. Я жил с ними и с цирком до двадцати одного года и от наездников, клоунов, жонглеров и канатных плясунов, среди которых постоянно вращался, научился понемногу всему...

— Да, у тебя была хорошая школа! — заметил Ланжале.

— Благодарю! В случае надобности, я мог бы заменить любого из артистов, но при наборе я вытянул несчастный жребий, и мне пришлось обменять свое вышитое блестками платье и гири на длинный кларнет. После этого я протянул в одном из африканских полков длинные семь лет музыкантской службы. Окончив наконец срок службы, я просил начальство устроить меня в полицию. Что же мне оставалось делать? Средств у меня не было, навык к гимнастическим упражнениям и фокусам пропал, и мне необходимо было поработать над собой на свободе пять-шесть месяцев, чтобы снова войти в прежнюю колею, а у меня не было на что жить... ни гроша...

— Но послушай, милейший, долго ли ты будешь рассказывать мне эти истории? — прервал его наконец Ланжале. — Ведь ты мне, по меньшей мере, раз двадцать рассказывал все это.

— Ну, так это будет двадцать первый раз!

— В таком случае позволь мне докончить за тебя: ... вступив в полицию, я выдвинулся благодаря своим удивительным способностям и необыкновенному чутью, позволявшему мне безошибочно нападать на след преступников, что обратило на меня внимание начальства, которое...

— Довольно! Довольно!.. — прервал его, в свою очередь, Гроляр. — Поговорим о чем-нибудь другом; с тобой нельзя даже поболтать о прошлом, хотя бы только для препровождения времени.

— У нас есть и другое дело, — возразил Ланжале, разом понизив голос.

— Что такое? — встревожился сыщик, которым уже снова овладел страх чего-то неизвестного.

— Разве ты не слышал глухой плеск воды, как будто пловец подплывал

к нашей пироге?

— Ну вот, ты уже запугиваешь меня на всю ночь; теперь мне все будет казаться, что кто-то подплывает.

— Хороший же ты был бы часовой! Но тс-с... молчи... будем хорошенько прислушиваться, так как различить что-нибудь совершенно невозможно... ни зги не видать...

И оба, затаив дыхание, старались уловить малейший доносившийся до них шум, но напрасно — ничто не шевелилось кругом.

— Вероятно, я ошибся; быть может, то плескалась рыба под кормой нашей пироги!..

Со стороны берега также не доносилось ни единого звука, ни единого крика животного или зверя, пришедшего на водопой, ни малейшего шелеста или шороха в кустах.

Только очертания темных гор, вырисовывавшихся чернильным пятном на темном, почти черном фоне неба, казалось, постепенно вырастали; это свидетельствовало, что расстояние между пирогой и берегом постоянно сокращалось: видимо, течение незаметно подгоняло ее все ближе и ближе к берегу, и вскоре они стали отчетливо различать тихий шум ночных волн, раскатывавшихся на прибрежном песке.

— Мы не дальше как на расстоянии двух ружейных выстрелов от земли, — сказал Ланжале, внимательно прислушавшись к однообразному рокоту волн. — Если так будет продолжаться, то мы скоро будем выкинуты на берег залива, что для нас не совсем удобно, так как тогда мы легко можем подвергнуться неожиданному ночному нападению. Я попытаюсь остановить лодку, если только мы находимся не на слишком большой глубине!

С этими словами он привязал на крепкую лесу один из пяти или шести больших камней, служивших балластом для пироги, — и спустил этот камень вдоль кормы; вскоре камень лег на дно. Тогда Ланжале закрепил причал — и судно их остановилось, как на якорю. — Вот мы и в порту, — сказал он весело и вздохнул с облегчением, хотя, признаюсь, я вовсе не желал теперь приставать к берегу.

Между тем пирогу еще больше снесло течением, которое, по мере приближения к берегу, становилось все сильнее, так что теперь наши приятели могли смутно различить белую линию прибоя, с тихим плеском набегавшего на песчаную отмель берега.

— Мы всего в каких-нибудь полутора-два метра от берега, — продолжал Ланжале. — Пора остановиться!

— Это все равно, что сойти на берег! — вздохнул Гроляр. — Как же ты

хочешь, чтобы мы могли увидеть суда, проходящие в открытом море, или быть замеченными ими, когда рассветет?!

— Это не по моей вине, я не могу повелевать течением, — сказал Ланжале. — Кроме того, между течением, которое вынесло бы нас в открытое море и унесло от этого берега, и течением, притащившим нас сюда, к этому острову, я всегда предпочел бы последнее, так как этот берег все же, что ни говори, наше спасение!

Гроляр, по-видимому, был несколько иного мнения, но что было пользы противоречить его молодому другу в данном положении?! А потому он счел за лучшее смолчать, но не мог удержаться, чтобы не пробормотать себе под нос:

— Ладно, ладно... Мы еще посмотрим, чем все это кончится!

XII

Настороже. — Смелый план. — Вплавь к берегу. — Еще акула. — Бессильная прозорливость. — Плавает лучше, чем рыба. — Нападение. — На суше.

Ланжале не спускал глаз с берега и, хотя ничего не мог различить, кроме белой линии прибоя, обдумывал в уме какой-то план, который он пока еще не решался доверить своему другу. Однако размышления эти вскоре были нарушены его товарищем, который хотел знать, почему он так долго хранит молчание.

— Мне, видишь ли, почему-то не верится, чтобы этот остров не был населен, и я обдумывал средство убедиться в этом прежде, чем сойти на берег. Ведь если допустить мысль, что здесь, в тени этих лесов, приютилось какое-нибудь селение, обитатели которого так упорно таились от нас все это время, — то ясно, что мы не можем особенно рассчитывать на их гостеприимство, а тогда надо будет еще раз обсудить ситуацию прежде чем довериться им!

— Все это прекрасно, — согласился Гроляр, — только знаю, я не вижу никакой возможности осведомиться об этих людях и их намерениях по отношению к нам...

— Возможность есть, только для этого потребовалась бы известная твердость и решимость с твоей стороны.

— Ну-ка скажи, в чем заключается эта возможность?

— Во-первых, в том, чтобы ты согласился остаться один в этой надежной пироге, где тебе не грозит решительно ничего. Этот мрак продлится еще, по крайней мере, полчаса, если не больше и я хочу воспользоваться им, чтобы вплавь добраться до берега! Очутившись на берегу, я осторожно проберусь под покровом густой чащи до края долины, и, вероятно, мне легко будет убедиться, безлюдна ли в самом деле эта часть острова или нет. Помнишь, перед заходом солнца мы с тобой заметили множество банановых и кокосовых пальм. Мне достаточно увидеть, как эти бананы размещены, чтобы сказать, дикие они или посажены руками человека; точно так же нет возможности ошибиться относительно населения при виде разбитых скорлуп кокосовых орехов, которые должны валяться под этими деревьями. Словом, ручаюсь, что я не вернусь, не решив положительно или отрицательно интересующего нас вопроса.

— Что же, я останусь и буду терпеливо ждать тебя, — сказал Гроляр,

который ничего так не боялся, как возможности попасть в руки людоедов. — В сущности, я ведь действительно не подвергаюсь здесь никакому риску!

— Вот и прекрасно! Признаюсь, я ожидал от тебя большего упрямства.

— Я, конечно, предпочел бы, чтобы ты оставался здесь со мной, тем не менее, раз это необходимо для нашей безопасности, то что же делать?!

— Ну да, так вот, когда я буду возвращаться, я тебя окликну, а ты ответишь, чтобы я мог направляться по твоему голосу, если будет так же темно, как сейчас. Конечно, в том только случае, если я буду уверен, что остров безлюден; в противном же случае я возвращусь к тебе молча и неслышно и, только поравнявши с пирогой, тихонько свистну, а ты ответишь мне таким же чуть слышным свистом.

— Решено! Но только будь осторожен, милый, так как помимо моей любви к тебе, о которой ты даже не имеешь надлежащего представления, мы должны беречь свою жизнь для важных интересов о которых я не стану говорить тебе теперь... С Богом! Возвращайся скорей.

Едва успел его товарищ договорить эти слова, как Ланжале л уже за бортом и беззвучно плыл к берегу.

Не успел он проплыть и сорока метров, как чуткий слух его овил странный звук тихого плеска воды, как будто какой-то ... другой пловец плыл за ним.

Перед тем как броситься в море, Парижанин из предосторожности крепко привязал на верху своей головы заряженный револьвер и взял в зубы громадный нож.

Он приостановился и стал прислушиваться, удерживаясь над водой едва приметным движением рук. Была минута, когда он готов был окликнуть Гроляра и спросить, не ударил ли он невзначай веслом по воде, как вдруг дыхание сперло у него в груди и волосы стали дыбом; им овладел такой страх, которого он никогда еще не испытывал, — он почувствовал, что какое-то громадное, плотное, скользкое тело проскользнуло подле него, коснувшись его бедра, и почти в тот же момент он почувствовал в ноге страшную боль, словно по ней провели зазубренной пилой.

«Акула! — мелькнуло у него в голове. — Я погиб безвозвратно!..»

Но в ту минуту, когда он ожидал, что чудовище схватит его своими мощными челюстями и увлечет на дно, он почувствовал, что акула снова провела своими страшными зубами по бедру, но и на этот раз не смогла его схватить.

Тогда ему стало ясно, с каким врагом он имеет дело.

Он припомнил, с каким удивительным упорством эти акулы, даже

израненные и изуродованные, преследуют суда небольшой скорости, выжидая подачек или какой-нибудь поживы. Без сомнения, это была та же самая акула, которую им удалось изловить днем и которой они отсекли верхнюю часть челюсти, не задев, однако, ни одного из жизненно важных органов чудовища.

Очевидно, это коварное создание все время оставалось в кильватере маленькой пироги, и когда Ланжале пустился вплавь, нагнало его с намерением схватить.

Даже если бы Ланжале мог еще сомневаться в справедливости своего предположения, третья попытка чудовища схватить его, столь же неудачная, как и две первые, окончательно убедила бы его в этом.

Это действительно была та самая акула с отрубленной верхней челюстью, вследствие чего она и не могла схватить своей жертвы, и даже ранения, причиняемые ее нижней челюстью, были сравнительно незначительны, так как зубы ее не врезались в тело, а только срывали кожу, едва задевая мясо; но глупое животное готово бы продолжать свои безрезультатные попытки до бесконечности, не будучи в состоянии сообразить, что именно делает их безуспешными.

Ланжале, как только понял намерения акулы, не долго думая принялся соперничать с ней в быстроте; будучи сильным пловцом, он надеялся оставить ее за собой, так как чудовище настигло его только благодаря тому, что он на минуту остановился. Теперь же он рассчитывал, что без труда обойдет акулу.

Действительно, Ланжале стал быстро опережать акулу, но та не отставала и продолжала следовать за ним; на это именно и рассчитывал Парижанин. Перед тем как выйти на берег он остановился на таком месте, где вода едва достигала ему до колен. Он знал, что акула последует за ним, ползя животом по песку до тех пор, пока ей будет хватать воды настолько, чтобы двигать своими громадными, но короткими и жирными плавниками. Акула хотела снова схватить его, и в тот момент, когда она запрокинулась на бок, чтобы проглотить свою жертву, Ланжале проворно подскочил и распорол ей брюхо во всю длину.

При этом чудовище так сильно взмахнуло хвостом, что не будь Ланжале готов к этому и не успеет он отскочить в сторону, этот удар переломил бы ему спину, не говоря уже о целых снопах песка и брызг, обдавших его с ног до головы. Не дожидаясь окончательной развязки своего единоборства с акулой, Ланжале поспешил выбраться на сушу и здесь растянулся под сенью одной из карликовых пальм, чтобы собраться с силами и немного оправиться от испытанного им волнения.

Однако он не долго пролежал в этом положении, боясь заснуть, и как только веки его стали смыкаться, усилием воли вскочил на ноги и осторожно стал пробираться между стволами кокосовых пальм к тем банановым плантациям, которые он видел с моря.

Он несколько лет простоял со своим полком в гарнизоне Мартиники и Габона и потому никак не мог ошибиться и принять дикую рощу этих вкуснейших и питательнейших плодов за плантацию туземцев. В первом случае банановые деревья растут тесно и жмутся друг к другу, как бы группами или пучками, наподобие бамбуков, во втором случае они сажаются на известном расстоянии друг от друга по прямой линии, как бордюрные шпалеры в садах, а иногда просто в два ряда; тогда можно сказать с уверенностью, что это дорога, ведущая к селению туземцев.

XIII

Объяснения. — Каменный топор. — Остров обитаем. — Страх Гроляра. — Героическая защита. — Логическое объяснение. — Промах. — От судьбы не уйдешь.

Ланжале быстро достиг первых деревьев и остановился в раздумье: двигаться дальше вперед он боялся из опасения заблудиться впотьмах; с другой стороны, он никак не мог решить интересовавшего его вопроса, так как хотя бананы и росли по нескольку стволов вместе, и расстояния между отдельными группами были не равны, но все-таки было весьма возможно, что это деревья, посаженные человеческой рукой, только заброшенные на произвол судьбы и одичавшие.

Таким образом, Ланжале не мог прийти ни к какому определенному выводу; оставалось только дожидаться рассвета, когда можно будет по гроздьям зрелых плодов судить о том, сорваны ли они человеческими руками или осыпаются сами собой.

Не видя ничего в двух шагах перед собой, Парижанин решил вернуться к ряду кокосовых пальм, которые служили ему, так сказать, путеводными столбами. Попутно он шарил вокруг стволов, надеясь найти расколотую скорлупу ореха, по которой можно было бы судить, кем и каким образом он был расколот. Так он шел с четверть часа, как вдруг его рука наткнулась на какой-то твердый предмет, который он поднял с земли и оцупал со всех сторон. Страшное волнение овладело им: это был кремниевый топор, прекрасно отточенный, совершенно правильной формы, подобный тем, какие еще изготавливают туземцы Австралийских островов, не поддерживающие регулярных сношений с европейцами.

Ланжале видел такие топоры в Новой Каледонии, привезенные с островов, недавно открытых европейцами.

Теперь уже не оставалось никакого сомнения, что остров был населен. Обрадованный донельзя своим открытием, Ланжале направился к морю. Но следовало ли ему радоваться? Найденный им предмет, кажется, должен был дать понять ему, что люди, пользующиеся подобным орудием и, вероятно, как все дикари, суеверные и негостеприимные, могли легко оказаться даже и людоедами. Но он думал только о той вести, которую он принесет Гроляру: оправдает ли она в его глазах задуманную рекогносцировку, в благие результаты которой его приятель не особенно верил ввиду непроницаемой темноты ночи.

Благополучно вернувшись к пирогу, он застал своего приятеля чуть живым от страха: в отсутствие Ланжале тот пережил нечто столь страшное, столь необычайное, что даже встреча Парижанина с изувеченной акулой бледнела перед его приключением.

— Представь себе, — рассказывал сыщик своему приятелю что без тебя меня посетило какое-то чудовище, которое во чтобы то ни стало хотело вскочить в пирог, вероятно, для того, чтобы пожрать меня... Но позволь мне рассказать тебе все по порядку!

Не прошло и десяти минут, как ты уплыл, как мои глаза немного освоившиеся с темнотой, увидели в двух саженях от нашей лодки какую-то черную массу, которую я по величине могу сравнить только с корпусом быка или молодого гиппопотама. Над громадной головой торчали два огромных рога. Подплывая к лодке, это чудовище храпело и сопело, как кузнечные меха...

— Словом, голова апокалипсического зверя! — громко расхохотался Ланжале.

— Смейся, смейся! Я просто глазам своим не верил... Когда это чудовище подплыло к самой лодке, то стало издавать какие-то странные, дикие звуки, каких я не слышал никогда ни в одном языке; затем, ухватившись своей громадной косматой лапой с непомерно длинными когтями за корму, оно хотело вскочить в пирог и накинуться на меня. В этот момент страшной опасности страх удвоил мои силы, и я со всего размаха ударил чудовище веслом по голове, так как в волнении не мог найти топора.

— К счастью! — перебил его Парижанин.

— Почему к счастью?

— Продолжай, я сейчас скажу тебе, почему.

— Удар был, вероятно, страшно силен...

— Надо думать! Ведь весло — из железного дерева!

— Словом, чудовище тотчас же выпустило корму и с грозным рычанием, за которым последовало два страшных крика, до сих пор стоящих у меня в ушах, поплыло так быстро, что вскоре совершенно скрылось из виду.

— Ну, а эти два крика, что тебе так живо запомнились, можешь ты мне повторить их?

— Ну конечно! Понятно, я не могу ручаться, что это будет совершенно точно. Во всяком случае это звучало так: «Май гоод! Май гоод!»...

— Ха-ха-ха! — неудержимо рассмеялся Ланжале. — Да это на чистейшем английском языке, что означает дословно: мой Бог, мой Бог!

— Откуда ты это знаешь? Разве ты говоришь по-английски!

— Не то что говорю, но столько-то знаю. Я знал в Африке солдата англичанина, который каждый раз, когда бывал удивлен я или огорчен чем-нибудь, восклицал: «О май гоод! Май гоод!» Он и перевел мне дословно это восклицание.

— Нет, не может быть!

— Теперь позволь мне объяснить тебе все, что было. Остров этот населен — в этом я убедился, — и, вероятно, нас давно заметили туземцы, скрывавшиеся в тени лесных чащ. Среди них, верно, находился англичанин, потерпевший некогда крушение, как и мы с тобой. И он, узнав в нас бледнолицых, решил воспользоваться темнотой ночи, чтобы повидаться с нами, не возбуждая подозрения дикарей» Этот англичанин, конечно, мог бы сообщить нам много интересного, так как, вероятно, уже довольно давно здесь, а ты, из-за твоей трусости, вместо того чтобы отблагодарить его за добрые намерения, чуть не убил его.

— Но эти рога... эти косматые лапы и когти! — оправдывался сыщик.

— Все это — плод твоего воображения» Уж сколько раз ты мне рассказывал разные басни про рогатых и косматых страшилищ! Неужели ты все еще веришь в подобные глупости? Чудовище, спокойно плывущее, заговаривающее с тобой еще издали, чтобы предупредить тебя, правда, на незнакомом языке, в чем оно, однако, не виновато, и удаляющееся после нанесенного ему удара с жалобным стоном: «Бог мой! Бог мой!» Можно сказать, что на этот раз ты сделал серьезный промах, который может дорого обойтись нам...

— Каким образом?

— Да неужели ты не понимаешь, что если этот человек в хороших отношениях с туземцами, то он воспользуется своим влиянием, чтобы навредить нам, в отместку за твое обращение.

— Это было бы мелочно и недостойно! — сентенциозно заявил Гроляр.

— Ну конечно, а ты хотел бы, чтобы он поблагодарил тебя за то, что ты чуть было не зашиб его насмерть.

— Ну, довольно! Ведь это, в сущности, не кто иной, как англичанин, а англичан я не терплю, ты это знаешь.

— У тебя в самом деле прекрасные оправдания на все, лишь только не сознаться, что ты сделал глупость. Но мы завтра увидим, какую встречу нам готовят туземцы. Все, что я могу тебе сказать, так это то, что если они захватят нас и сварят, начинив нам предварительно брюхо пряными травами и кореньями, в большом котле, то этим мы будем всецело обязаны

твоему мило-кроткому обращению.

— Вот ты какой! Вместо того чтобы утешить и успокоить меня, еще нарочно запугиваешь!

— Никто от судьбы своей не уйдет, это несомненно, и если нам с тобой суждено быть съеденными, то все же лучше, чтобы нас съели нам подобные, а не акулы!

— Тебе хорошо шутить, а мне ты готовишь ужасную ночь... Я не засну ни одной минуты!.

— Полно, успокойся, ведь нас еще не изжарили, а до тех пор я найду еще средство как-нибудь выпутаться. Раз чужеземец живет среди этих людей, то это уже доказывает, что они не столь кровожадны и жестоки, как можно было бы ожидать.

Между тем взошла луна и залила своим ярким светом тяжелые волны океана, уронив свой отблеск на вершины зубчатых гор, на леса и долины неведомого острова, мирно уснувшего под кровом таинственного безмолвия и ночной тишины.

Гроляр на страже. — Сожаления. — Закуска по-китайски. — Логическое людоедство. — Печальная история. — Страдания сироты. — Музыкант. — Искусство толковать сны.

Незадолго перед рассветом Ланжале, совершенно изнемогавший от усталости, улегся на дно пироги и тотчас же сомкнул веки, предоставив волей-неволей Гроляру оставаться на страже их безопасности. Под конец ночи луна зашла за высокие гребни гор, и все кругом снова погрузилось в глубокий мрак; только вдали, на краю горизонта, неугомонные волны продолжали сверкать и серебриться под лучами излюбленного мечтателями и привидениями ласкового светила.

В продолжение всего довольно краткого времени своего ночного дежурства Гроляр боролся со страшными галлюцинациями. Ему все время чудились страшные привидения. Раз двадцать собирался он разбудить своего друга, и только опасения вызвать с его стороны упреки в глупой трусости удерживали его от этого. Трудно себе представить, с какой сердечной радостью бедняга встретил рассвет и первые лучи пробуждающейся зари. А между тем, со стороны моря царило все то же безлюдье и беспредельный простор, а со стороны берега — все то же безмолвное спокойствие и та же тишина.

Когда Ланжале проснулся, солнце уже миновало зенит, и время, назначенное им, по настоянию Гроляра, для отсрочки высадки, давно прошло. А потому, едва только он поднялся и вопрошающе взглянул на небо, как добродушно рассмеялся.

— А ты, конечно, и не подумал разбудить меня раньше! Ну что ж, теперь ты, по крайней мере, не можешь пожаловаться, что я лишил тебя возможности высмотреть судно! Впрочем, могу тебя уверить, что с того расстояния, на каком мы находимся теперь от острова, любое судно увидело бы наши сигналы ничуть не лучше, чем с берега.

В этом Парижанин был не совсем прав: дело в том, что суда в море всегда обращают особенное внимание на всякие сигналы, которые им подадут с мелких судов или плотов, тогда как сигналы с берега они часто оставляют без всякого внимания, принимая их за простые приветствия, весьма обычные.

Тем не менее его слова утешили Гроляра, который мысленно дал себе слово, очутившись на берегу, водрузить что-то вроде мачты или флагштока

на самом краю отмели и сторожить день и ночь, не пройдет ли мимо какое-нибудь судно.

— Теперь соберемся с духом и подкрепимся хорошенько, так как не можем знать, что нас ожидает на острове, но я все же не могу больше терпеть этой неизвестности. Кроме того, не можем же мы всю жизнь оставаться на этой пироге?!

Сыщик не проронил ни слова и последовал примеру своего товарища, который принялся закусывать. Разварного риса с пряной приправой и ломтиками копченой рыбы могло бы хватить на двенадцать человек, и наши приятели приналегли на это вкусное блюдо, запив его пресной водой из бамбукового бочонка, сдобренной несколькими каплями хорошего коньяку из их дорожных фляг.

Кувшинчик арака они приберегли, чтобы расположить к себе туземцев, если те встретят их дружелюбно. Ланжале искусно скатывал рис в небольшие катышки, которые и обмакивал в приправу по обычаю китайцев.

— Это напоминает мне, как мы ели в Америке кускусу, когда бывали приглашены на пиршества Арби, — сказал сыщик.

— А давненько было то время, верно, дядюшка Гроляр? — заметил Ланжале. — Зато сегодня, быть может, одному из нас придется отведать кусочек другого, ради сохранения своей собственной жизни.

— Что ты говоришь?!

— Предположим, что эти дикари заколют тебя как более жирного и упитанного и затем любезно предложат мне кусочек лакомого мяса, под угрозой подвергнуть меня той же участи, что и тебя.

— И ты мог бы?! — в ужасе прошептал сыщик.

— Что же... я не говорю, что сделал бы это с удовольствием... Но так как, в сущности, я не мог бы своим отказом вернуть тебе жизнь, а исполнив их требование, мог бы спасти свою, то, сознаюсь вероятно, отведал бы твоего мяса для их удовольствия. К тому же это все-таки был бы способ усвоить и удержать в своем сердце частичку того существа, которое я больше всего любил на свете!

— Ты циник, Ланжале!

— Нет, я просто логичен!

— Ты мне делаешься противен, Ланжале!

— Ну, а значит, ты этого не сделал бы, ты бы отшатнулся от кусочка моего плеча или лопатки, хорошо поджаренного на раскаленных камнях?!

— Еще одно слово, Ланжале, и я перестану уважать тебя!

— Это мне безразлично.

— В таком случае...

— Да, лишь бы ты сохранил ко мне свою любовь!

— Ты, кажется, с ума сошел!

— Нет, я просто хочу немного посмеяться: ведь это, быть может, в последний раз в жизни; вот потому-то я и хочу как можно плотнее и вкуснее пообедать вместе с тобой сегодня.

— Правда, нельзя сказать, чтобы ты был весел сегодня... — ответил Гроляр. — И я начинаю думать, что, пожалуй, и ты боишься.

— Боюсь?! — громко и нервно рассмеялся Парижанин. — Кого и чего? Ты думаешь, я дрожу за свою шкуру? Жизнь не дала мне ничего столь хорошего, чтобы стоило сожалеть о ней. Я не дитя случайности, как ты, который может себе вообразить, что рожден какой-нибудь герцогиней; я не помню ни отца, ни матери, которые оба умерли от непосильного труда, когда я был еще ребенком. Я, кажется, никогда не говорил тебе о себе, но если я тебя утруждаю этим, то могу замолчать».

— Меня утруждать?! Что ты! Напротив, твое признание, скорее, радует меня, так как доказывает, что ты хоть немного любишь меня!

— Но в моей повести нет ничего интересного, могу тебя уверить.. Это обычная повесть сотен нуждающихся и обездоленных людей, которых гнетет нужда и непомерные аппетиты больших городов. Мой отец, подмастерье-обойщик, раздробил молотком палец и через десять дней умер от гангрены; мать, кормившая меня грудью, так горевала по своему мужу, что слегла и спустя две недели умерла от горячки. Я остался на руках бабушки, которая в возрасте шестидесяти пяти лет должна была пойти в прачки-поденщицы, чтобы иметь возможность купить себе хлеба, а мне молока. И я рос, не имея даже представления о какой-либо радости или успехе; не разводя огня в очаге зимой в своей темной, сырой мансарде под самой крышей многоэтажного дома; не зная, куда укрыться от нестерпимой жары летом, когда солнце нещадно раскаляло над нами крышу; питаюсь хлебом и жалкой похлебкой без мяса, я рос у своей бабки до тех пор, пока бедная старуха не отдала Богу душу, не успев обучить меня никакому ремеслу. Мне было в ту пору двенадцать лет; я усердно посещал нашу приходскую школу и жадно изучал все, чему нас там учили. Любовь к учению уже тогда проявлялась во мне, но, окончательно осиротев, я должен был проститься со своими книгами и подумать о насущном куске хлеба. Бродяжничество было мне противно, и потому я нанялся к одному каменщику-подрядчику прислуживать рабочим и по хозяйству. Ах, счастливые и богатые дети, которых родители растят в ласке и довольстве, вы не можете даже вообразить себе, сколько горя и страданий переживает ребенок двенадцати лет, оставшийся один на Божьем свете и не знающий

даже мимолетной ласки! Единственной радостью, выпавшей мне наконец на долю, было внимание, которое обратил на меня старик — основатель городского оркестра в Бельневиле: предназначив мне амплу барабанщика, он добросовестно стал обучать меня музыке, предоставляя мне играть не только на барабанах, но и на других инструментах. Он же подарил мне и мой первый барабан, инструмент, на котором никто не хотел играть, — я же был вынужден согласиться стать барабанщиком, так как не мог купить себе другого инструмента, который был бы мне больше по душе. Все свое время я отдавал тогда музыке, и если я не записался добровольцем раньше срока, то только из опасения, что мне нельзя будет продолжать работать в этом направлении. Но, вступив в полк по набору, я имел счастье быть зачисленным в музыканты и тотчас же поступил на курсы, готовящие офицеров, где работал усердно, мечтая заслужить офицерские эполеты. Но — увы! — выходка пьяного сержанта и минута самозабвения с моей стороны разрушили навсегда мои надежды. А затем все остальное тебе известно. Быть может, тебе кажется странным, что я избрал именно этот момент, чтобы рассказать тебе все это, но я, право, не знаю, почему всю эту ночь грезил о своем детстве, про бабушку, которая теперь покоится на кладбище Монмартра, и переживал еще раз мельчайшие подробности нашей совместной жизни с ней так живо, что, даже пробудившись, был удивлен, что не вижу ее подле себя. При этом мне вспомнилось, что утопленники, как говорят, перед смертью в течение нескольких секунд переживают всю свою жизнь, и мне казалось, что я тоже пережил теперь во сне всю свою жизнь и это — предзнаменование моей близкой смерти!

Вот почему, желая заглушить в себе это чувство, я позволил себе шутить таким образом, какой мог показаться тебе обидным, хотя я этого вовсе не хотел, могу тебя уверить!

— Меня обидеть ты не можешь, — сказал старый сыщик, растроганный рассказом своего друга чуть не до слез. — Что же касается твоих снов, то ты не настолько суеверен, чтобы придавать им серьезное значение. Кроме того, по науке толкования снов, дурные сны предвещают счастливую действительность.

— Да... Впрочем, теперь эти тяжелые предчувствия уже рассеялись, у меня осталось в душе только особенно яркое воспоминание о моей бедной старушке, и даже если бы я был суеверен, то должен был бы сказать себе, что она слишком меня любила, чтобы служить дурным предзнаменованием» Ну, а теперь мы окончили свой обед... Еще по глоточку коньяка, чтобы придать себе храбрости, а затем — с Богом! Навстречу неизвестности!

Высадка. — Дикари. — Нападение. — Действие трех свистков. — Попутай, убитый налету. — Собака, убитая в пятидесяти шагах. — Музыка и акробатика. — Скучающий король.

Вытянув камень, служивший якорем, и уложив его обратно на дно пироги, наши I друзья взяли за весла и спокойно поплыли к берегу с таким видом, будто они не спеша возвращались к себе домой после ночи, проведенной на взморье за рыбной ловлей.

Но и тот, и другой были томимы предчувствиями, хотя оба старались скрывать это, так как они были уверены, что с берега за ними следят...

— Побольше выдержки, милейший, — говорил Ланжале за минуту до высадки, — а главное, не пускай в ход револьвера, разве только при последней крайности. Жди моего сигнала. Да, кстати, ловко ты владеешь этим оружием или нет?

— Как тебе сказать, я не имел случая упражняться в стрельбе с тех пор, как оставил цирк, но в ту пору я разбивал яйца на лету!

— Прекрасно! Эта привычка никогда совершенно не утрачивается, а наши револьверы превосходны! Я же в тридцати шагах без труда попадаю в обручальное кольцо. Но вот мы пристаем; будем маневрировать, как настоящие моряки!

Подойдя по всем правилам морского искусства к берегу, наши приятели выбрались из пироги на песчаную мель, где вода доходила им до колен, и с помощью прибоя благополучно втащили свою пирогу на песок, оставив ее, однако, в таком положении, чтобы в случае надобности можно было в несколько секунд опять спустить ее на воду.

Убрав свои вещи в килевой трюм и тщательно задвинув все кладовки-ларцы, наши приятели спокойно двинулись по песчаному бережку с револьверами за поясом и длинными тесаками в ножнах из крокодиловой кожи на боку.

Не прошли они, однако, и пятнадцати шагов в этом направлении, как раздались оглушительные крики, и целая орава дикарей, размалеванных самым невероятным образом, с головными уборами из перьев высотой в два фута, выбежали прямо на них потрясая в воздухе своими длинными копьями, которые они держали в правой руке, тогда как в левой у них были зажаты пучки заостренных и, вероятно, отравленных стрел.

— Это становится серьезно, — заметил Ланжале, — будь

хладнокровен, не то они уничтожат нас раньше, чем мы успеем успокоить их!

Но сыщик чуть было не лишился чувств, и только грозные, энергичные окрики его товарища заставили его несколько подтянуться.

— Стой! — крикнул Ланжале, видя, что дикари на мгновение остановились, чтобы пустить в них свои стрелы или ассегаи...

Гроляр машинально повиновался. В этот момент целая туча стрел обрушилась на них, но, по счастливой случайности, ни одна из них не задела французов.

— Не трогайся с места и предоставь мне действовать, — сказал Ланжале, — а главное, не вздумай стрелять; мы не можем перебить их всех, а смерть одного или двух не спасет нас, а только возбудит их гнев! — И, засунув в рот два пальца, Парижанин трижды свистнул так резко и так пронзительно, что дикари застыли в недоумении.

В этот момент громадный попутай ара, спугнутый свистом, сорвался с дерева и, шумно хлопая крыльями, тяжело пролетел над самыми головами туземцев. Тогда Ланжале движением руки указал туземцам на птицу в тот момент, когда они опять уже готовились пустить в них стрелы, и, выхватив свой револьвер, налету убил ее наповал, так что громадный ара кубарем полетел вниз. При звуке выстрела, совершенно незнакомом туземцам, и падении птицы те, как перепуганные дети, попадали на землю и, растянувшись на животах, боязливо поглядывали по сторонам. Ланжале стоял неподвижно, наслаждаясь своим торжеством.

Спустя некоторое время туземцы решились немного приподняться и, видя, что бледнолицые стоят спокойно и не трогаются с места, несколько осмелели, и один из них решил пойти и подобрать убитую птицу. Он долго рассматривал небольшую огнестрельную рану в грудь навывлет и с сомнением покачивал головой. Вскоре его обступила целая толпа, и все они выражали свое изумление и недоумение, показывали выразительно на небо, разводили руками и со страхом взглядывали на Ланжале, как будто хотели этим сказать: «Очевидно, птица убита громом небесным! Кто же этот бледнолицый, который по своему желанию может повелевать громами?»

В этот момент тощая, жалкая поджарая собака, незаметно подкравшись, стала обнюхивать икры Гроляра. Заметив это, туземцы стали указывать ему на нее, отчаянно жестикулируя, но сыщик в своем душевном волнении ничего не понимал.

— Они хотят видеть, можешь ли ты убить эту собаку, как я убил птицу, — подсказал ему Ланжале. — Доставь им это удовольствие, докажи, что и ты владеешь громом, как я!

Но сыщик не хотел застрелить собаку у своих ног и предварительно пнул ее ногой с такой силой, что несчастное животное с воем побежало без оглядки по направлению к лесу. На лицах туземцев выразилось разочарование, так как они ожидали совсем другого. Но в тот момент, когда собака, добежав до леса, оглянулась на своего обидчика, последний вытянул вперед руку и спустил курок. Раздался выстрел — и собака упала с разmozженным черепом, несмотря на то что ее отделяло пространство, по крайней мере, в пятьдесят шагов.

Этот новый подвиг бледнолицых пришельцев возбудил громкие крики восторга и восхищения, и отношение к ним дикарей из угрожающего перешло скорее в покорное и заискивающее. Для них было совершенно ясно, что эти бледнолицые, державшие громы в своих руках, должны быть сверхчеловеки.

И вот один из них, по-видимому, предводитель, судя по необычайной высоте его головного убора, выступил на несколько шагов вперед и, указывая бледнолицым на одного из воинов, которого он взял за руку повыше локтя, стал показывать знаками, чтобы убили и его своим громом.

Но едва только последний понял, в чем дело, как вырвался и убежал в лес. Очевидно, вождь желал убедиться, убивает ли этот гром и людей так же, как животных. Поняв это, Ланжале сообразил, что любопытству и экспериментам дикарей не будет конца, и, не желая убивать неповинного человека, решил произвести диверсию и позабавить дикарей более безобидным развлечением.

— Давай-ка, дружище, тряхнем стариной! Уж не так мы с тобой состарились, чтобы совершенно забыть наши штуки, которыми мы зарабатывали себе гроши в Мексике. Я буду изображать оркестр... По местам, господа, почтеннейшая публика! Представление начинается!

— Да ты это серьезно? — спросил сыщик.

— Как нельзя более серьезно. Ну, принимайся, старина. Посмотри, какой колоссальный успех выпадет на твою долю. Вспомни только, как в Мексике мы увлекали индейцев!

С этими словами Ланжале достал из ящика, висевшего у него за спиной, свой неизменный тромбон и принялся наигрывать весело и задорно какую-то плясовую.

Под ее звуки в Гроляре пробудился старый акробат и, увлеченный живым темпом знакомой музыки, он стал кувыркаться через голову, кататься комом, ходить на голове и на руках, обходя кругом всю чернокожую публику, которая буквально редела от дикого восторга при виде столь необычайных и удивительных штук. Женщины и дети тряслись

от смеха и удовольствия. Но вдруг толпа стихла и почтительно расступилась, давая дорогу вновь прибывшей группе людей.

Во главе этой группы восемь человек воинов несли род паланкина, на котором восседал чудовищной толщины старик в красной тунике, обшитой разноцветными перьями, и старого образца каске английских улан, прикрепленной к его гладко выбритой голове медной чешуей и украшенной красным султаном, по меньшей мере в три фута высотой. На лице этого тучного старца отражалась беспредельная тоска и безучастие ко всему; очевидно, его величество страдало безысходной скукой. Напрасно его подданные ежедневно изощрялись в развлечениях при его пробуждении, выдумывая все новые гримасы и пляски: несмотря на все их усилия, им едва удавалось вызвать на его лице лишь слабый признак улыбки.

XVI

Министерские палицы. — Мудрое правление. — Ка-Ха-Туа VII. — Король забавляется. — Новые действующие лица. — Мокиссы. — Объявление войны. — Генералы.

Между тем этого страдающего сплином властелина надо было забавлять во что бы то ни стало, так как он сменял по своему капризу министров каждый раз, когда те не могли развеселить его своими гримасами, кривляньями или каким-либо невиданным зрелищем. И хотя министры были без портфелей, тем не менее очень дорожили местами, отличительным знаком которых являлась громадная палица, которую они получали из рук самого монарха при назначении на должность.

Председатель же совета министров имел палицу вдвое больших размеров, чем остальные. Со званием министра были связаны довольно серьезные прерогативы, присвоенные главным образом самой палице, так как говорили не «военный министр», а «военная палица», «палица бананов», то есть общественного продовольствия, и так далее. Никакого оклада министры не получали, но за ними было «право Палицы», дававшее им возможность брать с населения все, что им было нужно или чего они только желали.

Поутру, когда люди выходили на рынок со своими запасами и продуктами, туда являлось какое-нибудь доверенное лицо такого министра с его палицей, и стоило ему обвести этой палицей лежащие на земле плоды или дичину, или рыбу, как все находящееся в кругу, очерченном палицей, становилось собственностью счастливого обладателя палицы.

Во всех странах Меланезии, где продолжает еще существовать этот примитивный обычай, он называется «правом Палицы».

Старый король, поспешно уведомленный о прибытии чужеземцев, повелевавших громами, пожелал их увидеть и в сопровождении всего своего двора торжественно прибыл на место происшествия. Нужно было повторить ему историю с попугаем и с собакой — и эта столь быстрая смерть животных несказанно поразила его; тем не менее это было не то, чего жаждал старый ипохондрик; ему хотелось, как ребенку, чего-нибудь забавного, веселого, занимательного. Хотелось смеяться. Ка-Ха-Туа VII, так звали этого монарха, скучал, как истый пэр Англии, — и обратился к европейцам с просьбой, чтобы его развеселили, позабавили чем-нибудь, но те долго не понимали его; тучный старец сразу сообразил это и, сделав

знак, подозвал к себе одного из своих министров.

— Что нового придумал ты на сегодня? — осведомился властитель.

Его коллеги смотрели на него с нескрываемой завистью, угадав по его торжествующему виду, что он надеется на этот раз заслужить милость своего господина, иначе говоря, «палицу бананов». Став перед лицом своего государя, счастливец выворотил наружу свои веки и, раздув щеки, как пузыри, принялся поочередно ударять то по той, то по другой кулаком, производя при этом столь своеобразные звуки, что старый король не выдержал и разразился таким раскатистым, неудержимым хохотом, что его огромное брюхо тряслось, вздувалось и опадало, подпрыгивало и дрожало, толстые мясистые и отвислые губы раскрылись, а горло издавало спазматический смех, не менее ужасный, чем звуки гримасничавшего перед ним министра.

— Ну вот, теперь мы поняли, в чем дело, — воскликнул Ланжале, — этот уважаемый монарх желает, чтобы его развлекали; ему надоела его власть; так как он видит перед собой одних покорных и безответных рабов, то потерял к ним всякое уважение и смотрит на этих людей только как на игрушки... Народу нужно хлеба и зрелищ, рапем et circenses, а королям — знатных плясунов, одалисок и собутыльников... Так вперед! Продолжай представление!

Гроляр, ободренный своим успехом, теперь уже сам желал похвастать своими штуками.

— Ну, музыка, начинай! — крикнул он, готовясь к новым акробатическим упражнениям.

Ланжале заиграл, а Гроляр, закинув кверху ноги, стал ходить в такт музыке на руках, кувыркаться в воздухе, мастерски выполняя знаменитое сальто-мортале; обойдя кругом и очутившись снова перед королем, он разом перевернулся и встал на ноги, затем, сделав громадный прыжок, вдруг растянулся плашмя на земле. Немного погодя старый сыщик ловко подобрал под себя свои члены и, приняв вид лягушки, принялся прыгать и скакать по-лягушачьи.

На этот раз король пришел в неопиcуемый восторг. Никогда еще он не видал ничего подобного. Приступ гомерического хохота снова овладел им; он откинулся назад в своем паланкине и задышался, так что носильщики паланкина вынуждены были спустить его на землю, а двое из его приближенных принялись колотить его по спине, чтобы заставить прийти в себя.

Несколько успокоившись, он заявил, что никогда еще не был так счастлив, и тут же отобрал палицы у двух своих главных министров и

вручил их Ланжале и Гроляру, причем сказал, что отныне поручает им заведывание всеми удовольствиями и развлечениями.

— Я отдам вам хижину красного человека! — кричал король. — Красный человек не друг мне больше... Красный человек лгун; он советовал мне приказать моим воинам убить вас, но я убью его и съем на предстоящем пиру!

Толпа одобрительно гоготала и шумно выражала свою радость. Наши приятели не поняли ни слова из речей старого короля, но были уверены, что им не грозит никакой беды, так как для них было ясно, что они сумели расположить к себе не только скучающего монарха, но и все племя.

Но кто же был красный человек, о котором король отзывался с таким гневом и негодованием? Это мы вскоре узнаем.

Этот день, так счастливо начавшийся, должен был окончиться весьма печально, причем влияние Ланжале и его друга должно было возрасти в еще большей мере среди племени мокиссов, в страну которых их забросила судьба и где их ожидало то, чего они никак не могли предвидеть.

В то время когда почти все племя мокиссов радовалось прибытию двух бледнолицых, в которых они видели высших существ, двое воинов, оставшихся в селении, чтобы охранять его от непрошенных гостей, прибежали запыхавшись и, едва переведя дух, сообщили своим единоплеменникам грозную весть, что враждебное им племя атара поднялось на них и идет форсированным маршем на главное селение мокиссов, чтобы сжечь его и увести в плен женщин и детей, а старцев и воинов перебить. Надо было, не теряя ни минуты, спешить на защиту столицы. Король, который вследствие своей необычайной тучности и преклонного возраста не мог начальствовать лично над воинами, должен был остаться в своей резиденции на берегу моря; услышав о нашествии врага, он принялся вздыхать и жалостно причитать:

— А красный человек болен! Кто же поведет теперь моих воинов в бой? Кто поможет им одолеть врага? С красным человеком мы были непобедимы! Но он разбил себе голову вчера вечером, упав со скалы, и теперь не может встать, не может выйти из своей хижины... Если бы хоть эти бледнолицые могли заменить его»

Ланжале и Гроляр, не понимая слов, все же кое о чем догадались. Воины поспешно схватились за оружие и становились в ряды, вожди во главе; рабы или невольники поспешно нагружались провиантом и припасами.

— Очевидно, они готовятся идти в бой против какого-нибудь вражеского племени, — сказал Ланжале, глядя на все эти приготовления, —

одним нашим присутствием, не говоря уже о нашем огнестрельном оружии, мы можем доставить им победу. Не встать ли нам во главе этих пернатых воинов; что ты на это скажешь?

— Почему же нет, — ответил сыщик, — тем более что в случае, если бы они были разбиты, нам пришлось бы наверное иметь дело с их врагами!

— Прекрасно! Меня весьма радует, что ты так покладист на этот раз. Добежим до нашей пироги, запасемся снарядами и, для сбережения их, вооружимся еще кольями и топорами.

И не теряя времени на объяснение своих намерений туземцам, они побежали к лодке. Вдруг позади них раздался крик отчаяния и разочарования. Мокисы подумали, что бледнолицые бегут от них как раз в тот момент, когда они собирались просить их о содействии. Но горе их обратилось в радость, когда они увидели, что оба бледнолицых бегут к ним обратно, потрясая в воздухе кольями и вооружившись тем самым топором, которым они сражались против акулы.

Сознавая превосходство бледнолицых, дикари выказывали полную готовность подчиниться им и беспрекословно исполнять все их распоряжения. Ланжале и Гроляр без особого труда сумели объяснить им все с помощью мимики и знаков.

Разделив отряд на две колонны, они встали во главе той и Другой, но прежде чем успели сообщить что-либо, два царских паланкина и шестнадцать человек рикшей очутились подле них, Усадили в паланкины и бегом устремились вперед, во главе каждой из колонн, поспевавших за носилками.

XVII

В походе. — Перед большим селением. — Осажденные. — Стратегические маневры. — Поражение атара. — Королевские «сети». — Предложение короны.

Воины мокиссы продолжали бежать в течение всего дня и большей половины ночи без отдыха и без усталости, так как атара, зная, что мокиссы отправились вместе со своим королем в его резиденцию на берегу моря, решили воспользоваться этим обстоятельством, чтобы напасть на их селение раньше, чем те успеют возвратиться. Если мокиссы не подоспеют к рассвету, то все население города, довольно многочисленное, безвозвратно погибнет. При таких условиях чрезвычайной поспешности паланкины пришлись как нельзя более кстати, так как оба европейца никак не могли бы следовать за этими неутомимыми дикарями, привычными к самым дальним и трудным переходам.

Побуждаемые несомненной необходимостью, эти люди совершали подвиги быстроты и выносливости, чтобы достигнуть вовремя родного селения, куда они и прибежали среди ночи.

В селении никто не спал: старики, женщины и даже дети десятилетнего возраста — все вооружали свои жилища, решившись во что бы то ни стало отразить первые натиски врага, чтобы дать время своим воинам подоспеть на защиту родного селения. Туземцы никогда не нападают ночью из боязни вмешательства злых духов, но на этот раз, зная, что селение незащищено, атара решила отступить от этого правила, освященного обычаем. Угадав их намерение, мокиссы засели в засаду: первая колонна, под началом Гроляра, расположилась в конце селения, противоположном тому, откуда предполагалось вторжение врагов, а вторая, под началом Ланжале, — как раз в том конце, где ожидался неприятель; таким образом, атара должны были оказаться как бы между двух огней.

Решено было дать им вторгнуться в селение и там их окружить, так чтобы ни один из них не мог бежать и разнести весть об их поражении. Дикари всех племен вообще не щадят врагов и уводят в плен только женщин и детей, в которых они воспитывают ненависть к родному племени.

Начало светать, а нападающие не подавали даже признаков своего присутствия. Вожди мокиссов стали даже высказывать предположение, что шпионы уведомили неприятеля об их прибытии, как вдруг с вершины

ближайшей возвышенности, словно лавина, стали спускаться в долину, где расположено было селение, целые тучи врагов, оглашавших воздух своими дикими воинственными криками.

Никто не отозвался ни в селении, ни в засадах, где все воины были укрыты в зарослях и кустах, окаймлявших деревню. Это гробовое молчание смутило в первый момент нападающих, которые вдруг приостановились и стали внимательно осматривать всю местность, подозревая что-то неладное, так как их появление не вызвало ни малейшего трепета и переполоха в селении, что было бы совершенно невозможно, если бы жители в самом деле были застигнуты врасплох. Затем им пришло на ум, что, быть может, жители, узнав об их приближении, бежали в леса, унося с собой все, что у них было наиболее ценного, и решив так, они устремились вперед, не соблюдая уже ни малейшей осторожности. Они даже разбили строй и беспорядочной толпой устремились к домам, чтобы разграбить все, что в них найдется.

Те, что пришли первыми, были немало удивлены, увидев, что все дома были заняты женщинами, старцами и детьми, которые не только не молили о пощаде и не дрожали перед ними от страха, но и стали громко издеваться над ними, осыпая их градом ругательств и оскорблений из-за своих импровизированных баррикад.

— Идите же, идите, подлые трусы атара, ху! ху! — кричали они. — Смотрите, эти рослые воины дрожат от страха перед женщинами и грудными ребятами! Ваши вожди прислали сюда не воинов, а жалких рабов, сказав вам: «Идите, — и пусть вас побьют женщины мокиссов!»

При других обстоятельствах такого рода издевательства привели бы их в бешенство, но невероятная смелость женщин за их хрупкими баррикадами из бамбука заставила нападающих предположить, что они попались в ловушку. Но отступление было невозможно: воины рассыпались по всему селению в полном беспорядке.

Все, что оставалось вождям атара делать в данном положении, это собрать своих воинов на главной улице селения, оставив в покое отдельные хижины, которые, хотя имели и немудреные баррикады, все же могли задержать их на несколько минут и дать время воинам мокиссов собраться. Ланжале и Гроляру с величайшим трудом удалось удерживать своих людей, которые порывались кинуться навстречу неприятелю и схватиться с врагами один на один в переулках, разделявших хижины.

Но такого рода борьба, в сущности, не могла привести ни к чему, так как здесь только одинокие воины противостояли бы друг другу, и общего поражения врага при этих условиях не могло быть.

Вожди мокиссов, однако, прекрасно поняли намерение бледнолицых окружить врагов со всех сторон и сразить их своими громами и поспешили объяснить этот план своим людям.

Дав неприятелю сосредоточиться в одном месте и образовать собой плотное ядро, Ланжале свистком подал знак Гроляру приступить к действию, — и в ту же минуту оба отряда мокиссов вступили с обоих концов селения, преградив неприятелю все пути к отступлению, так как ряды хижин, окаймлявших с двух сторон главную улицу, были окружены высокими заборами, через которые пришлось бы перелезть, чтобы добраться до переулков и иметь возможность бежать из селения.

Не долго думая Гроляр и Ланжале выскочили шагов на пятнадцать вперед своих отрядов и выстрелили каждый в одного из неприятельских вождей; оба несчастных пали, точно сраженные громом.

Трудно описать панику, мгновенно охватившую всех атара, когда они увидели, что их вожди истекают кровью от ужаснейших ран, хотя никто не нанес им ни малейшего удара ни копьем, ни топором. Все они видели, как бледнолицые издали вытянули вперед свои руки — и в тот же момент раздался страшный грохот, и их вожди упали, сраженные какой-то невидимой силой.

Это произвело на них потрясающее впечатление, — все воины атара, обезумев от ужаса, побросали свое оружие и пустились бежать в разные стороны, но напрасно: куда бы они ни кидались, всюду их встречали копья мокиссов, которые тут же приканчивали их.

Ланжале и Гроляр пытались приостановить это избиение беззащитных и безоружных людей, но их знаки были приняты мокиссами за знаки одобрения, и избиение продолжалось до тех пор, пока уже некого стало разить. Под конец битвы женщины и дети приняли участие в добивании несчастных, сраженных их отцами и мужьями.

После этой битвы племя атара не оправилось вновь, так как победители, не удовольствовавшись поражением их воинов, пошли истреблять огнем и мечом их главное селение, избивать старцев и уводить в рабство женщин и детей, словом, заставили своих врагов испытать все то, что еще недавно грозило им самим от них.

А великий монарх Ка-Ха-Туа VII имел удовольствие угоститься за обедом превосходным филеом из короля вражеского племени, присланным ему с нарочным и тщательно завернутым в банановые листья.

С незапамятных времен короли этих двух племен из-за всяких пустяков вступали в войну. Впрочем, то, что мы называем пустяками, с точки зрения традиций мокиссов являлось очень важным. В далекие,

легендарные времена один из первых королей мокиссов, победив повелителя атара, приказал своему лейб-повару приготовить себе на ужин филей из своего врага и признал его превосходным на вкус. Это внушило сыну побежденного монарха желание отомстить за отца и тоже отведать филей из его врага. И оказалось, что изобретатель этого гастрономического блюда, в свою очередь, попал на вертел по приказанию молодого короля атара. Это положило начало родовой вражде и ненависти этих двух племен, и из поколения в поколение монархи их не имели других усыпальниц, кроме желудков их царственных недругов.

Случалось даже, что то или другое из этих племен, желая избавиться от своего ненавистного или слишком престарелого монарха, покидало его на поле битвы на съедение врагам.

По возвращении из второй экспедиции, в которой Ланжале и его друг не сопровождали их, отказавшись от участия в разграблении и сожжении главного неприятельского селения, мокиссы узнали, что их престарелый король умер от несварения желудка; он не мог переварить, как видно, филея последнего короля атара и заболел, а после его смерти вожди и старшины племен, собравшись на совет, решили предложить корону тому из двух бледнолицых, который пожелает принять ее, так как при голосовании они путали их и не могли разобраться, который из двух им более по душе. Итак, одному из наших приятелей предстояло стать королем мокиссов.

XVIII

Обсуждение. — Новый государь. — Тяжеловесная королева. — Приятность царской власти. — Выход. — Глотатель меди. — Гро-ЛярI.

Парижанин со свойственной ему веселостью, готовый всегда видеть все с комической стороны, отказался, однако, называться Ка-Ха-Туа VIII, но настоятельно уговаривал своего приятеля принять наследие покойного

— Теперь ведь тебе нечего бояться за свой филей, — уговаривал он его, — так как отныне ты один будешь царствовать над этим островом. Кроме того, здесь можно заняться насаждением цивилизации, а это доброе дело для такого гуманного человека, как ты, — как нельзя более подходящая задача. Кто может знать, сколько времени нам придется с тобой пробыть на этом острове? Все же это будет для тебя целью жизни — облагородить нравы этого племени, которое, в сущности, не злое в душе!

— Ну а ты? — осведомился Гроляр.

— Я? Я буду счастлив сделаться свидетелем твоих преуспеваний и твоих подвигов.

— Ты будешь моим первым министром!

— Нет, я не хочу быть даже и последним: это было бы непolitично с твоей стороны; ты должен избрать министров из влиятельнейших родов этого племени. С меня же вполне довольно быть твоим другом и твоим советником до тех пор, пока мое присутствие не будет тебе казаться докучливым.

— Ах, как ты можешь говорить подобные вещи! Неужели ты думаешь...

— Полно, полно... Достигнув величия, немудрено потерять голову даже такому человеку, как ты...

— Я никогда не забуду, что ты был для меня самым лучшим другом!

— Охотно верю, но только знай, что, взойдя на престол, ты становишься царем, и при этом положении я отнюдь не буду обижен, если, ввиду известных политических соображений, ты станешь несколько пренебрегать мной.

Когда мокиссы узнали о результатах совещания двух друзей и о согласии Гроляра принять корону, то огласили воздух громкими криками и пожелали тотчас же приступить к водворению нареченного короля в предназначенном ему дворце.

Коронование было совершено с чрезвычайной торжественностью,

причем Гроляру, из уважения к общественному мнению, пришлось облачиться в красную юбку, изукрашенную перьями попугая, в расшитую позументами ливрею швейцара и каску с чудовищным султаном, украшавшие покойного короля, так как без этого толпа не признала бы его настоящим монархом.

Сначала он усиленно отказывался от этого маскарада, сознавая всю смехотворность такого наряда, но Ланжале одним словом сумел убедить его в необходимости подчиниться этой процедуре.

— Подумай только, что скажет твой народ! Разве ты не обязан отныне приносить ему в жертву свои личные вкусы? Кроме того, этот наряд, в сущности, не многим более смешон, чем костюмы иных государей, точно так же расшитые золотом и позументами по всем швам. Не забудь, что уже царский пир готов: жареные поросята и молодые кабанчики, цыплята и рыба, таро и иньям, печеный в золе, и целые горы риса и плодов ожидают тебя и твоих гостей, то есть твой народ, которому ты должен раздавать все эти яства в ознаменование веселого события этого дня — твоего восшествия на престол покойного Ка-Ха-Туа VII... Так ступай же скорее и спеши занять свое место среди твоих министров и сановников, подле твоей царственной супруги.

— Что ты такое говоришь?

— Как! Разве ты не знаешь, что унаследовал после покойного короля и его дворец, и его трубки, и чубуки, а также и его жену, равно как и все, чем владел твой предшественник?

— А-а... Если так, то еще не поздно, я могу отказаться от всего этого наследства!

— Нет, это невозможно — ты уже коронован; ты теперь монарх волей неба и волей твоего народа, как и всякий другой государь в своей стране, и только революция или военный переворот могут лишить тебя престола!

— Как это неприятно!

— Это, конечно, некоторое неудобство, тем не менее положение твое еще вовсе не так скверно!

— Но пойми же ты, что я женат самым законнейшим образом во Франции; не могу же я быть двоежнецом?!

— Иного выхода, однако, нет. Не хочешь же ты возбудить против себя все наиболее влиятельные семьи страны и всего твоего государства, с которыми супруга покойного короля состоит в родстве? Кроме того, можешь успокоиться: ведь тебе не предстоит венчальный обряд, так как ты стал одновременно и королем, и супругом королевы, а эта прекрасная особа весом свыше двенадцати пудов не будет слишком назойлива, так как она не

в состоянии двигаться и не может выходить из своего дворца! Поэтому и сегодняшний пир приготовлен во дворце ее жилища, чтобы не утруждать ее передвижением. Ты только подойдешь к ней, чтобы приветствовать ее, — вот и все. В сущности, это настоящая синекура: ты сам можешь судить о ее возрасте уже по тому, что ты четвертый король, женой которого становится эта почтенная особа!

На все эти речи Гроляр отвечал многозначительной гримасой. Его царственный сан начинал уже казаться ему непосильной ношей; кроме того, он подозревал, что и на этот раз его приятель сыграл с ним недобрую шутку.

Вдруг страшный вой донесся до него со двора.

— Что бы это было такое? — встревожился бедняга.

— Это голос твоего народа, твоего доброго народа, который не может понять, почему его кумир, так как по крайней мере на сегодня ты его кумир, так долго не показывается им в этот высокотожественный день.

Новые крики, еще более ужасающие и отвратительные, вторично огласили воздух.

— Вот видишь, твой народ сердится. Поспешим его успокоить — ведь народ легко может, при таких условиях, перейти на сторону оппозиции!

— Вот еще новости! Оппозиция здесь, у этих дикарей!

— И это тебя удивляет! Право, для человека, прожившего сорок лет на свете, ты еще очень неопытен. Неужели ты не знаешь, что повсюду, где только соберутся хотя бы трое людей непременно появляется оппозиция, так как третий обязательно бывает несогласен с мнением или намерением двух остальных в том случае, если не все трое стараются поперечить или досадить друг другу. Ты сделался королем благодаря такой случайности, примеры которой мы не часто встречаем в истории, и твое быстрое возвышение породило кучу врагов и ненавистников, которые не успокоятся до тех пор и не перестанут тебя преследовать своей оппозицией, пока твой народ не разочаруется в своем кумире и не последует их наущениям. Тогда тебе останется только бежать и увеличить собой число царственных особ в изгнании! Ты должен тогда поступить, как умнейшие из этих монархов, то есть бежать, захватив с собой как можно больше государственной казны... ибо короли без гроша — нигде не в цене... Однако довольно об этом... Ты пока еще не дошел до этого, слава Богу, твоя власть еще твердо зиждится на любви народной, а там дальше будет видно, что делать. Во всяком случае не следует допускать недовольства в народе... Соберись с духом, Гроляр, призови к себе на помощь чувство достоинства, и выйдем показаться народу, жаждущему увидеть твои черты.

Подталкиваемый своим другом, который, по своему обыкновению, оставался в тени, Гроляр появился не на балконе дворца, так как его хижина-дворец не имела балкона, а под ажупой⁹.

При виде его опьяненная восторгом толпа стала плясать и кривляться, держась за носы, что у мокиссов являлось высшим выражением энтузиазма и восхищения.

Но народный восторг перешел все пределы, когда появившийся вдруг совершенно неожиданно за спиной короля Ланжале заиграл на своем тромбоне, держа его над самой каской Гроляра. Эта музыка привела толпу в такой экстаз, что музыканта хотели поднять на руки и нести как триумфатора, а некоторые из недовольных не преминули даже заявить, что королем следовало избрать не Гроляра, а вот этого «глотателя меди», как они называли Ланжале.

Это прозвище, оставшееся за ним, было дано ему предшественником Гро-Ляра I, когда тот, наблюдая за его игрой, заметил, как медные трубки тромбона, приставленные к губам музыканта, то вытягивались, то сокращались при движении рук музыканта, что вызвало в уме престарелого монарха представление, будто бледнолицый попеременно то проглатывал, то снова высовывал изо рта медные трубки своего инструмента, — и это заставило дать ему прозвище «глотателя меди», которое вслед за королем было принято и его народом.

Конечно, эта инсинуация недовольных умов пропала бесследно, не встретив отклика в толпе, — несомненно, что эти люди, будь вместо Гроляра избран королем тот же Ланжале, нашли бы те же основания порицать этот выбор и желать Гроляра. К счастью, популярность нового короля была еще слишком свежа, чтобы что-либо могло повредить ей в глазах его подданных, хотя все-таки эти слова были горстью плевел, посеянных среди доброй ржи, и так как ничто в мире не пропадает даром, а плевелы еще гораздо меньше, чем доброе семя, то эти случайно брошенные дурными людьми слова также должны были взойти, дать плод и стать, так сказать, яблоком раздора, благодаря которому недовольным в конце концов должно было удасться похитить трон у Гро-Ляра I и свергнуть новые порядки и учреждения мокиссов. Им даже чуть было не удалось перессорить между собой и двух друзей. Но не станем заглядывать вперед.

Новое начертание имени бывшего сыщика являлось также уступкой требованиям местного наречия, состоящего почти исключительно из односложных слов. Наш герой долгое время колебался, прежде чем решиться перерезать надвое имя своего уважаемого приемного отца, но Ланжале и на этот раз помог ему победить сомнения. Он напомнил ему, что

большинство европейских государей, с которыми он теперь вправе переписываться и обращаться со словами «Мой дорогой брат», также изменяли свои имена при вступлении на престол, и, чтобы далеко не ходить, привел ему пример наиболее близкий, в лице Герцога Мармелада, который принял имя Сулука I, став императором острова Гаити.

Последнее обстоятельство сильно повлияло на решение Гроляра, который тотчас же подписал свой первый декрет:

Гро-Ляр

Император мокиссов

XIX

Представления и церемонии. — Скамьи и седалища. — Настоящий король. — Дворец. — Войско. — Верховный жрец

Опираясь на руку своего верного друга Ланжале, вновь нареченный король воссел на своем престоле, воздвигнутом на особом возвышении перед дворцом. Здесь он намерен был удостоить высочайшим приемом своих министров, высшие чины войска и их семьи, равно как и всех лиц, занимающих какие-либо должности при дворе. Обер-церемониймейстер стоял подле него, указывая, как ему надлежало принимать каждое отдельное лицо, являющееся для представления, соответственно рангу и положению.

Этикет при мокиссском дворе был чрезвычайно строгий и сложный, и требовалась большая осмотрительность, чтобы никто не был обижен слишком большим или слишком малым вниманием монарха. Горе ему, если он по ошибке наградит тремя щелчками в нос того, кто, по занимаемому положению, имеет право получить только два; тотчас же все выше него стоящие и тем самым уравненные с ним стали бы заклятыми врагами короля, допустившего подобную оплошность в присутствии двора; все равные этому счастливцу сочли бы себя обделенными, если бы не удостоились той же чести, а все ниже его стоящие вспыхнули бы к нему завистью. Таким образом, чуть ли не весь народ был бы возмущен монархом, совершившим такую ошибку. Особенную осторожность следовало соблюдать при ущипывании большого пальца ноги и почесывании стопы у родовитых людей, так как, удостоив кого-нибудь по ошибке этой чести, он возводил его в число родовитых дворян и тем восстанавливал против себя всю знать, навязывая ей выскочку. Но благодаря обер-церемониймейстеру, неустанно руководившему всеми жестами и движениями нового короля, все обошлось вполне благополучно, и все в один голос прославляли милость, ласковость и справедливость нового монарха.

Церемония завершилась раздачей малой, средней и первой величины седалищ.

Вообще, в присутствии короля никто не имел права садиться, но для министров и их семейств сделано было исключение, равно как и для бывших министров и их родственников, для придворных чинов и командующих войсками.

Все те, кто получил право садиться в присутствии короля, являлись с толстым деревянным колом под мышкой, и когда их приглашали к столу или же на какую-нибудь царскую церемонию, они вбивали в землю заостренный конец кола, на определенном расстоянии от высочайшей особы короля, и садились на этот кол.

— Какой дурацкий обычай! — пробормотал Гроляр, обращаясь к своему другу.

— Да нет же, — возразил последний, — это просто только вопрос местных условий удобства, не более того! Вспомни маленькие табуретки, из-за которых наши герцоги и пэры ссорились в Версале, в чем же разница? В том только, что те садились на мягкие, стеганные подушки, а эти — на деревянные колья. В сущности, это все то же человеческое тщеславие, заставляющее людей выдвигаться друг перед другом. Это только доказывает, что ты настоящий король, так как тебе одному принадлежит право раздавать всем эти побрякушки тщеславия, за которыми люди в Европе гонятся с не меньшей жадностью, чем здесь. Заставь только твоих подданных носить штаны — и ты будешь такой же король, как и все остальные!

— Вот уже ты опять шутишь!

— Нисколько! Вспомни только, что эту великую аксиому я заимствовал для тебя у одного великого мыслителя, имя которого я забыл. Он сказал: «Цивилизация начинается со штанов точно так же, как женская стыдливость начинается с юбки». Прикажи женщинам твоего народа и их мужьям одеться, и ты на три четверти изменишь их нравы, и в результате станешь таким же королем, как и всякий другой. Я убежден, что Цезарь, если бы он был выброшен бурей на этот берег, сказал бы Лабиему, который был его Ланжале, что «лучше быть первым у мокиссов, чем вторым где бы то ни было». Так говори и действуй, как Цезарь, и ты будешь Цезарем этого народа!

Таким образом полусерьезно-полушутя Парижанин все глубже и глубже вселял в Гроляра мысль принимать всерьез свою новую роль. Теперь бывший сыщик уже почти не думал о своих былых планах и проектах, и уже по прошествии недели, одной только недели после своего воцарения, он едва ли бы с радостью встретил весть о появлении вблизи острова столь желанного судна.

Теперь Гроляр не только пользовался видимостью власти, но и вполне реальной властью.

Он жил в обширной хижине, разгороженной на несколько Комнат, не лишенных ни роскоши, ни известных удобств. Все стены были завешаны

циновками, а земляной пол устлан толстыми кокосовыми половиками, весьма искусно изготовленными мокискими женщинами. В его опочивальне имелась бамбуковая кровать, весьма удобная, убранная прекрасными, тонкими, очевидно, привозными, тканями; кроме того, у него был японского стиля стол, стулья и большое, удобное и покойное кресло, стенные часы и несколько лубочных картинок, приводивших в неопишуемый восторг всех туземцев.

Все это было приобретено в обмен на пальмовое масло и драгоценные породы дерева у одного капитана дальнего плавания, который в течение нескольких лет заходил сюда со своим судном. Но вот уже года четыре или пять капитан этот больше не показывался.

Часовые постоянно сменялись у всех входов и выходов королевского дворца. Никого во дворец не пропускали без предъявления часовому известного камушка или ракушки или листа какого-нибудь дерева, заменявших в этот день пропуск, который ежедневно назначался самим королем и затем сообщался начальнику королевской стражи. Всякий, кто желал проникнуть во дворец, должен был предварительно обратиться к начальнику стражи и получить от него пропуск. Лица же приближенные, имеющие постоянный доступ к королю, получали от него ежедневно поутру предмет, избранный на этот день в качестве пропуска. Ночью же только одному начальнику стражи был известен пропуск; все остальные узнавали о нем лишь утром.

Однажды Ланжале, расставшийся довольно рано со своим другом, вздумал вернуться к нему поздно вечером, чтобы остаться у него на ночь. Пропуск был уже заменен новым, и Ланжале, явившись к главному входу дворца, не мог предъявить пропуска; несмотря на это, он намеревался пройти во дворец. Однако часовой, ни минуты не думая, приставил острие своего копья к его груди и дал ему понять, что уложит его на месте, если он станет упорствовать в своем намерении.

Таким образом, Ланжале пришлось отправиться к начальнику стражи и, рассказав ему о случившемся, получить от него пропуск. Тот, вручив ему этот пропуск, пошел лично проводить его, чтобы похвалить примерное поведение часового. Когда Ланжале рассказал об этом Гроляру, то последний пришел в такой восторг от исполнительности и стойкости часового, что тотчас же отправился к нему лично и пожаловал ему нашивки сержанта, приказав немедленно сменить его с дежурства.

Первым делом Гро-Ляра I было реформирование войска по образцу французского. Все воины, которых насчитывалось до четырех тысяч человек, были разделены на восемь полков по пятьсот человек в каждом, а

каждый полк, в свою очередь, разделен на пять рот, по сто человек в каждой.

Так как и Гроляр, и Ланжале отбывали воинскую повинность у себя на родине, то оба могли принять на себя роль инструкторов и обучать своих солдат главнейшим приемам и строю, путем наград и отличий приохотив этих людей к службе.

К великому горю Гроляра, его войско не имело ружей, но Ланжале, отыскавший среди туземцев несколько весьма искусных кузнецов, теперь ежедневно работал вместе с ними, втайне надеясь вскоре порадовать своего друга нового рода оружием, своего собственного изобретения.

Кроме забот о войске, Гроляр не упускал из виду и других государственных обязанностей. Он принимал ежедневно в определенные часы своих министров, выслушивал их доклады, определял награды отличившимся или наказания провинившимся подданным, судил и мирил между собой лиц высшего класса, словом, входил во все, что делалось вокруг него и в его народе. Все шло хорошо, постепенно приближаясь к «штанам». Решено было начать этот переворот с войска, которое, будучи приучено к дисциплине и повиновению, не станет протестовать против установленной для них королю формы. А за ними уж и весь народ незаметно и безропотно последует их примеру.

Женщины мокиссов умели ткать циновки столь тонкие, что их можно было принять за холст и другую подобную ткань. Этих циновок им заказали изготовить в громадном количестве, а затем их окрасили: половину всего запаса в красный, а другую половину — в синий цвет, что было не трудно, так как туземцы издавна культивировали индиго. Из красных циновок решено было изготовить для войска шаровары, а из синих — камзолы, недаром же Гроляр и Ланжале были французы. Что за великолепное войско должно было получиться, если бы Ланжале удалось смастерить для него ружья! Что же касается пороха, то изготовление его не представляло никаких затруднений: серы и селитры на острове было вволю; за штыками тоже не было остановки; Ланжале уже изготовил пять-шесть образцов с несколькими из своих искуснейших кузнецов.

Наши друзья усердно изучали наречие своего народа, и не прошло и трех месяцев, как Ланжале перестал объясняться знаками; впрочем, язык мокиссов был беден и состоял всего из нескольких сот слов, самых необходимых в повседневном обиходе. Гроляр оказался менее способным в этом отношении, тем не менее можно было надеяться, что вскоре и он будет иметь возможность бегло изъясняться со своими министрами на их родном языке.

К главному жрецу и колдуну оба француза относились с величайшим уважением, и это было чрезвычайно мудро, так как этот жрец был самым влиятельным человеком во всей стране. Каждую неделю раза два или три оба француза отправлялись, в сопровождении верховного жреца и его подчиненных, потереться носом о большой палец ноги великого Тэ-Атуа — Бога Творца Вселенной и всех его подчиненных божков, подвластных богу Вседержителю, что им ставилось в большую заслугу, доказывающую их великую мудрость, так как они явились исполнителями высшей воли, которую они умели осуществлять на деле.

Границы государства. — Позднее честолюбие. — Ланжалеглавнокомандующий. — Сын коварного Альбиона. — Красный человек. — Королевская милость. — Представительный образ правления.

Беседа со своими кузнецами-мастерами, Ланжале вскоре узнал, что остров, на котором они находились, был весьма велик и что на расстоянии дней пятнадцати пути, в пределах этого острова, жили другие многочисленные племена, с которыми мокиссы, однако, не поддерживали никаких сношений, так как были отрезаны от них громадными горами с белыми вершинами, через которые никто никогда не решался перейти. И Ланжале стал мечтать вместе с Гроляром распространить свою власть на весь остров, как только их войско будет достаточно хорошо обучено и вооружено ружьями собственного изготовления.

— Кто знает, может быть, нам суждено основать могущественное государство, быть может, целую громадную империю? — рассуждал Ланжале. И он, затеявший всю эту игру шутя потому только, что ему казалось забавным превратить своего приятеля в короля дикарей, теперь начал принимать все это до такой степени всерьез, что почти сожалел о том, что не принял для себя этой короны. К тому же его старый приятель, не отрекаясь от своих дружеских к нему отношений, тем не менее держал себя с ним «слишком царственно», требуя от него, чтобы он обращался к нему не иначе как со всеми внешними выражениями величайшего, почти благоговейного уважения, и называл его не иначе как «сир» или «Ваше Величество» наравне с самыми последними из его подданных.

— Ты понимаешь, что это не для меня, — говорил бывший сыщик, — но как ты хочешь, чтобы ко мне с должным уважением относились мои подданные и министры, соблюдая строжайшие требования этикета, без которого немислим никакой царский престиж, — если ты не будешь подавать им примера, ты, который, в сущности, «ничто в государстве».

Ах, это ужасное слово! Именно то, что он был «ничто», страшно раздражало Парижанина. Но что мог он ответить на это, ведь сам же он отказался от всяких должностей, сам вначале внушил Гроляру эти самые взгляды, которые теперь слышал от него, сам, шутя, терся носом о большой палец его ноги, по обычаю мокиссов подходя к нему, и величал его своим Императором и Величеством.

— Что ты, издеваешься, что ли, надо мной? — спрашивал его Гроляр

тогда, когда сознание собственного величия еще не успело вполне проникнуть в его мозг.

А Ланжале возражал ему.

— Разве ты не король? Разве не должен всякий воздавать тебе подобающие твоему сану почести? Что подумают о тебе твои подданные, если я буду относиться к тебе как к простому смертному, как к равному себе?

Все это говорил Ланжале своему приятелю, стараясь внушить ему свойственное монархам самообожание, и находил все это очень забавным; но теперь, когда ему приходилось осуществлять все это на деле, забава превратилась в досадную обязанность, которую он сам навязал себе.

Конечно, эти мелочи человеческого честолюбия не нарушали добрых отношений двух приятелей, особенно с той поры, как в душе Ланжале зародились честолюбивые замыслы.

«Если мне удастся основать могущественную империю, — думал он, — то, в сущности, я потружусь для себя же: ведь Гроляр намного старше меня, и я, без сомнения, буду его преемником!»

Таким образом весельчак и шутник Ланжале, хотевший превратить своего приятеля в балаганного короля, теперь уже не шутя начинал завидовать его положению короля с настоящим Двором, царской стражей, неограниченной властью над своим народом, с целым штатом министров и армией, теперь уже достаточно дисциплинированной, чтобы считаться серьезной.

Но положение самого Ланжале при дворе было самое неопределенное, и это было неприятно для Парижанина; в конце Концов он потребовал официального назначения главнокомандующим мокисской армией, подчиненным только особе короля и стоящим выше власти военного министра.

Гроляр охотно удовлетворил его требование, но при этом все-таки спросил его с загадочной усмешкой:

— Ты уже не довольствуешься ролью моего друга и тайного советника во всех государственных делах?

— Я готов отказаться от звания главнокомандующего, но только тогда ты должен будешь сам заняться своей армией, а я умываю руки: я никогда не любил играть роль пятого колеса в телеге!

— Ну, полно, не сердись, ты же отлично знаешь, что можешь здесь делать все, что только тебе вздумается!

После этого приятели снова принялись лелеять свои честолюбивые замыслы о расширении пределов государства, о сооружении флота, об

открытии портов и поездке на Малакку, а не то и в Европу за необходимыми орудиями, машинами, рабочими и мастерами всякого рода, строителями, механиками и др. Словом, их планам и мечтам не было конца... И, как знать, быть может, им и удалось бы осуществить хоть часть этих планов, если бы коварный Альбион не встал им поперек дороги, если бы он не раздавил в зародыше нарождающуюся цивилизацию и не уничтожил четыреста пар штанов, заготовленных стараниями Ланжале, снова на многие годы ввергнув народ мокиссов в невежество, дикость и каннибализм... Впрочем, Англия только этим и занимается, преследуя, конечно, свои цели и свои личные выгоды.

Как, вероятно, помнит читатель, предшественник Гроляра упоминал о «красном человеке», который во время торжеств коронавания и еще долго после того лежал на одре болезни с проломленной головой, вследствие, как он утверждал, несчастного падения со скалы. Этот «красный человек» был сын коварного Альбиона, прозванный так мокиссами оттого, что его волосы и борода, как у большинства его соотечественников, были огненно-красные, то есть рыжие, а лицо, и в особенности нос, постоянно насандалено джином и виски настолько, что походило на вареного омара.

В ту ночь, когда наши друзья собирались пристать к этому берегу, «красный человек» тайком доплыл до их пироги, полагая встретить в этих европейцах своих соотечественников, и был принят, как известно, далеко не дружелюбно Гроляром, который чуть было не убил его.

Вернувшись еле живой в свою хижину, он более шести недель пробыл в состоянии между жизнью и смертью, а за это время У мокиссов произошла смена власти.

Этого человека звали Томас Пауэлл; он родился в Лондоне, прибыл на этот остров вплавь на доске после крушения судна, на котором состоял, как он говорил, врачом. Вскоре он заручился расположением и любовью старого короля, который сделал его своим старшим знахарем. Вот все, что о нем было известно с его же слов.

С того времени прошло уже десять лет, и он не жаловался на свою жизнь и даже никогда не пытался вернуться на родину, хотя в течение нескольких лет кряду с островом вел торговлю один французский капитан дальнего плавания, который готов был доставить его в Европу. «Красный человек» взял себе в жены одну из родственниц короля, прижил с ней целую кучу детей, которых он, по-видимому, очень любил, и совершенно обжился среди этих дикарей.

Понятно, он научился прекрасно владеть их языком и все свое время проводил в коллекционировании образцов местной флоры и минеральных

пород. Между прочим, он нашел на этом острове богатейшие залежи руд железа, меди, серебра, золота и даже платины, но никому не говорил об этом и не показал добытых им образцов ни Гроляру, ни Ланжале даже и тогда, когда он впоследствии, по-видимому, близко и дружески сошелся с ними.

Когда, по прошествии двух месяцев со дня высадки двух французов, он достаточно оправился, чтобы выходить из дома, Гро-Ляр I давно уже царствовал над мокиссами, а Ланжале был близок к осуществлению своей мечты о надежной и дисциплинированной армии.

Ничто не возбуждало мысли о его недовольстве; напротив, он сразу примирился с существующим порядком вещей, тотчас же отправился во дворец, почтительнейшим образом испросил себе аудиенцию у короля и приблизился к нему, касаясь носом циновки, пока не добрался до большого пальца ноги короля, о который он с особым усердием потер свой и без того огненно-красный нос.

Гро-Ляр I милостиво поднял его и сказал:

— Вы можете приступить к исполнению ваших обязанностей, доктор, так как перемены, происшедшие во дворце, вас не коснулись, и я надеюсь, что вы не откажете мне в ваших просвещенных услугах!

Томас Пауэлл, говоривший весьма сносно по-французски, горячо благодарил нового короля за его милость и сказал, что сочтет себя счастливым, если сможет быть полезен королю, охраняя его драгоценное здоровье.

Вскоре их таким образом завязавшиеся отношения переросли в чисто дружеские со стороны обоих французов, но мы вскоре увидим, чем им отплатил за это коварный англичанин.

Считая его человеком, на которого можно было положиться наши друзья не стесняясь излагали в его присутствии все свои планы и замыслы и, к великой своей радости, всегда встречали с его стороны полнейшее сочувствие.

Особенно одобрял англичанин одну заветную мечту Гроляра — ввести у мокиссов представительный образ правления. «Это единственно верное средство, — говорил он, — приучить моих подданных к общественной жизни и сознательной гражданственности и приготовить на будущее время, так сказать, питомник государственных людей, новых заместителей моим министрам и чинам администрации».

Но Ланжале не разделял этих взглядов.

— Все эти затеи будут только в ущерб королевской власти и авторитету; когда мы осуществим все эти задуманные реформы, увеличим

владения путем завоевания всего острова, то это, пожалуй, еще будет возможно и полезно, но до тех пор это будет только на погибель королю и всему существующему порядку. Вы расплодите говорунов и большеротых крикунов в государстве, а это большая ошибка; эти люди будут заботиться только об одном — об уничтожении большинства царских прерогатив в свою пользу, будут стремиться к удовлетворению только своих личных честолюбивых замыслов и разовьют в народе дурные инстинкты, которых пока еще не существует и которые мы породим сами себе на горе.

— Но ведь я вначале хочу дать такую конституцию моему народу, в которой будут оговорены и закреплены все мои царские прерогативы.

— В таком случае зачем же создавать конституцию и закреплять за собой то, чего и без того никто не оспаривает? Всякая конституция всегда идет против царской власти, и во имя ее создается оппозиция и протест. Впрочем, Ваше Величество вольны поступать, как им будет благоугодно, — доканчивал Ланжале, — но в день открытия вашего парламента я вернусь к своему тромбону!

В результате дружеские советы Ланжале восторжествовали над идеями Гроляра и коварными советами англичанина, который рассчитывал воспользоваться переменчивым и легковерным нравом мокиссов, чтобы создать грозную оппозицию в парламенте и свергнуть власть Гро-Ляра I и его друга; последнего он возненавидел всеми силами души с того вечера, когда ему был нанесен жестокий удар веслом, который он приписывал Парижанину, полагая, что у придурковатого Гроляра не хватило бы ни силы, ни мужества на такой удар.

Подготовка к возмущению. — Общая деморализация. — Тяжелые предчувствия. — Официальный орган. — Оппозиционная пресса. — Злонамеренные инсинуации. — Мокисские Гаргантюа, или обжоры — Слишком тощий король.

Когда Томас Пауэлл увидел, что проект парламента окончательно провалился, он направил свои старания в другую сторону: он обратился к жрецам-колдунам, власть которых над народом была абсолютной во всех отношениях. Атак как главный жрец издавна был его другом, то ничего не могло быть легче, как при его содействии вызвать волнение в народе и затем дать ему разрастись до таких размеров, чтобы французы не могли устоять. С другой стороны, он, как друг и советник, одобрял решительно все готовящиеся реформы и всегда был первый по части возможно скорейшего осуществления и применения их, выказывая в этом несравненно большее рвение, чем даже сам король и его верный друг Ланжале.

Таким образом, все нововведения, которые, будь они исподволь подготовлены и привиты общественному мнению, были бы приняты охотно, при такой поспешности только возбуждали всеобщее неудовольствие.

Вот каким путем коварный англичанин рассчитывал настроить все классы населения против нового правительства; а так как все проектируемые реформы были хорошо известны ему, то он мог заранее объявлять о них, подрывая их смысл и значение с точки зрения старых традиций и предрассудков, причем он мог быть уверен, что эти благодетельные, в сущности, реформы будут встречены ропотом и недовольством.

Благодаря этим уловкам замена потирания носа о большой палец ноги вождей общепринятым в европейских войсках отданием чести чуть было не вызвала военного бунта.

Королевская стража, между прочим, наотрез отказалась повиноваться новому предписанию и упорно продолжала традиционное потирание носа о большой палец ноги своих вождей. Пришлось отменить приказ.

Однажды поутру Ланжале, придя в свои оружейные мастерские, застал кузнецов в полном возмущении: все они не только отказывались работать, но еще обрушились на него с упреками, потому что жрецы уверили их, что

эти стволы предназначены Для сосредоточения в них небесных громов и что великий Тэ-Атуа, прогневанный такой дерзостью, непременно отомстит им.

Словом, дезорганизация и деморализация проникали повсюду! Где было то счастливое время, когда каждое слово короля и его друга считалось священным, когда каждый мокисс считал за счастье повиноваться им?! А теперь — прощай мечты о славе и величии, о громких завоеваниях и насаждении культуры!..

Если все будет так же продолжаться, то не пройдет и трех месяцев, как король и его друг вынуждены будут бежать отсюда без оглядки или отстаивать от врагов свою жизнь силой оружия.

Министры, которые раньше были преданы королю и добросовестно доносили ему обо всем, теперь упорно молчали на советах, держа себя в высшей степени сдержанно, и едва отвечали на расспросы короля. Наконец это стало бросаться в глаза даже и недальновидному Гроляру.

— Плохо дело, плохо! — сказал однажды вечером Ланжале своему другу, когда они наконец остались одни.

— Да, неважно, мой добрый друг! — печально подтвердил Гроляр.

— А заметил ты, с каких пор дела пошли плохо?

— Право, не знаю...

— С тех пор, как этот проклятый англичанин вновь почувствовал себя хорошо. Ты меня не разубедишь, что всеми нашими теперешними неудачами мы обязаны исключительно ему!

— Неужели ты думаешь...

— Что он только к тому и стремится, чтобы занять твое место, тем более что, женившись на родственнице покойного короля, он получил право наследовать ему; ведь тот не оставил прямого наследника.

— Как можно предположить столько низости... столько предательства?!

— И это говоришь ты? Ты, бывший сыщик?! Ну и хорош же ты был сыщик после этого! Если ты до такой степени не знаешь людей, то могу тебя поздравить... Поспорим на что хочешь, что если нас не убьют раньше, то в самом недалеком будущем мы будем вынуждены: ты — прыгать на площади перед твоим дворцом, а я — аккомпанировать твоим трюкам на тромбоне.

— Ты сегодня не весел, можно сказать, — заметил король огорченным тоном.

Ланжале промолчал, продолжая нервно ходить взад и вперед по комнате. Он вошел уже во вкус власти, и глухая борьба, которую ему

теперь приходилось вести против происков англичанина из-за этой власти, раздражала его.

В последнее время он неустанно искал какое-нибудь средство восторжествовать над своим врагом.

Теперь борьба разворачивалась исключительно между Пауэллом и Ланжале, потому что Гроляр, раздраженный внутренними раздорами при дворе и утомленный всеми этими неудачами, перестал интересоваться чем бы то ни было, предоставив Ланжале заботу обо всем.

И вот в одно прекрасное утро Парижанин вбежал к нему сияющий и торжествующим тоном воскликнул:

— Я нашел! Наконец-то нашел!

— Что ты нашел? — спросил его, зевая, король.

— Я нашел средство победить и уничтожить нашего общего врага, средство восторжествовать над ним и вернуть все наше прежнее влияние и значение в стране!

— Ну, какое же это средство? Говори!

— Это средство — основать газету, которая бы разносила вести о наших намерениях в истинном, а не искаженном виде в самые скромные и дальние хижины твоего государства, газету, которая изо дня в день разоблачала бы клевету, распространяемую о нас нашими врагами, и тем самым уничтожала бы их злые замыслы в самом зародыше. Помни, что в народе всегда очень много здравого смысла; стоит только обратиться к нему, чтобы быть понятым.

— Ну что ж, создадим газету! — согласился Гроляр таким тоном, каким он, пожалуй, согласился бы теперь и рыбу удить, несмотря на то что никогда не мог терпеть этого занятия.

Радостный и торжествующий Ланжале созвал преданных ему рабочих, которые под его личным руководством могли выполнять какие угодно работы, и принялся вместе с ними выпиливать из сплава свинца и олова типографский шрифт и одновременно обучать часть из них наборному делу.

Первый номер этого официального органа готовился под величайшим секретом; но напрасно: в тот же день, когда он вышел в свет, появился и первый номер другого, оппозиционного, органа — газеты «Независимой», посвященной, главным образом, заботе об интересах самих мокиссов.

Последние слова были напечатаны под самым заголовком крупным и жирным шрифтом. Кроме того, печатался этот орган на прекрасной бумаге, превосходным шрифтом и по всем правилам европейского типографского искусства. Дело в том, что Томас Пауэлл, как член «Евангельского

Общества», заботясь о распространении евангельского учения среди дикарей, получил с французским судном, заходившим сюда, прекрасно оборудованную маленькую типографию и изрядное количество бумаги для издания библии на мокиссском языке. Узнав, благодаря чьей-то нескромности, о предстоящем появлении официальной газеты, англичанин предупредил Ланжале и его партию и задумал отразить удар тем же оружием.

Впрочем, Пауэлл был весьма дипломатичен, так как в первом номере своей газеты восхвалял все доблести и высокие качества обожаемого короля и благодарил великого Тэ-Атуа за ниспослание мокиссам такого редкого монарха, затем заявил, что его газета, являясь прямым дополнением официального органа, будет стоять на страже всех древних традиций мокиссов, от которых — увы! — многие явно уклоняются.

Все это произвело прекраснейшее впечатление на короля, но не могло обмануть чуткого и дальновидного Ланжале, который, однако, не стал разочаровывать короля, хотя сразу же понял, что сам дал врагу в руки такое оружие, которым тот легко может победить его.

И действительно, не прошло месяца, как «Независимая», не изменяя заметным образом тона, уже писала, однако, к великому огорчению и прискорбию всех подданных: «Король заметно худеет изо дня в день, вопреки исконной традиции мокиссов, которая требовала, чтобы король был жирнейший и тучнейший человек во всем племени и чтобы он непременно умирал от ожирения сердца или от спазматического несварения желудка. Кроме того, худоба нового государя является как бы насмешкой над чрезвычайной тучностью покойного его предшественника» и т. п.

После этого первого косвенного нападения на особу короля «Независимая» не переставала почти ежедневно твердить то же самое на разные лады. Приводились даже, для большей убедительности, подробные меню высочайших завтраков и обедов прежних королей, которые сравнивались с настоящим меню.

Так, например, великий Ла-Ла-Иту, ставший легендарным героем своего народа, ежедневно уничтожал за завтраком семьдесят яиц всмятку, двадцать четыре свиные котлеты, полдюжины цыплят, корзину креветок или устриц, десять фунтов отварного риса, двух индюшат и двадцать фунтов печенных в золе бананов — и это были сущие пустяки по сравнению с обедом.

Нынешний же король кушал так мало, что едва ли можно даже говорить об этом после того, что было сказано выше: каких-нибудь два

яйца, одну котлетку и штуки две-три бананов. Ведь это же совершенный позор для народа! И еще если бы при таком режиме король толстел, но он худеет не по дням, а по часам; он положительно тает, как кусок сала на огне. Такой порядок вещей положительно противоречит всем национальным традициям мокиссов и идет вразрез с требованиями доброго старого времени.

Еще пока не осмеливались явно называть короля пришельцем и чужеземцем, но до этого было уже недалеко, и тогда развенчанному королю несомненно грозила роль Велитария.

Одно неожиданное событие ускорило это постепенное развенчание короля и побудило «Независимую» принять явно враждебный монарху тон.

Революция. — Статья Тома Пауэлла. — Беглый революционер. — Отречение. — Новый король. — Фрегат. — Планы отъезда. — Парижский гаман.

В один прекрасный день в официальном органе был обнародован новый декрет короля, которым устанавливались различные налоги взамен уничтоженного права Палицы для всех, кто пользовался этим правом. Этот декрет произвел действие искры, упавшей в кучу пороха, и Том Пауэлл открыто выступил на этот раз против короля, приняв тон явной и непримиримой оппозиции. Впрочем, такая мера со стороны правительства, естественно, должна была взволновать все классы населения, издавна привыкшие к такому виду налога, который всей тяжестью своей ложился на одних производителей.

«Как быть? Чем жить? — спрашивали себя должностные лица. — Чем мы будем кормиться, если нас лишают права Палицы? Правительство будет отпускать нам определенное количество плодов, бананов, овощей, рыбы и мяса, но при столь тощем короле можно ли рассчитывать на большой избыток провианта, особенно в сравнении с прежней системой, когда каждому должностному лицу предоставлялось право брать все что хочешь и сколько хочешь; теперь же придется довольствоваться тем, что дадут».

На основании всех этих рассуждений была составлена петиция за подписью всех пользовавшихся правом Палицы и даже тех, для кого это право было явно убыточно. В этой петиции хотя и очень почтительно, но тем не менее весьма настойчиво требовалась отмена этого постановления из уважения к исконным обычаям страны и издавна утвердившимся привилегиям известного класса.

В тот же день Том Пауэлл заявил в своей газете, что если столь обидное для всех мокиссов постановление не будет отменено, то это дает право всему народу восстать против монарха, не желающего считаться ни с национальными традициями своего народа, ни с его привычками и обычаями.

«А что касается лично меня, — писал он, — то, став мокиссом по своей доброй воле, взяв себе жену из этого племени, я клянусь встать во главе движения, которое, как я предвижу, — увы! — неизбежно, и помочь вам изгнать чужеземцев, после чего вы будете иметь возможность, дорогие мои соплеменники, избрать себе другого короля из потомков ваших

древних королей, среди которых вам не трудно будет найти достойного преемника покойному Ка-Ха-Туа VII!»

Пропустить безнаказанно подобную статью было, конечно совершенно невозможно — таково было мнение всего собравшегося совета, который, увидев Ланжале с револьвером за поясом единодушно решил принять самые строгие меры наказания виновного. По настоянию Ланжале Том Пауэлл был обвинен в государственной измене и должен был предстать перед военным судом.

Но когда явились его арестовать, Том Пауэлл, заблаговременно предупрежденный, успел уже бежать в горы. Это было как нельзя более на руку Ланжале, который теперь мог приговорить его к смерти, не имея при этом надобности приводить в исполнение приговор, что, в сущности, было ему весьма нежелательно. Бежавший же революционер был безопасен и не мог более мешать его планам и начинаниям.

Однако Гро-Ляр I был уязвлен всем происшедшим до глубины души; эти явные доказательства постоянного недовольства подданных его распоряжениями вселили в него отвращение к власти, и он решил отречься от короны в пользу Ланжале.

Последний встретил с радостью это предложение: ему хотелось испытать всю сладость власти, и хотя, в сущности, под флагом Гроляра он был почти абсолютным хозяином в государстве, но все же это не была явная самоличная власть, именно то полномостие, которое казалось ему столь заманчивым. Кроме того, ему всегда казалось, что Гроляр мешал ему вполне развернуться, сковывал, так сказать, его крылья, и без него он сумел бы задушить этот ропот и недовольство в самом зародыше.

Народ принял весть о перемене правителя с полным равнодушием и без особого удивления, — для него, в сущности, было все равно, кому из двух повиноваться, так как Ланжале и при Гро-Ляре I был таким же повелителем их судеб, как если бы он сам был королем. А так как предстоящие по случаю коронации нового монарха торжества, пиршества и увеселения были весьма желательными для народа, то он и приветствовал нового короля громкими криками радости и восторга.

Но в Книге Судеб было написано, что Ланжале не суждено занять места в истории народов и стать завоевателем и покровителем всего острова, как он мечтал.

Едва только окончились коронационные торжества, как молодой король был разбужен поутру громкими криками и шумом, заставившим его предположить, что во дворце и в народе вспыхнула революция. В тот момент, когда он, соскочив с постели в одной рубашке, схватился за

револьвер, в его комнату вошел Гроляр, сияющий, поющий и приплясывающий, как человек, внезапно помешавшийся.

— Что такое случилось? — спросил Ланжале, удивленный свыше всякой меры.

— Фрегат! Паровой фрегат пришел в наш залив! — радостно пояснил бывший сыщик.

— Фрегат, говоришь ты?

— Да, взгляни в окно своей спальни!

— В самом деле, фрегат! — сказал Ланжале, который в первый момент не мог скрыть своего разочарования и досады.

— Можно подумать, что ты недоволен, — заметил Гроляр, — а ведь это наше спасение! Это — конец нашего изгнания. Поверь у этих дикарей ты сделал бы не больше меня; никому не дано опережать время; мозги этих мокиссов не созрели еще для культуры; они не доросли еще до тех реформ, какие мы с тобой наметили для них. И не будучи в состоянии поднять и возвысить их до себя, мы вынуждены были бы спуститься до их уровня. Том Пауэлл это отлично понял и потому сам сделался мокиссом создал себе мокисскую семью и решил жить среди них как один из них до тех пор, пока ему не представится случай отправить в Англию образцы местных природных богатств и предложить своему правительству завладеть этим островом.

Будь уверен, что в данном случае мы имели дело с одним из тысячи подобных ему агентов английского правительства, полумиссионерских, полуполитических, преследующих одновременно обе цели и рассеянных по всему лицу земли с целью подготовить присоединение новых колоний к британской короне.

— Весьма возможно, что ты прав, и, быть может, этот фрегат... Ах, если бы я мог быть в этом уверен, славную бы я сыграл с ними шутку!

— Ты скоро будешь иметь возможность убедиться, насколько вероятны твои предположения! Вот они спустили шлюпку и направляются к берегу; в ней сидит офицер в полной форме, а на корме поднят белый флаг, который всегда и везде означает миролюбивые намерения. Очевидно, они хотят испросить аудиенции у короля!

— Весьма вероятно». В таком случае предоставь мне их принять! Я приму их так, что у нас будет повод посмеяться, а у них навсегда останется в памяти воспоминание о здешних дикарях!

— Только, Бога ради, не лишай нас возможности уехать отсюда! — взмолился Гроляр. — Надеюсь, ты даже вопреки принятым тобой обязательствам не пожелаешь остаться здесь после моего отъезда.

— Не бойся ничего, я прекрасно знаю свои обязательства! Я хочу просто немного позабавиться: ты увидишь, что мы уедем отсюда с царским почетом и возвратимся во Францию или куда нам будет угодно (это будет зависеть от известий, которые мы получим в первой цивилизованной стране). Но вместо того чтобы уехать отсюда жалкими, потерпевшими крушение, безмянными пассажирами, которых бесплатно водворяют на родину, мы сделаем так, чтобы с нами во все время пути обращались как с царственными особами, с полным почетом, подобающим монархам.

— Что же ты задумал сделать?

— У меня есть свой план!

— Но какой, в чем он состоит?

— Позволь мне не говорить этого, пусть это будет для тебя сюрпризом. Впрочем, и самый план мой еще не вполне созрел; дай мне время хорошенько обдумать его.

— Ты, наверное, выкинешь какое-нибудь безумие!

— Не беспокойся, можешь на меня положиться; все мои мечты рассеялись в прах с того момента, как я увидел это судно... Теперь меня ужасно интересуется, какой стране оно принадлежит...

— А вот смотри! Видишь, на шлюпке подняли флаг... Это английский!

— Тем лучше! — сказал Ланжале, и на губах его мелькнула насмешливая улыбка, всегда означавшая, что он задумал шутку в духе парижских гаменов, все особенности и способности которых так глубоко укоренились в Ланжале, что он никогда не мог вполне отрешиться от них.

Не получая никакого специального образования, дитя Парижа, дитя улицы постоянно сталкивается со всеми сторонами многообразной жизни больших городов; оно ловит на лету все, что поражает его слух и внимание, останавливается перед витринами книжных магазинов, перед выставками эстампов и старых гравюр, слышит чужие шутки и остроты, вглядывается в забавные карикатурные рисунки, втирается в вестибюли театров с афишами, которые он навязывает посетителям, пробирается на сцену с пудрой, шпильками и сигарами для забывчивых артистов и артисток, охотно исполняет для них всякие поручения и становится тут, как и везде, своим человеком. В целом Париже нет ничего такого, чего бы этот гражданин мировой столицы, этот парижский гамен не повидал хоть раз. Он все видел, все слышал, все знает, он ко всему относится добродушно-презрительно и добродушно-насмешливо; он побывал и на заседаниях ученых обществ, и в сотнях кинематографов, и на уличных представлениях, равно как и на симфонических концертах величайших виртуозов. И из всей этой смеси самых разнообразных впечатлений

складывается его мировоззрение, его оригинальная речь, своеобразный склад ума.

Этот уличный тип Парижа, без всякого серьезного образования, нередко удивляет вас своими многосторонними познаниями во всех областях жизни, поражает вас чуткостью и тонкой деликатностью своих чувств. Словом, он является как бы конгломератом всего того лучшего и худшего, что заключается в умах, в сердцах и в проявлениях многотысячной, разнокалиберной толпы большого города, и путем особого рода атавизма улицы наследует и воспринимает все, чем живет и чем обладает эта уличная толпа, все это население большого города, эта французская толпа, о которой было сказано, что она умнее самого Вольтера.

Впоследствии такой парижской гамен, в какие бы условия он ни был поставлен жизнью, вечно останется тем, что называется *истый парижанин*.

Урок. — Ряженые. — Пассажиры «Виктории». — Наряд Ланжале. — Посещение короля мокиссов. — Королевская аудиенция.

Все вышесказанное было необходимо для того, чтобы та шутка, которую намеревался разыграть Ланжале, не показалась выше способностей Парижанина. Правда, и легкоеверие, с каким английские гости поддались обману, в значительной степени усилило конец этой сцены.

Заручившись обещанием Гроляра беспрекословно подчиняться ему во всем, Ланжале первым делом заявил своему приятелю, что желает разговаривать со своими гостями не иначе как через переводчика, и таковым должен ему служить Гроляр, который должен был говорить с английскими офицерами на своем родном языке, который все моряки прекрасно знают.

Чтобы объяснить европейцам свое знакомство с французским языком, Гроляр должен рассказать, что свое детство и молодость он провел в Пондишери, а затем, соскучившись по своему родному острову, добрался опять сюда после долгого скитания по разным островам архипелага.

Запомнить это было нетрудно, но теперь следовало преобразиться в настоящего дикаря, и Ланжале подал пример своему приятелю, который сначала не решался подвергнуться этой процедуре, необходимой для успеха задуманного Парижанином плана.

Церемониймейстер призвал королевских татуировщиков и приказал им разукрасить короля и его друга по образцу древних королей мокиссов, когда они снаряжались для войны, заменив только настоящую татуировку соответствующим рисунком, исполненным живописью.

Первым делом они приступили к разрисовыванию Гроляра, которому следовало торопиться, так как он должен был встретить офицера, находившегося на шлюпке. Королевские татуировщики начали с того, что покрыли Гроляру лицо, шею, руки и ноги, часть груди и спины легким слоем раствора шафрана, создающего полную иллюзию естественной окраски туземцев, и на этом светло-бронзовом фоне изобразили яркой густой черной краской (чрезвычайно блестящей и с примесью сильного сиккатива, благодаря чему краска тотчас же высыхала, едва ее успевали наложить) красивые рисунки простой и скромной татуировки, которая должна была отличать родственника и переводчика короля от августейшей особы самого правителя.

Едва только «наряд» Гроляра был закончен, как английский офицер, в сопровождении восьми человек матросов, вооруженных с головы до ног, с развевающимся белым флагом, явился ко дворцу, желая быть допущенным к королю.

— Поди, друг мой, и переговори с этим Джоном Буллем! — сказал Ланжале, предоставляя себя, в свою очередь, в распоряжение татуировщиков. — Смотри, не выходи из своей роли, помни твердо, что я тебе сказал! — добавил Парижанин наставительно.

Гроляр, облаченный ради этого торжества в длинную тунику туземного покроя одного из ярких цветов и сопровождаемый несколькими придворными, вышел под аджупу, где ожидал английский офицер со своей свитой.

— Привет белому человеку от имени короля, моего повелителя, — сказал он по-французски. — Чего желаешь ты, белый человек, прибывший на наш остров со знаменем мира и доброжелательства?

Для начала это было неплохо. Но он мог бы еще долго говорить в том же тоне, не дождавшись ответа: до того англичанин был поражен, услышав из уст этого дикаря чистую французскую речь

— Белый человек, — продолжал Гроляр, — я вижу, удивлен, что перед ним стоит темный человек и говорит на его родном языке!

Гроляр умышленно сделал вид, будто он не знает различия между отдельными народами Европы.

После такого вступления он одним махом передал англичанину историю, придуманную для этого случая Ланжале, которая была принята без малейших возражений. Английский офицер был, во всяком случае, весьма рад, что имеет возможность объясниться на европейском общедоступном языке, а не одними только знаками.

— Командир этого большого судна, которое ты видишь там, послал меня засвидетельствовать твоему королю его почтение и принести ему привет! — сказал офицер, ответив на поклон Гроляра.

— Король, мой милостивый господин и повелитель, также приказал мне выслушать твои приветственные речи, поручить тебе передать твоему командиру его наилучшие пожелания и сообщить, что Его Величество король готов принять его на торжественной аудиенции сегодня ровно в полдень, со всей его свитой!

— Не могу ли я раньше быть представлен Его Величеству? — спросил офицер.

— Что же, ты думаешь, что великого Императора мокиссов может так запросто видеть каждый, кто пожелает, — ответил Гроляр с заметным

неудовольствием, — ты будешь представлен королю твоим командиром, если твой чин достаточно велик, чтобы ты мог удостоиться такой великой чести!

Офицер прикусил губу, получив такой урок, но счел за лучшее не поднимать этого вопроса из опасения заслужить упрек своего начальства.

— А от имени кого должен я буду передать моему командиру сказанные мне тобой слова? — спросил он Гроляра, жалея узнать, с кем он имеет честь говорить.

— Ты ему скажешь, что с тобой говорило второе лицо в государстве — первый министр и дядя короля!

— Слушаю, Ваше Высокопревосходительство, — ответил офицер с оттенком особой почтительности, вызванной чувством собственного достоинства, с каким говорил с ним его темнокожий собеседник, — я в точности передам все моему командиру. А Его Величество также говорит по-французски?

— Нет, мой царственный племянник говорит только на своем родном мокиссском языке. Но я буду служить ему переводчиком!

После этих слов офицеру оставалось только откланяться и вернуться на свое родное судно, где его рассказ возбудил всеобщее удивление и любопытство.

Фрегат «Виктория», под командой капитана Брауна, совершал свое плавание со специальной научной целью, то есть был, в сущности, в распоряжении научной экспедиции. Поэтому на нем находились ученые представители всех естественных наук и члены Лондонского Королевского Общества. Кроме того, здесь были еще один известный художник, два фотографа и несколько ученых специалистов: механиков, инженеров, геологов и минералогов, не считая доктора Даниэля Патерсона, который был выдающимся этнографом в самом широком смысле этого слова. Все эти господа заранее радовались случаю почерпнуть самые интересные сведения в незнакомой и неизвестной еще стране, где они имели счастье найти переводчика, свободно говорящего на языке, более или менее знакомом каждому из них.

Уступая всеобщему желанию, командир согласился взять с собой не только офицеров своего судна, но и десяток молодых гардемарин. Командир ничего не имел против того, чтобы поразить дикарей многочисленностью своей блестящей свиты, затянутой в новенькие мундиры, расшитые золотом, так как, согласно его распоряжению, все должны были быть в полной парадной форме. Сорок человек матросов, со штыками на ружьях, должны были сопровождать это громадное шествие;

спущен был командирский вельбот и две китобойки, которые едва вместили всех желающих съехать на берег и удостоиться чести быть представленными королю мокиссов.

За полчаса до полудня лодки отчалили, чтобы прибыть к назначенному времени ко дворцу.

Между тем Ланжале не бездействовал. Его красивое с правильными чертами лицо, покрытое бронзовой краской, разукрашенное художественными рисунками, было особенно интересно и привлекательно; волосы, зачесанные вверх и связанные одним большим пучком на макушке, были расцвечены перьями разной величины, со вкусом подобранными и расположенными наподобие короны или тиары.

Вместо одеяния он воспользовался куском дорогой великолепной ткани, которую нашел в унаследованных им сокровищах предшественника Гроляра, а вокруг стана обвил широкий пояс из тончайшей ярко-красной ткани, за который засунул свой револьвер и длинный нож с изогнутым лезвием.

В этом костюме, который шел ему как нельзя лучше и которому его манера и осанка придавали чрезвычайную грацию, он производил самое величественное и внушительное впечатление.

Все его министры были в своих лучших праздничных одеждах; две тысячи человек войска, вооруженных копьями, выстроившись в строгом порядке по обе стороны площади перед дворцом, производили также весьма внушительное впечатление.

Все были на своих местах, когда прибыли чужеземные гости. На обширной площади перед дворцом был приготовлен на возвышении трон, пока еще незанятый, но король мокиссов не заставил долго себя ждать. Торжественный марш, превосходно сыгранный на тромбоне, раздался из покоев дворца, предвещая выход короля, и едва последние звуки его смолкли, как в дверях появился молодой король в сопровождении своего дядюшки, министров, начальника своей гвардии и многочисленной свиты придворных.

При его появлении громкие крики приветствия огласили воздух — это была собравшаяся на площади за шпалерами войск толпа туземцев, которые так громко и так радостно приветствовали своего короля. И в то время как Ланжале торжественно и с большим достоинством направлялся к своему трону, войско отдавало ему честь своими копьями, отвечая на его милостивый знак громким и раскатистым криком: «Да здравствует наш король!»

По приказу своего командира английские моряки также прокричали с

бешеным энтузиазмом троекратное «ура!», как они всегда это делают при посещении кем-нибудь из высочайших особ их судна. Ланжале отвечал приветливой улыбкой, полной величественности и благосклонности в одно и то же время.

Дойдя до своего трона, он взшел на две ступени возвышения и сел, имея по правую руку от себя Гроляра, а по левую — своего обер-церемониймейстера.

Встреча началась.

Первым подошел командир фрегата капитан Браун и, преклонив слегка колено, громко и отчетливо произнес следующие слова:

— Я, Джордж Браун, по воле моей всемилостивейшей королевы Виктории командир фрегата ее имени, имею честь принести Вашему Величеству мои почтительнейшие приветствия от имени моей повелительницы и моего!

На это Ланжале привстал, пожал руку командиру фрегата и стал ожидать, чтобы ему перевели его слова, — что Гроляр сделал подбором самых невероятных слогов без малейшего значения и смысла, в которых и сам он не мог разобраться. Выждав, когда он кончил, Ланжале ответил:

— Благодарю командира этого превосходного судна белых людей за приветствия, принесенные мне от имени его королевы и его собственного, и, со своей стороны, прошу принести и мои приветствия королеве Виктории и мои искренние пожелания ей счастья и удачи во всем.

Представления. — Королевский этикет. — Рассуждение доктора Патерсона. — Разумный и мудрый ответ. — Космогония. — Добро и зло.

Наш парижанин, хотя и владел собой превосходно, но чуть было не разразился смехом, когда Гроляр стал лепетать бессмысленные слоги, не походившие решительно ни на какое человеческое наречие; чтобы вразумить его и напомнить ему, что в их распоряжении самым естественным образом находится настоящий язык мокиссов, которого эти иностранцы не понимают, он сам отвечал ему по-мокиссски.

Это явилось как бы откровением для Гроляра, который чуть было не погубил всего своей растерянностью, так как вторичное бормотание тех же бессмысленных слогов, в которых он сам терялся и путался, наверное обратило бы на себя внимание англичан.

После того как Гроляр в точности передал по-французски слова короля, командир «Виктории» попросил разрешения короля представить ему своих офицеров и членов научной экспедиции, на что и последовало немедленное разрешение.

Не устаивая офицеров пожатием руки, как бы желая отметить этим разницу положения между ними и командиром, Ланжале каждому из них ласково улыбался и говорил пару приветливых и любезных слов.

Когда пришла очередь ученых, то Ланжале снова стал подавать им руку, как бы желая подчеркнуть этим, что люди науки в его глазах стоят не ниже командира судна, и, в сущности, он даже с европейской точки зрения был прав, так как все эти господа обедали с командиром и стояли на равной ноге с ним. Но кто мог предполагать, что этому королю дикарей могут быть известны или понятны подобные тонкости?

Это возбуждало в европейцах всеобщее удивление и недоумение. Все ожидали, как отнесется король к двум фотографам, очередь которых быть представленными была уже недалека.

Перед ними подошел к королю художник, человек, имеющий громкое имя и пользующийся широкой известностью в Англии, и король милостиво протянул ему руку, как и другим, ученым и специалистам. Непосредственно за ним подошли один за другим оба фотографа; король благосклонно и ласково улыбнулся им и даже наклонил голову в ответ на их поклоны, но не протянул им руки.

— Это нечто невероятное! — не мог не воскликнуть командир,

обращаясь к доктору Патерсону. — Где мог этот дикарь почерпнуть подобное тонкое понимание различий? Это, конечно, чисто инстинктивное понимание, так как видит он нас в первый раз, но чтобы не ошибиться, ему нужна была удивительно тонкая наблюдательность и знание людей!

— Да, в особенности последнее, — согласился доктор Патерсон. — Положим, эти дикари вообще привыкли к строжайшему порядку и строгой иерархии; кроме того, выражение лиц как у дикарей, так и у людей культурных одни и те же; таким образом, привычка повелевать или повиноваться сказывается в чертах человека как дикого, так и культурного, хотя у дикарей эта разница резче и заметнее. Взгляните хотя бы в этот момент на нашего знаменитого живописца Беннигстона и на лица наших двух фотографов; ведь разница в выражении этих лиц просто бьет в глаза. Итак, дикарь прекрасно улавливает эту разницу в выражении лиц — спокойная самоуверенность, чувство собственного достоинства у одних и тревожная, заискивающая любезность у других, желающих угодить и понравиться каждому.

Во время этого обмена мыслями представление королю закончилось. Тогда молодой король приказал принести кресло командиру и пригласил его сесть рядом с собой, после чего и началась настоящая аудиенция.

Браун начал с того, что объяснил королю в нескольких словах задачи ученой экспедиции, в распоряжение которой предоставлено судно, затем просил Его Величество сообразоваться указать им наиболее образованного и сведущего из своих приближенных, который помог бы выяснить и растолковать ученым некоторые интересующие их вопросы.

— Я сам буду отвечать на их расспросы, — сказал король, — потому что каждый из моих подданных знает только то, что необходимо для исполнения возложенных на него обязанностей, унаследованных им от его отца, а я один все знаю, потому что я король и должен все знать, чтобы все видеть, всеми управлять и стоять на страже наших исконных обычаев, чтобы они не изменялись, наших верований и преданий, чтобы они не забывались и не нарушались, и наших законов, чтобы они соблюдались.

— Превосходный и разумный ответ! — пробормотал восхищенный доктор.

— Сама мудрость и логика! — согласился с ним ученый Джереми Паддингтон. — Сколько европейских монархов могли бы показаться дикарями и невеждами в сравнении с этим дикарем!

— Теперь я полагаю, господа, — обратился Браун к своим ученым друзьям, — что не безынтересно было бы узнать мнение любезного монарха относительно происхождения мира, на что все единогласно

согласились, и доктор, как этнограф, пожелал сам задать этот вопрос королю.

Собравшись с мыслями, почтенный доктор предложил свой вопрос через того же Гроляра, продолжавшего служить переводчиком, в такой форме:

— Будьте добры, попросите Его Величество ознакомить нас с преданиями и традициями мокиссов относительно происхождения всего, что мы видим и что существует в мире: земли, неба, солнца, звезд, животных и людей.

«Превосходно, — подумал Ланжале, — сейчас мы немножко позабавимся!» — И он начал следующий им самим измышленный рассказ, который Гроляр дословно переводил присутствующим.

— Вот что говорят наши старые предания о происхождении мира, — предания тем более достоверные, что они непрерывно передавались из уст в уста, начиная от первого человека, жившего на земле, и до наших дней.

Вначале не было ровно ничего, кроме громадного, беспредельного пространства, среди которого носился Великий Дух Тэ-Атуа, имя которого означает «Тот, Кто Совершенно Один». Когда прошли тысячи и миллионы лет, Тэ-Атуа стал скучать в своем одиночестве и решил создать себе семью. Для этого он женился на своей «мысли», которой дал тело, созданное из его собственного, и которую назвал Че-На, то есть «Созданная Первой».

У них родился сын, который был назван Оро-Ату-Ина, то есть рожденный от Ату, Единого существовавшего, и Ины, верховной Божественной мысли.

Когда Оро-Ату-Ина был ребенком, отец дал ему два шара для игры, один золотой, другой серебряный. Но они скатились у ребенка в пространство и стали золотой шар — солнцем, а серебряный — луной. А Оро-Ату-Ина, когда вырос, создал землю, на которой живут люди, для того, чтобы у него было свое царство, и, создав ее, заставил солнце светить на землю днем, а луну — ночью.

— Удивительно! Невероятно! Поразительно! — шептали ученые

— Ну а звезды? — спросил кто-то.

— Звезды произошли в момент раздражения маленького бога Оро-Ату-Ина, когда тот, будучи ребенком, играл с тачкой золотого песка и, чем-то рассерженный, опрокинул ногой эту тачку. Блестящий золотой песок рассыпался тогда по небу, и каждая песчинка заблестела на небе. Оро приказал им остаться на своих местах и украшать небо в ночную пору. И так как каждая эта песчинка во много раз больше нашей земли, то люди хорошие, справедливые, честные и добрые переселяются на звезды после

своей смерти и обитают там в мире и блаженстве.

— Ну, а куда же идут люди злые и дурные? — спросил доктор, едва сдерживая свой восторг.

— Злые и дурные люди, то есть их души, носятся в пространстве без приюта и успокоения и выжидают, когда должен родиться в мире ребенок, чтобы вселиться в него и, воплотившись в нем, пережить жизнь сначала, очиститься от своих злых дел, загладить и искупить их лучшей жизнью и заслужить право переселиться в блаженные жилища золотых песков.

— Вот это философия! Право, она не хуже всякой другой! — воскликнул восхищенный доктор. — Я не ожидал услышать здесь ничего подобного.

— С того времени, — продолжал король, — добро и зло властвуют на земле; дурные помыслы и дурные поступки внушают нам бесприютные души, тогда как благие мысли и хорошие поступки нам внушают добрые души, переселившиеся в обители золотых песчинок!

— После этого, господа, нам остается спросить себя, дикари ли эти люди? — воскликнул Патерсон и развел руками от удивления.

Мокиксы. — Действие апельсинового вина. — Мнение его преподобия. — Людоедство. — Теща на жаркое. — Человеческое мясо. — Благая мысль. — Благодеяния мира.

Действительно, все слушали с удивлением эту красивую легенду, представляющую собой как бы смесь различных мифов человечества. — Ведь это произведет настоящую революцию в нашем Этнографическом Обществе, — сказал Патерсон, дословно записавший в свою записную книжку каждое слово Ланжале.

Затем пришла очередь членов Исторического Общества и Лондонской Академии Наук, которые обратились к королю с просьбой сообщить им кое-что из истории народа мокиксов.

— Собственно говоря, история моих предшественников является повторением одного и того же, как и жизнь одного человека повторяет собой жизнь другого, — начал находчивый Ланжале. — По крайней мере, это так по отношению к мокиксам.

— Это король-философ! — заметил своему соседу член философско-нравственного отдела академии.

— Это невероятно! Поразительно! — бормотал Иеремия Паддингтон. — Ах, если бы я мог представить подобного субъекта в Королевское Общество, какой бы это был грандиозный эффект!

Между тем Ланжале самым невозмутимым тоном продолжал:

— Происхождение народа мокиксов теряется в тумане времени, и имена царей первой династии канули в реку забвения. Что касается земных насаждений, то все предания согласуются в одном. Они гласят, что посланец Оро — Ро-Ко-Ко, упавший вместе с дождем на землю в одну темную ночь, научил мокиксов сажать бананы и изготавливать апельсиновое вино. В тот день, когда первое вино было готово, он выпил его так много, что опьянел и стал говорить глупости мокикским женщинам. Такова была, конечно, Божественная воля, которая таким образом показала людям, что не следует злоупотреблять этим вкусным вином. Тогда часть населения этого острова стала смеяться над пресветлым Ро-Ко-Ко, но другие увели его в уединенную хижину и уложили в постель, напоив чаем и настойкой из апельсинового цвета, от чего этот полубог вскоре отрезвел и, вспомнив насмешки, пришел в бешенство. Разгневанный бог призвал на наш остров море, волны которого, покрыв землю, уничтожили почти всех злых людей,

издевавшихся над ним; те же, кто не были сами по себе злыми и дурными, а только последовали примеру дурных людей, понесли наказание, но не столь жестокое: Ро-Ко-Ко протянул над ними руку, и они тотчас же изменили цвет кожи: одни стали белыми, другие желтыми, третьи — черными, четвертые — красными, а могучий порыв ветра подхватил их и разнес по разным концам земли. Те же из людей, которые выказали свою доброту и сострадание к полубогу, сохранили этот свой естественный цвет кожи, золотистый и приятный, каким обладал и первый человек, живший на земле, то есть первый мокисс, прародитель всего человеческого племени!

Можно себе представить, каково было восхищение и недоумение всех присутствующих, когда они слушали этот удивительный рассказ короля.

— Господа, — сказал наконец его преподобие Джосайя Ховард, священник, состоявший при экипаже «Виктории», — это доказывает вам с полной очевидностью, насколько точны наши библейские предания. Очевидно, этот остров служил местопребыванием кого-нибудь из ближайших потомков Ноя, который и передал это предание своим сынам и внукам.

Все без исключения согласились с мнением его преподобия, а Ланжале продолжал свой рассказ, стараясь всеми силами сохранить полную серьезность.

— Как я уже говорил, имена первых наших королей неизвестны, но мы знаем, что у них было в обычае поедать друг друга, чтобы завладеть властью. Сыновья поедали своих отцов, чтобы власть не ушла из их рук, затем поедали один другого, чтобы не иметь соперников; вскоре более родовитые стали следовать их примеру, а за ними и весь народ. От этого, конечно, народ мокиссов стал быстро убывать. Дело ведь доходило до того, что мокиссы стали поедать друг друга даже в своей семье, так что, например, приглашали соседа или приятеля полакомиться новорожденным, своим последним отпрыском, маленьким грудным ребеночком, вскормленным одним молоком, а гость отвечал на эту любезность приглашением, в свою очередь, отведать окорока его тещи.

Гроляр чуть не прыснул со смеха, переводя последние слова короля. Будь на месте этих господ французские офицеры и даже французские ученые, этот взрыв хохота был бы встречен дружным смехом, — и все сразу бы поняли, что этот милый дикарь просто подшутил на ними. На этом шутки бы окончились, а Ланжале стали бы поздравлять с его удачной выдумкой и веселой комедией, так хорошо разыгранной. Но англичане — дело другое: они могли вломиться в амбицию, мог произойти скандал; к

счастью, все обошлось благополучно.

— Бедная женщина, — прошептал Джереми Паддингтон, подумав при этом о вдовствующей матушке своей жены и представив себе, что, быть может, и ее постигла бы та же участь, если бы она не имела счастья родиться в туманной Англии; и он невольно содрогнулся.

Ланжале, уловивший это движение, приписал его чувству самосохранения и поспешил успокоить гостя.

— Не беспокойтесь, — сказал он, — ни за себя, ни за кого бы то ни было из ваших товарищей; мы давно уже не едим ни родственников, ни друзей, ни гостей; эта участь предназначается исключительно только нашим врагам, павшим на поле битвы!

— Почему же, — позволил себе спросить Паддингтон, — вы не щадите тел ваших павших врагов, павших, как доблестные воины, в честном бою?

— Почему же давать пропадать даром такому громадному количеству превосходнейшего мяса? — с неподражаемой серьезностью возразил Ланжале.

При этом ответе все невольно переглянулись.

— Ах, господа! — воскликнул доктор Патерсон. — На это, действительно, ничего нельзя возразить; это абсолютный, чистый утилитаризм. Эти люди уже не убивают более себе подобных, чтобы поедать их, но съедают своих умерших врагов, употребляя с пользой это вкусное нежное мясо, которое иначе досталось бы в добычу воронам, шакалам. Он по-своему прав, и вы никогда не переубедите его. Кроме того, у него есть еще то оправдание, что в случае, если он падет в сражении, то будет точно так же съеден своим врагом; это, в сущности, высшая справедливость и ничего более.

— И вы оправдываете его, доктор? — с упреком заметил его преподабие.

— Нет, не оправдываю, а только объясняю его точку зрения. В сущности, какая разница между человеческим мясом и мясом другого животного? Главная основа та же, с точки зрения науки!

— Ах, эти доктора, с их неисправимым материализмом! — воскликнул его преподабие.

— Что ни говори, он чрезвычайно интересуется меня, этот король; вот если бы мы могли увезти его в Лондон!

Ланжале уже второй раз слышал этот желанный возглас и внутренне поздравлял себя с успехом своей комедии. Он поспешил поделиться своей мыслью с Гроляром.

— Вот тебе и весь мой план заставить этих англичан увезти нас с собой, как бы против нашей воли, заставить во все время пути нянчиться с нами и ухаживать как за почетными гостями! Понял теперь? — спросил он его по-мокиссски.

Гроляр утвердительно и почтительно наклонил голову, отдавая должное изобретательности своего друга.

Однако пора было прекратить этот частный разговор, так как и остальные ученые с нетерпением ждали своей очереди предложить свои вопросы королю дикарей.

— Вот, — продолжал Ланжале, — теперь мне остается уже немного сказать вам об истории мокиссов! После бесконечного числа войн, за которыми всегда следовали невероятно обильные пиршества, мокиссы в конце концов съели все соседние племена, одно за другим, так что из всех прежних соседей у них остались только одни атара, самое многочисленное и самое могущественное племя. В течение многих столетий они воевали друг с другом, оспаривая превосходство, но все напрасно; сколько они ни поедали друг друга, все не могли решить спорного вопроса, какой из двух народов сильнее и могущественнее, и вот, всего несколько месяцев тому назад, эти атара поднялись всем племенем и напали на мокиссов, чтобы разом и навсегда покончить со своими исконными врагами. Мокиссы ответили тем же, и на этот раз победа осталась за ними, — победа столь решительная, что в живых не осталось ни единого атара. Мертвых было так много, что после того, как весь наш народ в течение восьми дней наедался до отвала свежим мясом, их оставалось еще столько, что мясо это пришлось засаливать; да и этого соленого мяса оказалось такое обилие, что его едва только несколько дней тому назад прикончила

— А теперь, — сказал в заключение Ланжале, — когда у нас не осталось больше врагов, мы навсегда простимся с войной — этим бичом народов, и я буду стремиться направить все силы своего народа на земледелие, торговлю и производство. Я хочу, чтобы отныне у нас не было истории и чтобы мои подданные были просто счастливы, и ничего более!

Абсолютный монарх. — Теория правления. — Роль министров. — Нечто новое. — Упражнения первого министра. — Королевские увеселения.

После этого заключения, удивившего слушателей Ланжале не менее, чем весь его рассказ, молодой король, довольный произведенным на его гостей впечатлением своей речи, обвел почтенное собрание долгим спокойным взглядом. — Превосходно говорил! — кричал доктор, усиленно жестикулируя, — полно глубокого смысла и своеобразной философии! Его необходимо показать нашей медицинской коллегии; никто в Лондоне никогда не видал ничего подобного!

На просьбу изложить основы его правления Ланжале так же, не задумываясь, принялся совершенно серьезно отвечать на отдельные вопросы, предлагаемые ему, временами делая вид, что он не совсем понимает, что у него спрашивают.

— Что вы называете основами? — спросил он.

— Основы — это то незыблемое и признанное на опыте безусловно правильным, чем руководствуетесь вы в ваших действиях по отношению к вашим подданным! — пояснил политик-моралист.

— Есть только одна такая незыблемая и безусловно правильная основа, — сказал Ланжале, — это моя воля!

— А почему?

— Потому что над ней не стоит никакой высшей воли, которая могла бы доказать ее неправильность или поколебать, или сломить ее. Так, например, если я скажу «это хорошо», а кто-нибудь осмелится сказать «нет, дурно!» — я прикажу отсечь ему голову, и мое слово все-таки останется незыблемо, и никто другой не посмеет сказать мне «нет!»

— Поразительно логично! — воскликнул доктор.

— Пусть только один мокисс получит право противиться моей воле, и тотчас пять, десять, двадцать, сто мокиссов также сочтут себя вправе противиться мне и заявлять свою волю, тогда будет столько же воли, сколько у меня подданных, и столько же королей, сколько голов. Но тогда подданные прежде всего пожрали бы меня, а потом стали бы пожирать друг друга! Напротив, когда на свете только одна воля — она священна для всех, и все повинуются ей; моя воля препятствует сильным поедать слабых, а старшим обижать младших, — и это очень важно, потому что сильные и

знатные всегда будут стоять за короля, от которого они получают свою силу и могущество, а восстанавливая против себя слабых и малых, которых несравненно больше, я лишаю себя главной опоры своей власти: ведь слабые и малые представляют большинство, главную массу, с которой все большие и сильные, взятые вместе, ничего не смогут сделать, если все малые и слабые встанут за одно.

— Ну, что вы на это скажете, милейший Джосайя?! — воскликнул доктор, подпрыгивая на месте от удовольствия. — Ну-ка, докажите ему, призвав на помощь все ваши теории правлений, что он не прав!

— Но, однако, у Вашего Величества есть министры! На что же они вам, если вы не признаете никакой другой воли, кроме вашей?

— Мои министры являются только простыми исполнителями моей воли и моих приказаний; их главная обязанность заключается в том, чтобы развлекать меня и поддерживать полное равновесие в моем самочувствии. Таким образом, моя воля, являющаяся единственным законом в государстве, никогда не вырождается в прихоть или каприз, если я всегда весел и спокоен духом. Нужно остерегаться королей, мрачных духом и озабоченных; я требую поэтому, чтобы меня постоянно увеселяли, и того, кто всего лучше умеет это делать, я и назначаю первым министром.

— Ну-ка, старина, — обратился он по-мокиски к Гроляру, — покажи нам твоё искусство, а главное — не ломайся, а то испортишь всё дело!

— Не думайте, прошу вас, благородные чужеземцы, что мой дядя сделан первым министром из-за родства со мной; нет, он с большим трудом достиг этого звания, а родственные узы, связующие нас, заставили меня относиться к нему ещё строже, чем к другому, чтобы не подать повода моим подданным думать, что я к нему пристрастен. Чтобы вы сами могли судить о его таланте, он сейчас позабавит вас своим искусством, — и это маленькое увеселение усилит наш аппетит к предстоящему пиру.

Англичане продолжали всерьёз принимать всё, что говорил молодой король, и с любопытством ожидали, что будет дальше.

— Не смущайся, друг мой, — обратился Ланжале по-мокиски к Гроляру, — ты же знаешь этих господ ученых, которые отправились к кругосветное плавание лишь для того, чтобы открыть что-нибудь новое там, где всё давно уже открыто, и которые готовы написать целый том в пятьсот страниц об этом продырявленном бульжнике или одной полуистлевшей кости. Мы показали им здесь столько нового, что, так сказать, парализовали их способность мыслить. Ну, начинай же! Помни, что на нас смотрят.

По знаку короля слуги притащили всё, что требовалось Для

упражнений Гроляра, а толпа мокиссов, привычная к такого рода зрелищам и жадная до них, обступила кругом всю площадь, образовав своего рода арену, на которой свободно мог упражняться их отставной король.

Бывший сыщик и бывший король на время удалился и, сменив свою длинную тунику на более приспособленный для предстоящих упражнений костюм, вскоре снова появился перед присутствующими.

Подойдя к королю, он склонил перед ним колено, отвесил низкий поклон и, подняв над головой свою палицу, принялся вращать ею в руке с такой головокружительной быстротой, что временами казалось, будто он с ног до головы окружен сетью, а временами как бы совершенно исчезал из виду; при этом он, постепенно отступая назад, вскоре очутился в центре круга.

Тогда, по новому знаку короля, слуги принесли две громадные корзины апельсинов и лимонов и поставили их на землю, а король, сойдя с трона, первый подал пример забавной игры, состоявшей в том, что он брал из корзины плоды и бросал их изо всей силы в круг, образованный вращающейся палицей, а Гроляр, поймав их палицей, откидывал их обратно к ногам короля, приглашавшего англичан принять участие в этой игре.

Так как всякий спорт чрезвычайно увлекает англичан, то, с разрешения своего начальства, не только офицеры, но и прочие вскоре приняли участие в игре. Но никто не мог сравниться в ловкости и проворстве с молодым королем. Эта удача, по-видимому, несказанно развеселила короля, который стал громко хохотать, продолжая игру все с большим увлечением. Мало-помалу его хохот становился истеричным и наконец перешел в настоящий припадок. Но слуги знали, как поступать в подобных случаях: они принялись растирать ему желудок, поколачивать по спине, растягивать ноги и руки, как бы для восстановления дыхания, после чего он вскоре пришел в себя, спокойно вернулся на свое место и, сев на свой трон, выпил две большие чашки кокосового молока. Он скоро повеселел и казался совершенно здоровым и бодрым.

Между тем на долю Гроляра выпало немало одобрений и шумных аплодисментов. Ободренный этим успехом, старый сыщик разошелся и продолжал перед собравшимися гостями все свои трюки.

По окончании представления Ланжале пригласил командира «Виктории» и его офицеров, а также всех, кто приехал с ним на берег, к своему столу, желая угостить их в туземном вкусе.

XXVII

Свидание. — Прикованный к земле. — Исключительный случай. — Просьба. — Желанное предложение. — Затруднительные размышления. — Официальное приглашение. — Еще одно возражение.

Все случилось именно так, как ожидал и рассчитывал Ланжале: доктор, которому положительно не терпелось увезти этого удивительного дикаря в Лондон, сообщил о своем желании командиру «Виктории» и встретил поддержку как с его стороны, так и со стороны решительно всех членов ученой экспедиции, после чего он решил воспользоваться первой удобной минутой, чтобы заговорить об этом с королем.

— Не будет ли Ваше Величество так милостиво, чтобы осчастливить меня несколькими минутами конфиденциального разговора? — спросил он через Гроляра.

Король, извинившись перед гостями, пригласил Патерсона последовать за ним во дворец.

— Сир, — начал доктор, — позвольте мне выразить вам от моего имени и от имени всех нас по отношению к вашей августейшей особе.

— Продолжайте, я охотно принимаю ваши слова и могу при этом добавить, что и я, со своей стороны, также имею к вам просьбу, но с ней после!

— Я не осмелюсь изложить Вашему Величеству нашего желания прежде, чем Ваше Величество не выскажет мне своего предложения!

— Нет, нет, я вас слушаю; о том мы поговорим после, а теперь поспешите высказать ваше желание.

— Разрешите мне прежде всего узнать, Ваше Величество, случилось ли уже вам путешествовать?

— Я еще ни разу не покидал своих владений!

— Вероятно, вы не имели случая?

— Нет, напротив, — тот капитан, который в продолжение нескольких лет заходил в наш залив, не раз предлагал мне побывать на его родине!

— И это не прельщало вас?

— Даже очень, но в ту пору еще был жив король, мой отец, и он не соглашался отпустить меня!

— А после того?

— А после того капитан уже не возвращался более, но даже если бы он и вернулся, мне все равно нельзя было уехать с ним!

— Почему же?

— Потому что мокиссские правители не могут покинуть своей страны, не утратив своей короны; мало того, с момента, как они покинули ее, они считаются как бы несуществующими более, и престол переходит к его преемнику, равно как и его жена, дети и жилище; вернувшись, он не найдет ни жены, ни детей, ни жилища, где можно преклонить голову и отдохнуть. Мало того, если он вздумает вернуться, его преемник тотчас же поспешит приказать умертвить его, потому что он уже не король, а только призрак короля, а призраки не могут быть терпимы среди живых людей!

Услышав эти слова, доктор не мог удержаться, чтобы не скорчить многозначительной гримасы.

— В таком случае я сильно опасюсь, что моя просьба окажется неисполнимой!

— Есть, впрочем, только один случай, когда король после некоторого отсутствия может вернуться обратно в свою страну, не утратив своих прав: это в том случае, если бы он был похищен силой, против воли; тогда бы он считался как бы захваченным в плен, и его возвращение приветствовалось бы всеобщим ликованием.

«Это несколько меняет положение дела», — подумал Патерсон и затем добавил уже вслух:

— Так вот, если позволите, я изложу Вашему Величеству нашу просьбу: командир «Виктории» послал меня сказать Вашему Величеству, что, будучи уверены в том, что наша милостивая монархиня была бы чрезвычайно рада познакомиться ближе с таким просвещенным и великодушным правителем, как Ваше Величество, — мы просим Вас принять наше предложение и совершить вместе с вашим другом дядюшкой, который состоит вашим переводчиком, переезд в Англию, со всем подобающим Вашему высокому сану почетом! Нет надобности говорить Вашему Величеству, что как только вы пожелаете вернуться к себе, — в ваше распоряжение будет предоставлен большой военный корабль, который и доставит вас обратно сюда безо всякого промедления.

— Все это прекрасно, доктор, но я не желаю лишиться своего престола ради удовлетворения простого любопытства, которое, как вы теперь сами знаете, обошлось бы мне слишком дорого.

— Но Ваше Величество только что упомянуло о возможности избежать этих неприятных последствий! — заметил доктор.

— О какой возможности говорите вы? — спросил Ланжале, делая вид, что он его не понял.

— О похищении Вашего Величества!

— Вы говорите «похищение», — продолжал король, — но забываете, что я нахожусь здесь в своей летней резиденции, под охраной четырех тысяч копий!

— Ну, с усовершенствованным оружием нам не страшны простые копья, сколько бы их ни было!

— Позвольте, — остановил его король с большим достоинством в голосе, — вы, очевидно, не думаете о том, что говорите! Неужели вы полагаете, что я позволю избивать моих подданных, моих верных слуг, когда эти честные и доблестные воины жертвуют своей жизнью, чтобы отстоять мою свободу?!

Доктор невольно закусил губу, сознавая свой промах.

— Прощу Ваше Величество великодушно извинить меня, — сказал он, — у меня, конечно, не было даже и мысли о возможности столкновения между вашими и нашими солдатами!

— Однако, если бы вы вздумали похищать меня, то, совершенно помимо вашей или моей воли, дело должно будет дойти до этого!

— Мне кажется, что есть лучшее средство, которым можно было бы воспользоваться: то, что невозможно или неудобно было бы сделать силой, можно было бы достигнуть хитростью!

— Я вас не понимаю, объяснитесь!

— Предположим, например, что дело будет обстоять так: Ваше Величество дает командиру «Виктории» и его офицерам банкет, и это обязывает сэра Джорджа Брауна, в свою очередь, ответить Вашему Величеству тем же у себя на судне!

— Что же дальше?

Ланжале прекрасно понимал, к чему клонит дело доктор, но упирался умышленно, чтобы впоследствии, если его проделка обнаружится, англичане не могли сказать, что он нарочно разыграл комедию; он хотел устроить так, чтобы иметь право жаловаться, что его сманили разными обещаниями и вырвали из среды его народа, где он был счастливее любого земного владыки.

Действуя таким образом, Ланжале доказывал, что превосходно изучил характер англичан, мягких, заискивающих, даже льстивых до тех пор, пока дело касается их интересов, но наглых и грубых, как только они убедятся, что ничего более не сумеют добиться.

Эти англичане были вполне способны высадить бывшего мокиссского короля вместе с его дядюшкой на первом безлюдном острове, если бы они удостоверились, что им была подстроена ловушка, в которую они попались самым комичным образом. Французы только бы от души посмеялись и

лучше прежнего стали бы относиться к ловкому актеру, так остроумно подшутившему над ними; но между французами и англичанами — огромная разница.

— Я должен сказать, — продолжал доктор, — что мне лишь поручено прозондировать этот вопрос с Вашим Величеством, чтобы узнать, будет ли Вами принято это предложение.

— Я готов принять его, так как для меня и моих приближенных будет большим удовольствием посетить судно белых людей!

— Командир будет чрезвычайно рад, получив Ваше согласие, которое я передам ему через несколько минут, и я заранее позволяю себе принести Вам нашу благодарность от его имени и от имени всех его офицеров. Но это еще не все!

— Я вас не понимаю, — снова сказал Ланжале, хотевший довести до конца свою роль дикаря, незнакомого с обычаями цивилизованного мира, — прежде всего, я не понимаю, почему Ваш командир поручил вам заручиться моим согласием, когда он сам здесь налицо и мог бы это сделать лично. С нашей точки зрения, это является нарушением всякого порядка, если военачальник, как бы высоко ни было занимаемое им положение, позволил бы себе послать одного из своих подчиненных к соседнему королю с поручением. У нас требуется, чтобы этот военачальник, если он сам не король, непременно явился бы лично к этому королю и лично передал ему свою просьбу!

Смущенный таким оборотом дела, доктор едва сумел вывернуться.

— Наши обычаи несколько иные, Ваше Величество, — сказал он, — дело в том, что на военном судне, во время заграничного плавания, командир является представителем самой королевы Англии, нашей милостивой повелительницы, а потому он никогда не делает официального приглашения, не будучи уверен, что это приглашение будет принято, чтобы не уронить достоинства своей государыни и нашего флага.

— Теперь я понимаю. Можете передать вашему командиру, что он не получит отказа на свое приглашение!

— Ваше Величество, конечно, не забыли, что я говорил об этом банкете на судне как о средстве к достижению нашего желания.

— О каком средстве говорите вы?

— О средстве предоставить Вашему Величеству возможность побывать в Англии, не утратив своего престола. По окончании обеда вооруженные матросы ворвутся в салон командира, набросятся на Ваше Величество и дядю, а ваши приближенные, видя эту западню, конечно, испугаются за свою жизнь и обратятся в бегство. Таким образом,

оказавшись нашим пленником, вы не будете опасаться утраты престола!

— Ошибаетесь, — сказал король, подыскав новое возражение, весьма веское на этот раз, — мои приближенные, вместо того чтобы обратиться в бегство, как вы предполагаете, набросятся на вас и на ваших солдат и падут до последнего, отстаивая своего короля. А если бы они имели несчастье оставить меня в ваших руках и бежать, спасая свою жизнь, — то были бы тотчас же убиты своими воинами и народом!

— Это весьма неприятно, — печально произнес доктор, не видя выхода из этого положения. Он упал духом.

XXVIII

Разумные предосторожности. — Улаженные затруднения. — Переговоры. — Веские аргументы. — Опять «Регент». — Неприятные предсказания. — Взаимная привязанность и расположение.

Но если доктор не знал, как обойти последние затруднения, то Ланжале знал прекрасно, так как заранее обдумал свой план. В сущности, ему было решительно все равно, как уехать, лишь бы уехать, так как он не имел ни малейшего желания возвращаться сюда обратно, но он хотел, чтобы ни один мокисс не был убит в этом деле. Кроме того, для него было важно, чтобы инициатива в этом деле не могла быть приписана ему; он должен был до конца выдержать роль человека, которого сманили и который согласился как бы против воли.

Что же касается Гроляра, то его роль была более чем не сложна: он должен был все время протестовать и соглашаться последовать за своим мнимым племянником лишь из чувства любви и привязанности к нему.

Бедный доктор напрасно старался найти выход из этого положения, а между тем необходимо было во что бы то ни стало уговорить короля поехать с ними.

Командир, человек более решительный, на просьбы членов научной экспедиции любезно отвечал:

— Ничего не может быть легче, господа; я приглашу короля на обед, затем, в самый разгар пира: «машина вперед!» — и дело с концом!

Но от подобного решительного приема пришлось отказаться, так как в этом случае пришлось бы увезти с собой и всех остальных приглашенных; кроме того, можно было опасаться протестов и жалоб короля по прибытии в Англию.

У доктора мелькнула мысль, отчего бы в самом деле не увезти и всех гостей, чтобы высадить их в другом месте берега, предварительно связав по рукам и ногам. Таким образом, не будет ни кровопролития, ни борьбы; нужно было только склонить короля брать с собой возможно меньше свиты, чтобы меньше было возни с высадкой.

Какова же была его радость, когда король заявил ему, что возьмет с собой только одних министров, чтобы не возбудить зависть одних сановников к другим; а всех министров, кроме дядюшки, было всего только три.

«Можно подумать, что он угадал мою мысль», — подумал доктор и

затем прибавил уже вслух:

— Итак, Ваше Величество согласны принять наше предложение при условии, чтобы не было кровопролития и не было опасности Вашему Величеству утратить свой престол. Повторяю еще раз, что большое военное судно будет предоставлено Вашему Величеству при первом же вашем желании вернуться на этот остров, куда он доставит вас вместе со всеми ценными дарами, которые будут поднесены Вашему Величеству нашей королевой и многими учеными обществами.

— Я ничего не принимаю и ничего не обещаю, — сказал осторожный Ланжале, — а даю вам только мое королевское слово, что не отклоню приглашения вашего командира на завтрашний День! — добавил он улыбаясь; и доктор принял это за согласие короля на его просьбу.

— Конечно, он ничего не обещал, — говорил про себя англичанин, — но кто не протестует, тот соглашается; во всяком случае, он не отказался! — И откланявшись, он поспешил сообщить приятную весть капитану и всем, кто с таким напряженным нетерпением ожидал решения короля

— Ну что, старина! — воскликнул Ланжале, когда доктор удалился. — Как видишь, завтра мы уедем отсюда, да еще с полным почетом!

— Да, но ты и поломался же вволю и даже под конец не доставил этому бедному англичанину удовольствия слышать твое ясно выраженное согласие. Я уже готов был крикнуть ему: «Да он согласен! Мы с ним только этого и желаем!»

— Ты сделал бы славную штуку, после которой тебе пришлось бы, вероятно, навсегда остаться на этом прекрасном острове, где я, в сущности, был не менее счастлив, чем в любом другом месте земного шара, и если я согласился уехать отсюда, то исключительно только ради тебя; теперь, когда Том Пауэлл бежал, я уверен, что мог бы сделать с этим народом все, что хочу. А во Франции, кто знает, что ожидает нас с тобой; так что я, право, не знаю, что мне мешает дать тебе уехать одному, а самому остаться здесь!

— Так неужели ты предпочитаешь остаться здесь и разыгрывать театрального короля... А твои эполеты, которые ожидают тебя во Франции? Ведь ты помнишь, что нам было обещано?..

— Я знаю, что каждому из нас была обещана заманчивая награда за известную услугу, которой мы, однако, не оказали!

— Как ты можешь знать, что мы не успеем вернуться вовремя, чтобы оказать им эту услугу!

— После трех месяцев отсутствия? Да в уме ли ты! С этим делом

давным-давно покончено.

— Не следует никогда говорить так решительно о том, чего не знаешь: в жизни бывает столько случайностей, что их никак нельзя предвидеть.

— Это так, но тут дело идет не о предположении. Ты, конечно, помнишь, что соединенные эскадры шли к острову Иену, чтобы уничтожить мнимый притон мнимых пиратов? Ну, если циклон пощадил их, они давным-давно окончили свою миссию, и нам с тобой не остается ничего более делать; если же этот самый циклон разнес эскадры в щепки, то не нам с тобой угрожать могущественному Обществу Дждонок!

— Напротив, в последнем случае выходит, что еще ничего не сделано, и там снова будут нуждаться в наших услугах!

— Ошибаешься, друг мой; именно потому, что пришлось бы все начинать снова, правительство наше ничего не предпримет: ведь гибель двух эскадр — это такая катастрофа и такой материальный урон, который, несомненно, отобьет охоту от дальнейшего преследования тех, кого я упорно называю мнимыми пиратами. Что же касается «Регента», исчезновение которого скрывают, так как его заменили превосходной подделкой, то, чтобы вернуть его Национальному Музею, нужно вступить в переговоры с Китаем, который отчасти из страха, отчасти из желания получить за комиссию один или два миллиончика, кончит тем, что заставит вернуть его, если допустить, что Ли Ванг вручил императрице-регентше поддельный камень, или же она сама вернет его музею. Во всем этом мы с тобой, милейший, будем абсолютно ни при чем. Мы должны быть довольны, если нам зачтут в заслугу перенесенное нами кораблекрушение и избавят нас от попреков за нашу деятельность. Вот все наши надежды, и я уверен, что когда мы снова войдем в свою старую колею: ты — рядовым агентом сыскной полиции, а я — рядовым солдатом в сенегальских стрелках, то оба не раз пожалеем об этом острове, маленьком королевстве и славных мокиссах, которые, в сущности, милейшие люди, когда их не мучают честолюбивые чужестранцы.

— Ну, что касается меня, то я никогда об этом не пожалею!

— Посмотрим!.. В первом порту, куда зайдет брата уголь «Виктория», мы узнаем об участии двух соединенных эскадр и тогда точно определим, на что мы можем надеяться, вернувшись на родину!

— Ну что ты каркаешь, как ворона!

— Ничуть; я просто здраво взвешиваю положение вещей, не давая воли своей фантазии до полного забвения действительности!

— Если так, то я не хочу заставлять тебя из-за меня покидать этот прекрасный остров!

— Не говори глупостей, ты отлично знаешь, что без меня тебя не увезут! На что им мнимый дядя какого-то малайского королька? Нет, им нужен я, чтобы выставить меня напоказ, как редкого зверя, — сначала королеве и ее двору, а затем и в «Хрустальном дворце», на забаву лондонским зевакам. Я еду с тобой потому, что это мой долг, и потому, что я поклялся никогда не покидать тебя, так как те, кто приставил меня к тебе, знали твою неисправимую трусость и сочли нужным приставить к тебе скорее защитника и покровителя, чем помощника. Самое важное теперь будет — отделаться от этих англичан до нашего прибытия в Лондон; но если не представится такого случая, то я добросовестно выполню свою роль короля мокиссов, и когда всеобщее любопытство несколько поуляжется, нам ничего не будет стоить смыть нашу татуировку, перерядиться в европейское платье и бежать куда глаза глядят. Постарайся только не выходить из роли моего дядюшки вплоть до самого конца.

— Хотя ты и действуешь против своего желания, тем не менее я очень благодарен тебе за все, что ты делаешь для меня.

— Я уже сказал тебе, что делаю это из чувства долга и, признаюсь, из чувства привязанности к тебе: несмотря на всё твои недочеты, ты все же славный парень!

— Благодарю, — воскликнул Гроляр, растроганный до слез. — Ты не только исполнял свой долг, но сделал гораздо больше: ты несколько раз спасал мне жизнь, рискуя своей собственной, а это никогда не забывается!

На этом друзья закончили свой разговор и вернулись к гостям, чтобы занять свои места на пиру, где их отсутствие уже начинало беспокоить собравшихся.

Багаж. — На английском фрегате. — Почтительная и торжественная встреча. — Банкет. — Опьянение доктора. — Одобрение людоедства. — Пожирайте друг друга!

Как и было условлено, командир «Виктории» официально пригласил короля на ; следующий день на обед и, заручившись согласием Ланжале, откланялся и возвратился к себе на судно. Предусмотрительный Ланжале собрал в сундук из камфарного дерева множество различных предметов, которые ему хотелось увезти на память о своем пребывании на этом острове, уложил туда же спасательные пояса своего изобретения и неразлучный тромбон и просил доктора Патерсона прислать ночью двух матросов за его сундучком, чтобы этот маленький багаж не мог возбудить подозрения его подданных.

Можно себе представить радость Патерсона, усмотревшего в этом несомненное доказательство того, что он успел в своих стараниях и добился желанной цели!

На другой день, около шести часов вечера, Ланжале в сопровождении Гроляра и еще трех министров отправился на берег под конвоем целого леса копий и многочисленной толпы, приветствовавшей его необычный выезд громким ликованием.

Так как еще накануне всем было известно о приглашении, полученном королем, то его отъезд никого не взволновал. Мокиссы, напротив, даже гордились своим королем и радовались, что он променял свой белый цвет кожи и европейский костюм на мокисские: это весьма льстило его самолюбию.

Нельзя не сказать также, что и Ланжале, со своей стороны, был сильно взволнован, входя на паровой катер, присланный за ним командиром «Виктории». Он внутренне сознавал, что, оставшись на этом острове, мог бы сделать много полезного и хорошего. Быть может, он и не согласился бы уехать, если бы знал, что находится не на маленьком, никому не известном острове, а на одном из важнейших островов Океании, Борнео, который он мог бы благодаря своей энергии и с помощью своей армии, обученной им менее чем в три месяца, со временем подчинить своей власти. Он лишь впоследствии узнал об этом из случайного разговора на фрегате.

Паровой катер в несколько минут доставил его со свитой на фрегат, где их встретил сам командир в полной парадной форме со всеми орденами и

знаками отличия, а одна из батарей приветствовала короля салютом в двадцать один выстрел, к великому ужасу туземцев, которые, вообразив, что белые люди покушаются на жизнь их короля, с криком и воем потребовали, чтобы король вышел показаться им.

Ланжале тотчас же исполнил их желание и, приложив руки ко рту в виде рупора, крикнул: «Не тревожьтесь, друзья, за участь короля! Это белые люди заставляют говорить свои громады, чтобы почтить его!»

Затем был подан обед, состоящий из громадных окороков свинины, баранины, гигантских копченых лососей, целых гор вареного картофеля, словом, всех тех яств, которые особенно по вкусу грубым аппетитам дикарей.

Пиво и портер лились в изобилии; в хороших крепких винах тоже не было недостатка, причем прислуге было отдано распоряжение особенно старательно угощать дядю короля и трех министров, чтобы они под вечер утратили всякую способность понимать, что с ними происходит.

Как англичанам было известно, дядя короля был решительно против похищения молодого монарха, и поэтому доктор, будучи его соседом за столом, не переставал наполнять его рюмки и стаканы. Но ловкий и в высшей степени трезвенный Гроляр незаметно выливал все под стол, а Патерсон не переставал удивляться: «Что за губка этот старый дикарь?! Он и меня заткнет за пояс!»

И действительно, при той системе выпивания, какой пользовался Гроляр, результаты состязания для уважаемого доктора могли быть сомнительны. Он вскоре пришел в такое состояние, когда всякий контроль над мыслями и языком утрачивается, и тогда английский ученый, председатель Лондонской Королевской медицинской коллегии, разразился бесконечными бессвязными спичами и долгими хвалебными панегириками по адресу молодого короля.

— Знаете ли, господин премьер, — говорил он, — вы имеете счастье служить самому удивительному, можно сказать, «пирамидальному» государю, самому сногшибательному! Право, можно подумать, что он прошел все степени Кембриджского университета, почетным членом которого я имею честь состоять Он одинаково осведомлен и в философии, и в психологии, и в политике.

Он является, так сказать, живым доказательством того, как утверждаем я и мой коллега Паддингтон наперекор всем, что человек рождается в мире с богатейшими способностями и всегда развивается в лучшую сторону, если только не имеет перед глазами дурных примеров развращающей цивилизации. Произойдет настоящий переворот в научных теориях, когда

ученые познакомятся с этим королем-философом, питающимся себе подобными ввиду ассимиляции наиболее подходящей пищи... когда услышат от него эти разумные и справедливые слова: «Зачем давать пропадать такому громадному количеству прекрасного мяса?!» Так вот, видишь ли, господин премьер, почему мы и похитим у тебя твоего прекрасного короля, чтобы показать его всей удивленной Англии; чтобы показать миру, до какой совершенной степени развития, умственного и физического, может довести питание человеческими ростбифами и окороками. Воскликнем же: «Любите друг друга и поедайте друг друга!» С этими словами почтенный доктор скатился под стол.

Предчувствия — Предосторожность сэра Джорджа Брауна. — Сон и отдых. — Княжеская меблировка. — Радостная покорность судьбе. — Министр, к которому относятся, как к королю.

Часов около одиннадцати ночи за столом не оставалось уже никого, кроме Ланжале, с удовольствием прихлебывавшего из бокала вместо шампанского лимонад, и Гроляра, довольствовавшегося чистой водой. Оба они не рассчитывали на подобный финал обеда, поставивший их в очень затруднительное положение.

— Наше дело пропало! — решил Ланжале. — Кто теперь распорядится уходом фрегата, когда весь командный состав валяется под столом вместе с мокискими министрами, которые простодушно попались в ловушку! А если мы останемся здесь на ночь, то на рассвете фрегат будет окружен тремя-четырьмя сотнями военных пирог, и на палубу английского судна хлынет волна мокиских воинов; они потребуют возвращения своего короля, и мы вынуждены будем вернуться с ними, если не хотим Допустить страшной резни!

— Право, я готов пойти и распорядиться в кочегарке!

— Можно сделать лучше, — сказал Ланжале, — если эти скоты не проснутся, то мы сами распорядимся, отдав приказание старшему механику выходить в море.

— Но он не слушает тебя!

— Еще посмотрим! Ему, вероятно, уже известны намерения командира.

Но сэр Джордж Браун оказался человеком предусмотрительным и каждый раз, когда у него на судне устраивался обед или что-либо подобное, что должно было окончиться генеральной попойкой, он, прежде чем сесть за стол, вписывал в книгу свои распоряжения и на предстоящий вечер, и на всю ночь; вахтенному офицеру предстояло только выполнять его предписания.

В данном случае он также позаботился об этом.

Таким образом, около полуночи Ланжале, решивший выждать, что будет дальше, не без некоторого удивления увидел небольшой отряд матросов, которые накинулись на трех мокиских министров и, взвалив их на спины, без малейшего сопротивления с их стороны, унесли их. Уснувшего Гроляра они подняли и отнесли с величайшей осторожностью в

одну из кают рубки, где и заперли.

— Ну, наконец-то! — вздохнул Ланжале. — Теперь и я могу отдохнуть! — И он с наслаждением растянулся на одном из диванов салона и вскоре крепко заснул. Когда он проснулся, было уже совершенно светло, но, к великому своему недоумению, он увидел, что находится не в салоне, где вчера заснул.

Очевидно, его осторожно перенесли во время сна в роскошно обставленную каюту и положили на кровать черного дерева, инкрустированную золотом и перламутром, с ножками, привинченными к полу на случай качки. Дорогой полог из тяжелого бродяга окружал его, стены каюты были обтянуты той же тканью, вдоль стен тянулся громадный турецкий диван с целой грудой шелковых подушек, посреди каюты находился круглый черного дерева стол, а на нем большой серебряный сосуд, нечто вроде самовара, разделенный внутренними перегородками на четыре отделения и снабженный четырьмя кранами, из которых по желанию можно было получить: из одного — шоколад, из другого — чай, из третьего — молоко и, наконец, из четвертого — превосходнейший бульон-консоме. Над каждым краном имелась надпись, а под краном — хрустальная красная чашка.

Но верхом комфорта и предупредительности являлась подвешенная над турецким диваном серебряная чаша и целый ряд кранчиков, из которых можно было получить всевозможные прохладительные напитки.

Все, путешествовавшие в тропических странах, знают, как драгоценно это удобство.

Через иллюминатор видно было море, волны которого ослепительно весело сверкали на солнце.

— Черт побери! Какая блестящая мысль пришла мне — разыграть перед ними короля! Теперь со мной обращаются, как с настоящей царствующей особой! — невольно воскликнул француз.

Но каково же было его изумление, когда через отдернутый полог он увидел целый ряд апартаментов, состоящих из раззолоченного салона, обставленного с невероятной роскошью, курительной комнаты, столовой, а подле спальни — еще превосходной уборной с роскошной ванной и всеми приспособлениями туалета.

— Вот что значит уметь взяться за дело с этими господами англичанами, — пробормотал про себя Ланжале, — и в таком положении мне суждено доплыть до Европы! Трудно мне будет привыкать к своей незавидной судьбе!

Бывший король мокиссов улыбнулся и, выпив чашку превосходного

шоколада с пирожками, которые тотчас же были поданы ему китайцем, приставленным специально для услуг, снова лег спать, так как после вчерашней попойки на фрегате все еще спали, кроме матросов и вахтенного офицера.

Как было решено заранее, трех мокиссов высадили на берег в соседнем заливе; их не пришлось даже и связывать, так как достаточно было положить их на мягкий песок, где они продолжали спать как ни в чем не бывало.

Что же касается Гроляра, то его также поместили в роскошной каюте, хотя и менее великолепной, чем помещение короля мокиссов. Ланжале же жил на фрегате совершенно по-царски: кушал, когда желал, сам составлял меню своих обедов, которое Гроляр передавал по-французски офицеру, заведующему кухней. Иногда он приглашал к своему столу командира и нескольких из ученых по очереди, и последние чувствовали себя очень польщенными этими приглашениями. Словом, он продолжал по-прежнему разыгрывать роль короля дикарей, к великому удовольствию командира, считавшего себя счастливым, что ему суждено привезти в Европу столь интересную диковинку, как этот мокисский король.

Парижанин очень бы желал, чтобы эта комедия могла продолжаться вечно, но — увы! — самые лучшие вещи в мире обыкновенно всего быстрее кончаются: так случилось и с ним.

Земля. — В Гонконге. — Письмо. — Проекты отъезда. — Желание короля. — Любезный офицер. — Купание. — Перерождение.

По прошествии восьми дней плавания марсовый матрос крикнул «Земля!» При этом известии сердце Ланжале болезненно сжалось, словно от предчувствия чего-то необыкновенного. Он остался у себя в каюте, давая волю своим размышлениям и не желая даже думать об этой земле, к которой теперь приближалась «Виктория». Он лежал и дремал на широком турецком диване, когда к нему вошел Гроляр с сияющим лицом и с большой осмотрительностью запер за собой дверь.

— Что случилось? Я уже давно не видал тебя таким радостным! — удивился Ланжале.

— Случилось то, что заставило бы меня петь, плясать, скакать и кричать от радости, если бы я только не опасался обратить на себя внимание наших тюремщиков, так как, в сущности, мы с тобой заперты в этих золотых клетках, как в тюрьме!

— Нельзя ли говорить покороче, — нетерпеливо заметил Ланжале.

— Дело в том, что мы вошли в порт, и я сейчас же увидел две эскадры: одну французскую, другую — английскую, готовящиеся к выходу в море. Судя по известиям, полученным от офицеров, обе эти эскадры так сильно пострадали от циклона, что вынуждены были зайти сюда ремонтироваться!..

— Сюда? А где мы сейчас находимся?

— В Гонконге!

— Что ты говоришь?! В Гонконге, откуда мы с тобой отправились на злополучном «Фрелоне»?!

— Да! Ты можешь сам видеть — взгляни в окно! Вот мол, форты!

— В самом деле!

— Как, неужели это тебя не радует?

— Право, не знаю... чему мне тут радоваться.

— Как это ты не знаешь! Дай мне докончить, и ты сейчас поймешь. Эти эскадры сегодня снимаются с якоря, чтобы выполнить возложенную на них миссию, и направляются к острову Иену, куда они не могли попасть до сих пор из-за циклона. Видишь, что значит случай, на который я надеялся! По-видимому, еще ничего не сделано, и мы успеем как раз вовремя, чтобы не пропали результаты двух лет труда и забот, — и это не радует тебя!

— То есть меня радует видеть тебя таким счастливым, но для меня же, собственно говоря, это совершенно безразлично.

— Какой же ты чудак! Ты поиграл в короля и не хочешь выходить из этой роли... Надеюсь, однако, что ты не станешь сидеть здесь сложа руки и как-нибудь устроишь, чтобы нам можно было бы бежать сегодня же!

— Сейчас же, если желаешь. Раз все это кончено, какой мне смысл оставаться здесь часом дольше?

— Вот это мне нравится! Таким я тебя люблю!

— Нам отнюдь незачем бежать, подобно жуликам; мы можем свободно уйти, не возбуждая ничьего подозрения. Садись и пиши:

Господин командир «Виктории»!

Можете не ожидать нашего возвращения на фрегат. Мой царственный племянник стосковался по своему острову и по своим подданным, а так как нам посчастливилось найти небольшое торговое судно, отправляющееся на Суматру и согласившееся зайти в наш залив, то мы сегодня же отправляемся на нем.

Приносим вам нашу благодарность за ваше милое отношение к нам, которым вы сумели заслужить наше расположение, и если вы когда-либо будете снова в нашей стране, то мы сумеем доказать вам свою признательность.

Гроляр, Королевский Принц мокиссов.

Это мы отправим по адресу командира сегодня вечером с нарочным. Нужно всегда расставаться прилично с людьми, от которых, в сущности, мы не видели ничего, кроме хорошего.

— Прекрасно, Ланжале! Вот ты опять стал самим собой! Что же ты думаешь теперь делать, чтобы незаметно уйти отсюда?

— Решительно ничего; мы открыто уйдем на глазах у всех!

— И ты полагаешь, что они позволят нам преспокойно уйти от них и будут смотреть на нас, засунув руки в карманы?!

— Боже мой, как ты наивен, Гроляр! Я просто-напросто сообщу командиру судна о своем желании посмотреть Гонконг и попрошу его дать нам с собой кого-нибудь из офицеров для сопровождения, а так как мы знаем город лучше любого из англичан, то нам не трудно будет посеять его где-нибудь!

— А твой сундучок? А твой тромбон?

— Об этом не беспокойся.

— Надо спешить. Ведь эскадры могут сняться с якоря без нас!

— Но ты дашь мне, надеюсь, позавтракать, а затем мы совершим свою прогулку в город. На этот раз я закажу завтрак получше и приглашу

командира, а за столом я поговорю с ним о нашей прогулке.

Все случилось именно так, как предвидел Ланжале: после завтрака, когда все были очень веселы, мнимый король вдруг спросил:

— Гонконг — это английский город?

— Да, сэр, тридцать лет тому назад это была голая скала, а мои соотечественники превратили ее в цветущий город!

— Я бы очень хотел повидать первый город, встретившийся на нашем пути!

— Ваше Величество может исполнить свое желание без всякого затруднения: я откомандирую к Вам одного из офицеров, который будет сопровождать Ваше Величество и объяснит вам все, что вы пожелаете знать. Через полчаса наш паровой катер доставит Вас на берег, а я прикажу приготовить там для вас экипаж, который в продолжение всего дня будет находиться в вашем распоряжении.

— Я бы попросил вас также поместить на катер мой сундучок, который я хочу несколько усовершенствовать, приказав мастерам в городе сделать в нем несколько перегородок для более хрупких предметов.

— Желание Вашего Величества будет исполнено! — ответил командир, не подозревая во всем этом никакой хитрости со стороны короля мокиссов, не допуская даже мысли, чтобы он мог вздумать остаться в Гонконге, где он оказался бы в совершенно чужом месте.

Но Ланжале успел уже выработать подробный план действий. В то время как они осматривали площадь консулов, королю вдруг пришло желание помыться, и сопровождавший его молодой лейтенант поспешил указать ему на находящиеся на той же площади бани, которые были хорошо знакомы двум французам. Выйдя из экипажа, Ланжале и Гроляр простились с молодым офицером, предоставив экипаж в его распоряжение на час времени, а сами поднялись по лестнице купальни и скрылись в этом обширном здании.

Офицер же поехал в китайский квартал, самый интересный и самый любопытный в городе.

— Прощай, мой херувим! — послал ему вслед Ланжале, сопровождая свои слова насмешливым воздушным поцелуем. — Когда мы с тобой свидимся, то будет еще жарче, чем сейчас, хотя на этой скале и теперь можно изжариться живьем!

Едва только бывший король и его приятель вошли в баню, как первый поспешил отправить боя, то есть прислуживающего мальчика, на базар, чтобы тот принес ему подбор европейского платья, так как и Гроляр, и Ланжале потеряли весь свой гардероб во время гибели «Фрелона», деньги

же и кредитные бумаги они спасли в своих спасательных поясах и потому не нуждались в презренном металле. Сами они вошли в бани и здесь скоро совершенно смыли с себя краску и стали такими же белыми людьми, какими были раньше.

Когда прибыл гардероб, каждый из них выбрал то, что ему было по вкусу, и, сделав запасы белья, обуви и платья, заняли по комнате в гостинице при банях; они имели даже удовольствие присутствовать при забавной сцене удивления молодого офицера, вернувшегося за королем мокиссов и его дядей и узнавшего, что те, не дождавсь его, уехали.

Пять раз бедняга переспрашивал все о том же и пять раз получал один и тот же ответ, после чего решился наконец вернуться на судно без доверенных его попечению дикарей, к великому своему огорчению.

Любезности Парижанина. — Сердечная сторона. — Прекрасные дела. — Странное поведение. — Жалостливость сыщика. — Загадка. — Сомнения. — Многосложные вопросы. — Отложенное объяснение.

Да, неприятно будет ему вернуться на судно! — воскликнул Ланжале. — Мне его от души жаль, — заметил Гроляр. — Если послать наше письмо с нарочным сейчас же, то оно прибудет раньше него, и это избавит его от лишних неприятностей.

— Повернись-ка ты, голубчик, чтобы я мог на тебя посмотреть! Нет, я, право, от души рад, что мне удалось наконец понять нечто, что я до сих пор никак не мог себе объяснить... Ведь ты же безобразен, труслив, скуп, нередко глуп»

— Ну и что же? Я уже привык к твоим любезностям!

— О, я мог бы тебе добавить еще много столь же лестных эпитетов, не говоря уже о том зле, какое ты старался сделать и еще будешь стараться сделать нашим друзьям; счастье еще, что я тут и не дам тебе много воли. При всем этом ты страшный, отвратительный эгоист, — и положительно не могу взять в толк, почему я полюбил тебя, несмотря на все это.

— Полюбил! Хоть немного, да полюбил! — растроганно воскликнул старик, и глаза его засветились радостью.

— Даже и много! Так вот сейчас я понял, почему: потому что в том, что ты сказал сейчас по отношению к этому молодому офицеру, опять сказалоь то, что сказывалоь в тебе всегда, во всех случаях нашей совместной с тобой жизни, кроме тех, когда дело касалоь твоей миссии — о, тогда ты свирепее всякой акулы! В тебе сказалоь твое доброе сердце! Везде и во всем в тебе говорит прежде всего сердечная сторона. Твое первое движение — это всегда помочь горю, нужде, избавить человека от излишнего огорчения или неприятности...

— Ну, это первое движение, а второе?

— А второе и того лучше: сделать это без громких слов, без хвастовства, просто и почти незаметно. Я помню, как ты, способный экономить каждый грош, когда это касается тебя, на моих глазах отдал все, что у тебя было за душой, до последней копейки, бедному китайцу, овдовевшему и оставшемуся с шестью сиротами на руках. И ты еще боязливо оглянулся, как бы опасаясь, чтобы тебя не увидели, словно вора какого. Признаюсь, я тогда подумал, что ты рехнулся!. В другой раз я искал

тебя по берегу моря в Сингапуре и вдруг увидел, как ты помогал старому рыбаку, едва державшемуся на ногах от лихорадки, причалить к берегу его лодку, как ты вытянул старательно, но неумело из лодки его сеть со всей рыбой и снастью, взвалил себе на спину и сеть, и рыбу, и весла, и понес все это, сгибаясь под тяжестью, за стариком до самого его дома, — а это было не близко, — и вернувшись, ты не сказал мне ни слова об этом. Что за старый маньяк, думал я, он всеми силами старался довести до виселицы этих несчастных, бежавших из Нумеа, потому что тут была замешана смерть одного человека в момент нашего бегства: старый каторжник Ле Люпен огрел одного из сторожей, а с другой стороны, готов самого себя отдать первому бедняку. Ввиду той отвратительной цели, которую ты преследуешь, — ты же отлично знаешь, к чему это приведет в случае твоего успеха, — то доброе, что ты делаешь, является для меня какой-то непонятной аномалией, какой-то злой пародией на человеческие чувства! Ты для меня загадка более неразрешимая, чем те таинственные сфинксы, которые мы с тобой видели в стране фараонов!. Уже дважды я видел своими глазами, что, когда ты готов был наложить руки на Бартеса и его товарищей, вместо чувства естественной в твоём положении радости все существо твое выражало несомненную муку; глаза твои наполнялись слезами, и ты весь дрожал, словно совершал какое-то страшное преступление. Это было в Сан-Франциско! В Батавии было еще хуже: я боялся, что с тобой будет обморок или истерический припадок в банкирском доме китайца Лао Тсина, когда местная полиция накрыла Бартеса, и я внутренне говорил себе: «Этот старый тигр до того рад своей удаче, что близок к обмороку от счастья!» И вместе с этим мне были омерзительны твои прекрасные поступки, отвратительна твоя сентиментальность, которые не помешали тебе принять на себя такую жестокую, такую возмутительную миссию.

Быть, с одной стороны, нервным, как женщина, чувствительным, сердобольным и, с другой, — всеми силами добиваться гибели трех или четырех человек, которых ты влечешь к виселице, — это непостижимо! Как ты мучился мыслью, что все это может совершиться без тебя! Только вспомнить, что ты готов был блуждать месяцы в открытом море, лишь бы встретить попутное судно, ты, который при малейшей опасности становишься трусливее и беззащитнее малого ребенка! И все же я, несмотря на все то, что отталкивает меня в тебе, — какими-то судьбами полюбил тебя. Если ты хочешь знать, насколько я тебя полюбил, то суди сам: банкир Лао Тсин оставил мне миллион состояния, и мне нужно лишь поспешить в Европу, чтобы вступить во владение этим громадным

состоянием, а между тем я не могу решиться уехать от тебя и оставить тебя одного. Я положительно не могу разобраться в своих чувствах к тебе: бывают минуты, когда я готов уважать и боготворить тебя, как отца, так как твоя любовь ко мне, без всякого сомнения, искренна и глубока; в другую минуту я готов мучить тебя, предавать на осмеяние себе и другим, как будто в отмщение за неведомых мучеников и страдальцев. Уже много раз я говорил себе, что нам надо раз и навсегда объясниться; должен же я знать наконец, что ты такое на самом деле, какую тайную цель преследуешь ты в своей жизни, чего ты, собственно, добиваешься. Много раз я решался на это объяснение и все откладывал его. Но теперь этот пустяшный инцидент с английским офицером снова вызвал в душе моей все эти сомнения, и на этот раз я заговорил. Теперь вопрос поставлен ребром и ты должен его разрешить, чтобы я знал наконец, куда мне идти — с тобой или против тебя! Теперь я закончил и слушаю тебя.

Трудно описать, с каким невыразимым волнением слушал старик своего молодого друга; видимо, он глубоко страдал, и когда Ланжале кончил говорить, то крупные слезы катились по лицу старика.

— Я тебя огорчил! — воскликнул Парижанин, доброе сердце которого невольно дрогнуло. И он горячо сжимал в своих руках руки старого сыщика, стараясь успокоить его.

— Рано или поздно это должно было случиться, — проговорил старик дрожащим от слез и волнения голосом, — я ожидал этого момента с нетерпением и вместе с тем боялся его. В жизни моей есть великая тайна, которая разъяснит тебе все, что было непонятно до сих пор, но только не заставляй меня говорить сегодня об этом: я совершенно не в силах этого сделать теперь. К тому же эта исповедь займет много времени, а у нас есть неотложные дела! Нам необходимо сегодня же попасть на эскадру, прежде чем она успеет сняться с якоря, а она уже с утра стоит под парами. Поверь мне, Ланжале, величайшие несчастья могут произойти от этого. Те самые несчастья, которых я опасался тогда, когда уговаривал тебя блуждать в открытом море, те же страшные несчастья могут произойти и теперь, если мы с тобой не будем на месте борьбы. Несчастья, несчастья, о которых ты вечно будешь сожалеть, если окажешься единственным виновником того, что мы не успеем вовремя, чтобы отворотить их! Поспешим же на адмиральское судно, чтобы вновь представиться в качестве прежних сотрудников, и я тебе обещаю, что миссия наша будет примирительная! А как только я буду уверен, что ничего не случится помимо меня, ты можешь прийти ко мне и потребовать исполнения моего обещания, и увидишь, что я не колеблясь доверю тебе все, даже и те тайны, которые, в сущности, не

принадлежат мне. После этого ты станешь иначе судить о твоём старом друге, чем до сих пор; и тогда, быть может, ты скажешь, что я имею право не только на твою любовь, но даже и на твоё уважение, что несравненно более ценно!

— Будь спокоен, — сказал Ланжале, тронутый искренним тоном старика, — я смогу подождать и до завтра, а теперь займемся более неотложными делами.

XXXIII

Разочарование. — Богом ниспосланный путеводитель. — Быстрый ход. — Прием адмирала Ле Хелло. — Исповедь. — Двое новорожденных. — Замена. — Отец.

В ту же минуту наши друзья приказали подать себе экипаж и отправились в порт. — Вы как раз только успеете, господа, — сказали им в порту, — так как адмиральское судно только что дало свой прощальный залп. Вам остается не более четверти часа, чтобы успеть к началу маневрирования судов, выстраивающихся для выхода из гавани!

Однако, несмотря на все усилия возницы поспеть вовремя, они едва не опоздали: суда эскадры начали уже выстраиваться и двигаться к выходу в открытое море. Гроляр чуть было не лишился сознания от горя и отчаяния, и Ланжале, видя это, подумал:

— Нет, вероятно, я все-таки ошибся в этом человеке; это не только сыщик, приходящий в отчаяние от того, что жертва ускользает из рук! Нет, тут должна быть другая причина страдания!

— Ты не отчаивайся, — сказал он, желая успокоить старика, — мы сделаем даже невозможное, чтобы нагнать французскую эскадру. Хотя все мои капиталы я поместил в Лондонском банке, но этот банк выслал мне чековую книжку, и мы с тобой будем иметь возможность зафрахтовать здесь какой-нибудь пароход, который доставит нас по назначению, сколько бы с нас ни потребовали.

Однако друзьям не пришлось прибегать к этому громадному расходу, так как бывший тут лоцман предложил за сто долларов доставить их на судно за два часа. I

— Ветер свежий, — говорил он, — а наши суда построены так, что мы можем пользоваться малейшим ветерком. Суда эскадры не могут делать больше восьми или девяти узлов в час, тогда как мы можем при старании развить скорость в четырнадцать узлов.

— Если так, то по рукам! — сказал Ланжале, вручая ему чек на сто долларов.

— Так живо в путь! — воскликнул лоцман, приказав своему подручному отдать причал.

Наши друзья, по просьбе лоцмана, спустились в единственную маленькую каютку судна, и вскоре, укачанные неравномерным колыханием волн, измученные всеми предыдущими волнениями, оба крепко заснули.

Вдруг их разбудил грубый, сиплый голос лоцмана:

— Мы подходим к судну, я уже подал обычные сигналы адмиральскому судну, все люди на палубе и готовятся нас принять.

Не дожидаясь, чтобы им спустили трап, Ланжале и Гроляр на руках подтянулись вверх и в один момент очутились на палубе

В этот момент адмиральское судно делало полуоборот, чтобы принять их, и пять минут спустя оба друга были уже на палубе большого броненосца, где их встретили, как выходцев с того света. Все считали их погибшими вместе с «Фрелоном», и им пришлось пересказать адмиралу все перипетии их спасения, их кратковременное царствование у мокиссов и забавную шутку, проделанную с англичанами.

— Я весьма счастлив, маркиз, что снова нашел вас, — сказал адмирал, — так как только что полученная мной из морского министерства депеша предписывает мне следовать во всем указаниям маркиза де Сен-Фюрси, и я был бы в самом затруднительном положении, прибыв без вас на остров Иен, который мы видели только мельком, входя в главный пролив, ведущий к его порту. Мы видели, как циклон со всей своей силой устремился на остров, и поняли, что все, что будет встречаться на его пути, обречено на безвозвратную гибель, и потому мчались перед циклоном со всей возможной для нас быстротой; мы можем считать себя счастливыми, что отделались только крупными авариями, после которых нам пришлось чиниться в порту Гонконга в течение целых трех месяцев. Именно благодаря этому обстоятельству мы теперь имеем возможность вновь встретиться. Ну а теперь, господа, вероятно, вы пожелаете отдохнуть; к ужину я прикажу вас разбудить!

Довольные оказанным им приемом наши друзья позволили проводить себя в предназначенные для них просторные каюты.

На другой день, после вечернего чая, Ланжале, провожая Гроляра до занимаемой им каюты, вошел к нему и, удобно расположившись на диване, просто сказал:

— Ну вот, теперь я буду слушать тебя!

Не пытаясь избежать тяжелого разговора и не прибегая ни к каким уловкам, Гроляр начал так:

— Я не стану повторять тебе рассказ о всех моих похождениях, которые тебе уже известны; скажу только, что, рассказывая тебе о себе, я всегда умышленно умалчивал об одном факте, так как он вынудил бы меня открыть тебе всю тайну, которая, в сущности, не моя; я никогда бы этого не сделал, если бы ты не заслужил полного права на мое безграничное доверие к тебе и безграничную привязанность. Окончив свой срок службы,

я получил место управляющего в поместьях генерала Бартеса, под начальством которого я служил в Африке.

— У генерала Бартеса! — воскликнул Ланжале.

— Да. После брака у меня родился сын, а спустя несколько дней жена генерала Бартеса тоже подарила ему наследника. Но так как жена генерала была слишком слаба и малокровна, то она не могла сама кормить грудью своего ребенка, а моя жена, сильная и здоровая женщина, имела молока достаточно на двоих; она-то и сделалась кормилицей сына генерала. Вскоре пришло известие, что генерал Бартес, находившийся тогда в Африке, серьезно ранен и что на благополучный исход болезни трудно надеяться. Обезумевшая от горя супруга поспешила к мужу, а ребенка оставила на! полном нашем попечении. В замке из семьи владельцев не осталось никого, кроме брата генерала. На беду, в отсутствие супруги генерала маленький Эдмон Бартес умер в сильном приступе менингита, и мы не знали, как сообщить эту горестную весть лежавшему на одре болезни генералу и его удрученной горем, слабой и болезненной жене, — это известие могло убить их. И вот брат генерала стал умолять меня и жену подменить умершего ребенка генерала нашим живым мальчиком. Дети были почти одного возраста, оба черноволосые, румяные, и подмена могла остаться незамеченной. Мы с женой были оба молоды, и у нас могли быть и другие дети. Беспредельная жалость к моему благодетелю и его доброй супруге побудили нас с женой согласиться на эту подмену и составить свидетельство о смерти на имя младенца Густава Гроляра, тем более что ребенок оставался у нас.

— Так значит, этот Эдмон Бартес, этот ссыльный с Нумеа, настоящий глава Великого Общества Джонок, наследник Кванга — твой сын! — воскликнул Ланжале.

— Да, мой сын!

— Ах, бедный друг! Несчастный отец! Теперь я понимаю и твои колебания, и ту двуличную роль, и все твои мучения, которые ты переносил изо дня в день, ты, который лучше всякого другого знал, что он невиновен! Но теперь, когда мне все известно, знай: нас будет двое, чтобы охранять его, любить и спасти из когтей врагов!

— Да услышит тебя Бог! Впоследствии ты узнаешь все, что я сделал для него и ради него! Даже маленький голубой просвет на мрачном фоне моей жизни был бы большим облегчением моей участи, явившись только актом высшей Божеской справедливости против несправедливости суда людского!..

ЭПИЛОГ. Возмездие

В Шербуре. — Нет китайцев на судне. — Утомительные церемонии. — Американский разведчик. — Смелый маневр. — Посетитель. — Советы адмирала. — Последние вести о некоторых пассажирах «Лебеда».

В этот день в шербуре царило большое оживление: сюда должна была прийти эскадра под командой адмирала Ле Хелло. Все военные, морские и гражданские власти города собрались на набережной приветствовать наших славных моряков, вернувшихся после долгой и трудной кампании на родину. Распространился слух, будто на одном из судов эскадры прибыл какой-то важный сановник Китайской Империи, уполномоченный закрепить договор, заключенный с Англией и Францией, и в то же время подготовить соглашение, которое должно было открыть громадный сбыт товарам французской промышленности. Скоро семафоры оповестили о появлении эскадры. Адмиральское судно замедлило ход, чтобы дать подойти остальным судам, вскоре после чего вся эскадра встала на рейд. С фортов их приветствовали выстрелами, а с набережной — громкими криками; на эскадре отвечали тем же.

Тотчас же начались официальные посещения с их бесконечными речами, обращениями и всеми обычными в этих случаях церемониями.

Когда адмирал Ле Хелло сошел на берег со своей свитой, чтобы отдать визиты, в публике стало заметно сильное разочарование: в свите адмирала не было ни одного китайца! И разочарование это стало еще больше, когда стало известно, что нет китайцев и на судне. Несмотря, однако, на это разочарование, торжества в честь вернувшихся моряков прошли должным порядком, и адмирал Ле Хелло, вернувшись поздно вечером на свой броненосец, вздохнул с облегчением, почувствовав себя, так сказать, в тихой пристани.

— Ну, слава Богу, кончено! — воскликнул он, обращаясь к своим офицерам. — На этот раз мы вполне заслужили свой отдых!

Спустя некоторое время командир снова вышел на палубу в своей обычной будничной форме и фуражке и, осмотрев горизонт в бинокль вахтенного офицера, спросил:

— С того момента, как мы бросили якорь, никакое судно не входило на рейд?

— Нет, адмирал!

— Если придет какое ни на есть, дайте мне знать.

— Слушаю, адмирал!

После этого адмирал удалился с озабоченным, невеселым лицом.

— Уж не случилось ли чего-нибудь? — пробормотал он сквозь зубы. — Я положительно не могу себе объяснить этого запоздания» Еще вчера оно было в поле зрения!

Прошел час времени, но вахтенные ничего не отметили на горизонте. Мимо эскадры прошло грузовое судно и небольшой голет¹⁰, направляясь к входу в коммерческий порт. Предупрежденный об их проходе адмирал едва удостоил их взглядом и с недовольным видом удалился в свою каюту.

Наконец, при последних лучах заката, показался американский авизо в узком и опасном проходе, отделяющем большую дамбу от острова Пелсея.

Адмирал внимательно принялся разглядывать этот авизо, который сбавил ход, но не бросал якорей. Казалось, будто он или не решался встать на рейд, или же собирался повернуть на другой галс и идти к английским берегам.

— Право, эти янки совсем сумасшедшие, — проговорил один из офицеров, следивший за американцем. — Или они не знают, что здесь почти сплошная мель!..

— Не беспокойтесь, семафоры предупредят их об опасности, — отозвался на это де Ла Шенэ, — несколько оборотов винта — и они будут в безопасности!

Не обращая внимания на этот разговор, адмирал поднялся на верхний мостик и, подняв высоко над головой свою фуражку, помахал ею в воздухе. И тотчас, как будто на авизо только этого и ожидали, многозвездный флаг трижды поднялся и опустился в знак приветия.

— Распорядитесь ответить американцам, — сказал адмирал вахтенного офицеру, — и французский флаг ответил американскому тем же приветствием.

Едва только это увидели на авизо, как он решительно двинулся вперед в узкий канал, к неописуемому ужасу офицеров и недоумению экипажа и служащих при семафорах. Искусно обойдя мели, маленькое судно прошло вдоль дамбы и наконец бросило якорь в нескольких кабельтовых от адмиральского судна.

Адмирал вдруг повеселел, и его мужественное, решительное лицо осветилось ласковой, приветливой улыбкой.

— Все благополучно! Эти люди, искавшие во мне защиты и помощи, теперь убедятся, что они открылись человеку, заслуживающему их доверие... слава Богу! — пробормотал он, весело потирая руки.

Несмотря на поздний час, с авизо спустили шлюпку, которая быстро направилась к французскому броненосцу.

После непродолжительных переговоров человек, сидевший в шлюпке, был принят на французском судне самим адмиралом Ле Хелло.

— Прежде всего позвольте мне, адмирал, поблагодарить вас, от моего имени и от имени всех моих друзей, за то участие, которое вы проявили к нам! — сказал вновь прибывший.

— Прекрасно, мы об этом поговорим после, господин Жонкьер... Теперь же сообщите ваши новости: все ли обошлось благополучно у вас на «Лебеде»?

— Плавание наше было превосходно и чрезвычайно счастливо: мы заходили в Корон и поджидали вашего прохода.

— Ах, да, я упустил из виду, что мы шли, точно черепахи, тогда как вы на своем «Лебеде» летели, как птицы. Вы, американцы, можно сказать, моряки будущего, которые много наделают горя англичанам. А теперь скажите мне, как поживает милейший капитан Уолтер Дигби?

— Превосходно... Он настоятельно просил меня передать вам свое почтение, и, если позволите, завтра он явится к вам лично!

— Я буду рад его видеть. А теперь поговорим немного о вашем друге Эдмоне Бартесе! Что, он по-прежнему настаивает на всех своих намерениях?

— Вы так же хорошо, как и я, знаете, адмирал, что выстрадал мой бедный друг, знаете, каким ужаснейшим мукам подвергся он, человек, ни в чем не повинный, само воплощение честности, благородства и порядочности... Он требует громкой, всенародной реабилитации и примерной кары и возмездия тем людям, которые старались его унижить, опозорить его честное имя, втоптать его в грязь. Он жаждет мести, и месть его будет ужасна!

— Но уверен ли он, что эта месть падет только на людей, действительно виновных и преступных?. Ведь в этом возмутительном деле есть такие таинственные стороны, которые совершенно не поддаются анализу... Понятно, я не требую снисхождения для негодяев, как бы высоко ни было занимаемое ими общественное положение, но следует остерегаться, чтобы чувство ненависти, которое часто ослепляет людей, не поразило совершенно непричастных к делу лиц!

— Эдмон Бартес знает своих врагов, и чувство справедливости не угаснет в нем даже и под влиянием ненависти!

— И ваш друг не боится ошибиться в этом вопросе справедливости? Справедливость — такое слово, которое очень легко утрачивает свой

настоящий смысл и значение, как только в человеке говорит раздражение или обида. Разве не во имя этой самой справедливости пострадал ваш друг, господин Бартес? Нет, я не могу допустить мысли, чтобы господин Прево-Лемер согласился и дал осудить невиновного! Поверьте моему опыту, господин де Ла Жонкьер, снисходительность и способность прощать не унижают никого»

— Не мне спорить с вами об этих вопросах, адмирал, но я надеюсь, что вам удастся повлиять на решения Эдмона Бартеса, и если не изменить их, то хоть видоизменить отчасти!

— Я уверен, что мы в конце концов сойдемся... Я так же, как и ваш друг, горячо желаю, чтобы негодяи были наказаны, но только действительные негодяи!

— Я передам ваши слова дословно моему другу!

— Так, так! — сказал адмирал, глядя на «Лебедея», на котором в этот момент гасили огни.

— Да, а де Сен-Фюрси, что такое делается с ним? — вдруг спросил Ле Хелло своего посетителя.

— Господин де Сен-Фюрси, — ответил Гастон де Ла Жонкьер, улыбаясь, — не научился, несмотря на свои продолжительные и многократные плавания, жить в ладу с морем... Он болен и не выходит из своей каюты.

— Я так и полагал: эти господа дипломаты всегда крайне невыносимы в море!

— Но я во всяком случае уверен, что господин де Сен-Фюрси явится весьма ценным помощником для Эдмона Бартеса, которого он уважает и любит, как родного сына.

— Вы так думаете?

— Я ничуть в этом не сомневаюсь!

— В таком случае, тем лучше. А мои четверо шалопаев, научились ли они вливать побольше воды в свое вино — и побольше дрожжей в свои мозги?

— Они все те же, адмирал, то есть люди с золотым сердцем, преданные, честные, достойные состоять в рядах французского флота, во главе которого стоите вы!

Адмирал Ле Хелло, которому были известны подвиги Порника, Данео, Пюжоля и Ланжале и который искренне любил своих моряков, несмотря на то что они подчас бывали и шумливы, и буйны, не мог удержаться от улыбки при воспоминании о некоторых из проделок этих четырех героев.

— Передайте им, — сказал адмирал, — что я горячо буду

ходатайствовать за них, — и мы добьемся полного помилования.

— Они очень рассчитывают на ваше заступничество и уверены, что ни один адвокат в мире не мог бы лучше постоять за них, чем вы!

— Этому немало будет содействовать и «Регент»: ведь этот алмаз в ваших руках, не так ли?

— Да... и через несколько дней им снова будут любоваться в Париже!

— Превосходно!.. Вот алмаз, нашедшийся как нельзя более кстати и которому суждено в значительной мере содействовать нашему делу или, вернее, делу наших друзей!

— Я считаю себя счастливым, что мог быть хоть сколько-нибудь полезен в этом деле!

— Успех всегда приходит к людям со смелым умом и закаленной волей, — этим и объясняется то, что вы вернулись не с пустыми руками.

Гастон де Ла Жонкьер почтительно поклонился и собрался было уже совсем уходить, когда адмирал спросил его:

— Кстати, у вас есть китайцы на судне?

— Да, те, которые сопровождали старика Фо и которые обязаны состоять при Кванге.

— В таком случае и Бартес все еще состоит таинственным главой Поклонников Теней?

— Да.

— Мне казалось, что он хотел освободиться от этой власти?

— Он ждет только, когда ему можно будет стать вновь прежним Эдмоном Бартесом.

— А если это не удастся?

— Он останется Квангом!

Обменявшись дружеским рукопожатием с адмиралом Ле Хелло, Гастон де Ла Жонкьер снова сел в шлюпку и вернулся на свой авизо «Лебедь», где подробно передал свой разговор Эдмону Бартесу, который вполне одобрил все, что говорил его друг.

— Готовятся важные события, — сказал он, — и мне подобает самому руководить ими, чтобы подготовить свою месть и добиться моей полной реабилитации!

«Лебедь» в действительности был «Иен», перекрашенный в черный цвет, с оранжевой каймой, плававший теперь под американским флагом.

Но для того чтобы объяснить его принадлежность и его присутствие в Шербуре, надо вернуться немного назад и упомянуть о некоторых событиях, вызвавших это дальнейшее плавание.

II

Исповедь Гроляра. — Эскадра на море. — Опасения Ланжале. — Свидание с командующим эскадрой. — Недоумения адмирала. — Ланжале на острове Иен. — Пюжоль и его объяснения. — Хорошо защищенный порт.

Нетрудно себе представить, какое впечатление на Ланжале произвела исповедь Гроляра, исповедь почти невероятная, но парижанин был человек решительный. — Ну, и каковы же твои намерения? — Я буду продолжать охранять моего сына без его ведома, вплоть до того момента, когда он наконец будет отомщен и восстановлен в своих правах!

— А между тем мы теперь находимся в числе его врагов... или, по крайней мере, содействуем тем, кто травит его, как дикого зверя!

— Не забывай, что если Гроляр не имеет никакой власти, то маркиз де Сен-Фюрс пользуется большим авторитетом и снабжен такими полномочиями, которые позволяют ему при необходимости даже отдавать приказания командующему французской эскадрой!

— Прекрасно! Не следует, однако, допускать неловкости и относиться открыто неодобрительно к этой экспедиции, предпринятой, можно сказать, чуть ли не по нашему настоянию. Это может показаться адмиралу подозрительным.

— В этом-то и беда... Но я все взвешу, обдумаю и, вероятно, найду выход из этого положения для всех нас!

— Я тебе помогу в этом, а пока ответь мне откровенно: намерен ты восстановить свои родительские права по отношению к Эдмону Бартесу?

— К чему? Соглашаясь на обмен, я добровольно отказался от всех своих прав, и Эдмон привык любить и уважать как отца только генерала Бартеса, меня же он никогда не знал, я для него чужой, злодей, преследующий его, человек, которого он ненавидит и презирает, быть может... Кроме того, надо считаться еще с человеческим тщеславием: как ты думаешь — легко будет Эдмону примириться с мыслью, что он сын простого агента полиции, тогда как до сего времени он считал себя сыном славного, родовитого генерала?!

— Да, это правда, но мне кажется, что со стороны господина Бартеса было вполне естественно любить и ценить человека, который его вырастил, воспитал, направлял в жизни и который, таким образом, является его настоящим отцом.

— Ты видишь, что я не могу нарушить молчания и обнаружить тайну, которая внесла бы столько перемен в положение моего сына, последствий которых мы даже не можем предвидеть!

— Ты прав, старина, — сказал Ланжале, — но как бы то ни было, можешь быть уверен, что моя преданность твоему сыну будет неизменна. Я постоянно буду подле тебя, буду во всем помогать тебе, а двое людей с доброй волей могут сделать многое, когда в них говорит решимость сделать доброе дело.

И они крепко пожали друг другу руки.

Насколько первое плавание эскадры было трудное, настолько это второе было приятное и благополучное. Погода стояла превосходная. Суда благополучно обходили все многочисленные рифы, которыми усеяна эта часть моря, не потерпев ни малейшей аварии за все это время.

Наконец вдали показался остров Иен. Адмирал тотчас же дал распоряжение оцепить его со всех сторон и внимательно следить за всем, что происходит на острове, высадить неожиданно десант и, в случае необходимости, сразиться и уничтожить пиратов, укрывшихся в этом грозном убежище.

Командир Маэ де Ла Шенэ был назначен командовать этой экспедицией и получил строжайшие предписания.

— Если бандиты станут оказывать сопротивление, — приказал адмирал, — то не поддавайтесь никаким гуманным побуждениям, а преследуйте их, травите и убивайте всех до последнего, Без пощады, без сожаления к этим негодьям!»

Услыхав это ужасное наставление, Гроляр и Ланжале почувствовали, что силы их оставляют и кровь приливает к сердцу. Что им было делать, что предпринять при подобных условиях?

Бартес и его товарищи должны были погибнуть постыдной смертью, если не успеть предупредить их вовремя. В пылу боя кто станет разбираться, что на острове Иен находятся французы?! Ведь пули и снаряды разят, не щадя никого, без разбора.

— Ну, что же? — спросил совершенно растерявшийся Гроляр.

— Боюсь, что мы слишком много предоставили воле судьбы, — сказал Ланжале, — тебе следовало помешать адмиралу Ле Хелло прийти сюда.

— Но разве я не могу даже сейчас вмешаться в это дело на основании моих полномочий?

— Попробуй — и ты увидишь, что из этого выйдет! Уж не воображаешь ли ты, что командующий эскадрой — один из твоих агентов? Адмирал, старый морской волк, шутить не любит и, вероятно, отправит

тебя ко всем чертям, если ты попробуешь сунуться. На него возложено поручение, и он выполнит его, особенно, если думает, что исполнит свой долг по отношению к короне и к морякам всех наций, очистив эту часть океана от шайки пиратов.

— Так ты думаешь, что сын мой Эдмон бесповоротно погиб?

— Если он не успеет покинуть остров!

— Но ведь он говорил, что останется на острове до тех пор, пока не получит оправдательных документов, восстанавливающих его честное имя и доказывающих его невиновность... Наверное, он еще здесь.

— Ну, так подожди меня... поди и ложись в своей каюте, притворись больным, а если тебя будут о чем-нибудь спрашивать, не отвечай никому, притворись мертвым, понимаешь?

— Что ты задумал?

— В данный момент тебе до этого нет дела; доверься мне — сын твой будет спасен!

— Я тебе покоряюсь, но помни, если тебе понадобится моя помощь, то я готов на все, чтобы только отклонить опасность, грозящую Эдмону.

— Хорошо, иди же!

Гроляр удалился, охая как бы от сильных желудочных болей; черты лица его исказились от мнимой боли, так что даже суровый буфетчик, побуждаемый состраданием, предложил ему выпить большой стакан тафии, для поддержания сил. Но бравый сыщик отказался от такого лечения, добрался до своей каюты, тотчас же лег в постель и приказал, чтобы его не беспокоили ни под каким предлогом. А Ланжале сразу же попросил разрешения поговорить с адмиралом. Адмирал, крайне удивленный этим неожиданным визитом Парижанина, тем не менее согласился его принять, попросив, однако, быть кратким.

— Прошу извинить меня, адмирал, что я, быть может, в такое неурочное время явился к вам, — начал Ланжале, — но то сообщение, которое должен был сделать вам господин де Сен-Фюрси, если бы он вдруг не захворал, настолько важно, что я не счел возможным отложить это свидание с вами до более удобного времени.

— Что такое? — спросил командующий эскадрой, несколько удивленный таким вступлением.

— Господин де Сен-Фюрси просит вас, адмирал, прекратить приготовления к сражению, так как на острове Иене нет пиратов!

— Откуда взял господин де Сен-Фюрси эти странные сведения?.. Быть может, внезапная болезнь помутила его рассудок? Замечательно, что он всегда бывает болен, как только речь заходит о какой-нибудь опасности!

— Частные сведения, полученные им, уведомляли его, что пираты скрылись и что настоящая экспедиция совершенно утратила свой смысл.

— В самом деле? Уж не добавил ли он к этому, что и самый остров превратился в Аркадию, населенную пастушками смиреннее своих овец и безобиднее голубей? Нет, право, лихорадка его злокачественная, но, к счастью, не заразительная!

Адмирал подсмеивался, а у него насмешливое настроение всегда предшествовало твердым и бесповоротным решениям. Но это не смутило Ланжале, который совершенно спокойно добавил:

— Я также со своей стороны утверждаю, адмирал, что на острове Иене нет пиратов; мы найдем там только французов, таких же, как мы с вами!

— Французов?

— Да, адмирал, которых вы должны ограждать и защищать, а не расстреливать.

Перед столь категоричным заявлением командир соединенных морских сил принялся упорно вглядываться в черты лица своего собеседника.

«Право, этот личный секретарь, вероятно, так же болен, как и его патрон!» — мелькнуло у него в голове.

Между тем Ланжале продолжал:

— То, что я вам сказал, настолько справедливо, что я явился просить Ваше Превосходительство отправить меня парламентаром к нашим соотечественникам и позволить мне привести их сюда!

— Французов? Но где вы их возьмете, черт побери! — воскликнул адмирал, которому наконец изменила его обычная сдержанность.

— Ах, адмирал, вспомните, что есть люди, еще более заинтересованные, чем мы с вами, в отыскании «Регента» и водворении его обратно во Францию... Не удивляйтесь, если им удалось предприятие, успех которого сулит им хорошую награду!

— Но кто же эти французы? Что это — моряки, солдаты или коммерсанты? Не могу же я предпринять столь неопределенную и опасную экспедицию, не будучи уверен, как именно обстоит дело.

— Господин Гастон де Ла Жонкьер лучше меня сумеет ответить вам на это.

— Господин Гастон де Ла Жонкьер?! Сын хранителя коронных бриллиантов?! Разве он также среди пиратов... то есть, среди наших соотечественников, находящихся на этом острове?

— Да, и он держит «Регент» у себя; кроме того, он будет рад приветствовать вас!

— Нет, я положительно ничего не понимаю! Даю вам карт-бланш, и если вы ручаетесь, что ничем не рискуете, то разрешаю вам отправиться на остров!

— Я в полной безопасности, адмирал, в этом не может быть сомнения; я даже не возьму никого с собой. Будьте добры только приказать спустить для меня шлюпку — и не позже чем через два часа я вернусь обратно.

— А маркиз де Сен-Фюрси одобрит вашу поездку на остров?

— Он бы и сам, вероятно, отправился со мной, если бы был здоров.

— Да, этот милейший господин де Сен-Фюрси отнюдь не человек дела. Но зато ему известны самые тончайшие хитросплетения дипломатии» Пускай он без вас хорошенько подлечится, скажите ему!

Подобно большинству моряков и военных, адмирал Ле Хелло не особенно уважал господ дипломатов и членов администрации, умеющих хватать чины и знаки отличия без особого риска для себя, кроме разве временного расстройства желудка после официальных торжественных обедов, а потому нередко позволял себе подтрунивать над Гроляром, не считая его способным к проявлению большой решимости или мужества. Ланжале же за последнее время он стал ценить выше, признав за ним большую находчивость и способность к разумной инициативе.

В несколько минут шлюпка была спущена, несколько человек матросов, молодой мичман и Ланжале спустились в нее, и Парижанин, стоя у руля, направил шлюпку к узкому мысу, окаймленному базальтовыми утесами, последними отрогами громадной каменной гряды, временами совершенно скрывавшей горизонт. Непосредственно позади этого мыса врезался в остров небольшой залив, где было особенно тихо по сравнению с открытым морем.

Здесь Ланжале вышел на берег. Несмотря, однако, на его заверения о полной безопасности, он был вооружен хорошим ружьем и двумя солидными револьверами. Мичман предложил сопровождать его для защиты в случае нападения, но Парижанин отказался от его услуг. Бодрым, легким шагом он взобрался на горный берег, вздымавшийся перед ним, и вскоре скрылся из глаз своих спутников.

Во время своего первого пребывания на этом острове Ланжале большую часть времени проводил в долгих прогулках со своими товарищами и потому довольно хорошо знал топографию острова; по козьим тропкам он добрался до противоположного хребта и очутился над большой котловиной, которую кольцом обступили неприступные отвесные скалы. Дно котловины представляло собой громадное озеро, из которого вытекали в трех различных направлениях широкие извилистые каналы.

Ланжале остановился и с некоторым разочарованием окинул взглядом всю местность. Видимо, он затруднялся, что ему теперь делать, как вдруг знакомый насмешливый голос коснулся его слуха:

— Тс-с!.. Да ведь это Парижанин! Прощай, старуха!» Ну, как ты поживаешь с тех пор, как мы не виделись с тобой? Недурно, не правда ли? Ну, и мы тоже!

— Эге, да это Пюжоль!

— Ну конечно, Пюжоль из Бордо, первейшего города после Парижа!

И не переставая говорить и смеяться, друзья горячо обнялись и расцеловались. Между прочим Ланжале объяснил, что привело его на остров.

— Мы знали, что против нас снарядили целую экспедицию, — сказал Пюжоль, — капитан Уолтер Дигби хотел было помериться силами с этими акулами, которые намеревались нас проглотить, не разжевывая. Кроме того, что наш авизо затянут в такой корсет брони, как любая жена префекта, и что у нас такие орудия, которые на расстоянии трех километров превращают любого гражданина в мокрое местечко, у нас здесь есть такие гроты, о которых никто и подозревать не может, а в них у нас такие батареи, от которых и черту в пекле жарко бы стало, если бы он их отведал. Мы от всего вашего флота не оставили бы щепы! Но когда мы увидели французский флаг, то сказали себе: «Стой!» И я, и Порник, и Данео. «Стой!» — сказали также господин Бартес и господин де Ла Жонкьер, — мы будем драться с кем угодно и проделывать, что угодно, но убивать своих, в числе которых, быть может, есть и бордосцы, и марсельцы, и бретонцы... Нет! Этого никогда не будет! Все-таки глаза закрывать нам не подобало, и мы решили следить за каждым движением эскадры. Вот почему ты и нашел меня здесь. Я, так сказать, часовой; вот почему я окликнул тебя так ласково, а товарищи в других местах расставлены тоже на вахте; с разных пунктов наблюдаем...

— Хорошо, что ты меня окликнул, Пюжоль, а то я уже начинал беспокоиться. — Ну, а «Иен» где же у вас стоит?

— «Иен»? «Иена» нет больше! Экипаж не соглашался плавать под китайским флагом, больно опасно стало; так его переокрасили, подняли на нем американский флаг и назвали «Лебедем», знаешь такую птицу, похожую на гуся с журавлиной шеей... Американцы все же люди, их приходится уважать, а китайцы что? Пешки!

Разговаривая таким образом, друзья шли вдоль самого широкого из каналов и минут через десять ходьбы оказались подле громадного темного грота, уходящего глубоко вглубь в самые недра земли; здесь, в этом гроте,

под его темным сводом, стоял на якоре авизо, переименованный теперь в «Лебедя».

Приход Ланжале вызвал здесь столько же удивления, сколько и радости; однако Эдмон Бартес не давал слишком много воли своему оптимизму и отказался вступить в переговоры с командующим французской эскадрой. Гастон де Ла Жонкьер, близко знавший адмирала Ле Хелло, старого друга его семьи, сразу понял, какие выгоды он может извлечь из этой встречи, и приготовился последовать за Парижанином на командирское судно соединенных эскадр.

Тем временем Порник и Данео тоже вернулись на «Лебедь» и с шумной и сердечной радостью приветствовали своего старого товарища Ланжале.

— Тем не менее я готов побиться об заклад, что опять-таки эту эскадру привел сюда де Сен-Фюрси, эта злая, старая каналья, которая только спит и видит, чтобы накликасть на нас беду.

— Я с тобой согласен. Этот старый сыщик — наш злой гений! — произнес Пюжоль.

— Проклятье! Если он только опять попадется мне под руку, я сверну ему шею! — заявил Порник.

— Эй, будьте благоразумны, друзья, — предостерег их Ланжале, — и не судите людей по виду... Мой маркиз, право, не так скверен, когда его узнаешь поближе. Вы даже не подозреваете, какие громадные услуга он оказал вам и, вероятно, еще окажет в будущем.

III

Посещение адмирала. — Призыв к прощению. — Возможно ли мщение? — По-прежнему подозрителен — Вторая исповедь. — Роль Люпена. — Подготовленная гибель. — Отъезд.

Удивление адмирала, когда к нему явился Гастон де Ла Жонкьер, не поддается никакому описанию. Свидание их было самое дружественное, и, отвечая на вопросы Ле Хелло, его гость постепенно рассказал всю странную одиссею своих товарищей, возмутительное осуждение его друга Бартеса, его громадное состояние, титул Кванта, смелость капитана Уолтера Дигби, похищение «Регента», роль Лао Тсина, богатейшего банкира Батавии, наконец, инцидент в гротах Мары и пребывание на острове Иене

Как известно, у моряков есть склонность к таинственному и чудесному, и на этот раз адмирал пожелал сам убедиться в том, о чем ему рассказывали, и узнать героев всех этих приключений, причем дал слово, что не только не покусится на их свободу, но даже будет содействовать им и охранять их, насколько это будет нужно, даже обещал выхлопотать прощение для тех из них, кому оно может быть нужно, если они пожелают вернуться во Францию. После двух или трех посещений острова все симпатии адмирала перешли на сторону этих смелых, так много и так жестоко пострадавших людей. Он пожелал посетить гавань, или, вернее, то убежище, где был скрыт от всех посторонних глаз «Лебедь», и был поражен теми мерами предосторожности, какие были приняты китайцами, некогда живущими здесь, и затем капитаном Уолтером Дигби.

— Да это настоящий Гибралтар! — воскликнул он. — И мы отлично сделали, что не действовали поспешно!

Кроме того, он вполне одобрил перемену национальности авизо.

— Если вам вздумается зайти в какой-нибудь французский порт, — говорил он, — вас под этим флагом никто не станет беспокоить, тогда как флаг Небесной Империи непременно возбудил бы толки, пересуды и обратил бы на себя всеобщее внимание, весьма нежелательное для некоторых из... ваших пассажиров!

— Когда нужно, я умею быть осторожным, — отвечал Уолтер Дигби, улыбаясь, — и во французские воды я решил зайти не иначе, как основательно изучив почву.

— Дайте мне первому прийти во Францию — и я отвечаю вам за все!

— Мы подумаем, адмирал... Всего вероятнее, мы последуем за вами... Кванг питает к вам полное доверие... и я также!

Обрадованный встречей с соотечественниками на такой далекой окраине и желая оказать им услугу, адмирал хорошенько намылил шею Порнику, Данео, Пюжолу и Ланжале, но в душе не особенно осуждал их за бегство.

— Ну что бы вы сделали на их месте? — обратился он к де Ла Шенэ. — Что касается меня, то я себя знаю и, даю слово, поступил бы точно так же, как они.

К Эдмону Бартесу адмирал относился с величайшим уважением и говорил с ним с таким почтением, какого тот не мог даже ожидать. Тронутый этим честным, дружественным отношением, молодой Кванг почувствовал, что в нем заговорили лучшие чувства, которые он сам считал задушенными чувством глубокой ненависти и презрения к людям.

— Несмотря на все вынесенные мной страдания, на ту нищету, позор и унижения, какие выпали на мою долю, — говорил он, протягивая руку адмиралу, — я все-таки не могу забыть, что я — француз, что во Франции прошла моя молодость, что там я любил и верил в счастливое будущее!

— Неужели в вас не живет больше никакой надежды? Ваша молодая жизнь, приостановленная в момент самого ее расцвета, еще сулит вам много светлых дней!

— Для меня светлыми днями будут только дни отмищения!

— Мне вполне понятен ваш гнев и ваши обиды; но так как вы были осуждены неправильно и незаслуженно в Париже, то в том же Париже, перед лицом всех ваших обвинителей, вы должны требовать восстановления ваших прав и вашего честного имени, и перед лицом всех доказать свою невиновность и покарать виновных» Таково мое мнение. Если же вы окольными, негласными путями станете мстить своим врагам, то хотя и испытаете удовлетворение вашей жажды мщения, но все-таки по-прежнему останетесь тем же каторжником, лишенным прав, тем же опозоренным человеком, как сейчас. Этого ли вы хотите? Кроме того, в глазах общества и закона ваше справедливое мщение будет только разбоем и преступлением, достойным наказания, — и из судьи вы превратитесь в заурядного преступника, в своего рода «браво», который укрывается за своим громадным состоянием для того, чтобы безнаказанно поражать своих врагов. Это ли роль, которая вам по душе?

— Но если никакая реабилитация для меня невозможна, то неужели я должен покорно склонить голову перед опозорившим мое честное имя вердиктом? Если суд человеческий обесчестил невинного, то кто может

поручиться, что этот самый суд не будет столь же слеп и несправедлив и во второй раз?!

— Кто вам поручится за это? Я! Я, который убежден в вашей невинности, который сумеет передать свое убеждение судьям. Если я поручусь за вашу честность, поручусь за то, что вы никогда не были виновны, то вам воздадут должное — справедливость восторжествует; кроме того, у вас есть еще и Гастон де Ла Жонкьер...

— Да, но увы! — и тогда, когда я впервые сел на скамью подсудимых, подле меня было много добрых и преданных друзей, но все же суд осудил меня!

— Это объясняется тем, что в вашем деле были весьма темные стороны, которые так и остались неразъясненными...

Я знаю Прево-Лемера и не могу допустить, чтобы он заведомо позволил осудить на каторгу невинного человека, особенно вас, к которому он питал добрые чувства. Кто-нибудь очернил вас в его глазах. Вероятно, виновные. Так приезжайте же во Францию на вашем «Лебеде»; будьте для всех вольным янки, путешествующим на своей яхте для собственного удовольствия... Я готов поручиться, что никто не побеспокоит вас, а ловко организованным дознанием мы в конце концов сумеем отыскать воров.

Речь адмирала убедила Эдмона Бартеса, и они вместе с Уолтером Дигби решили следовать за французской эскадрой, вплоть до порта приписки. Это внезапное решение, конечно, весьма удивило Кианга, Лу и Чанга, но преемник старика Фо скоро сумел убедить их, что Квангу не приличествует оставаться под тяготеющим над ним и позорящим его обвинением, так как Король Смерти должен стоять с высоко поднятой головой и смелым, гордым и самоуверенным взглядом перед лицом Поклонников Теней. Тогда китайцы сами одобрили его путешествие во Францию и еще раз уверили своего Кванга в безграничной ему преданности и почтении.

Счастливые тем оборотом, какой начинало принимать дело, Ланжале и Гроляр высказали желание быть принятыми в число пассажиров «Лебеда». Но если на принятие Ланжале последовало всеобщее согласие, то относительно старого сыщика дело обстояло совершенно иначе: его не хотели допускать в свою компанию. Тогда Ланжале обратился за содействием к де Ла Жонкьеру и открыл ему тайну рождения Эдмона Бартеса.

— Но позвольте, господин де Сен-Фюрси всегда ожесточенно преследовал своего сына или, быть может, мнимого сына! — возразил де Ла Жонкьер, донельзя удивленный открытием Ланжале.

— Вы так думаете? Ну, так расспросите его самого и по его ответам судите о его намерениях!

По этому поводу произошел длинный разговор между Гроляром и де Ла Жонкьером, и на вопрос последнего: «Что вы сделали, чтобы защитить или спасти своего сына, которого постигло такое страшное несчастье?» — сыщик с гордостью отвечал:

— Я ему вернул свободу, я содействовал тому, чтобы он мог занять положение, равное положению его врагов, и в то время как я возвышал его, я всеми силами старался унижить их.

— Каким образом? — спросил удивленный де Ла Жонкьер.

— Я не буду говорить вам обо всех мучениях, какие я вынес во время процесса Эдмона, и все надеялся, что будет отдано предписание о прекращении дела или же что ему вынесут оправдательный вердикт. Но когда он был осужден, осужден за кражу, как простой вор, я не могу вам сказать, что я вынес тогда... Убежденный в его невиновности, я поклялся тогда же вырвать его из унижительного и страшного положения каторжника, освободить его, дать ему средства отомстить за себя и вернуть ему прежнее положение среди бывших его товарищей и честное имя, так несправедливо отнятое у него.

— Какова же была ваша роль в тех событиях, которые способствовали освобождению Бартеса и получению им титула Кванта?

— Погодите, вы сейчас увидите сами. Мои заслуги в парижской полиции создали мне репутацию чрезвычайно ловкого человека и приобрели мне доверие моего начальства. Когда я узнал о похищении «Регента», произведенном четырьмя китайцами, прибывшими во Францию, чтобы вернуть себе скипетр, необходимый для коронации монарха Небесной Империи, то тотчас же подумал о той пользе, какую можно было извлечь из всего этого. И вот мне удалось добиться назначения в Новую Каледонию для содействия господину Прево-Лемеру, бывшему тогда главой суда в Нумеа. В том состоянии духа, в каком я его застал, мне было трудно уговорить его согласиться на бегство пленников, бегство заранее обдуманное и подготовленное мной, чего, однако, и сами спасаемые не подозревали. Но вы не хуже меня знаете этот эпизод, доставивший столько беспокойства командиру «Бдительного» господину Маэ де Ла Шенэ, зятю Прево-Лемера.

— Да, действительно, я слышал о неприятностях этого господина.

— Мало того, благодаря мне Эдмон мог бежать не один, а с группой надежных, преданных друзей. Без его ведома я окружил его этими людьми; вы их знаете: Порник, Данео, Пюжоль и Ланжале, ставший теперь моим

самым близким другом; все они вполне оправдали мое доверие. Когда я, желая испытать их, попробовал подействовать на Ланжале подкупом, то помните, как мне за это досталось. Удостоверившись, что положиться на этих людей можно, я облегчил им побег, но чтобы добиться своей цели, мне следовало по-прежнему оставаться агентом полиции, беспощадно преследующим беглецов. Мне нужен был тогда сотрудник, и я избрал для этой роли Люпена, которого и командировал к тем, кому я способствовал бежать с каторги.

— Люпена? Этого каторжника, этого негодяя, который симулировал такую безграничную благодарность в Эдмону и который, в сущности, был только вашей креатурой!

— Да, опустившийся до низшей ступени, этот человек не утратил в глубине души благородства чувств, хотя эти чувства и заснули в нем под влиянием голода, нищеты и всеобщего презрения. Этот человек ничего не симулировал; нет, он был глубоко привязан к моему сыну, — и я был спокоен до тех пор, пока знал, что Люпен подле него. Говорю, все мои действия, все малейшие случайности были мной предвидены и рассчитаны для того, чтобы отнять «Регент», отомстить за моего сына и вернуть ему его честное имя. Теперь алмаз у вас — ну и прекрасно! Остальное я вам расскажу в другой раз.

— Простите, вы говорили, что одновременно работали над возвышением Эдмона и падением его врагов. Правда ли это? И что вам об этом известно?

— Как вы, вероятно, знаете, банк Прево-Лемер и Ко имеет отделения во многих городах Дальнего Востока; он выдает очень крупные ссуды под шелк, чай, хлопок, рис и другие продукты, которые потом присваивает себе как бы в уплату за ссуду или вместо процентов или законных доходов; словом, этот банк и его отделения спекулируют на повышение. Вы знаете, конечно, также, что часто простой телеграммы достаточно, чтобы вызвать сильные повышения или понижения в ценах на товары. Нет такого состояния, которое бы устояло против таких систематических убытков. И вот благодаря своему настоящему положению, будучи аккредитован как дипломатический агент в разных странах, где банк Прево-Лемера совершает свои крупнейшие обороты, я часто имел возможность получать необходимые мне сведения о положении торговли и телеграфировал в Париж, Ливерпуль, Лондон, Гамбург, Марсель и другие города, вызывая крупные понижения на предлагаемый этой фирмой товар.

— Да, но Прево-Лемер очень богат, и, сколько я знаю, ваши приемы не принесли им большого ущерба!

— Это вам только кажется. Подрыв кредита — это такой червь, который незаметно гложет даже самое крепкое дело. Это все равно, что червоточина: она как будто едва заметна, но весь плод уже изъеден и в один прекрасный момент должен упасть с дерева.

Де Ла Жонкьер с недоумением смотрел на своего собеседника, этого кажущегося столь безобидным господина де Сен-Фюрси, к которому все относились как к какой-то отрицательной величине; а теперь, если в душе Жонкьера и оставалось еще некоторое сомнение относительно близкого родства его с Эдмоном, все же он не хотел лишиться последнего такого ценного союзника и потому употребил все свое влияние, чтобы Гроляр был принят в число пассажиров «Лебеда», что ему и удалось наконец.

Только адмирал Ле Хелло никак не мог себе объяснить, что заставило де Сен-Фюрси перебраться с «Фридланда» на «Лебедь», но так как этому господину предоставлено было действовать по своему усмотрению, то адмирал не стал много думать об этом и в тот же вечер, собрав свою эскадру, направился обратно во Францию.

«Лебедь» вышел на другой день после ухода эскадры, и в продолжение пути его несколько раз видели вахтенные адмиральского судна.

IV

Договор о дружбе. — Болезнь и беспорядки. — Уильям Бредли. — Джои Лайт. — Полиция и магистратура. — Еще «Х.У.З. 306». — Объявление. — Серия банковских билетов. — Ложный документ. — Последние предосторожности.

Четыре дня спустя после прихода в Шербур эскадры адмирала Ле Хелло и американского авизо «Лебедь», адмирал и Гастон де Ла Жонкьер отправились в Париж. Оба они были сияющие и торжествующие; первый из них вез «Регент». Как говорит пословица, счастливым людям все удается, и на этот раз все хлопоты и ходатайства того и другого увенчались успехом. В одно прекрасное утро Эдмон Бартес, или Уильям Бредли, как он теперь стал именоваться, получил депешу, в которой ему разрешалось, равно как и всему экипажу «Лебеда», пребывание во всех городах Франции на неопределенный срок.

Но Гроляр, всегда и во всем осторожный, отправился сначала с Ланжале, попросив Эдмона несколько обождать. Последний охотно согласился, так как теперь перестал питать неприязнь к сыщику, особенно с тех пор, как Парижанин и Гастон де Ла Жонкьер стали относиться к нему дружески. Однажды Гроляр сказал Эдмону:

— Десять раз я мог бы арестовать вас, если бы захотел, но я не сделал этого потому, что у нас в душе живет одна и та же ненависть, и потому, что я хочу отомстить вашим личным врагам!

— Каким образом могли задеть вас Прево-Лемер и К°? — спросил Эдмон.

— У меня был сын... вскоре после вашего осуждения он вступил на службу в этот проклятый банк. Его обвинили в краже... точно так же, как вас... Он протестовал, доказывал свою невинность, но роковое стечение обстоятельств было против него. Я молил, заклинал господина Прево-Лемера пощадить мое дитя, сжалиться надо мной, но он был неумолим.

— И ваш сын, вероятно, такой же неповинный ни в чем, как я, испытал все ужасы возмутительного, несправедливого осуждения, все унижения и муки каторги!

— Нет... он покончил с собой, чтобы избавиться от позора!

— Ах, несчастный отец! Как мне вас жаль! Как ужасно должно быть ваше горе»

И вдруг Эдмон Бартес протянул старому Гроляру обе руки и с этого

времени стал выказывать к нему расположение, которое стало возрастать по мере их сближения на почве общих планов, постоянной заботливости старика о спокойствии и благе Эдмона и всех тех мелких услуг, которые так ценны при совместной жизни.

В Париже Гроляра ждал прекрасный прием; его начальство осталось им чрезвычайно довольно и обещало аттестовать самым лучшим образом перед министром внутренних дел. Им не пришло даже в голову, что другие могли потрудиться над разысканием «Регента», и вся заслуга была целиком приписана Гроляру. Благодаря своим обширным связям и знакомствам Гроляр вскоре разузнал о делах фирмы Прево-Лемер и К*. Говорили вполголоса о возможности ликвидации дел в самом ближайшем будущем, если только вести с Дальнего Востока не окажутся особенно утешительными. Кроме того, он узнал, что глава фирмы серьезно болен, и его болезнь еще более способствует упущениям и беспорядкам в делах.

Говорили также, что эта внезапная болезнь была вызвана семейными неприятностями, тайными огорчениями вполне частного характера и сильным семейным разладом. Под секретом сообщали, что Жюль Сеген, зять старика Прево-Лемера, живет отдельно от своей жены и открыто распутничает на глазах у всех, проводя дни и ночи в клубах, кабаках, за кулисами, тогда как его шурин Альбер, совершенно погрязший в излишествах и распутстве, опустился до состояния самых жалких существ, с которыми и водил постоянную компанию.

Как опытный сыщик, Гроляр понял, что без постороннего содействия ему трудно будет проникнуть в некоторые тайны фирмы Прево-Лемер, и написал Эдмону Бартесу, спешно призывая его в Париж. На другой же день Уильям Бредли со своим камердинером Джоном Лайтом остановились в Гранд-Отеле. Джон Лайт был не кто иной, как Люпен. Что же касается Порника, Данео и Пюжоля, то их Гроляр поместил в скромной гостинице на левом берегу Сены.

— Ну, а какое нам будет предписание? — спросил Порник.

— Не напиваться пьяными, это прежде всего, так как с минуты на минуту ваше содействие может мне понадобиться, — сказал Гроляр, — понадобиться в деле, имеющем громадное значение для господина Бартеса!

— Да, раз нужно держаться наготове, чтобы услужить господину Бартесу, — сказал матрос, — то если даже вся вода в Сене обратится в вино, мы и тогда не хлебнем из нее ни одного глотка!

— Да нет же, мое запрещение так далеко не заходит: вы можете за обедом выпивать по бутылочке вина и затем кофе...

— Сдобренного рюмочкой кирша, с вашего разрешения?..

— Да, и это можно, только никак не больше одной рюмки на каждого»

— По одной капле! Ну, все равно, можете быть спокойны на наш счет!

Однажды вечером Гроляр, Гастон де Ла Жонкьер, Ланжале и Эдмон Бартес собрались все вместе в Гранд-Отеле для совещания. Первый из них сообщил полученные им сведения и добавил:

— Как видите, господин Бартес, время работало на нас, мы уже наполовину отомщены, немного терпения — и все Прево-Лемеры запросят пощады!

— Не забудьте, что и вам лично придется еще бороться с одним Прево-Лемером, который вас не пощадит, если узнает ваш образ действий, — заметил Гастон.

— Какой Прево-Лемер?

— Ваш бывший начальник в Нумеа, теперь он — обер-прокурор в Париже и, следовательно, надлежащим образом вооружен для борьбы.

— Пфэ! — пренебрежительно воскликнул Гроляр. — Все эти прокуроры, судебные председатели и *tutti quanti*, что они могут сделать без нас? Говорить грозные или блестящие речи, произносить приговоры, чваниться и считать себя достойнейшими смертными на земле — это они, конечно, смогут; но когда надо расследовать дело, арестовать или выследить преступника, тогда очередь за нами: мы узнаем все и подготавливаем для них дело. Я даже уверен, что, помня мои заслуги, обер-прокурор призовет меня к себе на помощь, и тогда» тогда враг будет в наших руках!

Эти слова побудили Эдмона нарушить свое молчание относительно письма, полученного им в Рошфоре через посредство сторожа; письма, воспроизведенного *in extenso* в первой части этого романа и подписанного: «Бывший служащий Французского государственного банка Х. У. Z. 306». Эдмон передал главнейшие места этого письма с удивительной точностью.

— Но если бы я знал раньше об этом, то спас бы вас, я непременно спас бы вас! — воскликнул сыщик. — И вы говорите, что анонс в «*Petit Journal*» укажет нам автора этого письма?!

— Да, — сказал Бартес, — если только он жив теперь. А на случай смерти он предупреждает, что его показание, подписанное четырьмя свидетелями, будет лежать у нотариуса. В этом показании будет означено имя кассира Французского государственного банка, который принял от Альбера Прево-Лемера банковские билеты и записал их номера и серии.

— Так не будем же терять времени; будем ковать железо, пока горячо! — И, не долго думая, друзья тут же отправили объявление в «*Petit Journal*»:

Желают говорить сХ.У.З. 306 — спросить Уильяма Бредли в Гранд-Отеле. Париж. Очень срочно!

На другой день пожилой господин, лет около шестидесяти, явился в Гранд-Отель и спросил Уильяма Бредли. Его тотчас же провели к нему, где его очень любезно встретил Гроляр, принявший вид и физиономию настоящего янки.

С первого же взгляда старый сыщик увидел, что этот человек всю свою жизнь прожил прилично и честно.

— Ваше имя? — спросил Гроляр.

— Симон Прессак, бывший служащий Французского государственного банка.

— А я — Уильям Бредли, гражданин города Салем в Массачусетсе.

— Вы, конечно, пригласили меня от имени господина Бартеса?

— Да. Он — мой ближайший друг и поручил мне заботиться об его интересах, а главное, восстановить его честное имя!

— Да, это восстановление должно произойти непременно; я убежден, что этот несчастный человек сделался жертвой страшной махинации... и как должен страдать там, на каторге, вместе с отъявленными негодьями!

— К счастью, нескольким его верным друзьям и мне в том числе удалось помочь ему бежать с каторги; сейчас он на свободе и живет в Америке, а я приехал во Францию с полномочиями и требованием о пересмотре этого возмутительного процесса.

— Этого пересмотра требует справедливость!

— И если мне будет содействовать такой честный и порядочный человек, как вы, то обязанность моя в значительной мере облегчится... Во-первых, расскажите подробно все, касающееся чека в пятьсот тысяч франков, уплаченного Альбером Прево-Лемером.

— Возможно, что теперь память кое в чем изменяет мне, но очень подробное показание, подписанное четырьмя свидетелями и находящееся у нотариуса Каликстена, даст вам все необходимые сведения с несравненно большей точностью, потому что в то время, когда оно писалось, все эти события были еще совсем свежи в памяти! — И не задумываясь, не оговариваясь, просто и искренне Симон Прессак рассказал о раннем посещении Альбером Прево-Лемером конторы Государственного банка, о его рассеянном, озабоченном виде, его умалчивании относительно изменения подписи чека, в которой он прибавил слово «сын».

— В то время что вы подумали по поводу этой подписи? — спросил Гроляр.

— Я подумал тогда, что сын подделал подпись своего отца, чтобы

раздобыть денег, и явился он в банк до открытия конторы для того, чтобы не прислали деньги по чеку на дом, как это обыкновенно делается!

Затем бывший служащий банка сообщил, что ассигнации, которыми была уплачена сумма, принадлежали к серии С 306-37L

Именно эти номера и последующие принадлежали тому миллиону, который был похищен из кассы банкирского дома Прево-Лемер и К°. На другой день после похищения этот миллион разделился на две равные части, из которых одна оказалась в руках Альбера, а другая была найдена под паркетом в комнате, занимаемой молодым Бартесом. Несомненно, что вор очень умно распорядился, чтобы сбить с толку всякие подозрения, или, вернее, чтобы виновность главного кассира не оставляла и тени сомнения

— Вы помните имя того чиновника, которому вы передали сумму, означенную в чеке? — спросил Гроляр.

— Как же, прекрасно помню! Это господин Жан Менгар... Он и сейчас еще служит в Государственном банке!

— А вы уверены, что он записал номера и серии билетов?

— Совершенно уверен, милостивый государь, и прекрасно помню, что, вручая ему пятьсот тысяч франков, я обратил его внимание на изменение подписи, и Менгар тотчас занес и это в свою записную книжку, сделав еще какую-то стенографическую пометку.

— А что за человек этот Менгар?

— Прекраснейший и честнейший господин!

— Но как вы объясняете, что во время процесса он умолчал о том, что ему было известно? Вы в своем письме объясняете свое тогдашнее молчание неведением законных порядков, но чиновник высшего класса, как Менгар, зная об этих фактах, не должен был о них умалчивать. Это весьма похоже на соучастие!

— Вероятно, напряженная работа и другие повседневные заботы помешали Менгару вникнуть хорошенько в процесс Бартеса... К тому же о чеке, кажется, вовсе нигде не упоминалось.. Даже и мне только тогда, когда случайно попала на глаза судебная газета, припомнился этот факт, которому я вначале не придавал особенного значения, считая его чисто семейным делом. Быть может, то же самое было и с Менгаром.

— Прекрасно! Благодарю вас за те ценные сведения, которые вы доставили нам, и могу вас уверить, что признательность Бартеса выразится в крупной награде.

— Ах, что вы! — воскликнул бывший банковский служащий. — Да разве я с этой целью писал Бартесу или с этой целью пришел сегодня к вам?! Нет, я сделал это только потому, что моя совесть не дала бы мне

покоя, если бы я не сделал всего от меня зависящего для восстановления истины.

Гроляр, растроганный искренностью этих слов, протянул ему руку.

— Но, ради Бога, никому не повторяйте того, что вы мне здесь сказали! — попросил его Гроляр. — Будьте готовы явиться на первый наш призыв и знайте, что желание ваше скоро осуществится, и нам удастся восстановить честное имя невинного и покарать виновных.

— Можете на меня рассчитывать! — ответил Симон Прессак и, откланявшись, удалился.

Едва только он ушел, как дверь из смежной комнаты отворилась, и Ланжале, Гастон и Эдмон Бартес вбежали к Гроляру. Они все слышали.

— Ах, негодяй! — воскликнул Бартес по адресу Альбера Прево-Лемера.

— Побольше спокойствия: час отмщения близок! — произнес Гастон.

— Вы, господин Гроляр, сейчас же отправитесь к нотариусу Каликстену, возьмете у него упомянутое показание, — продолжал, волнуясь, Бартес, — а затем направитесь к Менгару и попросите его сообщить сделанные им отметки, и с этим я немедленно же...

— Я вполне понимаю ваше волнение, ваше негодование, — прервал его Гроляр, — но все это ни к чему не приведет; мы сделаем громадную ошибку, если возьмем показание из конторы нотариуса. Точно так же, на что нам теперь эти заметки Менгара? Все это понадобится нам лишь тогда, когда настанет время действовать; пусть лучше они остаются на прежнем месте, чтобы нас не могли обвинить в том, что мы сами сфабриковали эти улики, тогда как мы должны делать вид, что даже не знаем о существовании этих документов!

— Скажите, почему вы отказываетесь от моего содействия? — спросил Бартес Гроляра.

— Потому что вы уже достаточно страдали и потому, что я не хочу более видеть слез и тревоги на вашем лице! — сказал старик растроганным голосом.

Соперничество в ненависти. — Вмешательство адмирала Ле Хелло. — Тщетные сожаления. — Женское убеждение. — Угрожающее письмо. — Прокурор. — Основательные опасения.

В Париже Гроляр чувствовал себя в родной среде, и здесь его способности раскрывались с удивительной полнотой. Ему удалось узнать, что семейный раздор разъедал сильно Прево-Лемера, что Жюль Сеген и Альбер Прево-Лемер питали друг к другу отвращение, близкое к ненависти и что при случае они осыпали друг друга бранью и ругательствами.

С тех пор как глава фирмы вследствие болезни не мог выходить из своей комнаты, эти молодые люди заведовали делами банка, причем необдуманные и рискованные операции одного и безрассудные расходы и траты другого пошатнули кредит фирмы. Напрасно маркиз де Лара-Коэлло хотел вмешаться; его грубо отстранили, и все осталось по-прежнему.

И Жюль Сеген, и Альбер ненавидели маркиза, который являлся в их глазах как бы живым упреком. Он не переставал сокрушаться об осуждении Бартеса и каждую минуту повторял, что ни перед чем не остановится, лишь бы разыскать виновных и предать их правосудию.

Через Люпена, который втерся в дружбу с прислугой дома Прево-Лемера, Гроляр узнал, что госпожа Стефания Сеген, негласно расставшаяся с мужем, жила у своих родителей, покинутая, заброшенная и забытая, проводя целые дни в слезах.

Когда Эдмон узнал о горькой судьбе несчастной женщины, его сердцем овладело глубокое сожаление, которое как бы воскресило в его душе былые чувства, когда все, казалось, улыбалось им, когда он сам любил и был, или считал, что был любим! Но этот момент воспоминаний промелькнул быстро, как молния среди темной ночи.

— Надо забыть, — сказал он себе, — и готовить месть!

Заручившись всеми необходимыми сведениями, Гроляр побывал, частью под своим настоящим именем, частью под именем Уильяма Бредли, у нотариуса Каликстена, у Менгара, у маркиза де Лара-Коэлло и Соларио Тэста с сыновьями, банкиров, погасивших подложный чек.

Кроме Гроляра, также близко принял к сердцу это дело и адмирал Ле Хелло, который, едва управившись со своими личными делами в морском министерстве, всецело отдался делу реабилитации и оправдания Эдмона Бартеса.

Со свойственной безусловно честному человеку наивной доверчивостью адмирал был глубоко убежден, что честность и добродетель всегда торжествуют в жизни и что стоит ему только засвидетельствовать истину, чтобы все поверили ей, и честь его друга будет восстановлена.

Не сообщив никому о своем намерении, он явился к Прево-Лемеру и настоятельно просил повидать его, уверяя, что имеет надобность сделать ему одно очень важное сообщение.

Едва только он назвал себя по имени, как его тотчас же провели в комнату больного.

Лемер ужасно постарел; лицо его было изрыто морщинами, а мертвенная бледность, покрывавшая его черты, свидетельствовала о медленном разложении организма; только одни глаза сохраняли прежний блеск и живость, странно противореча с общим физическим упадком больного. Он сидел в глубоком кресле, обложенный подушками; подле него находились госпожа Прево-Лемер и его дочь, обе измученные, изнеможенные и уходом за больным, и тайным горем, разъедавшим их душу.

Адмирал прежде всего извинился, что нарушает спокойствие больного, но последний ответил ему любезно:

— В настоящее время у нас истинные друзья так редки, что праздником надо назвать тот день, когда нам приходится видеть одного из них!

Ободренный этим приемом, адмирал без утайки рассказал больному цель своего посещения.

— Милейший мой Лемер, — сказал он, — если бы я вас не знал как безусловно честного человека, то не позволил бы себе даже и беспокоить вас... Но вы сами поймете, что при данных условиях мне было трудно, если не невозможно, отложить этот визит; я приехал просить вас помочь мне исправить большую, вопиющую несправедливость.

— Несправедливость? Я не понимаю вас, адмирал!

— Я говорю об Эдмоне Бартесе.

При этом имени, столь смело и столь открыто произнесенном при нем, старый банкир невольно содрогнулся, а обе женщины выразили соболезнование на своих лицах.

— Бедный страдалец, — прошептала Стефания, взглянув на свою мать.

— Эдмон Бартес, — с усилием повторил больной. — Ах, если бы он был здесь подле нас, все несчастья, поражающие нас и грозящие еще обрушиться, были бы устранены...

Ах, почему он в минуту забвения обманул мое к нему доверие и оказался виновным в...

— Виновным?! — прервал его адмирал. — Полноте! Я уверен, что даже ваши дамы не верят в эту виновность!

— Но суд определил!

— Суд! А разве это первая судебная ошибка? Разве это первый несчастный, невинно осужденный на каторгу? Этот несправедливый вердикт должен быть пересмотрен, немедленно пересмотрен, и вам придется заявить по чести и совести, что Эдмон Бартес никогда ничего у вас не похищал.

— Но ведь Бартес теперь обвиняется в побеге с каторги, и никто не знает, где он и что с ним.

— Я знаю. Когда моя эскадра, которой я командовал, заходила в Океанию, я видел его, долго беседовал с ним — он уверил меня в своей невинности. Я не мог не поверить: сама правда говорила его устами. Он теперь свободен, но для такого человека, как он, что такое свобода без честного имени? Он обвинял вас в способствовании его осуждению и называл вас даже главным вдохновителем этого неслыханно несправедливого приговора!

— Меня?!

— Да, вас!

— Ах... Еще этого подозрения или, вернее, оскорбления не доставало! Скажите, адмирал, считаете вы меня способным на подобный недостойный, подлый поступок?

— Нет, мой друг, и я не переставал повторять это вашему бывшему кассиру. Я говорил ему, что в данном деле есть какое-то роковое недоразумение, какая-то мрачная тайна, скрывающая истину!

— Все мы любили Бартеса, как сына, да и он уже был им наполовину благодаря тем чувствам, которые связывали нас... И мое внутреннее убеждение говорило мне, что он невиновен, но ввиду доказательств, обвинявших его, ввиду рассуждений господ судей моя уверенность в нем мало-помалу таяла, пропадала, и перед моими глазами выступила только вся низость этого поступка.

— Я это понимаю, вас сбили с толку перипетии суда, бездушное и бессмысленное красноречие прокурора, но ведь это их дело, их призвание — выдавать светляков за фонари и извращать все понятия и представления людей!

— Но теперь, когда приговор уже произнесен, что же я могу сделать?

— Что вы можете сделать? А вот что! Загляните в глубину вашей

души, испытайте вашу совесть и скажите мне прямо, без оговорок, виновен ли, по-вашему, Бартес или не виновен!

— Он не виновен! — сказала госпожа Прево-Лемер.

— Невиновен! Я утверждаю это во всеуслышание! — воскликнула Стефания.

Больной закрыл лицо руками и глубоко вздохнул.

— Невинен... невинен! — прошептал он. — Если бы я только имел хоть малейшее доказательство, если бы могли указать виновного, даже будь он нашего дома, я стал бы действовать, как того требует от меня моя совесть: дни мои сочтены, и я не хотел бы умереть с таким грехом на совести!

— Ну, а письмо Бартеса, разве оно уже не есть доказательство? — заметила Стефания.

— Увы, это была только протестующая угроза!

— Нет, не угроза, а крик возмущения, крик негодования и протест! — сказала молодая женщина.

— Что же особенного в этом письме? — спросил адмирал.

— Вот, читайте! — сказала госпожа Прево-Лемер, взяв из резного ящичка, стоявшего на столе, вскрытый конверт и протянув его гостю.

Это было письмо Эдмона, написанное им перед его отъездом в Новую Каледонию.

Адмирал Ле Хелло прочел его:

Господину Жюлю Прево-Лемеру, в Париже.

Я вам служил четырнадцать лет с преданностью и искренностью, которые никогда не обманывали вас. В благодарность за то вы посылаете меня в ссылку, тогда как ваша совесть говорит вам, что я невинен. Помните же это! Если когда-нибудь вы окажетесь в моей власти, вы не найдете во мне жалости к себе, как не нашел ее в вас мой старик-отец!.. В этот вечер меня увозят из Франции. Не желайте увидеть меня опять в ее пределах!

Эдмон Бартес

— Ну, что же вы хотите, — как бы извиняя и оправдывая Бартеса, сказал адмирал. — Когда человека безвинно ссылают на каторгу, то естественно, что он возмущается. » что нравственные муки озлобляют его» Но я знаю Бартеса: он рыцарь и благородный человек; когда он узнает, что вы были обмануты, введены в заблуждение, он забудет и простит!

— А пересмотр дела разве возможен при отсутствии главного лица?

— Да, если воры будут отысканы.

— Ну, если так, то я сумею исполнить свой долг, как бы тяжел он ни

был, но только пускай спешат» быть может, уже через несколько дней будет поздно!

Мадам Прево-Лемер и ее дочь, несмотря на все свои усилия, не могли сдержать хлынувших у них из глаз слез.

— Гром и молния! — пробормотал про себя адмирал, сам растроганный до слез. — И против этих-то людей Бартес хочет дать волю своему чувству мести!. Нет, нет, этого допустить нельзя! — И он поспешил удалиться, чтобы не дать заметить охватившего его волнения, с которым он не в силах был совладать.

— Ну вот, господин Прево-Лемер поддался моим доводам, а теперь очередь за Бартесом! — И уважаемый адмирал направился, бодрый и счастливый, в Гранд-Отель. Но прежде чем славному моряку удалось вступить в переговоры с Эдмоном Бартесом, все его труды и все то, чего он добился у больного банкира, было уже отчасти уничтожено влиянием его родственника, бывшего председателем суда в Нумеа, а ныне прокурором в Париже.

Что же привело этого господина в дом его родственника, простая ли случайность или желание узнать какие-нибудь новости?

Ни то ни другое. Париж — это, без сомнения, город, где лучше всего можно укрыться, но с другой стороны, нигде лучше, чем в Париже, нельзя наводить справки о том, что вас интересует.

После обычных приветствий прокурор попросил, чтобы его оставили наедине с больным.

— Скажите, пожалуйста, был у вас кто-нибудь по делу, относящемуся к вашему бывшему кассиру Бартесу? — спросил он.

— Да, адмирал Ле Хелло только что вышел отсюда. Он говорил мне о возможности пересмотра этого дела и просил меня дать показания в пользу Бартеса и его невиновности, так как настоящий виновник должен быть обнаружен в самом ближайшем времени.

— Ну и, конечно, вы обещали?

— Мог ли я не обещать этого, особенно, если Бартес действительно невиновен!

В ответ на это прокурор с полным убеждением и присущим ему красноречием стал вызывать в памяти больного прошедшее, стал приводить одно доказательство за другим, одну улику за другой, говорить об угрозах каторжника, о его смелом побеге, его жажде мщения, в которой он ничуть не сомневался. И под влиянием всей этой аргументации ослабевший ум больного не долго протестовал. Вскоре он стал соглашаться со своим родственником, что его хотят использовать для восстановления

репутации Бартеса и в то же время опутать его и семью целой сетью хитросплетенных махинаций, которая должна привести его к нищете и позору.

— Во всем этом деле какую роль играет адмирал Ле Хелло?

— Он один искренне убежден в невинности Бартеса, — сказал главный прокурор, — и он просит за него в интересах справедливости. Вы сами знаете, что этот Эдмон Бартес обладает способностью производить прямо чарующее впечатление на всех, кто его не близко знает. Так он очаровал и адмирала, который теперь считает для себя долгом чести встать на его защиту.

— Но ведь виновные будут указаны!

— Это просто одно воображение, одно желание со стороны Бартеса отомстить во что бы то ни стало за свое осуждение; в настоящее время Бартес во Франции; мало того, в самом Париже!

— В Париже?!

— Да, меня об этом уведомили всего лишь несколько часов тому назад, и я хочу принять все меры, чтобы защитить вас от этого отъявленного мошенника. Он поклялся погубить всех, кто только носит имя Прево-Лемера. Но он встретит меня на страже чести моей фамилии. Я устрою так хорошо защиту, что он вынужден будет признать свое бессилие, и тогда мы обуздаем его решимость, наложив на него наказание еще более тяжелое, чем первое!

Старый банкир поблагодарил своего племянника и поклялся, что не даст себя одурачить никому.

— Ни даже госпоже Прево-Лемер, ни даже жене Жюля Сегена? — спросил юрист.

— Да, впрочем, если они узнают, как недостоин этот человек их сожаления и их великодушия, когда не будут более сомневаться в его виновности, то сами перестанут его защищать!

Таким образом, обещав друг другу содействие, дядюшка и племянник расстались, условившись предварительно созвать вечером на семейный совет Жюля Сегена и Альбера, чтобы обсудить новое положение дела, созданное возвращением Бартеса на родину и его решимостью снова возбудить борьбу за свою репутацию, руководствуясь, главным образом, желанием покрыть позором своих обвинителей.

VI

Дон Хосе Трухильо. — Гроляр у прокурора. — Соревнование старых друзей. — Последний маневр. — Гость Гроляра. — Вилла. — Приглашенные Гроляра. — Недоверие Альбера. — Обвинение. — Признание. — Показание.

Между тем Гроляр не терял времени. Ему удалось не только познакомиться с Альбером Прево-Лемером, но даже втереться в его доверие. Мотаясь по всем трактирам и другим подобным заведениям, пользующимся дурной славой, где постоянно можно было встретить Альбера, напиваясь с ним вместе и проигрывая ему почти каждый вечер более или менее порядочную сумму, дон Хосе Трухильо завоевал себе не только симпатию, но и уважение прокутившегося и совершенно сбившегося с пути Альбера Прево-Лемера, нимало не подозревавшего в этом плантаторе с острова Куба старого сыщика Гроляра.

Понятно, что цель последнего была заманить сына банкира в ловушку и затем выманить у него признание.

Но последний, хотя и не отличался большим умом, держался с разумной осторожностью даже и в минуты объяснения, когда речь заходила об Эдмоне Бартесе и его недостойном поступке.

С другой стороны, он не скрывал чувства отвращения, внушаемого ему достойным beau frere; о нем он говорил не иначе как с плохо скрытым пренебрежением. Между мошенниками, участвовавшими в одних и тех же грязных делах, нередко возникает такое недоброжелательство и враждебность, переходящие в настоящую ненависть, которая в конце концов обыкновенно приводит к тому, что они сами выдают себя. Зная это, Гроляр не только выжидал этот момент, но даже старался вызвать между ними столкновение, которое привело бы к этому.

Ему посчастливилось: сами обстоятельства сложились так, что ускорили ход событий, которыми он умело воспользовался. В один прекрасный день главный прокурор пригласил его к себе в свой кабинет и сказал:

— Господин Гроляр, вы раньше оказывали мне большие услуги своей старательностью, усердием и проницательностью, — и я решил еще раз воспользоваться вашими способностями в одном очень важном деле!

— Я весь к вашим услугам! — ответил Гроляр.

— Помните Эдмона Бартеса, этого бывшего кассира моего дяди, который был нашим пансионером в Новой Каледонии и который затем

бежал вместе с четырьмя китайцами, обвинявшимися в похищении «Регента»?

— Помню, прокурор!

— Так вот, видите ли, этот Эдмон Бартес, кажется, вернулся во Францию с намерением отомстить всем, кто был причастен к осуждению, — этому надо помешать. Благодаря его смелости и, главным образом, благодаря ловко пущенному слуху, что он в сильной степени содействовал возвращению по принадлежности «Регента», он сумел снискать себе расположение многих влиятельных лиц, слепо верящих в его невиновность и решивших ходатайствовать за него» в высших сферах... Теперь нам необходимо узнать, где скрывается Бартес, узнать, с кем он имеет сношения, и следить за малейшими его действиями. При вашем содействии, я надеюсь, мне удастся все это!

— Вы останетесь мной довольны, господин прокурор, мы найдем виновного, и на этот раз воздастся должное его бесстыдству и лицемерию!

— Ну, идите с Богом, господин Гроляр, я рассчитываю на вас!

Подобно великим полководцам, Гроляр проявил необыкновенную активность и усердие и сообщил о своем плане прежде всего Ланжале.

— Не беспокойся, — сказал ему последний, — ты завтра же будешь жильцом или владельцем какого-нибудь уединенного дома или виллы!

— А у тебя есть деньги?

— Да ты, как видно, забываешь, что я имею миллионное состояние, я уже немного отведал этого вкусного блюда; и так как мне для господина Бартеса ничего не жаль, то ты можешь черпать, сколько тебе надо, из моей казны, лишь бы обеспечить успех делу.

— Благодарю тебя за моего сына! — сказал старый сыщик.

Ланжале тотчас же вскочил на извозчика и скрылся, а Гроляр отправился в ту скромную гостиницу, где квартировали Порник, Данео и Пюжоль.

— Друзья, — сказал им Гроляр, — настал момент доказать вашу признательность господину Бартесу.

— Прекрасно! Прекрасно! Скажи же только, что нам делать, и мы все сделаем, хотя бы нам за это пришлось снова вернуться на наш милый остров!

— Нет, нет, друзья, ничего столь ужасного от вас не потребуют; вам следует только сторожить одного человека, которого вы не должны касаться даже и пальцем; важно только не дать ему возможности убежать!

— Пусть этот гражданин будет увертлив, как угорь, или прыток, как заяц, мы не дадим ему уйти из наших рук! Не правда ли, Пюжоль? Не

правда ли, Данео?

— Будем неподвижнее Кордуанского маяка! — глухим басом подтвердил бордосец,

— Как статуя! — подхватил его товарищ.

Гроляр присел к столу и написал несколько писем, но не запечатал их; чтобы сделать это, он поджидал Ланжале. Наконец этот последний прибыл.

— Ну что? — спросил его сыщик.

— Я нашел! — ответил Парижанин. — Под именем дона Хосе Трухильо ты являешься нанимателем и жильцом превосходного павильона-особняка на авеню д'Орлеан вблизи укреплений; это настоящая игрушка. Этот дом роскошно обставлен, и никаких соседей.

— Сколько же ты на это потратил?

— Ну, об этом после!

В то время авеню д'Орлеан тянулась вплоть до Монружа и совсем не походила на то, что она представляет собой теперь. Как только начинало темнеть, порядочные люди не отваживались более выходить на пустынные улицы, плохо освещенные, с бесконечно тянущимися по обе стороны заборами и стенами, из-за которых доносился грозный, сиплый лай цепных собак.

В этой-то отдаленной и глухой части города Гроляр становился хозяином особняка, нанятого для него Парижанином.

Теперь, узнав о местоположении своего нового жилища, Гроляр дописал свои письма до конца, запечатал их и тотчас же отправил по назначению.

Затем он отправил, не теряя ни минуты, телеграмму на имя Уильяма Бредли в Шербур, которой приглашал капитана Уолтера Дигби, Кианга, Лу, Чанга и просил их спешить в Париж как можно скорее, а в случае, если бы не было удобного поезда, отправляющегося немедленно в Париж, — взять экспресс и спешить сколько только возможно.

— Кажется, я ничего не забыл? — спросил он у Ланжале.

— Мне думается, что нет.

— Ну, так отправляйся с этими молодцами на мою виллу; пусть они хорошенько ознакомятся и с местоположением, и с расположением комнат — ты им укажешь все; когда приедут мои приглашенные, ты примешь их, а я буду между семью и восемью часами вечера!

Распорядившись таким образом, Гроляр отправился разыскивать Альбера Прево-Лемера, которого он застал в одном из модных ресторанов, посещаемых по преимуществу золотой молодежью, не имеющей определенных занятий и тратящей зря родительские деньги.

— Ну, теперь я от вас не отстану, — заявил Гроляр, или дон Хосе, своему мнимому приятелю и собутыльнику. — Я купил на днях маленькую виллу, и сегодня вечером мы в ней справляем новоселье.

— Где это?

— Да там, у черта на куличках, у самых укреплений.

— Вы становитесь настоящим любителем сельской жизни! — засмеялся Альбер.

— Право, время от времени не мешает пожить среди зелени!..

— И много у вас будет веселых гостей?

— Ну, этот вопрос мне кажется излишним!

— В таком случае я весь ваш! Я люблю быть там, где можно пошуметь и повеселиться, не стесняясь, всюю!

С этого момента сын банкира и мнимый дон Хосе не расставались. Когда пробило семь часов, приятели, сидевшие за столиком кафе «Богач» и закусывавшие уже в четвертый или в пятый раз, поднялись с места; сыщик лишь делал вид, что поглощает напитки в одинаковом количестве со своим собутыльником, тогда как Альбер, верный своей привычке, уже начинал приходить в состояние человека, у которого двоится в глазах.

Выйдя из кафе, Гроляр крикнул извозчика.

— Вот, гражданин, пожалуйста! Куда вас везти? Гроляр сказал ему адрес.

— Сапристи! Далеконько! — заметил извозчик. — Но, конечно, это не беда, если вы не поскупились... Ведь вы дадите мне хорошо на чай, не правда ли?

— Да! Пошел!

— Право, — сказал брезгливо Альбер, — эти извозчики становятся чересчур фамильярны... Они положительно обращаются с нами, как с себе равными! Я удивляюсь, дон Хосе, что вы не держите своего экипажа.

— Позволю себе напомнить вам, что мои экипажи еще в Гаване, я жду их с ближайшим пароходом.

Между тем извозчик приотворил дверцу экипажа и спросил Гроляра едва слышным шепотом:

— Это и есть тот самый господин?

— Да!

В широком плаще с поднятым воротником и клеенчатой шляпе с широкими полями, как у большинства извозчиков, Люпена трудно было узнать, хотя сам он уже на протяжении нескольких часов не выпускал из виду Гроляра, следуя за ним от одного кафе к другому, от одного ресторана к другому.

Было уже довольно поздно, когда извозчик наконец подъехал к вилле дон Хосе Трухильо. Альбер, которым овладела дремота под влиянием выпитого вина и тряски экипажа, задремал в углу кареты. Пришлось его будить и трясти, чтобы заставить выйти из экипажа.

Когда он вошел в дом, трое слуг кинулись его раздевать, принимая его пальто, трость и шляпу, причем оглядели его с таким любопытством, что ему это показалось несколько странным.

— Что же им надо от меня, этим холуям, — проговорил он себе под нос, входя в ярко освещенный салон, все окна которого были, однако, наглухо закрыты ставнями.

— Не очень-то он вежлив, этот барин, — пробормотал Пюжоль.

— Сразу видно, что этот гусь не служил во флоте! — сказал Данео.

Дон Хосе и Альбер оставались одни в течение нескольких минут, в продолжение которых Альбер критиковал кое-какие подробности обстановки, почти царской по своей роскоши.

— Все-таки сразу видно, мой милейший, что вы еще не парижанин; вы, люди Нового Света, всегда несколько эксцентричны в своих вкусах. Однако я здесь вовсе не для того, чтобы исполнять обязанности ваших декораторов» Прошу вас познакомить меня с вашими гостями.

— Подождите одну минуту, — проговорил дон Хосе. — Кажется, они еще не съехались.

Но в этот самый момент Порник, в расшитой галунами ливрее, отворил дверь и торжественно доложил:

— Господин Каликстен, нотариус!

Вошел господин, корректно одетый, корректно причесанный, корректно выбритый, лет сорока пяти, и раскланялся с несколько торжественной вежливостью министерских чиновников.

«Нотариус, — подумал про себя Альбер, — вероятно, собутыльник не из веселых».

— Господин Симон Прессак! — снова доложил Порник. Бывший служащий банка вошел, несколько смущаясь, и почтительно раскланялся с присутствующими.

— Господин Жан Менгар, — возгласил Порник, пропуская нового посетителя.

Этот сравнительно крупный банковский чиновник подошел и дружески пожал руку Гроляру, едва удостоив взглядом Альбера, которого, вероятно, не узнал.

«Черт побери! — подумал Альбер. — Как видно, мой приятель дон Хосе возвращается не в самом изысканном обществе парижских виверов.

Какое может быть веселье со всеми этими торжественными и напыщенными господами? Если только вина не будет обильно, то здесь можно будет умереть со скуки в этой компании!»

— Господин Соларио Тэста-сын! — снова доложил Порник.

«Ну, наконец-то пришел и знакомый человек!» — подумал Альбер и в то же время удивился, что глава этого большого банкирского дома, с которым у банка Прево-Лемер были постоянно крупные дела, являлся другом и приятелем дона Хосе Трухильо.

— Господин Гастон де Ла Жонкьер! — продолжал выкрикивать Порник.

Это имя крайне удивило Альбера: ему отлично было известно, какая близкая дружба существовала некогда между молодым человеком и Эдмоном Бартесом. Неприятное подозрение закралось на мгновение в его душу, но прежде чем он успел прийти к каким-либо выводам по поводу этой случайной встречи, голос Порника возвестил о прибытии нового гостя, маркиза Лара-Коэлло-и-Альтавилья.

— Следовало меня предупредить, что господин Лара-Коэлло будет в числе ваших гостей, — прошептал Альбер на ухо дону Хосе. — Надобно вам сказать, что этот человек положительно не выносит меня!»

— Адмирал Ле Хелло! — возгласил особенно почтительно и торжественно Порник, вытянувшись, как на часах, и пропуская мимо себя адмирала.

— Господа, теперь мы все в сборе! — сказал Гроляр. — Я вам чрезвычайно благодарен, что все вы с такой готовностью отозвались на мое приглашение. Я знал, что вы явитесь сюда, так как всем было известно, что дело идет об исправлении одной роковой ошибки, а в подобных случаях порядочные люди никогда не отказывают в своем содействии!

Альбер слушал эти слова, глядя с чувством безотчетного страха на окружающих, смотревших на него, в свою очередь, с нескрываемым любопытством. Легкое опьянение, овладевшее было им, моментально прошло, и теперь он ясно сознавал свое положение среди этих людей.

— А-а... Так это ловушка! — крикнул он взбешенный, пытаясь выбежать в дверь.

Пюжоль, Данео, Порник и Ланжале загородили ему дорогу.

— Предупреждаю вас, — сказал Гроляр, — что всякое сопротивление или насилие бесполезны, и вы уйдете отсюда не раньше, чем ответите на все наши вопросы.

Бледный как мертвец, Альбер все-таки старался скрыть овладевшее им чувство страха.

— Чтобы заманить меня сюда, вы воспользовались таким средством, которое не одобрит ни один честный человек... И по какому праву думаете меня допрашивать? Что вы хотите от меня?

— Была совершена кража, — сказал Гроляр, — за которую десять лет тому назад был осужден на каторгу совершенно невинный человек. Теперь я спрашиваю вас, кто же был вор, как его звали?

— Я не скажу вам этого!

— Пусть так, это для нас не важно, так как виновный все равно в наших руках!

— Я не согласен говорить перед каким-то таинственным судом, исполняющим, быть может, предсудительную задачу мщения. Я буду жаловаться на узурпацию прав каким-то человеком, провозгласившим себя моим судьей, буду жаловаться на насилие, жертвой которого я сделался.

— Будете жаловаться вашему кузену, главному прокурору Парижского кассационного суда?

— Да! Он сумеет меня защитить!

— Так знайте же, что господин Прево-Лемер поручил мне отыскать негодяя» да, повторяю, того негодяя, который заставил отправить на каторгу Эдмона Бартеса... Я агент полиции, и все эти господа, собравшиеся здесь, знают это.

Последние слова точно обухом ударили по голове Альбера, который помертвел и упал в кресло; холодный пот выступил у него на лбу, и зубы его застучали.

— Так признавайтесь же, несчастный! — крикнул ему маркиз де Лара-Коэлло, а Гроляр продолжал:

— Все, кто сколько-нибудь причастны к этому делу, здесь налицо. Мы восстановим все это дело по порядку, и в этот раз виновный будет выведен на чистую воду!

— Не существовало ли в этом деле соучастника? — спросил адмирал Ле Хелло. — Мне говорили, будто бы он признался.

— Кто же это?... Жюль Сеген? — воскликнул совершенно обезумевший Альбер Прево-Лемер.

— Да, — решительно и смело подтвердил Гроляр, стараясь воспользоваться взаимной ненавистью этих двух людей друг к другу.

И, словно упиваясь мыслью, что и ненавистный ему человек потонет вместе с ним, Альбер Прево-Лемер, захлебываясь от злобного наслаждения, стал рассказывать историю похищения денег со всеми подробностями, не скрывая той роли, какую он сам играл в этом деле, но в то же время заваливая обвинениями своего шурина и делая его

ответственным за все зло, причиненное Бартесу. Когда он закончил, Гроляр сказал: — Теперь пишите то, что я вам буду диктовать!

Машинально Альбер взял перо и написал следующее показание:

Я, нижеподписавшийся, Альбер Прево-Лемер, добровольно, не по принуждению объявляю в присутствии господ Каликстена, Менгара, Прессака, Гастона де Ла Жонкьера, маркиза Лара-Коэлло, адмирала Ле Хелло и господина Гроляра, что Жюль Сеген, в настоящее время мой шурин, и я совершили совместно кражу на сумму в миллион франков — кражу, в которой бил обвинен и за которую сослан на каторгу Эдмон Бартес, бывший в то время главным кассиром банкирского дома Жюль Прево-Лемер и К°, о чем свидетельствую своей подписью.

Альбер Прево-Лемер

— Хорошо, — сказал Гроляр, — это уже начало искупления вины!

Затем, обращаясь к присутствующим, добавил:

— Господа, на нас лежат еще другие обязанности, будьте любезны последовать за мной...

VII

Семейный совет. — Потери. — Китайская ассоциация — Прошлое. — Виновный. — Добросовестные свидетели. — Отрицания Жюль Сегена. — Мнение маркиза де Лара-Коэлло. — Доказательства. — Последний аргумент.

Медленно и тоскливо тянулось время. Жюль Прево-Лемер, его племянник, главный прокурор, и Жюль Сеген собрались в салоне старика и, поглядывая на часы, по-видимому, ожидали кого-то. Время от времени госпожа Прево-Лемер приотворяла дверь и заглядывала туда, справляясь о состоянии больного, приносила ему то лекарства, то какую-нибудь горячую настойку, и снова скрывалась бесшумно, как тень, словно то, что собралось здесь этих троих людей, вовсе не занимало ее.

— Дано ли знать моему сыну, что мы ждем его? — спросил больной.

— Я посылал три раза к нему, — сказал Жюль Сеген, — но его не было дома и нигде не могли найти. Впрочем, в том нет ничего удивительного: он иногда пропадает целыми неделями. На всякий случай я написал ему, что его присутствие здесь необходимо по особо важному делу.

— Только бы не случилось ничего неприятного! — заметил прокурор.

— Ба-а! — воскликнул Сеген беззаботно. — Он по своей обычной привычке пирует где-нибудь, и ему не грозит ничего, кроме несварения желудка. Вероятно, он сейчас уже совсем пьян!

— Тем больше оснований опасаться, чтобы Эдмон Бартес не завладел им и не воспользовался его состоянием»

— Не на Альбера покусится Эдмон Бартес: он метит гораздо выше

— Я с вами согласен, но для достижения своей цели Бартес не остановится ни перед чем; в его руках Альбер может стать орудием его мести, сам того не желая, — сказал прокурор.

В этот момент в комнату вошел слуга и подал ему на подносе карточку.

— Тот, кто желает меня видеть, — поинтересовался главный прокурор, — явился сюда один?

— Нет, сударь, с его приходом въехали во двор две кареты, в которых сидят несколько человек, но так как на дворе темно, то нельзя разглядеть, кто они.

— Это Гроляр и его агенты, — сказал прокурор, обращаясь к своему дяде, — очевидно, он принес нам добрые вести, раз поспешил за мной даже сюда, а тем более в такое время... Пусть войдет! — добавил он,

обращаясь к слуге.

Действительно, это был Гроляр.

— Ну что? — с добродушной фамильярностью обратился к нему главный прокурор. — Удалось вам исполнить мое поручение?

— Господин прокурор, успех увенчал мои старания. Преступник в наших руках!

— Примите мои сердечные поздравления и будьте уверены, что ваши старания будут вознаграждены по достоинству. Какими судьбами вы накрыли его?

— Он сам расскажет вам об этом. Мы его привезли сюда; он здесь.

— Но это страшная неосторожность. Не понимаю, почему вы не отвезли этого негодяя напрямиком в тюрьму!

— Необходима была очная ставка. Нельзя арестовать человека, похитившего миллион, как простого карманного воришку!

— Надеюсь, что он под надежной охраной и в надежных руках?

— Об этом вы сейчас будете иметь возможность судить сама

По знаку Гроляра дверь отворилась, и на пороге появился Альбер Прево-Лемер, бледный, растерянный, с искаженными чертами лица. Его держали Порник, Данео, Пюжоль и Ланжале.

— Вот вор! — произнес Гроляр.

И банкир, и главный прокурор, и Жюль Сеген одновременно издали крик удивления, на который прибежали и госпожа Прево-Лемер с дочерью.

— Что это за недостойная комедия?! — гневно воскликнул главный прокурор. — И с какой стати вы позволили себе присвоить мою власть? Кто вам дал право арестовать Альбера Прево-Лемера?

— В качестве агента судебной власти, — скромно и с достоинством сказал Гроляр, — я пользуюсь правом арестовать всех мошенников, которых мне удастся накрыть. Предъявляю вам сего Альбера Прево-Лемера как виновного в краже миллиона франков.

— Да перестаньте же! Вы не в своем уме!

— Предъявляю также и его сообщника, здесь присутствующего, — Жюля Сегена!

— Меня?! — воскликнул возмущенный шурин Альбера, страшно побледнев и отступив на несколько шагов.

— Послушайте, ваше высокородие, связать вам и этого молодчика? — осведомился Порник.

При звуке этого гнусавого голоса главный прокурор внимательно взгляделся в физиономии четырех людей, стороживших его кузена, и новый крик изумления вырвался из его груди.

— Эти люди, — сказал он, указывая на них пальцем, — беглые каторжники; я их знаю и прекрасно помню. Как видно, они действуют по наущению кого-нибудь, кто им хорошо платит! Но завтра же эти разбойники будут снова под замком!

Между тем все свидетели происшествия, разыгравшегося на вилле, один за другим незаметно входили в комнату.

— Господин главный прокурор, — сказал адмирал Ле Хелло, — эти люди находятся под моим покровительством. А пока я отвечаю за этих людей, я не потерплю, чтобы кто-либо покусился на их свободу!

— Адмирал, — ответил ему главный прокурор, — вы являетесь орудием в руках ловких мошенников и интриганов, которые укрываются за вами, за вашей безупречной репутацией, чтобы отвести от себя правосудие!

— Вы ошибаетесь, господин прокурор, — возразил старый моряк, — Эдмон Бартес не виноват в том преступлении, за которое он был осужден. Один из виновников этого преступления сознался и оставил письменное показание, которое он скрепил своей подписью, и указал своего сообщника.

— И вот оно, это показание, — сказал Гроляр, вынимая из кармана вчетверо сложенную бумагу и кладя ее на стол перед своим начальником.

Главный прокурор и Жюль Сеген одновременно прочитали этот документ, не оставляющий ни малейшего сомнения относительно виновности обоих обвиняемых.

Несмотря на то, что ответственным за свое преступление является только сам преступник, тем не менее позор как бы ложится на всю семью. И главный прокурор, столь самодовольный и гордящийся своим высоким положением, уничтоженный тем впечатлением, какое это произвело на него, впал в такое уныние, что оно походило на самое безысходное отчаяние.

Но Жюль Сеген не захотел покориться и вздумал взять нахальством.

— Что все это значит? — надменно крикнул он. — И кто смеет меня обвинять в краже?

— Ваш же соучастник! — ответил Гроляр.

— Вот еще!.. Если эта уловка с письменным показанием придумана Бартесом, то это не делает чести его изобретательности» И я советую ему лучше подготавливать свои эффекты! Весь Париж прекрасно знает, что Альбер вечно пьян и потому не ответственен за свои поступки, его нетрудно было заставить написать какое угодно показание, которое он готов в любое время подписать обеими руками, лишь бы только скомпрометировать меня» В его идиотской злобе на меня он, вероятно, даже не сознавал, что ему диктовали... Да покажите мне преступников,

которые бы сами подписывали свой приговор и отдавались бы так по-дурацки в руки правосудия, как мой шурин! Найдите мне таких!

Все это было сказано с неподражаемой наглостью большого барина, так что на мгновение смутило даже Гроляра. Полуоткинувшись в своем кресле, больной, его жена и дочь слушали все, что говорилось вокруг них, и смотрели не без удивления на всех этих Бог-весть откуда собравшихся людей.

Адмирал Ле Хелло вдруг обратился к обеим женщинам:

— Разве вы сами еще недавно не утверждали, что Эдмон Бартес невиновен?

— Да, и это наше глубокое убеждение! — сказала госпожа Прево-Лемер.

— Но эти дамы не сказали вам, что Альбер Прево-Лемер и я виновны в этой краже. Надеюсь, что нет! — все с тем же апломбом продолжал Жюль Сеген.

— Мы говорили только о нашем внутреннем убеждении, о нашем непоколебимом убеждении! — сказала Стефания, не глядя на своего мужа.

Наступила долгая минута молчания.

— Послушайте, — сказал наконец дрогнувшим голосом больной, подзывая к себе маркиза де Лара-Коэлло, — вы, который всегда были моим самым верным другом, которого не может коснуться ни малейшее подозрение, скажите правду, какова бы она ни была; я готов все перенести, но только скажите, верите ли вы виновности Бартеса?

— Нет, нет и нет!

— Но в таком случае?

— Увы, мой друг, я никого не хочу обвинять, но говорю, что и раньше говорил на суде: ищите того, кому это преступление выгодно... — И он взглянул на мужа Стефании.

Несмотря на ясный намек, Жюль Сеген нимало не смутился и продолжал все тем же самонадеянным, высокомерным тоном:

— Инсинуации являются жалким оружием и не могут служить доказательствами!

— Те доказательства, каких не может представить маркиз де Лара-Коэлло, могу представить я, — произнес Гроляр, — и горе тем негодьям, которые не побоялись взвалить свою вину на неповинного!

— Извольте слушать, господин прокурор, это по вашей части! — насмешливо заметил Жюль Сеген своему родственнику и рассмеялся резким, звенящим, неестественным смехом.

С невозмутимым спокойствием Гроляр стал задавать вопросы и

снимать показания с приведенных им свидетелей.

Прежде всего он начал с Симона Прессака, который рассказал все, что ему было известно об уплате по чеку, о смущенном виде Альбера, бросившемся ему в глаза в то достопамятное утро, и о серии билетов С 306-371, разделенной на две равные части, причем одна половина этой суммы пошла на уплату фальшивого векселя, а другая была найдена нетронутой под паркетом в комнате Эдмона Бартеса.

Главный прокурор был поражен точными доказательствами и всеми аргументами, приведенными этим мелким банковским служащим. Но, подгоняемый привычкой многолетней судебной практики, он задал ему от себя еще целый ряд вопросов, на которые тот отвечал ясно, обстоятельно и ни разу не сбиваясь.

После Симона Прессака настала очередь господина Жана Менгара, который захватил с собой свою записную книжку, где были записаны пометки относительно поправки, сделанной на векселе, причем добавил, что вексель этот был несомненно подложный; это показалось ему и тогда, но так как он не имел достаточных доказательств, то не смел об этом сказать

Жюль Сеген только презрительно пожал плечами. На этот счет он был совершенно спокоен: вексель был тогда же уничтожен; кроме того, это могло интересовать только Альбера, а не его.

Соларио Тэста, допрошенный в свою очередь, показал, что вексель, в то время как он проходил через его руки, был занесен в книги, и с него была снята копия, причем тогда на подписи не было слова «сын», точно так же, как это было отмечено и во всех кассах приема и учета, и нельзя допустить возможности, чтобы все пять или шесть служащих, через руки которых проходил этот вексель, сделали одну и ту же ошибку.

Нотариус Каликстен вручил главному прокурору запечатанный конверт, заключавший в себе копию с показаний Симона Прессака, и при этом сказал:

— Господин прокурор, все лица, подписавшиеся под этим документом, мне хорошо известны как люди безусловно честные. Я лично играю во всем этом совершенно второстепенную роль, но я был бы счастлив, если бы мое вмешательство могло способствовать наказанию виновных и обелению невинного.

Глухое рыдание вырвалось из груди больного, все время бормотавшего про себя слова глубокого горя и отчаяния.

— Как вы полагаете, достаточны ли доказательства, господин прокурор? И укажут ли они с надлежащей ясностью преступника на

суде? — спросил Гроляр.

Главный прокурор молча поник головой.

Но так как до сего момента речь шла, главным образом, об одном Альбере, то Жюль Сеген успел вернуть себе свою прежнюю дерзкую самоуверенность и наглость.

— Конечно, роман этот довольно ловко задуман, — сказал он, — жаль только, что он грешит в самом своем замысле. Проступок моего шурина нам был, конечно, известен, так как он сам признался в нем; но по причинам, которые понять нетрудно, мы никому не говорили об этом, и Жюль Прево-Лемер, мужем дочери которого я должен был стать, сам из своего кармана выложил пятьсот тысяч франков, чтобы уплатить по векселю. Его сын лично отправился в банк, чтобы избежать злонамеренных толков мелких служащих» Что же в этом преступного? Мы сами в своей семье покрыли грех одного из нас, вот и все!

При этом главный прокурор не мог удержаться от радостного движения. Таким образом все объяснялось, и незачем было возвращаться к прошлому; чтобы сказать что-нибудь, он обратился к своему дяде с легким полуупреком:

— Почему же вы не предупредили меня об этом раньше?

— Но эти пятьсот тысяч франков... — пробормотал с недоумением больной, — я...

— Разве вы не помните, что вы раньше передали их мне? — поспешно вмешался Жюль Сеген.

— Нет, я, право, не знаю, я не помню, — продолжал нерешительно старик банкир.

Вдруг сильная рука отворила дверь комнаты, и на пороге показался разгневанный человек, который грубо и резко крикнул:

— Осмейтесь только утверждать, что вы дали эти пятьсот тысяч франков!. Так значит, я украл у вас всего только полмиллиона, а ведь я был осужден за похищение миллиона.

Все разом оглянулись на этот голос — это был Эдмон Бартес, а за его спиной стояли капитан Уолтер Дигби, Кванг, Лу и Чанг.

VIII

Эдмон Бартес. — Ненависть двух негодяев. — Рассказ Альбера. — Предатель. — Мольбы. — Заслуженное возмездие.

Бомба, влетевшая в окно и разорвавшаяся на глазах этих обуреваемых самыми разнообразными страстями людей, не произвела бы более ошеломляющего действия, чем появление Эдмона Бартеса. Он, осужденный, сосланный каторжник, бежавший с каторги, стоял тут перед ними с высоко поднятой головой и гордым лицом, со сверкающим взглядом и негодующим голосом, вызывая на бой своих обвинителей.

— Господин прокурор, — сказал Гроляр, — если не мои доказательства, то, быть может, слова господина Бартеса убедят вас в истине. Мне кажется, теперь вам должно быть ясно, где искать воров!

Но самоуверенный до предела и решившийся бороться до конца, Жюль Сеген смело заявил:

— Если и было хищение, то, во всяком случае, я здесь ни при чем; мой шурин Альбер один причастен к этому делу!

Но это было уже слишком большой наглостью, превосходившей всякие меры и возмущившей даже самого старика банкира.

— Так говори же! Говори! — воскликнул он, обращаясь к сыну. — Разве ты не слышишь, что тебя обвиняют?!

Мертвенно-бледный, дрожа всем телом, как осиновый лист, Альбер сделал несколько шагов по направлению к своему шурину и смерил его презрительным взглядом, полным невыразимого чувства гадливости.

— Подлый мерзавец! Жалкий мошенник, — крикнул он ему в самое лицо, — да ты во сто раз хуже меня! Если я, в минуту денежных затруднений, совершил подлог, подделав подпись моего отца, то ты украл эти деньги, ты собственноручно запрятал половину суммы под пол в комнате Бартеса! Да, это сделал ты, а не я; я только после узнал об этом!

Эти слова были настоящим откровением для большинства присутствующих. Между тем возбужденный своим собственным гневом и негодованием Альбер продолжал рассказывать подробно все выдающиеся моменты похищения денег.

— О-о, негодяй! Последний из негодяев! — воскликнул Бартес, не будучи в силах сдержать охвативший его порыв бешенства. — Какие казни, какие пытки следовало бы придумать для таких негодяев, как вы! Никакие муки не могут сравниться с тем, что я выстрадал из-за вас!

Взволнованный старик-банкир с трудом поднялся с кресла и сделал несколько шагов вперед.

— Здесь, у меня в доме, — сказал он дрожащим, прерывающимся голосом, — я все еще господин и хозяин... — И обернувшись к зятю и сыну, он взглянул на них и крикнул: — Воры, мошенники, негодяи. Если бы у меня хватило силы, я бы, кажется, раздавил вас, как гадин!

Затем добавил несколько спокойнее, обращаясь к своему племяннику:

— Господин прокурор, у меня похитили миллион франков, как вам известно. Исполните свой долг, как я исполняю свой. Я указываю вам на воров... один из них... мой сын, Альбер Прево-Лемер, другой — мой зять, муж моей дочери — Жюль Сеген.. Пусть их судят, как всяких других воров и мошенников, и пусть правосудие будет беспощадно к ним, чтобы они искупили свой проступок самыми тяжкими карами. Пусть их сошлют на каторгу, как они дали сослать на каторгу совершенного невинного человека. Мое сердце не знает сожаления к ним...

Главный прокурор встал и серьезным, деловым тоном произнес

— Я принимаю вашу жалобу; завтра же приступят к разбору дела.

Окончательно пришибленные, Альбер и Жюль Сеген молчали. Тогда старик Прево-Лемер встал на колени перед Эдмоном Бартесом и сказал растроганным, полным слез голосом:

— Вы, имя которого было незаслуженно обещено; вы, испытавший все муки и страдания, унижения и клевету по вине моих близких, простите меня! Я хотел бы ценой всей моей жизни, ценой самого страшного искупления загладить прошлое, принять на себя все те муки и страдания, какие вынесли вы, искупить мое преступное ослепление.

Ни один мускул на лице Эдмона не дрогнул. Точно окаменевший, беспощадный и безжалостный, стоял он неподвижно, вспоминая свою страшную клятву, данную им в минуты безысходного отчаяния, и ужасная мысль о мщении овладела теперь всем его существом.

Госпожа Прево-Лемер и Стефания, обливаясь слезами, также упали на колени подле больного старика, и все вместе молили, простирая вперед руки:

— Простите! Простите нас!

Нервная судорога пробежала по бледному, окаменелому лицу молодого человека; это было признаком, что чувство человечности снова заговорило в нем. Да, эти две женщины всегда стояли за него — он это знал, но его гордость, вероятно, мешала ему смягчиться и поддаться сочувствию к ним.

В этот момент к нему подошел адмирал Ле Хелло.

— Бартес, — сказал он глубоко взволнованным голосом. — Неужели в вашем сердце не найдется ни капли сожаления?! Мечь — это чувство, доступное самым мелким умам, но способность забыть и простить, умение быть великодушным в момент своего торжества — присущи только людям с великой душой, помните это!

Глухое рыдание вырвалось при этих словах из груди Эдмона, и слезы брызнули у него из глаз. Он был тронут слезами и мольбами этих женщин, страдавших за него все эти годы.

И в то время как присутствующие обступили больного, которому сделалось дурно, и двух женщин, близких к обмороку, Сеген подошел к жене и сказал:

— Мадам, я желал бы...

— Милостивый государь, — прервала его Стефания с нескрываемым презрением, — я не хочу слышать ваших желаний, вы не только украли деньги у моего отца, вы украли у него и меня!..

Уничтоженный и униженный даже своей женой, он отступил к портъере, завешивавшей окно, и, скрывшись за ней, прежде чем кто-либо из близстоящих успел догадаться о его намерении, выхватил из кармана револьвер, приставил дуло к виску и спустил курок.

При звуке выстрела все кинулись к окну, а Альбер, доведенный до полного отчаяния угрозой отца и преданием суду и обезумевший при виде этого неожиданного самоубийства, не выдержал и упал без чувств подле самоубийцы в сильнейшем нервном припадке.

Когда его привели в чувство, оказалось, что он лишился рассудка» Он громко хохотал, затем молил, чтобы его не отправляли на каторгу, смеялся, как дитя, и обещал вернуть украденные деньги.

— Ну, Бартес, неужели вы еще недостаточно отомщены? — обратился к нему адмирал Ле Хелло. — Я убежден, что вы сами никогда бы не довели до этого.

Молодой человек ничего не ответил.

— О Боже, вот он, день скорби и печали! — воскликнул старик Прево-Лемер.

— Вот он, день торжества и возмездия! — произнес Гроляр.

— Господа, — сказал главный прокурор, — мне кажется, теперь всякое судебное преследование становится ненужным: один из преступников покончил счеты с жизнью, а другой стал невменяем. Однако я не забываю, что есть еще и невиновный, честь которого должна быть восстановлена и которому общество должно вернуть его доброе имя, и я послужу этому делу всеми моими силами. Я обязуюсь это сделать в присутствии всех вас,

а теперь прошу вас, господа, позвольте моим несчастным родственникам предаться их горю и не тревожьте их более своим присутствием.

Глубоко потрясенные этой развязкой, которой никто не ожидал, присутствующие один за другим незаметно удалились, исполненные невыразимой жалости к этому несчастному старику, столь жестоко пораженному горем, и к этим двум мужественным женщинам, на долю которых выпали теперь вдвойне тяжелые обязанности: ухаживать за двумя больными и утешать страждущих, молча перенося свое собственное горе и отчаяние.

Однако старик Жюль Прево-Лемер не умер. Интересы семьи и честь торговой фирмы, которую нужно было во что бы то ни стало спасти, помогли ему превозмочь и болезнь, и гора

Но как восстановить совершенно подорванный кредит фирмы? Для этого нужно было проявить незаурядную энергию, основательно изучить положение дел в торговом мире и сообразовать с ним все свои операции.

— Старый, больной, с подорванными силами, я не в состоянии буду сделать все это и спасти мою семью от позорного разорения, от нищенской суммы, — говорил старый банкир. — Это мог бы сделать только один человек. Но захочет ли он это сделать?

Этим человеком был Эдмон Бартес, честь которого была публично восстановлена на суде.

Теперь, когда преступников, погубивших его честное имя и разбивших его жизнь, уже не было в живых, — так как и Альбер, промучившись несколько недель в больнице для душевнобольных, умер, — в душе Эдмона Бартеса воцарилось необычайное спокойствие. Временами ему казалось даже, что отмщение было слишком жестоко, и его начинали мучить угрызения совести. Кроме того, и образ кроткой и печальной Стефании стоял вновь перед ним, как в былые дни прошлого счастья. Бледная и печальная в своих траурных одеждах, она казалась ему еще более прекрасной и трогательной, еще более чистой и благородной и влекла его к себе сильнее прежнего. Ее, именно ее он хотел избавить от нищеты и разорения, от новых невзгод и мучений, и ради нее Эдмон поклялся приняться за труды и восстановить в прежнем блеске фирму Прево-Лемер и К^о.

Но для осуществления его проектов требовались крупные суммы денег, и он обратился к китайцам, своим верным спутникам и друзьям.

— Кванг — верховный властитель, — ответили ему Кианг, Лу и Чанг, — он может черпать из сокровищ Поклонников Теней сколько ему угодно, не отдавая никому в том отчета!

— Нет, я этого не хочу, — сказал Бартес, — я желал бы только сделать заем!

И на другой же день, обменявшись телеграммами с Лао Тсином, банкиром из Батавии, он получил уведомление, что ему открыт кредит в десять миллионов франков.

Заручившись этим кредитом, Эдмон Бартес расстался с кольцом старика Фо, этим знаком верховной власти, который он вручил китайцам со словами:

— Я — человек не вашего племени и не вашего народа и не сумею выполнить все обязанности, возлагаемые на меня моим званием Кванга и требуемые исконными обычаями страны. Изберите себе достойного Кванга из своей среды, который будет стоять ближе к вам и лучше меня потрудится на благо вашего могущественного общества.

Кванг, Лу и Чанг приняли от него кольцо и три дня спустя уехали обратно в Батавию, увозя с собой самое дружеское расположение и щедрые дары того, кому они все время служили верой и правдой с того самого момента, как он стал преемником и наследником старого Фо. Эдмон Бартес потребовал, чтобы Гастон де Ла Жонкьер и Поль Прево-Лемер сделались его компаньонами, а Порник, Данео, Пюжоль и Ле Люпен, вскоре получившие полное помилование, его стараниями занялись каждый соответствующим его способностям делом.

— Да это настоящая синекура, не правда ли?! — воскликнул бретонец, обращаясь к своим товарищам. — Пока мы на страже кассы Эдмона Бартеса, из нее не пропадет ни единого сантима!

А Ланжале, как капиталист, желающий спокойно наслаждаться жизнью, поселился на одной из окраин Парижа вместе со своим неразлучным другом Гроляром, недавно вышедшим в отставку и тщетно ожидающим обещанной правительственной награды.

Но, к счастью, бывший сыщик и король принимал жизнь такой, как она есть. Кроме того, разве он не имел причины быть довольным? Разве он не вернул свободу и честное имя своему сыну? Разве он не сделал этого, не рассчитывая даже на малейшую долю любви и благодарности? А сознание исполненного долга разве не дает человеку того удовлетворения, которое стоит выше всяких наград?

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

В 1858 — 1885 гг. Вьетнам был захвачен Францией и разделен на три части: колонию Кохинхину и протектораты Аннам (Центральный Вьетнам) и Тонкин (Северный Вьетнам), включенные в 1887 г. в т. н. Индокитайский союз.

Дуарнене — город во Франции, на п-ове Бретань.

Полночь — по китайской кабалистике. — Примеч. автора

Племя краснокожих индейцев в Северной Америке, отличающееся своей жестокостью и разбоями. — Примеч. автора.

Батавия — столица Индонезии, находится на о. Яве, ныне — г. Джакарта.

Спаги — французские кавалерийские части в Алжире.

Стационар — судно, постоянно находящееся на стоянке в иностранном порту.

Авизо — небольшой военный корабль, используемый в качестве разведывательного или посыльного судна.

Ажупа — род навеса. — Примеч. перев.

Голет — парусно-гребной двухмачтовый торговый или военный корабль европейских стран в конце XVIII — начале XIX в.